ИНСТИТУТ К. МАРКСА и Ф. ЭНГЕЛЬСА

К. КАУТСКИЙ

СОЧИНЕНИЯ

ТОМ I

1928

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

ИНСТИТУТ К. МАРКСА и Ф. ЭНГЕЛЬСА

К. КАУТСКИЙ

СОЧИНЕНИЯ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ Д. РЯЗАНОВА

ТОМ X

Происхождение христианства. Изд. третье, дополненное. С предисловием Д. Рязанова. М. 1924. Стр. XXIV+454. Ц. 2 р. 25 к. (Распродано.)

СОДЕРЖАНИЕ. **Отдел первый.** Источники истории раннего христианства. **Глава I.** Языческие источники. **Глава II.** Христианские источники. **Глава III.** Борьба за образ Христа. **Отдел второй.** Общественный строй в эпоху Римской империи. **Глава I.** Рабское хозяйство. **Глава II.** Политический строй. **Глава III.** Умственное и нравственное состояние римского общества. **Отдел третий.** Иудейство. **Глава I.** Израиль. **Глава II.** Иудейство после изгнания. **Отдел четвертый.** Раннее христианство. **Глава I.** Первоначальная христианская община. **Глава II.** Христианский мессианизм. **Глава III.** Иудеи-христиане и язычники-христиане. **Глава IV.** История страданий Христа. **Глава V.** Эволюция внутреннего строя первоначальной христианской общины. **Глава VI.** Христианство и социал-демократия. Иисус бунтарь. Новейшее жизнеописание Иисуса. Указатель имен.

ТОМ XII

Размножение и развитие в природе и обществе. М.—П. 1923. (1924). Стр. XVI+282. Ц. 1 р. 50 к.

СОДЕРЖАНИЕ. Предисловие редактора. **Размножение и развитие в природе и обществе.** Предисл. автора к русскому изд. **Чернышевский и Мальтус.** Ответ критикам.

ГОТОВЯТСЯ К ПЕЧАТИ:

ТОМ II

Золото, бумажные деньги и товар. Золото и дороговизна. Теория кризисов. Финансовый капитал и кризисы. Брентановский ребус. Как Брентано уничтожает Маркса. Расхищение производительных сил при капитализме. Экономическое влияние государственных долгов. Капитализм fin de siècle.

ТОМЫ III, IV и V

История социализма и рабочего движения. Предшественники современного социализма. Коммунистические колонии. Новейшая утопия. Утопия прошлого. Святой Франциск Ассизский. Томас Мор и его „Утопия". Рабочее движение в Австрии. Стачка угольщиков в Австрии. Виктор Адлер. Пейкерт. История Интернационала. Этически-эстетическая история коммуны.

ТОМ VI

Статьи о России. Русское национальное собрание. Новое движение в России. Славяне и революция. Кишеневский погром. Цивилизованный мир и царь. Крестьяне и русская революция. Разногласия среди русских социалистов. Следствия японской войны и социал-демократия. Аграрный вопрос в России. Американский и русский рабочий. Русская дума. Движущие силы и перспективы русской революции.

ИНСТИТУТ К. МАРКСА и Ф. ЭНГЕЛЬСА
БИБЛИОТЕКА НАУЧНОГО СОЦИАЛИЗМА
ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ Д. РЯЗАНОВА

К. КАУТСКИЙ

СОЧИНЕНИЯ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ Д. РЯЗАНОВА

ТОМ I

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

К. О.
Не выдается
на дом.

ИНСТИТУТ К. МАРКСА и Ф. ЭНГЕЛЬСА

К. КАУТСКИЙ

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ РАБОТЫ

ЧАСТЬ I

69029
62068
194619
4
29.
I

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

Отпечатано в типографии Госиздата
„Красный Пролетарий“, Москва,
Пименовская улица, д. 16,
в количестве 7000 экз.
Главлит № А—4537
Гиз № 23275
Заказ № 3073
25 п. л

ЛЬВІВСЬКА ДЕРЖ. БІБЛІОТЕКА
ім. В. Г. Короленка

ПРЕДИСЛОВИЕ РЕДАКТОРА

В настоящем томе собраны первые экономические работы Каутского. Все они, за одним исключением, относятся к той поре, когда Каутский, под непосредственным руководством Энгельса, превратился из революционно-настроенного эклектика в последовательно мыслящего марксиста.

Каутский только что успел разделаться с своим старым мировоззрением, в котором учения Милля и Мальтуса мирно уживались с австрийским полуанархизмом и полулассальянством, а исторические взгляды Бокля причудливо переплетались с дарвинизмом и вульгарным материализмом Бюхнера.

„Еще до исключительного закона,—говорит Каутский в своей автобиографии, написанной им, чтобы укрепить русских революционных марксистов в их борьбе против всякого бернштейнианства,— я закончил свое первое сравнительно большое произведение, вышедшее под заглавием „Влияние размножения населения на общественный прогресс“. В существенных пунктах оно было направлено против Маркса. Я присоединился к партии не как сознательный марксист, а как полусознательный революционер и чрезвычайно опасался подпасть под влияние какого-нибудь „авторитета“ или „школы“. С недоверием приступил я к изучению Маркса и Энгельса и чем меньше понимал их, тем выше поднимался в своих собственных глазах над их „односторонностью“ и тем сильнее чувствовал потребность их критиковать“.

В 1881 г. Каутский пробыл несколько месяцев в Лондоне. Именно тогда произошло его сближение с Энгельсом, которое поддерживалось на первых порах перепиской, а с 1885 до 1890 г., когда Каутский осел в Лондоне, превратилось в „постоянное общение с такой гигантской умственной силой, как Энгельс“. Если автор „Анти-Дюринга“ в своих письмах к Бернштейну являлся руководителем „во всех сколько-нибудь важных очередных вопросах“ и вводил Бернштейна „в область последовательного и цельного марксистского мышления“, помогая ему таким образом ре-

дактировать „Социал-демократ“, то для Каутского он являлся таким же усердным руководителем в редактировании теоретического журнала немецкой социал-демократии „Neue Zeit“.

Именно годы 1885—1890 являются лучшей эпохой в существовании „Neue Zeit“, как органа марксистской мысли. С прекращением „Социал-демократа“ в 1890 г. некоторые его функции перешли к „Neue Zeit“, превратившейся в еженедельный орган, в котором таким образом, не всегда к пользе дела, политика взяла верх над теорией. Энгельс продолжал еще оказывать влияние на „Neue Zeit“, поддерживал Каутского в борьбе против различных теоретических и практических уклонов немецкой социал-демократии, но с принятием эрфуртской программы, которое в значительной степени было подготовлено совместной работой Энгельса и Каутского в „Neue Zeit“, старое сотрудничество ослабевает.

Уже первая работа, печатаемая нами в этом томе, была написана Каутским при участии Энгельса, который пересмотрел рукопись первого издания и дал ряд существенных указаний.

К началу восьмидесятых годов существовало уже несколько опытов популяризации экономической системы Маркса—Моста, Домела-Ньювенгуйза, Кафиеро. Все эти книжки давали только краткое извлечение из первого тома „Капитала“, написанное более или менее популярно, и все отличались одним недостатком: теоретическую часть „Капитала“ они переводили на более понятный язык обычной экономической фразеологии, а историческую и описательную часть излагали так тускло и слабо, что чтение некоторых глав и отделов оригинала приносило даже мало подготовленному читателю гораздо больше пользы, чем чтение этих извлечений. Не помогло даже и то обстоятельство, что второе издание книжки Моста было в некоторых местах исправлено самим Марксом. Хорошо было уже то, что эти извлечения вызывали у некоторых читателей желание познакомиться непосредственно с „Капиталом“.

Таким же извлечением по существу осталась и известная книга Девилля, переведенная на русский язык. Это сокращенное издание „Капитала“ зачастую было более непонятно, чем оригинал. Вместо того чтобы помочь читателю понять *особенности* метода Маркса, предоставить в его распоряжение исторический и фактический материал, на который Маркс опирался в своих теоретических формулировках, Девилль в теоретической части давал только дословный конспект. Достаточно сравнить главу о фетишизме у Девилля и у Маркса, и мы сейчас же увидим, что если Девилль не

упрощал экономическую теорию Маркса в такой степени, как это делали Мост, Кафиеро и Домела-Ньювенгуйз, то он все же ничего не сделал, чтобы облегчить читателю „Капитала“ изучение первых, наиболее трудных глав. Мало помогло и предпосланное Девиллем его книге популярное изложение научного социализма. В одном отношении его извлечение было даже слабее, чем более краткие извлечения его предшественников. Именно у Девилля особенно резко бросается в глаза разница между оригиналом и извлечением как раз в тех частях, которые у Маркса являются ярким и красочным отражением конкретной действительности: в описательной и исторической. В этом отношении книжка Девилля имела только одно сомнительное преимущество: она была *меньше* и поэтому, казалось, требовала меньше времени и труда, чем изучение оригинала.

Книга Девилля вышла в конце 1883 г. Мне известно, что Каутский предполагал сначала перевести ее на немецкий язык, но более близкое знакомство с книгой и возражения Энгельса заставили его отказаться от этого намерения. Имелись и препятствия, которые ставились договором Маркса с издателем „Капитала“ Мейснером. Девилль в такой степени „перепечатал“ оригинал, что перевод его книжки превратился бы в сокращенное издание немецкого „Капитала“. Когда Каутский в предисловии выражает „благодарность Девиллю за ту любезность, с какою он отказался от издания немецкого перевода своей книги в пользу настоящей работы“, то это была тоже своего рода „любезность“.

Между тем потребность в работе, которая выяснила бы *особенности* метода Маркса, которая представляла бы „не столько *популяризацию* „Капитала“, сколько „введение в изучение „Капитала“, дающее нам комментарий к кратким, сжатым положениям Маркса“, особенно настоятельно выяснилась в первой половине восьмидесятых годов. Несмотря на „Анти-Дюринг“ Энгельса, молодые социал-демократы плохо разбирались в основных вопросах экономической системы Маркса. Когда немецкие „катедер-социалисты“ — Вагнер и др. — начали выдвигать против Маркса в качестве „истинного“ творца научного социализма Родбертуса, то ряд сравнительно выдающихся социал-демократических литераторов—среди них и К. Шрамм, автор переведенных и на русский язык „Оснований политической экономии“—высказались за синтез Маркса и Родбертуса. Такие „подававшие надежды“ молодые писатели, как Кварк и Шиппель, были одно время ярыми родбертусианцами, даже на страницах „Neue Zeit“—еще в 1884 г.—Шиппель мог писать в рецензии на книгу Гайндмана о „теории Родбертуса-Маркса“.

Необходимо было „сосчитаться“ с Родбертусом. Энгельс собирался это сделать в предисловии к немецкому изданию „Нищеты философии“ и в предисловии ко второму тому „Капитала“. Но его интересовал главным образом только один пункт: показать нелепость выдвинутых уже самим Родбертусом и подхваченных его поклонниками обвинений Маркса в плагиате, совершенном у Родбертуса.

Каутский, статьи которого появились раньше, использовал, наоборот, выход в свет „Капитала“ Родбертуса, чтобы противопоставить ему „Капитал“ Маркса и дать сравнительную характеристику методов и систем Маркса и Родбертуса. В защиту последнего выступил К. Шрамм. Каутский дал ему прекрасную отповедь. Эта полемика и до сих пор сохранила свой интерес, в особенности для русского читателя.

Дело в том, что еще раньше, чем Каутский и Энгельс „сосчитались“ с Родбертусом, в русской марксистской литературе появились две крупные работы, тоже поставившие себе задачей дать критику общественно-экономических взглядов Родбертуса. Это, во-первых, большое исследование М. Зибера, напечатанное в „Юридическом Вестнике“ (1881 г.) „Карл Родбертус-Ягецов и его экономические исследования“[1]).

От Зибера не ускользнул тот факт, что „Родбертус слишком преувеличивает созидающую роль имущественного права в современной хозяйственной системе“, что для него „право есть какая-то самостоятельная потенция, направляющая распределение“. Но Зибер совершенно отказывается от всякой сравнительной оценки Маркса и Родбертуса. Он сравнивает последнего с буржуазными экономистами и доказывает, развивая в сущности известное примечание в „Капитале“ Маркса, что Родбертус, в отличие от этих экономистов, проник в „сущность капиталистического производства“.

Вторая работа принадлежит Г. Плеханову. Она напечатана была в „Отечественных Записках“ в 1882 и 1883 гг. Повторю то, что писал в предисловии к первому тому сочинений Плеханова.

„Работа о Родбертусе представляет еще громадный интерес и потому, что она показывает, как путем критики этого выдающегося экономиста, которого тогда немецкие катедер-социалисты противопоставляли Марксу, Плеханов вырабатывал свои собственные экономические взгляды, как, анализируя и вскрывая все различия между теориями Маркса и Родбертуса, он углублял и уточнял свое понимание основ

---

[1]) Оно перепечатано в собрании сочинений Зибера, во втором томе. Петербург, 1900 г., стр. 494—609.

марксизма. Если прибавить, что эта работа Плеханова была написана до выхода в свет второго тома „Капитала“, до появления статей Энгельса и Каутского о Родбертусе, что он имел пред собою только статьи Зибера, то значение ее становится еще больше. Сравнение критики Плеханова с критикой Энгельса и Каутского—интересная тема для всякого исследователя эволюции взглядов Плеханова—дает любопытный материал для определения идейной самостоятельности и оригинальности основоположника русского марксизма“.

Вслед за статьями о Родбертусе Каутский написал несколько статей о новом издании „Нищеты философии“ и втором томе „Капитала“. И здесь напрашивается интересная параллель. Статья Каутского о втором томе „Капитала“ надолго осталась единственной марксистской работой, в которой сделана была попытка выяснить значение новой работы Маркса. Мы видим, что Каутский, так верно подчеркнувший значение „Нищеты философии“, в своем изложении второго тома „Капитала“ едва только коснулся важнейшей его проблемы—воспроизводства и обращения всего общественного капитала. А между тем через десять лет именно эта проблема,—правда, уже после выхода третьего тома „Капитала“—а вместе с ней и второй том стали предметом пристального изучения нового поколения русских, а после и немецко-австрийских марксистов.

Каутский, правда, в конце своей статьи замечает, что второй том „Капитала“ рассматривает значительную часть тех вопросов, на которые дал ответ Кенэ; он даже обещает вернуться к третьему отделу и сравнить его с „Экономической таблицей“ Кенэ, но это обещание осталось невыполненным.

Вот почему, когда Каутский в 1886 г., отказавшись окончательно от перевода книги Девилля, пришел к мысли, что необходимо написать введение в изучение „Капитала“, дать изложение и объяснение экономического учения Маркса, он ограничился только первым томом „Капитала“, не сделав даже попытки использовать второй том. Только в восьмом издании он сделал—после выхода третьего тома „Капитала“—к своей книге значительное дополнение, прибавив к ней главу, в которой выясняет отношение „прибавочной стоимости и прибыли“. Несмотря на это добавление, книга осталась по существу только введением в изучение первого тома „Капитала“.

Мы прибавили еще две статьи, в которых Каутский полемизирует с Брентано, хотя вторая из них относится к более позднему периоду.

Теперь, когда Каутский так тщательно разыскивает и с таким усердием раздувает недостатки „советского“ хозяйства, противопоставляя ему выгоды и преимущества рационализированного и демократизированного капитализма, особый интерес приобретает его старая статья—ею мы заканчиваем этот том,—в которой Каутский блестяще показал, какая масса производительных сил расхищается при капиталистическом способе производства, как хваленая экономия и рационализация производства в отдельных капиталистических предприятиях имеет своим необходимым дополнением „самую колоссальную расточительность, которую когда-либо видело человечество и которая является продуктом капитализма, неразрывно связанным с ним“.

Книга подготовлена к печати И. Рубиным и Е. Смирновым. В переводе принимали участие С. Алексеев, Я. Виткинд, И. Рубин и С. Цедербаум.

Май 1928 г.

Д. Рязанов.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СИСТЕМА

К. МАРКСА

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ УЧЕНИЕ

К. МАРКСА

ПРЕДИСЛОВИЕ К ПЕРВОМУ ИЗДАНИЮ.

Кто нынче Клопштока не славит?
Но многие ль читают?—Нет.
Пускай нас без похвал оставит,
Зато читает больше свет.

Ни к кому из современных писателей нельзя отнести этих строк Лессинга с бóльшим основанием, чем к Марксу. Автор предлагаемой работы, вынужденный по своей профессии следить за новейшей немецкой экономической литературой, пришел к заключению, что ни одно имя не упоминается в ней так часто, как имя Маркса, и учение его является центром, вокруг которого вращается большинство экономических споров последнего времени. Однако обстоятельство это отнюдь не наполняет автора этих строк чувством удовлетворения, которого следовало бы ожидать от последователя марксовой „школы“, — если только можно говорить о подобной школе,— так как, к сожалению, он слишком часто имел случай констатировать, что те, кто пишет о Марксе, либо вовсе не читали его произведений, либо читали их очень поверхностно. Если прибавить к этому, что большинство литераторов и ученых, занимающихся Марксом, делают это не с целью объективного научного познания, а для выяснения вопросов, имеющих кратковременный интерес, то мы не будем удивляться тому, что в отношении учения Маркса распространены вообще самые нелепые взгляды.

Маркс не мог заниматься подробным опровержением этих ошибочных взглядов. Его отдельные положения представляют собою части прочно связанной системы и могут быть поняты только в общей связи. Кто не изучил этой связи, тот способен лишь на поверхностное понимание отдельных положений. Поэтому ошибочные взгляды нельзя опровергать в нескольких словах,— приходится выяснять необходимость тщательного изучения произведений Маркса или же обстоятельно излагать оригинальную научную точку зрения Маркса и Энгельса. Такое изложение нам дала классическая полемика Энгельса против Дюринга,— книга в

большей степени способствовавшая пониманию учения Маркса, чем краткие аподиктические указания самого Маркса о том, как надо понимать тот или иной пункт.

Однако в немецкой литературе еще нет такой книги, которая давала бы краткую сводку, общепонятное изложение и объяснение экономического учения Маркса. Попытки дать такую работу делались с разных сторон, но все они были отрывочны.

Настоящая книга пытается восполнить существующий пробел или, по крайней мере, помочь его заполнению.

Разумеется, она опирается на главное произведение Маркса — „Капитал“ — и следует за ним в расположении материала. Другие экономические произведения Маркса могли быть привлекаемы лишь местами для объяснения трудных положений или для дальнейшего развития того, что дано „Капиталом“.

Цель этого изложения состоит прежде всего в том, чтобы познакомить с ходом мыслей „Капитала“ тех, кто не имеет времени или возможности изучать эту книгу; автор надеется, однако, что и некоторым из тех, у кого имеется „Капитал“, это изложение облегчит его изучение; наконец, что оно многих побудит к чтению оригинала: о последнем иные имеют лишь смутное представление, а других отпугивают от его изучения трудности первого отдела.

Нет ничего ошибочнее того взгляда, будто „Капитал“ написан трудно или неудобопонятно. Автор не знает ни одной экономической работы, которая могла бы померяться с „Капиталом“ ясностью и живостью изложения или красотой стиля, временами поистине классической.

И все же он так труден для понимания!

Во всяком случае — в некоторых местах. Но это — не вина изложения. Обыкновенно думают, что политическая экономия есть такая область знания, которую всякий может усвоить сходу, без всяких предварительных познаний. Но это — наука, притом одна из труднейших, так как едва ли существует другое столь сложное явление, как общество. Впрочем, для понимания того собрания пошлостей, которое Маркс называет вульгарной экономией, требуется знать не больше того, что всякий усваивает автоматически при повседневном ознакомлении с деловой жизнью. Напротив, понимание „Капитала“ Маркса, который обосновывает в форме критики политической экономии новую историческую и экономическую систему, предполагает наличность не только определенных исторических познаний, но и знакомства с фактами, которые дает нам развитие крупной промышленности.

Кто хоть отчасти не знаком с фактами, из которых Маркс выводит свои экономические законы, для того смысл этих законов во всяком случае останется смутным, и он будет жаловаться на мистицизм и гегелианство. И самое ясное изложение ничем ему не поможет.

По нашему мнению, это — опасный подводный камень для всякой попытки популяризировать „Капитал“. Маркс писал настолько популярно, насколько только возможно. Там, где он труден для понимания, виноват не *язык*, а самый предмет и *читатель*. Просто перевести этот кажущийся трудным для понимания язык на легко понятный можно только в ущерб точности; популяризация в таком случае неминуемо должна была бы превратиться в вульгаризацию.

Это сознание определило задачу, поставленную перед собой автором. Она не состояла в простой замене языка. Как сказано, Маркс писал настолько популярно, и притом столь кратко и точно, что отступление от его подлинных выражений часто было бы возможно лишь за счет правильности их передачи. Поэтому автор привел ряд выдержек из произведений Маркса дословно. Они поставлены в кавычки и заимствованы из „Капитала“, если нет ссылок на иной источник.

Задача состояла, с одной стороны, в том, чтобы обратить внимание читателя на те факты, которые лежат в основании теоретических положений. Особенно необходимо это было в первом отделе. В большинстве случаев Маркс сам указывал на эти факты, но нередко только ссылками, на которые вообще не обращалось внимания. В других местах автор должен был позволить себе за своей собственной ответственностью обратить внимание читателя на известные факты. Это относится в особенности к первым параграфам первой главы. В настоящей работе пришлось ограничиться лишь общими указаниями. Подробное изложение фактов, лежащих в основе „Капитала“, далеко превысило бы не только отведенный для книги объем, но и силы автора: для этого потребовалось бы дать никак не меньше, чем историю развития человечества, начиная с первобытных времен. „Капитал“ есть по существу историческая работа.

В тех отделах, которые трактуют о современной промышленности, такой характер „Капитала“ ясен для всякого. Они содержат не только теоретические положения, но и обширные исторические экскурсы в такие области, которые до сих пор рассматривались лишь весьма неполно, если не совсем оставлялись в стороне. В этих отделах фактический материал, лежащий в основании теоретических положений, приведен в такой полноте, что их понимание возможно для всякого мыслящего человека и без более обширных пред-

варительных познаний. Здесь задача автора была иная. Размеры книги позволяли воспроизвести лишь важнейшее. Необходимо было несмотря на это сохранить исторический характер теоретических положений, которые, в случае устранения посредствующих звеньев, иногда приобретали бы иной характер и придавали бы безусловный смысл некоторым утверждениям, сохраняющим силу лишь при наличи известных исторических предпосылок.

Настоящая работа претендует быть не только изложением учения Маркса, но и путеводной нитью при изучении произведений Маркса в подлиннике. Поэтому автор считал себя вправе те места, на которые до сих пор, по его мнению, обращалось слишком мало внимания, а также и те, которые легко дают повод к недоразумениям, освещать подробнее, чем это соответствует их теоретическому значению. Напротив, на других местах он считал возможным останавливаться короче, раз они уже всем известны и общепризнаны, так что в отношении их уже не надо опасаться недоразумений. Чтобы повысить практическую ценность книжки, изложение фактических данных, например из области фабричного законодательства, во многих случаях доведено дальше того времени, о котором говорил Маркс, и прослежено вплоть до новейшего времени.

Своеобразные марксовы наименования отдельных категорий сохранены, иностранные же слова, по возможности, избегались. Конечно, вполне их избежать невозможно. Немецкий народ развивал свою культуру и науку не сам из себя, много понятий и даже целых отраслей знания, а вместе с тем и ряд терминов он перенял от других народов. Поэтому и нам приходится употреблять целый ряд иностранных слов, которые могут быть заменены лишь в ущерб четкости и меткости выражения или даже и вовсе не поддаются замене. Присоединение к иностранным словам перевода в скобках есть обычай, которому автор не может сочувствовать. Если имеется немецкое слово, совершенно заменяющее иностранное, тогда как раз его и следует употреблять. Если же такого слова нет, то и перевод не много может помочь. Задача изложения в таких случаях — дать иностранное слово в такой связи, чтобы мыслящий читатель без особого труда мог усвоить его смысл. Только в тех случаях, когда в тексте употреблены в первый раз редкие иностранные слова, автор привел в скобках подлинный перевод или близкое по смыслу немецкое слово, чтобы *облегчить* понимание иностранного слова, вовсе не думая при этом вполне охватить немецким словом понятие, передаваемое иностранным.

Автор лишь в малой степени мог использовать предшествующие работы. Надо обратить, однако, внимание на французское изложение „Капитала“, принадлежащее Девилю, которое для автора было очень кстати. Автор считает своим долгом принести здесь благодарность Девилю за ту любезность, с какою он отказался от издания немецкого перевода своей книги в пользу настоящей работы.

Особенно значительное содействие появлению в свет настоящей работы оказал своим дружеским участием и сотрудничеством *Эдуард Бернштейн*, который не ограничился советами и замечаниями, равно как и критическим просмотром рукописи, но и самостоятельно обработал некоторые главы. Так, напр., большая и важная глава о крупной промышленности (во втором отделе) написана им почти целиком.

За эту помощь и поддержку автор выражает тем большую признательность, чем сильнее он сознает трудность своей задачи. К популярным изложениям крупных и оригинальных произведений человеческого ума вполне приложимы те слова о живописи, которые Лессинг вкладывает в уста принца Конти: „Ах, жаль, что мы не можем рисовать прямо глазами! Сколько теряется на длинном пути от глаза через руку до кисти!“

Если два художника рисуют один и тот же предмет, то на каждой из двух картин он будет выглядеть иначе. Что видит один, того не заметит другой. Что одному кажется важным, то другой сочтет незначительным, а то, что они иначе видят, будет иначе и передано. Правильно усвоить оригинал трудно. Еще труднее правильно его передать.

Автор дает здесь не фотографию „Капитала“, которая точка в точку и с совершенной точностью воспроизводит оригинал в уменьшенном размере, только без красок, а картину с субъективным колоритом и субъективными контурами.

Во избежение трудностей, настоящее изложение зачастую носит аподиктический характер. Поэтому мы просим читателя не упускать из виду, что с ним говорит не Маркс, а автор, *излагающий* ему экономическое учение Маркса. Пусть эта задача скромна, однако автор настоящих строк будет чувствовать себя в высокой мере удовлетворенным, если она ему удалась, если и он внес свою лепту для распространения тех истин, которые дал миру неутомимый исследователь, глубокий ученый и великий мыслитель и которые являются плодом работы всей его жизни.

К. Каутский.

Лондон, октябрь, 1886 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ К ЧЕТВЕРТОМУ ИЗДАНИЮ.

Со времени появления первого издания настоящей работы сильно изменились некоторые из фактических данных, приведенных в ней для иллюстрации теоретических положений. Поэтому мы охотно пользуемся случаем, который предоставляет нам выпуск нового издания, чтобы устранить устаревшее и принять во внимание данные новейшего развития.

Книга пересмотрена и в стилистическом отношении, и некоторые места, которые при этом просмотре показались нам довольно трудными для понимания, изложены яснее.

За исключением этих второстепенных поправок мы не нашли возможным вносить какие-либо изменения. В существенном книга осталась тою же.

Ее главная цель состояла первоначально просто в том, чтобы облегчить изучение теории Маркса части пролетариата, *говорящей понемецки*. Однако, как мы с радостью узнали, она послужила и к тому, чтобы хоть отчасти сделать содержание „Капитала“ Маркса доступным и тем не немецким нациям, которые по тем или иным основаниям еще не имеют перевода этой книги. Настоящая работа переведена на *шведский, чешский и польский языки*. Дальнейшие переводы подготовляются.

Эти переводы служат одним из многочисленных симптомов того интереса, который проявляют в настоящее время пролетарии всех стран к учению Маркса, а также того значения, которое приобрели идеи основателя Интернационала в глазах международного борющегося пролетариата.

Возникает новая международная ассоциация рабочих, гораздо более обширная и могучая, чем прежняя. Она не объединяется никакой организацией. *Материальные* узы, ее связывающие, — это общие интересы пролетариев в различных странах с капиталистическим производством; а *духовными* узами, ее объединяющими, является — это можно сказать без преувеличения — идейное содержание „Капитала“. Пусть настоящая работа хоть в малой степени поможет объединению пролетариев всех стран посредством этих духовных уз.

Штутгарт, октябрь 1892 г. *К. Каутский.*

ПРЕДИСЛОВИЕ К ВОСЬМОМУ ИЗДАНИЮ.

Спустя два года после появления последнего издания настоящей книжки, пересмотренного мною перед настоящим, восьмым, изданием, появился долгожданный третий том „Капитала“, который принес нам так много новых и пора-

зительных идей. С тех пор в изложение экономического учения Маркса должна была, разумеется, входить и передача главного содержания третьего тома. Однако это—не простая задача, и она требует больше времени и покоя, чем сколько было в это время в моем распоряжении. Как раз после появления третьего тома мое внимание было сполна поглощено аграрным вопросом, а едва мои занятия этим вопросом получили законченную форму, я должен был целиком отдаться теоретической борьбе, вызванной ревизионистским течением. В настоящее время, повидимому, и этот новейший кризис марксизма преодолен. Однако я вынужден теперь посвятить все свои силы задаче, которая легла на меня уже в 1895 г. и которую я вынужден был слишком долго оставлять без внимания из-за двух указанных выше работ. Эта задача — подготовка к печати оставленного Марксом и занимающего около 1 500 — 1 600 страниц историко-критического изложения теории прибавочной стоимости, которое составляет часть рукописи „К критике политической экономии“ и которое Энгельс предполагал выпустить в виде четвертого тома „Капитала“.

Обширная международная корреспонденция, а также редакционная работа и без того крайне ограничивает время, остающееся в моем распоряжении для подготовки к печати этого огромного труда. Понятно, что я откладываю всякую работу, которую можно отодвинуть.

Таким образом, я и сейчас еще не в состоянии взяться за необходимое дополнение „Экономического учения“. На этот раз я удовлетворился тем, что пересмотрел весь текст, заменил некоторые устаревшие данные относительно рабочего законодательства, статистические цифры и т. п. более новыми данными и присоединил новую главу „Прибавочная стоимость и прибыль“, в которой я даю по крайней мере краткое изложение основы третьего тома,— закона средней нормы прибыли.

В остальном при пересмотре всего текста я не нашел возможным ничего изменить. Широко распространено мнение, разделяемое также и некоторыми марксистами, будто третий том совершенно опрокинул и доказал несостоятельность того понимания первого тома „Капитала“, которое до того защищалось нами, марксистами. Не может быть ничего более ошибочного. После появления третьего тома я подверг пересмотру настоящую книгу и при этом не нашел возможным сделать ни малейших изменений в теоретических положениях. Впрочем, я уже наперед мог ожидать, что приду к такому результату, так как Энгельс пересмотрел рукопись первого издания и одобрил ее в то время, когда ему уже

было известно содержание третьего тома. Если бы он нашел в этой книге такие положения, которые опровергались бы третьим томом, то он обратил бы на них мое внимание.

Для той области, которая составляет преимущественно предмет исследования первого тома „Капитала“, которая главным образом интересует социалистов и которая почти исключительно рассматривается в предлагаемой книге, а именно, для отношений между классом капиталистов и рабочих, не имеет никакого значения вопрос о превращении прибавочной стоимости в прибыль. Для этой области вполне достаточно законов стоимости и прибавочной стоимости. Это обстоятельство было также причиной того, что Маркс в первом томе оставлял в стороне вопрос о прибыли.

Однако нельзя, как это часто случается, представлять себе дело так, будто Марксу в то время, когда он писал первый том „Капитала“, были известны только законы стоимости и прибавочной стоимости, а его теория нормы прибыли была лишь позднее придуманным выходом из затруднения, имевшим целью примирить его теорию стоимости с явлениями действительности, якобы ей противоречащими. Напротив, когда Маркс писал первый том, то вся теория, включая и законы прибыли и земельной ренты, уже совершенно сложилась в его голове, и если ему формально не удалось закончить ее изложение, то причиной этого является та добросовестность, которая его заставляла снова и снова приниматься за изучение новых фактов, а вовсе не то, что он не мог привести в порядок свои собственные мысли.

Это, несомненно, станет ясным для всякого, как только будут напечатаны „Теории прибавочной стоимости“. В рукописи, которая относится к 1861—1863 гг., уже изложены все теории третьего тома. Если бы третий том уничтожал первый, то это значило бы, что Маркс „преодолел“ этот первый том, появившийся в 1867 году, еще раньше чем написал его.

„Теории прибавочной стоимости“ будут иметь не меньшее значение для понимания марксовой теории прибавочной стоимости, чем и для понимания тех теорий, которые рассмотрены и освещены в этой работе. Я надеюсь, что несмотря на все препятствия мне удастся вскоре сделать доступным публике это завершение жизненной работы Маркса.

К. Каутский.

Берлин, май 1903 г.

ОТДЕЛ ПЕРВЫЙ.

ТОВАР, ДЕНЬГИ, КАПИТАЛ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

ТОВАР.

1. Характер товарного производства.

Маркс в своем „Капитале“ предпринял исследование господствующего в настоящее время *капиталистического способа производства*. Он не касается в своем труде *законов природы*, лежащих в основе производственного процесса; исследование этих законов составляет одну из задач механики и химии, а не политической экономии. С другой стороны, он не ставит себе задачей изучение исключительно тех форм производства, которые общи всем народам, так как результатом такого исследования могут явиться большей частью лишь общие места, вроде того, что для производства человеку всегда нужны орудия, почва и предметы потребления. Маркс исследовал скорее законы развития одного определенного способа общественного производства, свойственного определенному времени (последним векам) и определенным народам (европейским или европейского происхождения; в последнее время этот европейский способ производства начинает приобретать право гражданства и у других народов, напр. у японцев и индусов). Этот господствующий в настоящее время способ производства, т. е. капиталистический, с особенностями которого нам еще предстоит подробней ознакомиться, резко отличается от других способов производства, напр. феодального, господствующего в Европе в средние века, или первобытного коммунистического, общего всем народам на заре их развития.

Рассматривая современное общество, мы находим, что богатство его заключается в *товарах*. Товар есть такой продукт труда, который произведен не для *собственного потребления* производителя или его близких, а для *обмена* на другие продукты. Следовательно, не *естественные*, *природные*, *а общественные* свойства делают продукт товаром. Поясним

это примером. Пряжа, которую прядет изо льна крестьянская девушка, чтобы соткать из нее полотно для потребностей своей семьи, есть предмет *потребления*, а не *товар*. Но если прядильщик прядет лен, чтобы обменять у соседнего крестьянина свою пряжу на пшеницу, или если фабрикант заставляет работников изо-дня в день прясть лен пудами, чтобы продать продукт, то этот последний есть уже *товар*. Конечно, он есть также и предмет потребления, но такой, которому предстоит играть особую общественную роль, т. е. быть обмененным. По пряже совершенно не видно, товар ли она, или нет. Изготовлена ли она в избе крестьянской девушкой для своего приданого, или на фабрике фабричной работницей, которой самой не придется воспользоваться из нее ни одной ниткой, природа ее может быть совершенно одинаковой. Лишь по общественной роли, по *общественной функции*, исполняемой пряжей, можно узнать, товар ли она, или нет.

В капиталистическом обществе продукты труда все в большей и большей степени приобретают форму товаров. То обстоятельство, что в настоящее время еще не все продукты труда оказываются товарами, зависит от того, что рядом с теперешним способом производства еще существуют остатки прежних способов. Если же не считаться с этими совершенно незначительными остатками, то можно сказать, что *в настоящее время все продукты труда принимают форму товара*. Мы не сможем понять современного способа производства, пока не уясним себе сущности товара. Поэтому мы должны начать с исследования товара.

Понимание этого исследования будет, по нашему мнению, весьма облегчено, если мы прежде всего изложим характерные особенности товарного производства, отличающие его от других способов производства. Таким путем мы всегда скорее усвоим ту точку зрения, которой держался Маркс при своем исследовании товара.

Как бы далеко назад, в историю человечества, мы ни заглядывали, мы увидим, что люди для добывания средств к жизни всегда соединялись в общества больших или меньших размеров, т. е. что производство всегда носило *общественный* характер. Этот общественный характер производства Маркс разъяснил уже в 1849 г. в своих статьях: „Наемный труд и капитал“ в „Neue Rheinische Zeitung“ („Новой рейнской газете“).

„В производстве люди становятся в определенное отношение не только к природе, — пишет Маркс.—Они производят, лишь вступая определенным образом во взаимодействие между собою, взаимно обмениваясь своей деятельностью.

Для того чтобы производить, они вступают в определенные отношения и связи между собою, и только внутри этих отношений и связей имеет место их взаимодействие с природой, имеет место их производство".

„В зависимости от характера средств производства различны, естественно, и те общественные отношения, в какие вступают друг с другом эти производители, условия, в которых они обмениваются своей деятельностью и участвуют в общем акте производства. С изобретением нового военного орудия, огнестрельного оружия, необходимо изменилась вся внутренняя организация армии, преобразовались отношения, внутри которых отдельные личности образовывали армию и могли действовать в качестве армии, изменилось также отношение армий друг к другу".

„Общественные отношения, при которых производят отдельные люди, общественные отношения производства, таким образом, изменяются, преобразуются вместе с изменением и развитием материальных средств производства, производительных сил. Производственные отношения в своей совокупности образуют то, что называют общественными отношениями, обществом, и притом обществом на определенной ступени его исторического развития, обществом с своеобразным, отличным от других характером".

Поясним сказанное несколькими примерами. Возьмем какой-нибудь первобытный народ, который стоит на низкой ступени производства и для которого охота является главным способом добывания пищи, напр. индейцев. Додж (Dodge) в своей книге: „О современных индейцах дальнего Запада" сообщает следующее о их способе охоты:

„Так как к голове и сердцу обращаются за помощью лишь изредка, требования же желудка дают себя чувствовать постоянно, то господином племени является обыкновенно „третье сословие". Эта могущественная группа состоит из всех охотников племени, которые образуют род гильдии или цеха и решения которых в области их компетенции не подлежат обжалованию. У хейенов эти люди называются „собачьими воинами". Более молодые и деятельные вожди всегда принадлежат к „собачьим воинам", но не всегда стоят во главе их. „Воины" сами решают все общие вопросы своей деятельности, выполнение же частностей предоставляется самым знаменитым и находчивым охотникам. Степенью ниже „собачьих воинов" стоит много молодых людей, еще не выдержавших необходимого для посвящения в воины испытания; словом, этот охотничий цех состоит из всех трудоспособных членов племени и является той силой, которая защищает и снабжает пищей женщин и детей.

„Каждый год предпринимаются большие осенние охоты, чтобы добыть как можно больше дичи и заготовить на зиму значительные запасы мяса. Тогда „собачьи воины" — господа положения, и горе несчастному, осмелившемуся ослушаться хотя бы самого незначительного, своевольного или демократического их распоряжения. Когда все готово, лучшие охотники покидают лагерь рано утром, еще до рассвета. Если они наталкиваются на несколько стад буйволов, то для первого нападения выбирается стадо, находящееся в таком положении, чтобы приготовления к его обходу и крик и стрельба при нападении могли всего меньше встревожить остальные стада... В это время мужчины, которые могут участвовать в предстоящей охоте, собираются все вместе верхом, молча и дрожа от возбуждения, в каком-нибудь близлежащем, но находящемся вне поля зрения буйволов овраге. Когда стадо оказывается в удобном для охоты положении, руководящие предприятием охотники ставят своих людей на назначенные заранее места. Руководитель, видя, что каждый на своем месте и все готово, старается с отрядом всадников обойти стадо и замкнуть цепь; затем он подает сигнал, и вся партия выскакивает с пронзительными криками, которые могли бы мертвого поднять из могилы, из засады и бросается на животных. Через несколько минут бойня в полном разгаре; только немногим животным удается прорвать цепь и спастись, но они не преследуются, если по близости находятся другие стада.

„В те времена, когда индейцы употребляли только лук и стрелы, каждый воин узнавал свои стрелы, и для него не составляло труда узнать убитых им буйволов. Эти последние становились тогда его личной собственностью, за исключением известной доли, которая шла в пользу вдов и семей, не имевших кормильца. Если в убитом буйволе находили стрелы нескольких охотников, то вопрос о принадлежности добычи решался по положению стрел; если же каждая из них причинила смертельную рану, то буйвол делился между спорившими, а часто присуждался просто какой-нибудь вдове. Все подобные вопросы разрешались руководителем охоты, причем недовольные могли потребовать общего решения „собачьих воинов". С тех пор, однако, как всеобщее употребление огнестрельного оружия сделало распознавание убитых животных невозможным, индейцы прониклись коммунистическими взглядами [1]), и все количе-

---

[1]) Правильнее было бы сказать: *вернулись* к коммунистическим взглядам. Первоначально быт индейцев был коммунистическим, следовательно, и распределение охотничьей добычи производилось на коммунистических началах.

ство добытого мяса и кóж делится между всеми членами по какому-нибудь мерилу равномерного распределения" (стр. 206 — 211).

Мы видим, что у этого охотничьего народа производство носит *общественный* характер; различного рода работы исполняются совместно, для достижения общего результата.

Здесь мы уже находим зачатки разделения труда и планомерного сотрудничества (кооперации) [1]). Смотря по своим способностям, охотники занимаются различными видами труда, но по общему плану. Результат совместного исполнения различных работ, „обмена деятельностей", как выражается Маркс в работе „Наемный труд и капитал", — охотничья добыча — не *обменивается*, а *распределяется*.

Укажем здесь мимоходом на то, что изменение в средствах производства — замена лука и стрел огнестрельным оружием — влечет за собой также изменение и способа распределения.

Рассмотрим теперь другой, более высокий тип общественного производства, напр. *индусскую сельскую общину*. В настоящее время сохранились лишь жалкие остатки господствовавшего в ней первобытного коммунизма; но Неарх, адмирал Александра Македонского, сообщал еще, по Страбону (XV, 1, 66), о местностях в Индии, в которых земля была общей собственностью и обрабатывалась сообща, а урожай после жатвы делился между жителями села. По Эльфинстону, такие общины существовали в некоторых местах Индии еще в начале XIX в. На Яве сельский коммунизм продолжает существовать в форме, при которой пахотная земля через известный период времени переделяется заново между жителями села, которые получают свои наделы не в частную собственность, а в частное пользование на известный срок. В Индостане пахотная земля большей частью уже перешла в частную собственность отдельных крестьян, но леса, луга и пустоши часто являются еще общей собственностью, право пользования которой принадлежит всем членам общины.

Что наиболее интересно для нас в такой сельской общине, еще не подпавшей под разлагающее влияние английского господства (главным образом, введенной последним

---

1) Та форма труда, при которой много лиц планомерно и совместно участвуют в одном и том же процессе труда или в разных, но связанных между собой процессах труда, называется *кооперацией*. („Капитал", I, 302.) Немного дальше (стр. 311, примечание 23а) Маркс говорит: „Linguet, может быть, не без основания называет, в своей „Théorie des lois civiles" охоту первой формой кооперации".

податной системы), — это та форма, которую принимает в ней *разделение труда*. Мы нашли такое разделение уже у индейцев, но индусская сельская община представляет гораздо более высокую ступень его.

Рядом с главой общины, *патеелем*, если это одно лицо, или *панчем*, если это коллегия из 5 членов, мы находим в индийской хозяйственной общине еще целый ряд чиновников: *карнама* или *матсадди* — бухгалтера, который ведает финансовыми отношениями с отдельными ее членами, другими общинами и государством; *таллира* для расследования правонарушений и проступков, который заботится также об охране путников и безопасном проезде их через границы общины до ближайшей общины; *тоти*, охранителя границ и землемера, который следит за тем, чтобы соседние общины не нарушали границ полей, что легко может случиться особенно при возделывании риса; смотрителя над шлюзами, который обязан содержать их в порядке и наблюдать за тем, чтобы они во-время отпирались и запирались и чтобы каждое поле получало достаточно воды, что особенно важно для рисовых полей; брамина для выполнения религиозных обрядов; учителя, обучающего детей грамоте; календарного брамина, или астролога, который указывает счастливые или несчастливые дни для полевых работ и выполняет другие важные обязанности; кузнеца, плотника и тележника; горшечника; мужчину-прачку, цирульника, врача, пастуха, танцовщицу, а иногда даже и певца.

Все они работают для общины и ее членов и вознаграждаются или земельным наделом, или долей урожая. И здесь, при таком высокоразвитом разделении труда, мы находим *общее исполнение работ и распределение продуктов*.

Приведем еще один пример, известный каждому, пример патриархальной крестьянской семьи, которая сама удовлетворяет все свои потребности. Это общественное образование развилось из способа производства, только что описанного нами на примере индусской сельской общины и господствовавшего в начале исторической жизни всех более известных культурных народов.

В такой крестьянской семье мы также находим не изолированных производителей, а общественный совместный труд и совместное исполнение различных работ, меняющихся в зависимости от возраста, пола и времени года. Тут пашут, косят, ухаживают за скотом, собирают топливо, прядут, ткут, шьют, вяжут, плотничают и т. д. Самые разнообразные виды труда находятся в известном взаимодействии, в известной связи друг с другом; но и здесь, как

и в предыдущих примерах, продукты *не обмениваются* между отдельными работниками, а *распределяются* между ними — соответственно обстоятельствам.

Предположим теперь [1]), что средства производства земледельческой общины, вроде вышеописанной, усовершенствовались до такой степени, что земледелие требует в настоящий момент меньше труда, чем прежде. Освобождаются рабочие силы, которые при достаточно развитой технике будут, быть может, употреблены для разработки находящихся в общинных владениях залежей кремня и изготовления каменных орудий и оружия. Производительность труда так велика, что изготовляется гораздо большее количество орудий и оружия, чем нужно для общины.

Какое-нибудь пастушеское племя приходит во время своих кочевок в соприкосновение с нашей общиной. И у этого племени производительность труда возросла, так что и оно разводит больше скота, чем сколько ему нужно. Очень возможно, что оно охотно обменяет свой излишек скота на излишек орудий и оружия земледельческой общины. Излишний скот и излишнее оружие становятся вследствие этого обмена *товарами*.

Товарообмен есть естественное следствие развития производительных сил за пределы ограниченных потребностей первобытной общины. На известной высоте развития техники первобытный коммунизм становится препятствием для ее дальнейшего совершенствования. Способ производства требует *расширения* сферы общественного труда; но так как отдельные общины были независимы и чужды друг другу, то это расширение оказалось возможным не путем расширения планомерного коммунистического труда, а лишь путем взаимного обмена излишками продуктов общинного труда.

Мы не станем здесь исследовать того, как товарный обмен воздействовал на способ производства внутри общины, пока, наконец, товарное производство общины не превратилось в производство независимых друг от друга *индивидуальных* работников, владеющих средствами производства и продуктами своего труда на правах частной собственности. Мы желаем лишь установить следующее: товарное производство есть *общественная* форма производства; оно немыслимо вне общества; оно означает даже *расширение общественного произ-*

---

1) Целый ряд фактов показывает, что первоначальное развитие товарного производства в действительности протекало таким путем, подобный которому описывается в следующих строках. Разумеется, ход его не был так прост, как здесь указывается, но цель нашего изложения — представить не *историю* товарного производства, а только его *особенности*, которые легче всего познаются сравнением с другими способами производства.

водства за пределы предшествующего ему коммунистического (внутри племени, общины или патриархальной семьи). Но общественный характер его не выступает наружу с очевидностью.

Возьмем гончара и земледельца, вопервых, как членов индусской коммунистической сельской общины, вовторых, как двух товаропроизводителей. В первом случае оба одинаково работают для общины; один доставляет ей горшки, другой — плоды земледельческого труда, один получает свою долю этих плодов, другой — горшков. Во втором случае каждый сам по себе занимается своим ремеслом, но работает (быть может, в той же мере, как и раньше) не только для себя, но и для другого. Затем они обмениваются произведенными продуктами, и очень возможно, что один получает столько же плодов земледельческого труда, а другой — столько же горшков, как и раньше. Казалось бы, не произошло никакой существенной перемены, и все же оба процесса глубоко отличаются друг от друга.

В первом случае сейчас же видно, что *общество* приводит различные виды труда в связь между собой, заставляет одного работать для другого и непосредственно определяет долю каждого в продукте труда другого. Во втором случае каждый, повидимому, работает для себя, и способ, которым он получает свою долю из продукта труда других, является как будто бы не следствием общественного характера труда, а *следствием особенностей самого продукта*. Кажется, будто уже не гончар и земледелец работают друг для друга, и труд каждого, таким образом, является необходимым для общества, но будто горшки и плоды земледельческого труда обладают таинственными свойствами, которые способствуют их обмену в известном количественном соотношении. Взаимные отношения между лицами, обусловленные общественным характером труда, принимают при господстве *товарного производства* вид отношений между *вещами*, именно продуктами. Пока производство было непосредственно обобществлено, общество управляло им и вело его, и отношения между производителями были ясны. Но как только различные работы стали исполняться частным образом, независимо друг от друга, как только производство, таким образом, перестало быть планомерным, отношения производителей между собой приняли вид отношений продуктов. С этих пор отношения производителей друг к другу перестали определяться ими самими. Отношения эти стали развиваться независимо от человеческой воли, общественные силы переросли пределы человеческого понимания и стали казаться наивному миросозерцанию прошедших времен *божествен-*

ными силами, а в позднейшее, „просвещенное“ время их стали считать силами *природы*.

Природной форме товаров приписываются теперь свойства, которые кажутся мистическими до тех пор, пока они не объясняются из отношений производителей между собой. Как фетишист приписывает своему фетишу свойства, не вытекающие из его природы, так и буржуазным экономистам товар представляется чувственною вещью, обладающей сверхчувственными свойствами. Маркс называет это явление „фетишизмом“, который присущ продуктам труда, раз только они производятся как товар, который, следовательно, неотделим от всякого товарного производства.

Этот фетишистский характер товара,—а равным образом, как мы увидим позже, и капитала, — был впервые обнаружен Марксом. Фетишизм затрудняет познание особенностей товара, даже делает это познание невозможным, пока он не преодолен; невозможно дойти до полного понимания стоимости товара, не отдавши себе отчета в фетишистском характере товара. Глава о „Товарном фетишизме и его тайне“ кажется нам поэтому одной из важнейших в „Капитале“, и каждый читатель его должен был бы обратить на нее сугубое внимание. Между тем как раз эта глава оставлялась почти вовсе без внимания не только противниками, но зачастую даже и последователями учения Маркса.

2. Стоимость.

Раз мы уяснили себе фетишистский характер товаров, исследование самого товара представит для нас сравнительно мало трудностей.

Как мы видели, назначение товара состоит в том, чтобы быть обмененным. Но это возможно лишь в том случае, если он удовлетворяет какой-нибудь — безразлично, действительной или мнимой — человеческой потребности. Никто не обменяет своего продукта на другой, если этот последний для него бесполезен. Таким образом товар прежде всего должен быть полезным предметом, должен обладать *потребительной стоимостью*. Потребительная *стоимость* определяется *физическими* свойствами товарного тела. Потребительные стоимости образуют вещественное содержание богатства, какова бы ни была его общественная форма. Потребительная стоимость не есть, следовательно, свойство, присущее исключительно товару. Существуют потребительные стоимости, которые не представляют собою товаров, напр., как мы видели выше, продукты производства коммунистической общины; существуют и такие потребительные стоимости,

которые совсем не являются продуктами труда, например плоды в первобытном лесу или вода в реке. Наоборот, не существует товара, который не обладал бы потребительной стоимостью.

Как только потребительные стоимости становятся товарами, т. е. начинают обмениваться друг на друга, мы замечаем, что обмен этот всегда происходит в известном количественном соотношении. Отношение, в котором один товар обменивается на другой, называется *меновой стоимостью*. Это отношение может изменяться смотря по времени и месту, но для данного времени и данного места оно является величиной определенной. Если мы обмениваем 20 аршин холста на 1 сюртук и одновременно 20 аршин холста на 40 фунтов кофе, то мы можем быть уверены, что в то же время 1 сюртук, если бы понадобилось, мог бы быть обменен на 40 ф. кофе. Меновая стоимость сюртука имеет совершенно иной вид, когда я его обмениваю на холст, чем когда я его обмениваю на кофе. Но как бы ни был разнообразен вид меновой стоимости товара в данное время и данном месте, в основании ее всегда будет лежать одинаковое содержание. Поясним это общественное явление подобным ему явлением из мира физического. Когда я говорю, что какое-нибудь тело весит 16 килограмм, или 40 фунтов, или один пуд, то я знаю, что в основании всех этих различных выражений лежит определенное содержание, определенная *тяжесть* тела. Точно так же и в основании различных выражений меновой стоимости товара лежит определенное содержание, которое мы называем *стоимостью*.

Так подошли мы к важнейшей и основной категории политической экономии — той, без которой не может быть правильно понят господствующий способ производства.

Что создает стоимость товаров? — вот вопрос, на который мы должны дать ответ.

Возьмем два товара, напр. пшеницу и железо. Каково бы ни было отношение, в котором они обмениваются, его всегда можно представить в виде уравнения: напр.: 1 гектолитр пшеницы = 3 пудам железа. Между тем всем известно, что математические действия можно производить только над однородными величинами; напр., от 10 яблок можно отнять 2 яблока, но не 2 ореха. Поэтому в железе и пшенице как товарах должно быть нечто общее, делающее сравнение их возможным: это и есть их стоимость. Является ли это нечто общее естественным свойством товаров? Как потребительная стоимость они обмениваются лишь потому, что обладают *различными, а не общими* естественными свойствами; эти свойства составляют *побудительную причину* обмена, но

не могут определять отношение, в котором он производится.

Если же оставить в стороне потребительную стоимость товаров, то у них останется еще лишь *одно* свойство — то, что они — *продукты труда*. Но когда мы, таким образом, мысленно отвлекаемся от потребительной стоимости продуктов, то вместе с тем мы отвлекаемся и от определенных видов создавшего их труда; они тогда уже представляют не продукты труда столяра, прядильщика и т. д., а только продукты *человеческого труда вообще*. И как таковые они — *стоимости*.

Значит, товар обладает стоимостью только потому, что в нем овеществлен абстрактный человеческий труд. Как же измерить величину его стоимости? Количеством заключающейся в нем созидающей стоимость субстанции — труда. Мерой количества труда в свою очередь служит время.

Могло бы показаться, что если потраченное на изготовление товара время определяет его стоимость, то он тем дороже, чем более ленив и чем менее искусен его производитель. Но здесь идет речь не об *индивидуальном*, а об *общественном* труде.

Вспомним, что товарное производство представляет систему различных работ, которые, хотя и производятся независимо друг от друга, но находятся в известной *общественной* связи. „Вся рабочая сила общества, выражающаяся в стоимостях товарного мира, принимается здесь за *одну и ту же человеческую рабочую силу*, хотя она и состоит из бесчисленных индивидуальных рабочих сил. Любая из этих индивидуальных рабочих сил представляет, подобно всякой другой, одну и ту же человеческую рабочую силу, раз она *обладает* характером *общественной средней рабочей силы* и функционирует, как такая общественная средняя рабочая сила, следовательно, употребляет на производство данного товара лишь необходимое *в среднем*, или *общественно* необходимое время. Общественно необходимое рабочее время есть то рабочее время, которое требуется для изготовления какой-либо потребительной стоимости при наличных общественно-нормальных условиях производства и при среднем в данном обществе уровне искусности и интенсивности труда“. („Капитал“, I, 5.)

Если производительность труда изменяется, то изменяется и общественно-необходимое рабочее время, изменяется и стоимость.

Разумеется, время, необходимое для производства известного продукта, всегда, при всех способах производства, должно было интересовать человека; равным образом оно

всегда, даже при коммунистическом способе производства, имеет влияние на количественное отношение различных видов труда друг к другу.

Возьмем опять в качестве примера индусскую коммунистическую сельскую общину. Предположим, что производством нужных ей земледельческих орудий занимаются два кузнеца. Какое-нибудь изобретение настолько увеличивает производительность труда, что для изготовления в то же время того же числа орудий достаточно одного кузнеца. Теперь эту работу поручат не двум кузнецам, а только одному, другому же, быть может, поручат изготовление оружия или украшений. Допустим, далее, что производительность земледельческого труда не изменилась, что необходимо такое же количество рабочего времени, чтобы удовлетворить потребности сельской общины в земледельческих продуктах, как и до сих пор.

При таких условиях каждый член общины будет получать ту же долю земледельческих продуктов, что и прежде, но все-таки есть разница: производительность кузнечной работы удвоилась, и за изготовление земледельческих орудий община дает теперь лишь *одну* долю земледельческих продуктов, а не *две*. Изменение в соотношении различных видов труда здесь простое и видно сразу; но оно становится мистическим, когда кузнечный и земледельческий труд не находятся в непосредственной связи, а вступают в нее только через посредство своих продуктов. Изменение производительности кузнечного труда обнаруживается тогда в виде изменения менового отношения продукта этого труда к другим продуктам, как изменение его стоимости.

Уже *Рикардо* признал, что величина стоимости товара определяется количеством потраченного на изготовление его труда. Но он не заметил скрытого в стоимостной форме товара *общественного* характера труда, т. е. товарного фетишизма. Он не провел также достаточно ясно и сознательно различия между трудом как созидателем товарной стоимости и трудом, создающим потребительную стоимость. Товарный фетишизм уже был нами выяснен. Последуем теперь за Марксом в его исследовании двойственного характера заключающегося в товарах труда.

Товар является перед нами как стоимость и как потребительная стоимость. Вещество его дается природой; его стоимость, а также и потребительная стоимость создаются трудом. Каким же путем труд создает стоимость и каким — потребительную стоимость?

С одной стороны, труд представляется нам производительной тратой человеческой рабочей силы вообще, с дру-

гой — определенной человеческой деятельностью для достижения определенной цели. Первая сторона труда составляет общий элемент всякой производительной деятельности человека; вторая различна для различных видов производительной деятельности. Между земледельческим трудом и трудом кузнеца есть то общее, что оба они являются тратой человеческой рабочей силы вообще; но они отличаются друг от друга своей целью, своими приемами, своим предметом, своими средствами, своим результатом.

Определенная целесообразная человеческая деятельность создает *потребительную стоимость;* ее качественные различия образуют основу товарного производства. Товары только тогда обмениваются друг на друга, если они качественно различны: никто не станет менять пшеницу на пшеницу или серп на серп, но всякий обменяет пшеницу на серп. Потребительные стоимости только тогда могут противостоять друг другу в качестве товаров, если в них заключается *качественно различный* полезный труд.

Однако как стоимости товары различаются не качественно, а *количественно*. Они обмениваются, потому что они не одинаковы, как потребительные стоимости, но при обмене они сравниваются и берутся в известном соотношении, потому что они одинаковы как стоимости. Не труд, как определенная, целесообразная, качественно различающаяся деятельность, создает стоимость, а только труд, одинаковый во всех отраслях производства, труд как затрата человеческой рабочей силы вообще. Как такая затрата рабочей силы, разные виды труда, подобно самим стоимостям, не качественно, а количественно различны. Это значит, что в отношении образования стоимости каждый вид труда рассматривается как *простой средний труд*, как затрата простой рабочей силы, которой обладает каждый средний человеческий организм. Сложный труд сводится тут к умноженному простому труду; небольшое количество сложного труда приравнивается к большому количеству простого. Соответственно всему характеру товарного производства процесс, устанавливающий отношения между различными видами труда, сведенными к простому труду, есть процесс общественный, но в то же время бессознательный. Тем же, которые не могут освободиться от товарного фетишизма, причины, сводящие сложный труд к умноженному простому труду, кажутся не *общественными*, а *естественными*. Ряд мелкобуржуазных социалистов, желавших „конституировать“ стоимость, т. е. установить ее раз навсегда, чтобы „очистить товарное производство от всяких примесей“ и сделать его вечным, пытались установить эти мнимые естественные причины и определить отно-

сительно каждого вида труда, в каком размере он создает стоимость (ср. нормальный рабочий день Родбертуса). В действительности же это — причины общественные, и притом постоянно изменяющиеся.

Немного найдется областей, в которых было бы высказано столько ошибочных мнений, как в вопросе о стоимости; некоторые из них были опровергнуты еще самим Марксом.

Особенно часто встречается как у последователей, так и у противников теории Маркса *одна* ошибка — смешение *стоимости с богатством.* Нередко Марксу приписывается выражение: „Труд есть источник всякого богатства". Кто следил до сих пор за нашими рассуждениями, тот легко поймет, что это мнение прямо противоречит основным воззрениям Маркса и возникло на почве товарного фетишизма. *Стоимость* есть историческая категория, сохраняющая свое значение лишь для эпохи товарного производства, она представляет известное общественное отношение; *богатство*, напротив, есть нечто вещественное и состоит из потребительных стоимостей. Богатство производится при всяких способах производства. Существуют богатства, доставляемые природой и не содержащие в себе ни капли труда; но нет богатства, которое было бы создано одним только человеческим трудом. „Труд, — говорит Маркс, — не единственный источник производимых им потребительных стоимостей, вещественного богатства. Труд—его отец, а земля — его мать, как говорит Уильям Петти". С ростом производительности труда растет, при прочих равных условиях, вещественное богатство страны; оно уменьшается с ее уменьшением. В то же время сумма имеющихся налицо стоимостей может остаться той же, если общее количество израсходованного труда остается тем же. Благоприятный урожай увеличивает богатство страны; но сумма стоимостей товаров, представляемая этим урожаем, может быть такою же, как и в предшествовавшем году, если количество израсходованного общественно-необходимого труда не изменилось.

Если Маркс не говорил, что труд есть источник всякого богатства, если это положение покоится на смешении потребительной и меновой стоимости, то отпадают все сделанные отсюда по отношению к Марксу выводы. Точно также видно теперь, как неосновательны делаемые Марксу его противниками упреки в том, что он проглядел роль природы в производстве. Сами эти противники проглядели кое-что, а именно—различие между товарным телом и общественным отношением, которое оно представляет. „До какой степени фетишизм, присущий товарному миру, или вещественная видимость общественных определений труда смущает не-

которых экономистов, показывает, между прочим, скучный и бестолковый спор их относительно роли природы в процессе созидания меновой стоимости. Так как меновая стоимость есть лишь определенный общественный способ выражать труд, потраченный на производство вещи, то, само собой разумеется, в меновой стоимости содержится не больше вещества, данного природой, чем, напр., в вексельном курсе". („Капитал", I, 50.)

Очевидно, что Маркс не *„проглядел"* роли природы в производстве потребительных стоимостей. Если он не приписал ей участия в установлении стоимости, то не по забывчивости, а вследствие глубокого проникновения в общественный характер товарного производства, проникновения, которого все еще не хватает экономистам, выводящим социальные законы из внеобщественного состояния изолированного человека.

Следующая ошибка, часто встречающаяся в рассуждениях о теории стоимости Маркса, состоит в смешении способности *труда* создавать стоимость со стоимостью *рабочей силы*. Между тем, эти две вещи надо строго различать одну от другой. Труд как источник стоимости так же мало может иметь стоимость, как сила тяжести — вес, или теплота — температуру.

До сих пор мы говорили только о стоимости, *образуемой* простым и сложным трудом, а не о стоимости, которой *обладает* рабочая сила и которая выражается в заработной плате носителя рабочей силы — рабочего. Покамест мы все время предполагаем существование простого товарного производства и простого товарного обмена, — рабочая сила как товар еще для нас не существует.

Дальше мы будем говорить подробнее о человеческой рабочей силе и ее стоимости; здесь же достаточно простого указания, чтобы предостеречь от ошибки.

Большая часть возражений против теории стоимости Маркса покоится на таких же ошибках, поскольку вообще они не являются опровержением того, чего Маркс никогда не говорил, или не представляют собой голословных подозрений, вроде излюбленного упрека Марксу в догматизме.

Чтобы предохранить себя от такого ошибочного понимания, нужно не упускать из вида характера такого закона, каков закон стоимости.

Всякий естественно-научный или общественный закон является попыткой объяснения естественных или общественных процессов. Но едва ли хоть один из этих процессов обуславливается одной единственной причиной. В основании различных процессов лежат самые разнообразные и

сложные причины, и самые процессы происходят не независимо друг от друга, а перекрещиваются в самых различных направлениях. Поэтому, перед исследователем естественных или общественных явлений лежит двойная задача. Во-первых, он должен отделить, изолировать друг от друга различные процессы; во-вторых, отделить одну от другой причины, лежащие в основании всех процессов, — отделить существенные от несущественных, постоянные от случайных. Оба вида исследования возможны только при помощи отвлечения, абстракции. Естествоиспытатель пользуется при этом целым рядом чрезвычайно усовершенствованных инструментов и методами наблюдения и опыта. Исследователь же общественных законов должен совершенно отказаться от опыта и должен, сверх того, довольствоваться весьма несовершенными вспомогательными средствами.

С помощью абстракции исследователь познает закон, лежащий в основании явлений, которые он желает объяснить. Без знания этого закона они не могут быть объяснены; но одного этого закона недостаточно, чтобы объяснить их целиком. Одна причина может быть ослаблена другой, ее действие может даже быть совершенно уничтожено; но ошибочно было бы заключать отсюда о несуществовании этой причины. Законы падения, напр., имеют силу только в безвоздушном пространстве: только там кусок свинца и перо падают с одинаковой скоростью; в пространстве же, наполненном воздухом, вследствие сопротивления последнего, результат иной. Тем не менее закон падения верен.

Так же обстоит дело и со стоимостью. Когда товарное производство сделалось господствующим, закономерность товарных цен не могла не бросаться в глаза лицам, принимающим участие в производстве; она-то и побудила к исследованию порождающих ее причин. Исследование товарных цен повело к определению величины стоимости. Но как сила тяжести не есть единственная причина явлений падения, так и стоимость товара — не единственная причина его цены. Маркс указывает даже на то, что есть товары, цена которых не временами только, а постоянно ниже их стоимости. Так, золото и алмазы никогда еще, вероятно, не оплачивались по своей полной стоимости. Товар-рабочая сила также может при известных обстоятельствах долгое время оплачиваться ниже своей стоимости.

Маркс доказал даже, что при капиталистическом способе производства прибыль так влияет на закон стоимости, что цены большинства товаров не только *могут*, но и *должны* стоять продолжительное время выше или ниже их стоимости. Несмотря на это, закон стоимости остается в силе

и здесь; более того, самые эти отклонения цен от стоимости могут быть объяснены, опять-таки, только с помощью закона стоимости. Теперь мы можем лишь указать на это, так как для подробного разъяснения этого вопроса необходимо знание законов капитала и прибыли. Мы вернемся к этому позже.

Много возражений против теории стоимости Маркса покоится на смешении цены и стоимости. Оба понятия должны быть строго различаемы. Прежде всего, как указывалось, нельзя поддаваться товарному фетишизму и принимать общественные отношения, выражающиеся в товарном теле, за природные свойства последнего. Если мы никогда не будем забывать, что товарное производство есть такой вид общественного производства, при котором отдельные хозяйства производят хоть и не совместно, но друг для друга, и что стоимость товаров есть не отношение *вещей*, а скрытое под вещественной оболочкой отношение *людей* друг к другу; если мы будем помнить все это, нам будет ясно, как надо понимать то положение Маркса, которое составляет основу исследований „Капитала“: *„Величина стоимости данной потребительной стоимости определяется лишь количеством труда или количеством рабочего времени, общественно-необходимого для его изготовления“*. („Капитал“, I, 6.)

3. Меновая стоимость.

Величина стоимости товара определяется требующимся для его изготовления общественно-необходимым рабочим временем, но она не выражается соответствующим этому образом. Не говорят: „Этот сюртук стоит 40 рабочих часов“, а „он стоит столько же, сколько 20 арш. холста или 10 *гр* золота“.

Рассматриваемый сам по себе, сюртук еще не есть товар; он становится им только тогда, когда я хочу обменять его на что-нибудь другое. Поэтому и стоимость товара не обнаруживается, пока я не сравню ее со стоимостью другого товара, на который я хочу обменять первый. Величина стоимости товара *определяется,* правда, количеством требующегося для его изготовления общественно-необходимого труда, но *выражается* она своим отношением к стоимости одного или нескольких других товаров, своим *меновым отношением.*

Буржуазная политическая экономия часто считает, однако, что меновое отношение товара определяет величину его стоимости. На примере легко объяснить всю нелепость этого взгляда. Возьмем голову сахару. Ее вес дан нам за-

ранее, но выразить его мы можем только путем сравнения его с весом другого тела, напр. *железа*. Мы кладем сахарную голову на одну чашку весов, а на другую соответственное количество кусков железа, каждый определенного веса, который мы называем, скажем, фунтом. Число кусков железа показывает нам вес сахара, но было бы нелепо думать, что сахар потому весит 10 ф., что на другой чашке весов лежит 10 кусков железа; напротив, только потому и нужно было положить туда столько кусков железа, что сахар весит 10 ф.

Здесь вопрос совершенно ясен, но ведь точно так же обстоит дело с *величиной* стоимости и *формой* стоимости.

Способ выражения веса тела во многом походит на выражение стоимости товара, т. е. на форму, в которой мы выражаем величину его стоимости. Голова сахару весит 10 ф.; это, точнее говоря, значит, — продолжая наш пример, — что она весит столько же, сколько 10 определенных кусков железа; подобным же образом мы можем сказать о сюртуке, что он стоит столько же, сколько стоят, например, 20 арш. холста.

Мы не могли бы поставить железо и сахар, как *тела*, в известное отношение друг к другу, если бы у них не было одного общего *естественного* свойства — *тяжести*; точно так же мы не могли бы поставить сюртук и холст, как *товары*, в известное отношение друг к другу, если бы у них не было общего *общественного* свойства — быть продуктами абстрактного человеческого труда, *стоимостями*.

Железо и сахар в первом уравнении играют неодинаковую роль: голова сахару весит столько же, сколько 10 ф. железа. Сахар выступает здесь как сахар, железо же — не как железо, а как воплощение тяжести, как форма ее существования. Мы не отвлекаемся мысленно в этом уравнении от особых физических свойств сахара, но отвлекаемся от свойств железа.

Сходное явление представляет уравнение: 1 сюртук = 20 арш. холста.

Как холст, так и сюртук — товары, следовательно, потребительные стоимости и стоимости. Но в *форме стоимости*, в *меновом соотношении*, только сюртук выступает как потребительная стоимость, холст же выступает лишь как форма существования стоимости.

Я могу узнать вес сахара при помощи не только железных гирь, но и медных или свинцовых. Точно так же и стоимость сюртука я могу выразить не только в холсте, но и во всяком другом товаре. Поэтому в уравнении: 1 сюртук = 20 арш. холста я совершенно игнорирую особую *естествен-*

ную форму холста; он выступает в этом соотношении, как сказано, только как *стоимость*, как воплощение абстрактного человеческого труда. Холст становится формой существования стоимости сюртука, в противоположность телу сюртука. Свойственная сюртуку, как и всякому другому товару, противоположность между потребительной стоимостью и товарной стоимостью отражается в выражении его стоимости, причем его телесная форма сюртука является воплощением исключительно *потребительной стоимости*, а телесная форма товара—холста—лишь воплощением *товарной стоимости, формой стоимости.*

Но все же потребительная стоимость того товара, в котором выражена стоимость другого товара,—Маркс называет его *эквивалентом* [1]) — не безразлична. Оба товара должны быть разнородны: уравнение 1 сюртук = 1 сюртуку бессмысленно.

Я могу выразить стоимость сюртука не только в холсте, но и во всяком другом товаре. Но я могу перевернуть уравнение и выразить стоимость холста, а равно и всякого другого товара, в сюртуках. Я смогу составить уравнение:

$$1 \text{ сюртук} = \begin{cases} 20 \text{ арш. холста} \\ 10 \text{ ф. чаю} \\ 40 \text{ ф. кофе} \\ 1/2 \text{ тонны железа} \\ 1 \text{ } гл \text{ пшеницы} \\ \text{и т. д.} \end{cases}$$

Но я могу также перевернуть его и сказать:

$$\left.\begin{array}{l} 20 \text{ арш. холста} \\ 10 \text{ ф. чаю} \\ 40 \text{ ф. кофе} \\ 1/2 \text{ тонны железа} \\ 1 \text{ } гл \text{ пшеницы} \\ \text{и т. д.} \end{array}\right\} = 1 \text{ сюртуку.}$$

Оба уравнения говорят, казалось бы, одно и то же, но они тожественны только как *математические* уравнения; как различные формы выражения стоимости, они различны по своему логическому и историческому содержанию.

На первых порах товарного производства продукты обменивались лишь изредка и случайно.

Этот период соответствует простому уравнению стоимостей, в котором один товар взят в известном отношении к *одному только* другому товару; напр., бронзовый молоток = 20 ф. каменной соли. Эту форму Маркс называет *про-*

---

[1]) От латинских слов aequus = равный и valere = стоить.

стой или *единичной формой стоимости.* Как только, однако, один какой-нибудь продукт труда—напр. скот — начинает обмениваться на другие продукты не случайно, а *постоянно*, то выражение стоимости принимает форму первого из приведенных уравнений, т. е. напр.,

$$1 \text{ корова} = \begin{cases} 2 \text{ плащам} \\ 1 \text{ мечу} \\ 1 \text{ поясу} \\ 10 \text{ парам сандалий} \\ 3 \text{ кубкам} \\ \text{и т. д.} \end{cases}$$

Эту форму стоимости, примеры которой мы находим у Гомера, Маркс называет *полной или развернутой формой стоимости.*

Но товарное производство развивается еще дальше. Растет число продуктов труда, изготовляемых для обмена, т. е. товаров, и правильный обмен охватывает все большее и большее число самых разнообразных товаров. Не только скот, но и мечи, пояса, кубки и т. д. становятся обычными предметами обмена. Самый ходкий из этих товаров, напр. скот, становится тем, в котором чаще всего выражаются стоимости товаров, пока он, наконец, не оказывается единственным. Тогда достигнута та точка развития, при которой вступает в силу вторая из приведенных выше формул, *всеобщая форма стоимости.*

Рассмотрим ближе эквивалентную форму в этом уравнении. Как мы уже видели выше, эквивалентная форма является воплощением абстрактного человеческого труда. Но в прежних формах стоимости тот или иной товар являлся таким воплощением только случайно и на время. В уравнении 1 сюртук = 20 арш. холста, холст, действительно, является только формой выражения стоимости. Но когда 20 арш. холста приравниваются к 1 гектолитру пшеницы или, опять-таки, к сюртуку, то уже пшеница или сюртук являются воплощением абстрактного человеческого труда, в то время как холст фигурирует как потребительная стоимость. При всеобщей форме стоимости дело обстоит иначе. Тогда эквивалентом служит *один единственный* товар; это — всеобщий эквивалент. Как и раньше, он продолжает быть и потребительной стоимостью, и стоимостью, как и всякий другой товар. Но все другие товары противостоят ему, по-видимому, только как потребительные стоимости, в то время как сам он является *всеобщей и единственной* формой существования стоимости, всеобщим *общественным* воплощением абстрактного человеческого труда. Он теперь — тот товар,

который может быть *непосредственно* обменен на все другие товары и который всякий поэтому принимает в обмен. Все же другие товары теряют вследствие этого способность и возможность обмениваться непосредственно друг на друга. Всякий обмен двух товаров может теперь происходить только через посредство *всеобщего* эквивалента, в котором отражаются все другие товарные стоимости.

4. Обмен товаров.

Обмен товаров может производиться при наличии двух условий: 1) обмениваемые продукты должны быть *потребительными стоимостями* для тех, кто их *не имеет*, и не быть ими для своих *обладателей*, 2) обменивающиеся стороны должны признавать друг в друге *частных собственников* обмениваемых товаров. *Юридическое (правовое) отношение* частной собственности является только отражением волевых отношений обменивающихся лиц, обусловленных *экономическими отношениями*. Не потому люди начали обмениваться товарами, что считали друг друга частными собственниками этих последних. Наоборот, они стали признавать друг в друге частных собственников лишь с того момента, как им пришлось обмениваться друг с другом товарами. Самой первоначальной формой, в которой продукт труда перестает быть для своего собственника потребительной стоимостью, т. е. первичной формой товара, является *излишек* продуктов труда сверх потребностей их владельца. Сами же эти продукты еще не производятся уже заранее с целью обмена, но с целью собственного потребления. Только обмен делает их товарами.

Что касается второго условия, т. е. обоюдного признания владельцев отчуждаемых предметов их частными собственниками, то это возможно лишь там, где вступают во взаимные сношения независимые друг от друга лица. „Такое отношение взаимной отчужденности не существует лишь между членами естественно выросшей общины, — будет ли это патриархальная семья, древне-индийская община, государство инков и т. д. Обмен товаров возникает там, где оканчивается община, в пунктах ее соприкосновения с чужими общинами или членами чужих общин. Но раз вещи превратились в товары для внешних сношений, такое же превращение совершается путем обратного действия и для внутренней жизни самой общины“. („Капитал“, I, 55.)

При начале обмена величина и форма стоимости еще очень мало развиты; количественное соотношение, в котором обмениваются продукты, случайно и часто колеблется. Но

обмен продуктов становится все более и более нормальным общественным процессом. Уже не ограничиваются обменом излишков, но начинают производить потребительные стоимости *специально с целью обмена*. Этим путем меновое соотношение их становится все более и более зависимым от условий их производства, и *величина стоимости* товара начинает определяться количеством необходимого на его изготовление рабочего времени.

Но как только продукты начинают изготовляться специально для обмена, скрытое в самой сущности товара противоречие между потребительной стоимостью и стоимостью ясно выступает наружу. Это присущее всякому товару противоречие выражается, как мы знаем, в форме стоимости. В выражении 20 арш. холста = 1 сюртуку холст сам говорит нам, что он — потребительная стоимость (холст) и стоимость (равен сюртуку). Но в простой форме стоимости трудно придать этому противоречию устойчивость, так как товар, который служит здесь эквивалентом, воплощением человеческого труда вообще, играет эту роль только временно. В развернутой форме стоимости это противоречие выступает уже ясней, так как теперь эквивалентом служат и могут им служить уже много товаров, потому что все эти товары обладают одним общим свойством: они представляют собой продукты труда, стоимости.

Но чем дальше развивается товарный обмен, чем больше продуктов труда становится товарами, тем нужнее оказывается *всеобщий* эквивалент. В начале обмена каждый обменивает непосредственно то, что ему не нужно, на то, в чем он нуждается. Но это делается тем трудней, чем больше товарное производство становится всеобщей формой общественного производства. Представим себе настолько развитое товарное производство, что в нем появились уже самостоятельные ремесла — портного, пекаря, столяра, мясника. Портной продает столяру сюртук. Для портного сюртук не представляет потребительной стоимости, для столяра — представляет. Но портному не нужен продукт труда столяра; у него достаточно мебели. Столы и стулья не составляют, таким образом, потребительной стоимости ни для столяра, ни для портного. С другой стороны, портному нужен хлеб пекаря, мясо мясника, потому что прошли те времена, когда он пек дома хлеб и откармливал свиней. Мясо и хлеб, нужные портному, не являются для мясника и пекаря потребительными стоимостями, но они сейчас не нуждаются в сюртуке: таким образом, портному грозит голодная смерть, хотя он и нашел покупателя на свой сюртук. Ему нужен товар, который служил бы всеобщим эквивалентом, который,

будучи непосредственным воплощением *стоимости*, являлся бы для всех потребительной стоимостью.

Тот же ход развития, который делает этот эквивалент необходимым, влечет за собой и появление его. Когда собственники товаров стали выменивать друг у друга самые различные предметы, должно было наступить такое положение, когда эти различные предметы сравнивались как стоимости с одним и тем же видом товара, когда для них нашелся общий эквивалент. Сначала им служил случайно какой-нибудь товар. Но как только оказалось более выгодным употребление одного особенного товара как всеобщего эквивалента, роль эквивалентной формы стоимости должна была все сильнее закрепляться за этим товаром. Какому именно товару доставалась эта роль, определялось самыми разнообразными обстоятельствами; но в конце концов *благородные металлы* получили монополию служить всеобщим эквивалентом, сделались *деньгами*. Отчасти этому могло способствовать то, что украшения и материалы для них всегда служили важными предметами обмена; но решающим явилось главным образом то обстоятельство, что естественные свойства золота и серебра соответствуют общественным функциям всеобщего эквивалента. Укажем здесь только на те два обстоятельства, что благородные металлы всегда одинакового качества и не изменяются ни в воздухе, ни в воде, следовательно, практически не подвержены изменениям, и что они могут быть произвольно делимы на части и вновь составляемы из отдельных частей. Поэтому они чрезвычайно пригодны для воплощения безразличного всеобщего человеческого труда, для изображения стоимостей, которые отличаются друг от друга только количественно, но не качественно.

Золото и серебро только потому могли добиться монополии всеобщего эквивалента, что они противостояли другим товарам *как товары же;* они могли сделаться *деньгами*, только будучи *товаром*. Деньги — не изобретение одного или нескольких людей, не простой знак стоимости; стоимость денег и их общественные функции не созданы по произволу: благородные металлы сделались денежным товаром благодаря той роли, которую они играли как товары в процессе обмена.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

ДЕНЬГИ.

1. Цена.

Первая функция денег состоит в том, чтобы служить *мерой* стоимости, доставить миру товаров материал, в котором выражается стоимость.

Не деньги делают товары однородными и соизмеримыми; наоборот, именно потому, что все товары, как стоимости, представляют овеществленный человеческий труд и, следовательно, сами по себе однородны, они могут быть измеряемы одним и тем же определенным товаром, который они превращают таким образом во *всеобщую меру стоимости* или *деньги*. Деньги, как мера стоимости, есть необходимая форма проявления присущей товарам меры стоимости, т. е. *рабочего времени* [1]).

Выражение стоимости товара в денежном товаре есть его денежная форма или цена. Напр.: 1 сюртук = 10 граммам золота.

Цена товара есть нечто совершенно отличное от его природных свойств. Ее нельзя увидеть или нащупать в нем. Владелец товара должен сообщить ее покупателям. Но для того, чтобы *выразить* стоимость товара в золоте, т. е. чтобы *определить* его цену, реальные деньги совершенно не нужны. Портному не нужно иметь при себе золото, чтобы объявить, что цена продаваемого им сюртука равна 10 гр. золота.

---

[1]) В этом месте своего изложения Маркс делает интересное замечание об утопии, еще до сих пор разделяемой многими. Он говорит: „Вопрос, почему деньги не представляют непосредственно самого рабочего времени, — почему, напр., банкнота не представляет двух рабочих часов, — сводится просто к вопросу, почему на основе товарного производства продукты труда должны становиться товарами, так как товарная форма продуктов уже предполагает необходимость раздвоения их на товары и денежный товар. Таков же вопрос, почему частный труд не может рассматриваться, как непосредственно общественный труд, т. е. как его противоположность. В другом месте я подробно рассмотрел плоский утопизм таких проектов, как „рабочие деньги“ на основе товарного производства („К критике политической экономии“). Здесь отмечу только, что, напр., „рабочие деньги“ Оуэна имеют с деньгами так же мало общего, как, скажем, театральный билет. Оуэн предполагает непосредственно обобществленный труд, т. е. форму производства, диаметрально противоположную товарному производству. Рабочая квитанция лишь констатирует долю индивидуального участия производителя в общем труде и долю его индивидуальных притязаний на потребление общего продукта. Но Оуэну и в голову не приходило оставаться на почве товарного производства и в то же время стремиться к устранению его необходимых условий при помощи денежных фокусов“. („Капитал“, I, 62.)

Стало быть, деньги в качестве меры стоимости являются только *идеальными, воображаемыми* деньгами.

Тем не менее *цена* определяется только *реальным* денежным товаром. Портной только тогда может — мы, конечно, отлекаемся от всех воздействующих побочных обстоятельств — назначить цену сюртука в 10 *гр* золота, если в таком количестве золота воплощено столько же общественно-необходимого труда, как и в сюртуке. Если портной выразит стоимость сюртука не в золоте, а в серебре или меди, то и выражение цены будет другое.

Поэтому там, где мерой стоимости являются 2 товара, напр. золото и серебро, все товары имеют двоякую цену — в золоте и серебре. В этом случае всякое изменение в соотношении стоимостей золота и серебра влечет за собой колебания цен. Двоякая мера стоимости является в сущности нелепостью и противоречит функции денег, как меры стоимости. Всюду, где старались установить путем законодательства два товара в качестве меры стоимости, в качестве таковой фактически функционировал только *один*.

В настоящее время во многих еще странах золото и серебро признаются по закону равноправными мерами стоимости. Но опыт всегда приводил такое законодательство к абсурду. Золото и серебро, как и всякий другой товар, подвержены постоянным колебаниям стоимости; если оба по закону равноправны, если можно по желанию расплачиваться тем или другим металлом, то платят, конечно, тем, стоимость которого *падает*, а тот, стоимость которого повышается, сбывают по мере возможности там, где его можно сбывать с выгодой, т. е. за границей. Поэтому в странах, где господствует двойная валюта, так называемый биметаллизм, фактически в качестве меры стоимости функционирует только один металл, а именно тот, стоимость которого падает; тот же, стоимость которого повышается, выражает ее, как и всякий другой товар, в другом, слишком высоко оцененном металле, функционируя как *товар*, а не как мера *стоимости*. Чем значительнее колебания в соотношении стоимостей золота и серебра, тем яснее выступает наружу вся нелепость биметаллизма [1]).

---

1) Биметаллистская агитация, которая в последние десятилетия минувшего века была еще очень сильна, в настоящее время стала совершенно безнадежной и совсем прекратилась. Одна страна за другой переходят к золотой валюте. За последние десятилетия к ней перешли Австрия (1892), Япония (1897), Россия (1898), Соединенные штаты (1900). В Англии она введена уже с конца XVIII в., в Германии — с 1871 г., в Голландии — с 1877 г. В Бельгии, Франции, Швейцарии она фактически господствует, хотя номинально там и существует двойная валюта. Британские и голландские колонии также пере-

Для большей простоты Маркс в „Капитале“ принимает золото за единственный денежный товар. И в действительности, золото все больше становится единственным денежным товаром в странах с современным капиталистическим способом производства [1]).

В выражении цены каждый товар приравнивается к определенному количеству золота. Для этого оказывается необходимым соизмерять количества золота, представляющие различные цены, установить *масштаб цен*. Металлы обладают таким естественным масштабом, — это их *вес*. Поэтому весовые наименования металлов — фунт, ливр (во Франции), талант (в древней Греции), ас (у римлян) и т. д.—являются первыми названиями единиц масштаба цен.

Таким образом, мы вслед за первой функцией денег — служить мерой стоимости,—познакомились и со второй их функцией — быть *масштабом цен*. Как мера стоимости деньги превращают стоимости товаров в определенные воображаемые количества золота. Как масштаб цен они измеряют различные количества золота одним определенным количеством, которое принимается за единицу, например фунтом золота.

Различие между мерой стоимости и масштабом цен станет ясным, если мы обратим внимание на то, какое влияние оказывает на них изменение стоимости.

Предположим, что единицей меры *масштаба цен* служат 10 *гр* золота. Какова бы ни была стоимость золота, 20 *гр* его всегда будут иметь вдвое большую ценность, чем 10 *гр* Падение или повышение стоимости золота не оказывает, следовательно, никакого влияния на *масштаб цен*.

Возьмем теперь золото как меру *стоимости*. Сюртук, допустим, стоит 10 *гр* золота. Но вот стоимость золота изменяется: почему-либо в то же самое общественно-необходимое рабочее время производится теперь вдвое больше

шли к золотой валюте. Переход Германии к двойной валюте был бы наиболее выгоден для тех, кто наделал долгов во времена господства золотой валюты и мог бы затем уплатить их более дешевым серебром. Большую часть таких долгосрочных долгов составляют ипотеки, и этим вызывается агитация аграриев.

[1]) Стоимость денежного запаса (монет и слитков) в благородных металлах в странах с современным способом производства исчислялась:

	Золото	Серебро
В 1831 г.	2 232 000 000 марок	8 280 000 000 марок
„ 1880 „	13 170 000 000 „	8 406 000 000 „

С 1880 по 1908 г. на всем земном шаре отчеканено золотой монеты на 30 миллиардов, а серебряной — свыше 20 миллиардов марок.

Следовательно, золото в настоящее время является безусловно преобладающим денежным товаром,

золота, чем прежде, тогда как производительность портняжного труда не изменилась. Что произойдет? Цена сюртука будет равняться теперь 20 *гр* золота. Ясно, что изменение стоимости золота чувствительно отзывается на его функции как мере стоимости.

Масштаб цен может быть определен произвольно, так же, как, например, меры длины; с другой стороны, он нуждается во всеобщем признании. Условный вначале, заимствованный у *обычных* весовых делений, он в конце концев устанавливается *законом.* Различные весовые части благородных металлов получают официальные наименования, отличные от весовых; мы не говорим теперь $^1/_{70}$ фунта золота, а монета в 20 марок. Цены выражаются теперь не в *весовых частях золота*, а в установленных законом *счетных наименованиях* золотого масштаба.

Цена — это денежное название величины стоимости товара. Но в то же время она выражает и меновое соотношение товара с денежным товаром, золотом. Стоимость товара не может проявиться изолированно, сама по себе, а лишь в меновом соотношении с другим товаром. Отношение может, однако, быть обусловлено не только величиной стоимости, но и другими обстоятельствами; поэтому возможно отклонение *цены* от *величины стоимости.*

Когда портной говорит, что цена его сюртука равна 10 *гр* золота или, в счетных наименованиях, 30 маркам, то он этим заявляет, что всегда готов отдать сюртук за 10 *гр* золота; но он проявил бы излишнюю самонадеянность, если бы стал утверждать, что всякий готов ему сейчас же уплатить за него 10 *гр* золота. Правда, превращение сюртука в золото необходимо и неизбежно для того, чтобы он мог исполнить свое назначение как товар: товар требует денег; цены — это страстные любовные взгляды, которые он бросает на сверкающую возлюбленную. Но на товарном рынке дело не всегда идет так, как в романах, и не всегда оканчивается свадьбой. Многие товары оказываются покинутыми изменившим женихом — золотом, и им приходится вести безрадостное существование на товарных складах.

Ознакомимся же поближе с приключениями товара при его сношениях с золотом.

2. Продажа и покупка.

Последуем за нашим старым знакомым, портным, на рынок. Он меняет изготовленный им сюртук на 30 марок и покупает на эти деньги бочонок вина. Мы имеем здесь перед собою два противоположных превращения: сначала—

превращение товара в деньги, а затем — обратное превращение денег в товар. Но товар, которым заканчивается процесс, совсем не тот, которым процесс этот начался. Первый не был потребительной стоимостью для своего владельца, второй является для него именно меновой стоимостью. Первый был полезен для него как *стоимость, как продукт человеческого труда вообще*, могущий быть *обмененным* на *другой* продукт абстрактного труда — золото. Полезность же для него другого товара, вина, заключается в его *физических* свойствах, не как продукта человеческого труда вообще, а одного *определенного* вида труда — труда винодела.

Формула простого товарного обращения гласит: товар — деньги — товар; т. е. продажа для покупки.

Из двух превращений: товар — деньги и деньги — товар, первое, как известно, наитруднейшее. Купить, имея деньги, не стоит большого труда, но не так-то легко продать, чтобы получить деньги. Между тем, при господстве товарного производства каждому владельцу товаров необходимы деньги; чем больше развивается общественное разделение труда, тем одностороннее его труд и разностороннее его потребности.

Для того, чтобы удалось „salto mortale товара", его превращение в деньги, прежде всего необходимо, чтобы он *был потребительной стоимостью, удовлетворял какой-нибудь потребности.* Если это условие имеется налицо, и товару удается превратиться в деньги, то прежде всего возникает вопрос: в *какое количество* денег?

Но этот вопрос нас здесь не касается; ответ на него относится к исследованию законов *цен*, нас же интересует здесь изменение формулы „товар — деньги", независимо от того, оказывается ли цена выше или ниже стоимости товара.

Портной избавился от сюртука и получил за него деньги: продал он его, допустим, земледельцу. То, что для портного являлось *продажей*, для земледельца оказывается *покупкой*; таким образом, каждая продажа есть покупка, и наоборот. Но откуда взялись деньги у земледельца? Он получил их в обмен на рожь. Если мы проследим путь, который проходил денежный товар-золото от места своего производства, рудника, и затем от одного товаровладельца к другому, то найдем, что перемена его владельца всегда являлась результатом покупки.

Превращение сюртук — деньги является, как мы видели, членом не одного, а двух рядов превращений. Один из них гласит: сюртук — деньги — вино, другой: рожь — деньги — сюртук. Начало ряда превращений одного товара есть

вместе с тем заключение ряда превращений другого товара, и наоборот.

Предположим, что винодел купил на 30 мар., полученных им за вино, котел и уголь. Тогда превращение: деньги — вино является последним членом ряда: сюртук — деньги — вино, и первым членом двух других рядов: вино — деньги — котел и вино — деньги — уголь.

Каждый из этих рядов образует круговорот: товар — деньги — товар; он начинается и кончается товарной формой. Но каждый круговорот одного товара сливается с круговоротами других товаров. Общее движение всех этих бесчисленных, сливающихся друг с другом, круговоротов и есть *обращение товаров.*

Обращение товаров существенно отличается от непосредственного обмена продуктов или простой меновой торговли. Последняя была вызвана тем, что производительные силы переросли рамки первобытного коммунизма. Путем непосредственного обмена продуктов система общественного труда распространилась за пределы отдельных общин. Благодаря обмену, различные общины и члены их стали работать друг для друга. Но непосредственный обмен продуктов, в свою очередь, явился препятствием для дальнейшего развития производительных сил, и только обращение товаров устранило это препятствие.

Простой обмен продуктов требует, чтобы я, сбывая кому-нибудь свой продукт, в то же время брал у него и его продукт. Это препятствие устранено обращением товаров. Правда, каждая продажа есть в то же время и покупка; портной не может продать сюртука, если его не купит кто-нибудь другой, напр. земледелец. Но, вопервых, совершенно не нужно, чтобы портной купил что-нибудь сейчас же; он может с успехом спрятать деньги в карман и подождать, пока ему не представится надобности в покупке. Вовторых, никто и ничто не принуждает его покупать теперь или позже у того самого *земледельца*, который купил у него сюртук, и вообще покупать на том же рынке, на котором он продает. Таким образом при обращении товаров исчезают временные, местные и индивидуальные рамки обмена продуктов.

Существует, однако, еще одно различие между меновой торговлей и обращением товаров. Простой обмен продуктов состоит в обмене *излишка* продуктов и не изменяет сразу производственных форм первобытного коммунизма, непосредственно контролируемых участниками производства.

Напротив, при развитии товарного обращения производственные отношения становятся все запутаннее, неуловимее,

все больше ускользают из-под контроля. Отдельные производители делаются все более и более независимыми друг от друга, но тем более становятся они зависимы от общественных отношений, которых они уже не могут контролировать, как это было в пору первобытного коммунизма. Общественные силы уподобляются, таким образом, слепым силам природы, которые, наталкиваясь в своей деятельности на препятствия, нарушающие их равновесие, разражаются катастрофами, подобными ураганам и землетрясениям.

Вместе с развитием обращения товаров развиваются также и зародыши таких катастроф. Представляемая обращением товаров возможность продавать без обязательства покупать тотчас уже заключает в себе непосредственную *возможность приостановки сбыта, кризисов.* Для того же, чтобы возможность эта превратилась в *действительность*, производительные силы должны перерасти рамки простого обращения товаров.

3. Обращение денег.

Припомним те круговороты товаров, которые мы проследили в последнем параграфе: рожь — деньги — сюртук — деньги — вино — деньги — уголь и т. д. Круговорот товаров сообщает движение и деньгам; но движение денег не есть круговорот: деньги, исходящие от земледельца, все больше и больше удаляются от него. „Форма движения, непосредственно сообщаемая деньгам обращением товаров, представляет их постоянное удаление от исходного пункта, их переход из рук одного товаровладельца в руки другого, или их обращение".

Обращение денег есть *следствие* круговращения товаров, а не его *причина*, как это часто думают. Товар, как потребительная стоимость, скоро исчезает из обращения (при простом товарном обращении, которое мы теперь исследуем, где еще не может быть речи о правильной торговле и перепродаже — после первого же своего превращения), чтобы перейти в область потребления, и новая потребительная стоимость, равная ей по стоимости, становится на ее место. В круговороте: рожь — деньги — сюртук рожь исчезает из обращения после первого же превращения рожь—деньги, и продавцу ржи возвращается такая же стоимость, но уже в виде другой потребительной стоимости: деньги — сюртук. Деньги как средство обращения не исчезают, таким образом, из обращения, а постоянно находятся в этой области.

Теперь спрашивается, сколько денег требуется для обращения товаров?

Мы уже знаем, что каждый товар приравнивается к известному количеству денег и, таким образом, цена его определяется еще раньше, чем он соприкасается с реальными деньгами. Этим путем определены заранее как цена каждого отдельного товара, так и сумма цен всех товаров — предполагая стоимость золота уже данной наперед. Сумма цен товаров — это определенная воображаемая сумма золота. Чтобы товары могли обращаться, воображаемое золото должно превратиться в реальное; следовательно, общее количество обращающегося золота определяется суммой цен обращающихся товаров. (Нужно не упускать из виду, что мы находимся здесь в области простого товарного обращения, где еще неизвестны кредитные деньги, выравнивание платежей и т. д.) При неизменяющихся ценах, эта сумма цен изменяется вместе с общим количеством обращающихся товаров; а при неизменном количестве их — в зависимости от колебания их цен, безразлично, чем бы колебание это ни было вызвано: неустойчивостью ли рыночных цен, или изменением ценности золота или товаров, и независимо от того, общее ли это колебание, или частное.

Но отдельные акты продажи товаров не всегда происходят вне всякой связи друг с другом и не всегда *одновременно*.

Возьмем опять наш прежний пример. Мы имеем ряд превращений: 5 гектолитров ржи — 30 марок — 1 сюртук — 30 марок — 40 литров вина — 30 марок — 20 центнеров угля — 30 марок. Сумма цен этих четырех товаров равна 120 маркам; но для совершения этих четырех продаж достаточно 30 марок, которые 4 раза меняют свое место, т. е. совершают четыре оборота. Если мы допустим, что все эти продажи имели местов втечение одного дня, то общее количество денег, функционирующих в качестве средства обращения в одной определенной области обращения и втечение одного дня, будет равно: $\frac{120}{4} = 30$ мар.; или, выражаясь более общо:

$$\frac{\text{сумма цен товаров}}{\text{число оборотов одноименной монеты}} = \text{количеству денег,}$$

функционирующих в качестве средства обращения втечение определенного периода времени.

Время обращения различных монет в стране, разумеется, различно; одна может целые годы пролежать в сундуке, другая — совершить 30 оборотов в один день. Но *средняя* скорость обращения их — все-таки величина постоянная.

Скорость обращения денег обусловлена скоростью кругообращения товаров. Чем скорее товары переходят из сферы

обращения в сферу потребления и чем быстрее они замещаются новыми товарами, тем быстрее обращаются деньги. Чем медленней круговорот товаров, тем медленней обращаются деньги, тем меньше приходится видеть денег. Люди, которые видят только поверхность явлений, думают при этом, что имеется слишком мало денег и что недостаток в деньгах влечет за собой приостановку обращения. И такой случай, правда, возможен, но в настоящее время он едва ли может затягиваться надолго.

4. Монета. Бумажные деньги.

Для торговых сношений представлялось, разумеется, очень неудобным то положение, когда при каждой продаже и покупке оказывалось нужным определять содержание и вес каждого куска денежного металла. Это неудобство исчезло, как только общепризнанная власть стала гарантировать верный и точный вес и содержание каждого куска металла. Таким образом, слитки металла превратились в изготовляемые государством *металлические монеты*.

Монетная форма денег вытекает из их *роли, как средства обращения*. Но как только деньги приобретают форму монеты, эта последняя получает в сфере обращения новое, независимое от ее *содержания* значение. Удостоверение государства в том, что данный монетный знак содержит известное количество золота или равен ему, является при известных обстоятельствах достаточным для того, чтобы монетный знак стал служить таким же средством обращения, как и реальное количество золота.

Этому содействует уже самое обращение монет. Чем дольше монета находится в обращении, тем больше она стирается, и ее номинальное и реальное содержание все больше и больше начинают разниться друг от друга; старая монета легче только что отчеканенной,— и все же при известных обстоятельствах обе могут представлять одинаковые стоимости как средства обращения.

Еще резче проявляется разница между номинальным и реальным содержанием в разменной монете. Неблагородные металлы, как, напр., медь, очень часто служили первыми реальными деньгами, а затем уже были вытеснены благородными. Медь — а после введения золотой валюты и серебро — перестали быть мерами стоимости, хотя медные и серебряные монеты продолжали быть средствами обращения в мелочной торговле. Они стали соответствовать теперь определенным весовым частям золота; номинальная их стоимость изменялась в зависимости от реальной стоимости

золота, и нисколько не зависела от колебаний стоимости серебра и меди. Очевидно, что при этих условиях их металлическое содержание не имеет влияния на их монетную функцию и что можно произвольно, посредством законов, определить, какое количество золота должна представлять медная или серебряная монета. Отсюда — только один шаг к тому, чтобы заменить металлический знак бумажным, приравнять законодательным путем не имеющий накакой стоимости кусок бумаги к некоторому количеству золота.

Так возникли *государственные бумажные деньги*, которые не следует смешивать с кредитными деньгами, происшедшими от другой функции денег.

Бумажные деньги могут заменять золотые деньги только в качестве средства обращения, но не в качестве мерила стоимости. Они могут заменять их лишь постольку, поскольку они представляют определенные количества золота. Для бумажных денег, как средства обращения, остаются в силе те же законы, что и для металлических, которые они замещают. Они никогда не могут представлять большее количество золота, чем то, которое может быть поглощено обращением товаров. Если в какой-нибудь стране обращение товаров вызывает потребность в 100 милл. марок золотом, а правительство пустит в оборот бумажных денег на 200 милл., то в результате получится то, что, напр., на две 20-марковые бумажки можно будет купить лишь столько же, сколько на одну золотую монету в 20 марок. В этом случае цены, выраженные в бумажных деньгах, вдвое превышают те же самые цены, выраженные в золоте. Бумажные деньги будут обесценены вследствие чрезмерной их эмиссии. Грандиознейшим примером такого обесценения бумажных денег вследствие чрезмерной их эмиссии являются ассигнации Великой французской революции, которых за 7 лет (с 1790 г. по март 1797 г.) было выпущено на сумму в 45 581 с лишним милл. франков и которые в конце концов потеряли всякую стоимость.

5. Дальнейшие функции денег.

Мы проследили возникновение простого обращения товаров и видели, как вместе с ним развиваются функции денег, как *меры стоимости и средства обращения*. Этим, однако, еще не ограничиваются их функции.

Одновременно с усилением обращения товаров развивается необходимость и желание сохранять и накоплять денежный товар — золото. Особенности денег соответствуют особенностям товарного производства: как это последнее есть такой

способ производства, при котором *общественное производство* ведется самостоятельными и независимыми друг от друга производителями, так и деньги являются такой *общественной силой*, которою, однако, общество не владеет и которая может стать *частной собственностью* каждого отдельного лица. Чем большая сумма денег находится в обладании данного лица, тем значительнее его общественное могущество, тем большим количеством богатств, продуктов чужого труда, он располагает. Золото всемогуще. Оно — единственный товар, который всем нужен и который всякий принимает. Так одновременно с ростом товарного обращения пробуждается и растет жажда золота.

Однако с развитием товарного производства накопление золота становится не только страстью, но и *необходимостью*. Чем большее число продуктов становится товарами, чем меньшее их число производится для потребления, тем необходимее оказывается обладать деньгами, чтобы вообще иметь возможность существовать. Я вынужден постоянно покупать, а чтобы иметь возможность покупать, я должен сначала продать. Но для производства товаров, которые я продаю, нужно время, притом продажа эта зависит от случая. Чтобы продолжать производство и существовать втечение производственного периода, я должен обладать денежным запасом. Такой запас необходим и для покрытия дефицитов в периоды приостановок в обращении. Мы уже видели, что количество обращающихся денег зависит от цен товаров, их количества и скорости их круговорота. Каждый из этих факторов постоянно изменяется, и поэтому количество обращающихся денег подвержено беспрерывным колебаниям. Откуда появляются деньги, когда в них оказывается нужда, и куда девается их излишек? *Денежные сокровища*, которые накопляются в различных местах, являются теми резервуарами, которые то поглощают деньги, то отдают их обратно, и таким образом выравнивают расстройства процесса обращения товаров.

В начале обращения товаров, так же, как и при простом обмене, два товара всегда обмениваются непосредственно друг на друга. Вся разница заключается в том, что теперь одним из товаров всегда является всеобщий эквивалент, *денежный товар*. Однако при дальнейшем развитии обращения товаров возникают такие обстоятельства, вследствие которых момент продажи товара не совпадает по времени с моментом получения соответствующей его цене суммы денег. Вследствие этих обстоятельств часто случается так, что за товар платят раньше, чем его получают, или, что случается чаще — его оплачивают *позже*. Поясним это на

примере. Итальянский ткач шелка, скажем XIII века, покупает шелк, который он перерабатывает, по соседству. Но шелковые ткани, которые он изготовляет, посылаются в Германию. Пока они прибывают на место назначения, сбываются и выручка попадает обратно в Италию, проходит три-четыре месяца. Ткач изготовил некоторое количество ткани, а его сосед, прядильщик, в то же время изготовил некоторое количество шелка. Прядильщик сейчас же продает свой товар ткачу, но тот получит выручку от продажи своего товара только через 4 месяца. Что же происходит? Ткач *покупает* шелк, но *платит* за него лишь через 4 месяца. Отношения между покупателем и продавцом принимают теперь совсем иной характер; *продавец становится кредитором, покупатель — должником.* Да и деньги начинают теперь получать новую функцию. В таких случаях они уже не служат посредниками при обращении товара, а самостоятельно заканчивают его круговорот. В этой своей функции они уже — не средство обращения, а *средство платежа*, средство исполнения обязательства доставить известное количество стоимостей.

Такое обязательство не всегда является следствием процесса обращения товаров. Чем больше развивается товарное производство, тем сильнее обнаруживается стремление заменить доставку определенных потребительных стоимостей денежными взносами. Натуральные повинности по отношению к государству превращаются в денежные налоги, уплата жалованья чиновникам начинает производиться уже не натурой, не продуктами, а деньгами и т. д. Функция денег, как платежного средства, продолжается, следовательно, за пределами обращения товаров.

Вернемся, однако, к нашему ткачу. Он купил у прядильщика шелк, но не может сейчас заплатить за него. Но, где речь идет о деньгах, там добродушие неуместно. Прядильщик шелка рассуждает так: то, что написано черным по белому, можно спокойно положить в карман. Поэтому для обеспечения платежа он берет у ткача расписку, которой последний обязуется уплатить через 4 месяца сумму, равную цене проданного шелка. У прядильщика, в свою очередь, есть обязательства, по которым он должен уплатить втечение этих 4 месяцев, а так как у него нет наличных денег, то он платит распиской ткача. *Эта последняя служит теперь деньгами*; возникает, таким образом, новый вид бумажных денег — *кредитные деньги* (векселя, чеки и т. д.).

Может произойти и другой случай: ткач купил у прядильщика шелку на 5 червонцев, прядильщик, в свою очередь, приобрел своей жене у ювелира браслет за 6 червонцев,

ювелир в то же время набрал у ткача шелковых материй на 4 червонца. Платежи должны быть произведены в одно и то же время. Все трое — прядильщик, ткач и ювелир — сходятся. Первый должен уплатить последнему 6 червонцев и получить от ткача 5 червонцев, он дает ювелиру один червонец, а за получением остального отсылает его к ткачу. Но последнему следует получить с ювелира 4 червонца, поэтому он вручает ему всего только один червонец. Таким образом, посредством взаимного уравнения, 3 платежа на общую сумму в 15 червонцев погашены с помощью всего двух червонцев.

Разумеется, в действительности дело обстоит далеко не так просто, как мы это здесь изображаем, но фактически часть платежей продавцов товаров всегда взаимно уравновешивается, и тем в большей части, чем сильней развивается обращение товаров. Концентрация платежей в нескольких определенных местах и в известные сроки содействует установлению особых учреждений и способов такого взаимного погашения, как, напр., virements в средневековом Лионе. Служащие для той же цели жиробанки, clearinghaus'ы и союзы касс известны всем. Только такие платежи, которые не уничтожаются взаимно, должны погашаться наличными деньгами.

Кредитная система влечет за собой исчезновение собирания сокровищ, как самостоятельного вида обогащения. Тому, кто желает сохранить свое состояние, нет уже надобности закапывать его в землю или прятать в сундук: он может отдать свои деньги взаймы. С другой стороны, кредитная система принуждает к *временному* накоплению сокровищ, к собиранию денежных сумм, которые в день платежа могли бы послужить для расплаты.

Не всегда, однако, удается собрать необходимое для этого количество денег. Вспомним о нашем ткаче. Он обещал прядильщику заплатить за шелк через 4 месяца, так как рассчитывал продать к этому сроку свой товар. Предположим, однако, что сработанная им ткань не нашла себе покупателя, и он, следовательно, не в состоянии расплатиться. Но прядильщик рассчитывал на эту плату и в надежде на нее, в свою очередь, взял на себя обязательства, скажем, по отношению к ювелиру; тот, с своей стороны, по отношению к кому-нибудь третьему и т. д. Мы видим, таким образом, что неплатежеспособность одного влечет за собой неплатежеспособность других, и притом тем в большей степени, чем более развита система следующих друг за другом и уравновешивающихся платежей. Допустим теперь, что не *один* производитель, а целый ряд оказался бы, скажем, вслед-

194619

ствие всеобщего перепроизводства, не в состоянии продать свои товары. Их неплатежеспособность влечет за собой неплатежеспособность других, уже продавших свои товары производителей. Денежные расписки теряют свою стоимость, и все требуют всеобщего эквивалента -- наличных денег. Происходит общий недостаток в деньгах, *денежный кризис*, который при известной степени развития кредита становится неизбежным спутником всякого промышленного или торгового кризиса. Такой кризис ясно показывает, что при господстве товарного производства деньги не могут быть заменены простыми чеками на получение товаров.

Деньги имеют двоякую сферу обращения: *внутренний* рынок, в пределах данного государства, и *мировой рынок*. Формой монеты и знака стоимости деньги обладают только *внутри* страны, но не в международных отношениях. На *мировом рынке* они снова принимают свою первоначальную форму слитков благородного металла, золота и серебра. На мировом рынке *оба* металла служат до сих пор мерой стоимости, тогда как во внутреннем обращении страны только *один* денежный товар может на самом деле исполнять функцию меры стоимости. Впрочем, с того времени как Маркс писал свой „Капитал", золото, несомненно, обнаруживает тенденцию стать и на мировом рынке единственным денежным товаром.

Главнейшая функция мировых денег — это служить платежным средством для выравнивания международных балансов-излишков и дефицитов ввоза и вывоза.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

ПРЕВРАЩЕНИЕ ДЕНЕГ В КАПИТАЛ.

1. Что такое капитал?

Во второй главе мы проследили развитие товарного обращения из обмена продуктов.

Сделаем теперь дальнейший шаг. При простом товарном обращении товаровладелец продает свои товары, чтобы купить другие. Но с течением времени из этой формы обращения товаров развивается другая: *покупка с целью продажи*. Формула простого товарного обращения, как мы знаем, гласит: товар — деньги — товар; формула новой формы обращения такова: деньги — товар — деньги.

Сравним эти формулы одну с другой.

Движение: товар — деньги — товар имеет целью *потре-*

бление. Я продаю товар, который не представляет для меня потребительной стоимости, чтобы приобрести другие товары, которые для меня являются такой стоимостью. Круговорот: товар — деньги — товар является замкнутым в себе самом. Вырученные при продаже деньги превращаются в товар, который потребляется и выходит из сферы обращения. А деньги отдаются раз навсегда и в своем движении отдаляются от своего прежнего владельца. Товар, которым заканчивается круговращение, при нормальных условиях простого товарного обращения, — а только о таких условиях может здесь итти речь, — по своей стоимости как раз равен тому, с которого круговращение началось.

Не то получится при круговращении деньги — товар — деньги. Последнее не имеет целью потребление. Круговращение заключается не товаром, а деньгами. Деньги, которые при его начале выбрасываются в обращение, не отданы навсегда, но лишь *уплачены авансом*. Они снова возвращаются к своему первоначальному владельцу. Самое круговращение уже не замкнуто в себе самом, а постоянно повторяется, уносясь все дальше и дальше; деньги, уплаченные авансом, возвращаются назад, чтобы снова быть брошенными в обращение и снова возвратиться назад; затем тот же процесс без конца повторяется сначала. Движение денег, порождаемое круговращением деньги — товар — деньги, беспредельно.

Однако в чем же заключается движущая сила этого круговращения? Движущая сила круговращения: товар — деньги — товар ясна; напротив, круговращение: деньги — товар — деньги не кажется ли бессмысленным? Когда я продаю Библию, чтобы на вырученные деньги купить хлеба, то в конце круговращения в моем распоряжении оказывается совсем *иной* товар, чем в начале, хотя стоимость его та же самая. Первый товар удовлетворяет мой духовный голод, но очень мало помогает мне, когда этот последний уже удовлетворен, когда, напр., я знаю Библию наизусть, но не имею средств к удовлетворению физического голода. Но когда я покупаю на 100 рублей картофеля, чтобы снова продать его за 100 рублей, то в конце процесса я оказываюсь на том же самом месте, как и в начале; весь процесс не представляет ни цели, ни выгоды. Последняя оказалась бы лишь в том случае, когда денежная сумма в конце сделки была бы *иная*, чем в начале. Но денежные суммы разнятся одна от другой только своей *величиной*. Таким образом, круговращение: деньги — товар — деньги лишь в том случае не будет бесцельным, если денежная сумма, которою он заключается, будет больше той, которою он начинается. Это *увеличение* денежной суммы и в действительности составляет

побудительный мотив круговращения. Кто покупает с целью продажи, тот покупает, чтобы продать *дороже*. Круговращение деньги — товар — деньги протекает нормально лишь в том случае, если денежная сумма в конце оказывается *большей*, чем в начале. Круговращение же: товар — деньги — товар, как мы знаем, лишь тогда идет нормально, когда стоимость товара, которым оно заканчивается, та же самая, что и у товара, которым оно начинается.

Всякая покупка есть в то же время и продажа, и наоборот. Поэтому круговращение: деньги — товар — деньги имеет, повидимому, тот же смысл, что и круговращение: товар — деньги — товар. Однако для нас ясно уже, что оба круговращения отличаются друг от друга *по существу*.

Если — оставаясь при нашем примере — я покупаю картофель за 100 рублей, чтобы снова перепродать его, то я делаю это с целью продать его дороже, напр., за 110, т. е. за 100 + 10 рублей, следовательно, вообще говоря, за сумму, равную первоначальной, плюс некоторая *надбавка*. Если мы обозначим товар буквой *Т*, первоначальную сумму денег буквой *Д*, добавочную сумму денег — *д*, то мы сможем изобразить полную формулу: деньги — товар — деньги следующим образом:

$$Д — Т — (Д + д).$$

Это *д*, избыточную стоимость, которая обнаруживается в конце круговращения сверх первоначально авансированной стоимости, Маркс называет *прибавочной стоимостью*. Ее точно так же не следует смешивать с *формами ее проявления*, — прибылью, процентом и пр., как стоимость — с ценой. В нашем изложении покамест дело идет только об *основах*, а не о *формах проявления* экономических категорий. Говорим это во избежение недоразумений.

Прибавочная стоимость представляет собою отличительное свойство круговращения $Д — Т — (Д + д)$. Более того: стоимость, которая обращается в этой форме круговращения, сама получает благодаря прибавочной стоимости новый характер,—она становится *капиталом*.

Капитал может быть понят только внутри этого *движения*. Это — *стоимость, приносящая прибавочную стоимость*. Кто отвлекается от этого движения и хочет понять капитал, как неподвижную вещь, тот всегда будет наталкиваться на противоречие. Отсюда — наблюдающаяся в распространенных экономических учебниках путаница по вопросу о понятии капитала, о том, какие *вещи* можно назвать капиталом. Один определяет его как орудие труда, и в этом случае мы подходим к капиталистам каменного века, и даже обезьяна,

которая разбивает камнем орех, также будет уже капиталистом. Равным образом и палка, которою бродяга сбивает плоды с дерева, становится капиталом, а сам бродяга — капиталистом. Другие определяют капитал, как сбереженный труд, благодаря чему хомяки и муравьи удостаиваются чести фигурировать в звании коллег Ротшильда, Блейхредера и Круппа. Некоторые экономисты зачисляют в капитал решительно все, что облегчает труд или делает его более производительным, напр. государство, знания человека, его дух.

Ясно, что подобные общие определения ведут лишь к общим местам, которые с большой пользой можно прочесть в детских букварях, но нисколько не облегчают нам познания форм человеческого общества, его законов и движущих сил. Маркс первый изгнал из области политической экономии общие места, которые до него пользовались в некоторых ее областях почти неограниченным господством. В особенности это наблюдалось при изложении свойств и качеств капитала.

Мы видели, что капитал есть стоимость, приносящая прибавочную стоимость, а его общая формула такова: $Д — Т — (Д + д)$. Уже из этой последней вытекает заключение, подтверждаемое фактами, а именно, что *деньги* есть та форма, с которой каждый новый капитал начинает свое движение. Из этой же формулы явствует также, что движение капитала необходимым образом обусловливает его превращение из денежной формы в разнообразные формы товаров, равно как и обратное превращение из этих форм в деньги.

Мы видим также из этой формулы, что не всякие деньги и не всякий товар являются капиталом, что они становятся капиталом лишь в том случае, если они проделывают определенное *движение*. Но для этого движения опять-таки необходимы особые исторические предпосылки, с которыми мы еще познакомимся. А деньги, которые я отдаю, покупая предмет потребления, например хлеб или сюртук, столь же мало исполняют функцию капитала, как и товар, который я сам произвел и затем продаю.

Конечно, средства производства, накопленный труд и т. п. образуют материю капитала, но только при известных обстоятельствах. Отвлекаясь от этих последних, мы тем самым отвлекаемся от особенностей современного способа производства и покрываем последний мраком, в котором очень удобно перешептываться, тем более что все ученые и неученые представители капитализма знать ничего не хотят ни о марксовой теории капитала, ни о теории стоимости, на которой она основана.

2. Источники прибавочной стоимости.

Мы знаем теперь общую формулу капитала: $Д — Т — (Д + д)$. Но мы еще не знаем, откуда происходит $д$ — прибавочная стоимость. Данная формула как будто бы показывает, что прибавочная стоимость порождается актами покупки и продажи, что она, следовательно, проистекает из товарного обращения. Такое воззрение очень популярно, но оно по большей части покоится на смешении *меновой стоимости* с *потребительной*. С особенным правом это можно сказать относительно того утверждения, что при обмене обе стороны выигрывают, так как каждый отдает то, в чем он не нуждается, и получает то, что ему нужно. Об этом говорят в таких выражениях: „Я отдаю вещь, обладающую для меня малой стоимостью, и получаю за нее такую, которая представляет для меня большую стоимость“. Такое представление о возникновении прибавочной стоимости возможно лишь тогда, когда самое понятие стоимости еще весьма смутно. Чтобы удовлетвориться такими представлениями, нужно, с одной стороны, забыть, что обмен товаров покоится как раз на *неравенстве их потребительных стоимостей*, но в то же время на *равенстве стоимостей меновых*. С другой стороны, нужно быть столь же добродушным, как и большая часть читателей вульгарных экономистов, чтобы все без разбору, что бы они ни рассказывали, принимать за чистую монету и на самом деле поверить, что, напр., коммерческие операции современного купца стоят на одинаковой ступени с первобытным обменом между дикарями. Мы знаем уже, что прибавочная стоимость возникает не в эпоху *обмена*, а в эпоху *товарного обращения*, которое совершается при посредстве *денег*, и что прибавочная стоимость, появляется на сцену в виде избытка *денег*. Следовательно, о какой-либо „прибыли“, которую я приобретаю, получая вещь, имеющую для меня потребительную стоимость, и отдавая вещь, не имеющую для меня такой стоимости, не может быть и речи при сделке, которая изображается формулой $Д — Т — (Д + д)$.

Здесь мы встречаемся с маневром вульгарной экономии, к которому она охотно прибегает, когда дело идет об ее главной задаче, — о том, чтобы затруднить познание современных экономических отношений: она приравнивает в этом случае современные явления к явлениям давно прошедших времен.

В настоящий момент мы имеем дело уже не с обменом, а с товарным обращением. При нормальных условиях по-

следнее столь же мало, как и обмен, может создавать прибавочную стоимость, если равные меновые стоимости всякий раз обмениваются на равные же меновые стоимости.

Но допустим, что законы товарного обращения нарушены; представим себе, что владельцы товаров получили привилегию продавать товары с надбавкой в цене 10% против их первоначальной стоимости. Теперь портной продает сюртук не за 30, а за 33 руб. Но, о горе! За бочонок вина, который он раньше покупал за 30 руб., он теперь должен уплатить также 33 руб. Таким образом, он не выиграл ничего.

Мы можем сделать еще одну попытку объяснить возникновение прибавочной стоимости тем, что не все, но только некоторые товаровладельцы умеют покупать товары ниже, а продавать — выше их стоимости. Купец покупает у крестьянина 40 центнеров картофеля, стоящие 100 руб. — за 90 руб., а продает их портному за 110 руб. В конце оборота в руках у купца оказывается бóльшая стоимость, чем была в начале его. Но общая масса всех имеющихся налицо стоимостей остается при этом прежней. Мы имели вначале стоимость в 100 руб. (у крестьянина) + 90 руб. (у купца) + + 110 руб. (у портного) = 300 руб.; в конце: 90 руб. (у крестьянина) + 110 руб. (у купца) + 100 руб. (у портного) = = 300 руб.

Следовательно, бóльшая стоимость в руках купца оказалась не в результате непосредственного увеличения стоимости, а в результате уменьшения стоимости в руках других. Если я пожелаю назвать такую увеличенную стоимость прибавочной стоимостью, то я с таким же правом могу дать это название и той стоимости, которую вор непосредственно похищает из чужого кармана.

Впрочем, историческое происхождение присвоения прибавочной стоимости имеет именно такую форму присвоения чужой стоимости либо в процессе товарного обращения через посредство *торгового капитала*, либо совершенно открыто, вне этого процесса, через посредство *ростовщического капитала*. Но оба эти вида капитала стали возможны лишь благодаря нарушению законов товарного обращения, — благодаря открытому и грубому нарушению его основного закона, гласящего, что стоимости обмениваются лишь на равные стоимости. Поэтому, пока капитал существовал лишь в форме торгового и ростовщического капитала, он стоял в *противоречии* к экономическому строю своего времени, а вместе с тем также и в противоречии к его *моральным* воззрениям. В древности, равно как и в средние века, торговля и, особенно, ростовщичество пользовались дурной репутацией; они одинаково клеймились как античными язы-

ческими философами, так и отцами церкви, как попами, так и реформистами.

Если мы пожелаем ознакомиться с типом млекопитающих, то не возьмем за образец *кладущего яйца* утконоса. Точно также, если мы хотим познать капитал, представляющий экономическую основу современного общества, то не должны исходить из его, так сказать, допотопных форм, — ростовщического и торгового капитала. Лишь после того как возникает другая, высшая форма капитала, возникают также и последующие звенья, которые приводят функции торгового и ростовщического капитала в соответствие с законами господствующей ныне формы товарного производства. Лишь с этого времени эти функции перестают носить неизбежный доселе характер простого мошенничества и прямого грабежа. Торговый и ростовщический капитал могут быть поняты лишь после того, как мы изучим основную форму капитала настоящего времени.

Теперь становится для нас понятным, почему Маркс в первых двух томах „Капитала" совсем не касался торгового и ростовщического капитала, — потому что эти томы посвящены исследованию лишь *основных законов* капитала.

Таким образом мы не имеем здесь надобности останавливаться долее на обеих упомянутых формах капитала. Что должно быть установлено в качестве результата исследования, — это тот факт, что прибавочная стоимость не может возникнуть из товарного обращения. Ни покупка, ни продажа не создают прибавочной стоимости.

Но, с другой стороны, прибавочная стоимость не может также возникнуть и вне области товарного обращения. Товаровладелец может своею работой видоизменить форму товара и придать ему, таким образом, *новую* стоимость, которая определяется количеством затраченного на него общественно-необходимого труда, но стоимость *первоначального* товара через это не увеличится; последний не приобретает таким путем никакой прибавочной стоимости. Если ткач покупает шелк стоимостью в 100 рублей и перерабатывает его в шелковую ткань, то стоимость этой ткани будет равна стоимости шелка плюс стоимость, созданная трудом ткача. Стоимость самого шелка этим трудом нисколько не будет увеличена.

Таким образом мы стоим перед странной загадкой: прибавочная стоимость не может быть порождена товарным обращением; но она не может также возникнуть и вне его области.

3. Рабочая сила как товар.

Подойдем поближе к общей формуле капитала. Она гласит: $Д — Т — (Д + д)$. Она слагается из двух актов: $Д — Т$, покупка товара, и $Т — (Д + д)$, его продажа. По законам товарного обращения стоимость $Д$ должна быть равна $Т$, а $Т$ равно $Д + д$. Но это возможно лишь тогда, когда $Т$ само увеличивается, т. е. когда $Т$ есть товар, который в процессе своего потребления производит бо́льшую стоимость, чем какою он сам обладает. Загадка прибавочной стоимости разрешается, как только мы найдем товар, которого потребительная стоимость обладает специфическим свойством быть источником стоимости, которого потребление есть созидание стоимости, так что по отношению к нему формула $Д — Т — (Д + д)$ означает: $Д — Т \ldots (Т + т) — (Д + д)$.

Но мы знаем, что меновая стоимость созидается только трудом. Следовательно, приведенная выше формула может соответствовать действительности лишь в том случае, *если рабочая сила становится товаром.*

„Под рабочей силой или работоспособностью, — говорит Маркс, — мы понимаем совокупность *физических* и *духовных* способностей, которыми располагает конкретный организм, живая личность человека и которые пускаются им в ход всякий раз, когда он производит какие-либо потребительные стоимости“. („Капитал“, I, 137.)

Рабочая сила должна появиться в качестве товара на рынке. Что это значит? Мы видели выше, что предпосылкой обмена товаров служит право товаровладельцев на совершенно свободное распоряжение своими товарами. Следовательно, собственник рабочей силы — рабочий — должен быть свободным человеком, если его рабочая сила должна стать товаром. Для того, чтобы его рабочая сила могла оставаться товаром и в будущем, рабочий должен продавать ее не навсегда, но на определенный срок: иначе он становится рабом и превращается из товаровладельца в товар.

Еще одно условие должно быть выполнено, раз рабочая сила должна стать товаром. Как мы видели, для того чтобы потребительная стоимость могла стать товаром, она не должна быть потребительною стоимостью для своего владельца. Точно так же и рабочая сила должна перестать быть потребительной стоимостью для рабочего, раз она должна появиться на рынке в качестве товара. Но потребительная стоимость рабочей силы состоит в производстве других потребительных стоимостей, причем предпосылкой такого производства является обладание необходимыми средствами

производства. Если рабочий обладает средствами производства, он не продает своей *рабочей силы*, но сам применяет ее и продает *продукты* своего труда. Чтобы рабочая сила стала товаром, рабочий должен быть отделен от средств производства и прежде всего от важнейшего из них—земли.

Рабочий должен быть свободным во всех отношениях, свободным от всякой личной зависимости, а также свободным и от всех необходимых средств производства: таковы предварительные условия для того, чтобы владелец денег мог превратить их в капитал. Эти предварительные условия не даются природой; равным образом они свойственны не всякому обществу. Они представляют результат медленного исторического развития и только сравнительно поздно получают такое распространение, что оказываются в состоянии определенным образом влиять на общественный строй. Новейшая история существования капитала начинается с XVI века.

Мы знаем теперь товар, создающий прибавочную стоимость. Как же велика его собственная стоимость?

Она определяется, подобно стоимости всякого другого товара, *рабочим временем, общественно необходимым для ее производства, а следовательно, и воспроизводства.*

Рабочая сила предполагает существование рабочего. Это существование, с своей стороны, нуждается для своего поддержания в известной сумме *средств к жизни.* Следовательно, рабочее время, необходимое для производства рабочей силы, равняется рабочему времени, общественно-необходимому для производства такой суммы средств к жизни. Ряд обстоятельств определяет величину этой суммы. Чем больше расходуется рабочая сила рабочего, чем дольше и напряженнее он работает, тем больше средств к жизни требует он, чтобы восстановить затрату энергии, чтобы быть в состоянии работать завтра точно так же, как он работал вчера. С другой стороны, потребности рабочего класса в различных странах различны, соответственно естественным и культурным особенностям каждой страны. Норвежский рабочий нуждается в большей сумме средств к жизни, чем индусский; пища, одежда, жилище, топливо и пр., в которых нуждается первый для поддержания своего существования, требуют большего количества рабочего времени для своего производства, чем средства к жизни индусского рабочего. Далее: в такой, скажем, стране, где рабочие ходят босиком или ничего не читают, их потребности ограниченнее, чем там, где они, при равенстве климатических и иных естественных условий, более развиты, где они, напр., носят обувь и читают книги и газеты. „Итак, — говорит Маркс, —

в противоположность другим товарам, определение стоимости рабочей силы включает в себя исторический и моральный элемент". („Капитал", I, 141.)

Затем, как известно всякому, рабочий смертен. Но капитал желает быть бессмертным. Для этого необходимо, чтобы рабочий класс был бессмертен, чтобы рабочие *продолжали свой род*. Следовательно, сумма средств к жизни, необходимых для поддержания рабочей силы, включает в себя также и средства к жизни, необходимые для существования детей (а иногда и жены) рабочего.

Наконец, к издержкам производства рабочей силы надо причислить также и издержки на ее образование, издержки, требующиеся для достижения известной искусности в определенной отрасли работы. Для большинства рабочих эти издержки ничтожно малы.

Все эти обстоятельства обусловливают то, что стоимость рабочей силы внутри определенного рабочего класса в определенной стране и в определенное время есть величина определенная.

До сих пор мы говорили не о цене, а о стоимости; не о прибыли, а о прибавочной стоимости. Точно так же и здесь нужно иметь в виду, что мы говорим о *стоимости рабочей силы*, а не о *заработной плате*. Однако уже здесь необходимо указать на одну особенность, которая наблюдается при оплате рабочей силы. По взглядам вульгарных экономистов, капиталист платит рабочим авансом, так как он в большинстве случаев платит рабочему раньше, чем успеет продать продукт его труда. В действительности же именно рабочий дает в кредит капиталисту свой труд.

Допустим, что я покупаю картофель, чтобы употребить его на производство водки. При этом я плачу за картофель лишь после того, как выделаю из него водку, хотя прежде, чем продам последнюю. Не смешно ли было бы, если бы я стал утверждать, что я уплачиваю крестьянину авансом цену его картофеля, так как я плачу ему прежде, чем успею продать водку? Наоборот, крестьянин кредитует меня ценой своего картофеля на тот срок, пока я не выделаю из него водки. Если я говорю, что плачу наличными, то это значит, что я уплачиваю за товар, как только покупаю его. Купцы немало подивились бы моей экономической мудрости, если бы я стал утверждать, что тот, кто оплачивает их товары лишь после того, как они будут потреблены, не только платит наличными, но даже *платит* им деньги *авансом*. Однако вульгарные экономисты до сих пор решаются молоть подобный вздор рабочим. Если бы у рабочих их товар — рабочая сила — покупался за наличные, то он

оплачивался бы в тот самый момент, когда он переходит в распоряжение капиталиста, т. е. *в начале* каждой недели, а не *в конце* ее. При нынешней же системе оплаты рабочие не только рискуют своей заработной платой, но принуждены также жить взаймы и вследствие этого покорно мириться с дурными качествами и фальсификацией средств к жизни, приобретаемых в мелочной лавке. Чем длиннее сроки расчета, тем хуже приходится рабочим. Двухнедельный, а то и месячный сроки расплаты — это тяжкое бремя, лежащее на наемном рабочем.

Однако какова бы ни была система уплаты заработка рабочим, рабочий и капиталист при нормальных условиях всегда противостоят друг другу в качестве двух товаровладельцев, обменивающих равные стоимости одна на другую. Движение капитала совершается отныне уже не вопреки законам товарного обращения, но на основании этих законов. Следовательно, рабочий и капиталист противостоят друг другу, как *свободные* и *равные*, независимые один от другого лица. Как таковые, они принадлежат к одному и тому же классу, они — братья. Рабочий и капиталист обменивают *равные* стоимости одна на другую: царство справедливости, свободы, равенства и братства — тысячелетнее царство счастья и мира кажется наступившим вместе с воцарением системы наемного труда. Бедствия нищеты и тирании, эксплоатации и кулачного права лежат позади нас.

Так возвещают нам ученые представители интересов капитала.

ОТДЕЛ ВТОРОЙ.

ПРИБАВОЧНАЯ СТОИМОСТЬ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

ПРОЦЕСС ПРОИЗВОДСТВА.

В первом отделе мы в большинстве случаев оставались в области товарного рынка. Мы видели, как товары обмениваются, продаются и покупаются, как деньги выполняют самые различные функции, как из денег образуется капитал, лишь только на рынке появляется товар — рабочая сила.

Но вот капиталист купил рабочую силу и возвращается с новым приобретением с *рынка*, где оно ему покамест совершенно не нужно, — туда, где он может ее потребить, пустить в ход, — *в мастерскую*. Последуем за ним туда. Оставим область *товарного обращения* и углубимся в область *производства*. Этой области и должно быть посвящено дальнейшее изложение. „Потребление рабочей силы — это самый труд“. („Капитал“, I, 148.) Капиталист потребляет купленную им рабочую силу, заставляя продавцов ее работать на него, производить товар.

Труд, производящий товары, имеет, как мы видели в первом отделе, две стороны: он есть творец потребительных стоимостей и стоимостей меновых. Как творец потребительных стоимостей, труд нимало не представляет специфического свойства товарного производства, но является всегда необходимым условием существования человеческого рода независимо от той или иной формы общественного строя. Как таковой, труд обусловливается тремя моментами: 1) *целесообразной и планомерной деятельностью людей;* 2) *предметом труда;* 3) *орудием труда.*

Труд есть планомерная и целесообразная деятельность человека, его воздействие на продукт природы с целью придать последнему пригодный для человеческого потребления вид. Элементы подобной деятельности мы находим уже в царстве животных, но только на известной ступени развития человеческого общества деятельность эта освобо-

ждается от инстинктивной формы и становится целесообразной. Всякий труд есть не только труд мускульный, но также мозговой и нервный. Вот меткое замечание Маркса: „Оставляя в стороне напряжение тех органов, которыми выполняется труд, целесообразная воля, выражающаяся во внимании, необходима во все время труда, и притом необходима тем более, чем меньше труд увлекает рабочего своим содержанием и способом исполнения, следовательно, чем меньше рабочий наслаждается трудом, как игрой физических и интеллектуальных сил".

Рабочий воздействует на известный предмет — *предмет труда;* он пользуется при этой деятельности вспомогательными орудиями — предметами, механические, физические или химические свойства которых он заставляет, сообразно со своими целями, воздействовать на предмет труда; эти вспомогательные орудия суть *орудия (средства) труда.* Результат обработки предмета труда с помощью орудий труда есть *продукт.* Орудия труда и предмет труда вместе составляют *средства производства.*

Если столяр изготовляет стол, то при этом он обрабатывает дерево. Если предмет труда не дается природой, как, напр., дерево в первобытном лесу, но для его добывания оказалось необходимым затратить известный труд, напр. в данном случае работу рубки и перевозки дерева, то он называется *сырым материалом.* Дерево в нашем примере есть *сырой материал,* равно как и клей, краска, лак, которые применяются при изготовлении стола. Дерево при этом является *главным материалом,* клей, краска, лак — *вспомогательными материалами.* С другой стороны, рубанок, пила и пр. представляют собою *орудия труда,* а самый стол — *продукт.*

„Является ли известная потребительная стоимость сырым материалом, средством труда или продуктом, это всецело зависит от ее определенной функции в процессе труда, от того места, которое она занимает в нем, и с переменой этого места изменяются и ее назначения".

Напр., скот может фигурировать то как *продукт* (в скотоводстве), то как *орудие труда* (напр., как двигательная сила), то как *сырой материал* (при откармливании на мясо).

Орудия труда имеют величайшее значение для развития человеческого рода. Способ производства зависит прежде всего от них; а всякий способ производства обуславливает свойственные ему общественные отношения с соответствующими юридическими, религиозными, философскими и эстетическими надстройками.

При всяком способе производства средства производства

(предмет труда и орудия труда) и рабочая сила составляют необходимые элементы производства *потребительных стоимостей*, т. е. *процесса труда*. Но *общественный характер* этого процесса при различных способах производства различен.

Выясним, какой вид получает он при капиталистическом способе производства.

Для производителя товаров производство *потребительных стоимостей* есть лишь средство к цели — к производству *меновых стоимостей*. Товар есть единство потребительной стоимости и стоимости, следовательно, наш производитель не может производить стоимости, не производя потребительных стоимостей. Товары, которые он производит, должны удовлетворять известную потребность, должны быть кому-нибудь полезны, иначе он не сможет их сбыть. Однако для производителя товаров то обстоятельство, что его товар должен быть потребительной стоимостью, есть лишь необходимое зло, а не конечная цель его коммерческой деятельности.

Поэтому производственный процесс товарного производства есть в одно и то же время процесс производства *потребительных стоимостей и меновых стоимостей*, он есть единство *процесса труда* и *процесса образования стоимости*.

Эти замечания относятся ко всему товарному производству вообще. Но теперь мы должны рассмотреть процесс производства при товарном производстве особого типа: при производстве товаров с помощью *купленной рабочей силы* с целью получения *прибавочной стоимости*.

Какой характер приобретает при этом *процесс труда?*

Прежде всего, вмешательством капиталиста он не изменяется в существенном.

Вообразим себе, например, ткача, работающего на себя. Его ткацкий станок принадлежит ему; он сам покупает пряжу; он может работать, когда и как ему хочется; продукт его труда есть его собственность. Но вот он обеднел и должен продать свой станок. Чем он будет теперь жить? Ему не остается ничего иного, как наняться к капиталисту и ткать на него. Капиталист покупает его рабочую силу, покупает также ткацкий станок и необходимую пряжу и засаживает ткача за свой станок для переработки купленной пряжи. Быть может, ткацкий станок, купленный капиталистом, — тот самый, который должен был продать ткач в минуту нужды. Но если это даже и не так, то все же ткач ткет тем же способом, как и прежде, и внешним образом процесс труда нисколько не изменился.

Однакоже при этом произошли два крупных изменения: ткач работает уже не на себя, а на капиталиста; этот

последний контролирует теперь труд рабочего, наблюдает за тем, чтобы он не работал слишком лениво или слишком торопливо и т. д. Сверх того, продукт труда рабочего принадлежит теперь уже не этому последнему, а капиталисту.

Таковы ближайшие воздействия на *процесс труда*, как только капиталист овладевает процессом производства. Какую же форму приобретает теперь *процесс образования стоимости?*

Вычислим прежде всего, какой величины достигает стоимость продукта, произведенного в качестве товара для капиталиста купленною им рабочею силою с помощью купленных им средств производства.

Допустим, что капиталист покупает рабочую силу на один день. Пусть средства к жизни, необходимые для содержания рабочего, производятся втечение 6 часов общественно-необходимого рабочего времени. Это число часов овеществляется, скажем, в 3 рублях. Капиталист пусть покупает рабочую силу по ее полной стоимости; следовательно, он платит рабочему за рабочий день 3 руб. [1]).

Допустим далее, что капиталист считает бумажную пряжу такой потребительной стоимостью, которая пользуется большим спросом, а потому и более легким сбытом. Он решает поэтому производить пряжу и покупает с этой целью средства труда, — ради простоты предположим, что все они состоят только из прялок, — и хлопок. Предположим, что в фунте хлопка содержится 2 часа труда и что он стоит, следовательно, один рубль. Из фунта хлопка выходит фунт

---

1) Эти и следующие цифры, конечно, взяты совершенно произвольно, ради большей наглядности. Это, казалось бы, понятно само собой; однако некоторые из числа многочисленных критиков „Капитала“ притворялись, будто Маркс приводил *примеры*, подобные взятому нами, в качестве *фактов*. Как могут поступать комментаторы „Капитала“, показывает следующее: В 57 томе „Preussische Jahrbücher“ издаваемых г. Трейчке, некто д-р Р. Штегеман поместил расплывчатую статью об „основных экономических воззрениях Карла Маркса“ Выставив „принцип стоимости“ как основное *требование* Маркса, он тотчас же вслед затем рассказывает нам (стр. 227): „Маркс *утверждает*, что для производства необходимых для всех средств существования человеческому обществу нужен приблизительно лишь 6-часовой труд, в том случае если *каждый* будет работать по *своим силам*“. Обо всем этом в „Капитале“ нет ни слова. Если бы г. Штегеман обладал меньшей фантазией и бо́льшим вниманием, он нашел бы на определенной странице „Капитала“, что Маркс на основании данных, доставленных ему одним манчестерским фабрикантом, произвел расчет необходимого труда, который *действительно* должен был затрачивать прядильщик в одной прядильне в шестидесятых годах. Он пришел к заключению, что при 10-часовом рабочем дне необходимое рабочее время прядильщика не *достигает четырех часов*, а прибавочное время, втечение которого он производит прибавочную стоимость, несколько превышает шесть часов. Мы видим, далее, что рабочее время, необходимое для поддержания жизни рабочего, представляет очень изменчивую величину.

пряжи. Предположим, опять-таки, что при выработке 100 фунтов пряжи изнашивается одна прялка; следовательно, при выработке 1 фунта изнашивается $^1/_{100}$ прялки. В прялке заключается 20 часов труда или 10 руб. Втечение одного рабочего часа вырабатывается 2 фунта пряжи, следовательно, втечение 6 часов — 12 фунтов, — предполагая во всех этих случаях нормальные, средние общественно-необходимые условия производства.

Какая стоимость будет заключаться при таких условиях в 1 фунте пряжи?

Прежде всего в нее входит стоимость потребленных при ее изготовлении хлопка и прялки. Эта стоимость переходит в продукт, не уменьшаясь и не увеличиваясь. *Потребительная стоимость* хлопка и прялки изменилась, но их *стоимость* осталась прежней. Это станет ясно, если мы будем рассматривать различные производственные процессы, потребные для изготовления окончательного продукта, как последовательные звенья одного и того же производственного процесса. Допустим, что прядильщик есть в то же время и возделыватель хлопка и что хлопок, сейчас же после того как будет собран с поля, пойдет на изготовление пряжи; пряжа оказывается теперь продуктом труда хлопководства и пряденья, а ее стоимость измеряется рабочим временем, общественно необходимым для добывания хлопка и его переработки в пряжу. Стоимость продукта нисколько не изменится, если при всех прочих равных условиях производственные процессы, необходимые для его изготовления, будут вестись разными людьми. Таким образом стоимость переработанного хлопка переносится в пряжу; то же надо сказать и о стоимости изношенной прялки. Вспомогательные материалы мы, ради простоты, оставляем в стороне.

К этой *перенесенной* стоимости *присоединяется* еще стоимость, которую *прибавляет* к хлопку труд прядильщика. Втечение одного рабочего часа перерабатывается в пряжу 2 фунта; допустим, что в одном рубле заключается 2 рабочих часа; в таком случае 1 рабочий час создает стоимость в $^1/_2$ руб.

Следовательно, стоимость 1 фунта пряжи равна стоимости 1 фунта хлопка (1 руб.) $+$ $^1/_{100}$ прялки ($^1/_{10}$ руб.) $+$ $+$ $^1/_2$ рабочего часа ($^1/_4$ руб.), или, выражая в рублях: $1 + {}^1/_{10} + {}^1/_4 = 1$ руб. 35 коп.

По такому расчету втечение 6 часов будет выработано 12 фунтов пряжи стоимостью в 16 руб. 20 коп. А во что обошлось капиталисту достижение такого результата? Он должен был израсходовать 12 фунтов хлопка $=$ 12 руб.,

$^{12}/_{100}$ прялки = 1 руб. 20 коп. и 1 рабочую силу = 3 руб., а всего 16 руб. 20 коп., что равняется той именно стоимости, которой он владеет теперь в виде пряжи.

До сих пор вся работа не принесла капиталисту никакой пользы; купленный товар — рабочая сила — не создал ему покамест никакой прибавочной стоимости.

Однако наш капиталист не дает себя в обман. Он купил потребительную стоимость рабочей силы на *целый день;* он купил ее честно, без обмана, оплативши по ее полной стоимости; зато ему принадлежит право использовать ее потребительную стоимость вполне и целиком. Ему совсем не приходит в голову сказать рабочему: „Я издержал на покупку твоей рабочей силы монету, в которой заключается 6 часов рабочего времени; ты проработал на меня 6 часов; мы квиты, ты можешь уйти". Напротив, он скажет ему: „Я купил твою рабочую силу на весь день, она мне на весь день и принадлежит; итак, живо вперед, работай, пока можешь, нельзя терять ни минуты, так как время не твое, а мое", И он вместо 6 часов заставляет его работать до 12 часов.

По истечении 6 следующих часов, в конце рабочего дня, он снова производит расчет. Теперь у него уже 24 фунта пряжи стоимостью в 32 руб. 40 коп. А в числе издержек он считает 24 фунта хлопка = 24 руб., $^{24}/_{100}$ прялки = 2 руб. 40 коп. и 1 рабочую силу = 3 руб., а всего 29 руб. 40 коп. Он с улыбкой откладывает в сторону свою конторскую книгу.

Он приобрел или, как он выражается, „заработал" 3 руб. Он „заработал" их, он получил прибавочную стоимость, не нарушая законов обмена товаров. Хлопок, прялка, рабочая сила, — все было куплено по своей стоимости. Если он получил прибавочную стоимость, то только потому, что *потребил* купленные товары, впрочем, не в качестве *предметов потребления*, а в качестве *средств производства*, — и потому, что потребительную стоимость купленной им рабочей силы он потребил *свыше известного предела*.

При системе товарного производства процесс производства есть всегда в то же время и *процесс образования стоимости*, — безразлично, ведется ли он с помощью *купленной* или *своей собственной* рабочей силы; но, продолжаясь долее известного предела, процесс образования стоимости оказывается также и творцом *прибавочной стоимости* и, тем самым, *процессом возрастания стоимости*. Процесс производства должен *продолжаться дольше*, чем до возмещения стоимости купленной рабочей силы вновь созданной стоимостью, раз должна быть произведена прибавочная стоимость.

И крестьянин, обрабатывающий свою собственную землю, и ремесленник, работающий за свой собственный счет, мо-

гут работать сверх времени, необходимого для возмещения потребляемых ими средств к жизни. Следовательно, и они могут производить прибавочную стоимость, и их труд может стать процессом возрастания стоимости. Однако лишь тогда, когда процесс возрастания стоимости совершается с помощью *купленной чужой* рабочей силы, он становится *процессом капиталистического производства;* этот последний есть с самого начала, по своей природе, в силу необходимости — и по своей цели, — процесс возрастания стоимости.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

РОЛЬ КАПИТАЛА В ДЕЛЕ ОБРАЗОВАНИЯ СТОИМОСТИ.

В первой главе 1-го отдела мы познакомились с установленным впервые Марксом различием двойственного характера труда, производящего товары: с одной стороны, как *определенной формы полезной, производящей потребительные стоимости, работы*, и с другой — как *общечеловеческого, среднего простого труда, производящего меновые стоимости.* Соответственно этому двойственному характеру труда и самый производственный процесс при товарной системе производства раздвоен: он есть единство *процесса труда и процесса образования стоимости,* а в качестве капиталистического процесса производства он представляет единство *процесса труда* и процесса *возрастания стоимости.* В последней главе мы познакомились с обоими элементами процесса труда: средствами производства и рабочей силой. Но мы познакомились также и с различными ролями, какие играют оба эти элемента, в качестве частей капитала, в процессе возрастания стоимости. Мы видели, что средства производства совсем в иной форме принимают участие в образовании стоимости продукта, чем рабочая сила.

Мы нашли, что стоимость издержанных средств производства снова появляется в стоимости произведенного продукта. Перенесение этой стоимости происходит в процессе труда и при посредстве труда. Но почему это возможно? Труд должен выполнять одновременно двойную задачу, — создавать новую стоимость и переносить старую. Это может быть понято, лишь приняв во внимание двойственный характер труда, о котором мы только что упомянули. В качестве *образующего стоимость* общечеловеческого труда он создает новую стоимость; в качестве же производящей потребительную стоимость особенной формы полезной работы он переносит на продукт стоимость средств производства.

Только при помощи особенной формы работы — прядения — может быть перенесена стоимость хлопка и прялки на пряжу; напротив того, прядильщик имеет возможность ту стоимость, которую он создает в качестве прядильщика, создавать и путем иной формы работы, например в качестве столяра. Но тогда он уже не производит пряжи и не переносит, следовательно, стоимости хлопка на пряжу.

Двойственный характер труда, как *создающего стоимость* и как *переносящего стоимость*, станет особенно ясным, когда мы обратим внимание на влияние колебаний производительности труда на образование стоимости и на перенесение стоимости. Величина стоимости, создаваемой втечение одного рабочего часа, не изменяется, если при прочих равных условиях производительность труда возрастает или падает. Напротив, количество потребительных стоимостей, производимых втечение определенного промежутка времени, возрастает или падает вместе с производительностью труда. Следовательно, в той же степени возрастает или уменьшается и способность труда к перенесению стоимости.

Допустим, например, что какое-нибудь изобретение удвоит производительность труда прядильщика, тогда как производительность труда в производстве хлопка останется прежней. Пусть в одном фунте хлопка содержится 2 рабочих часа, так что он стоит, придерживаясь прежнего примера, 1 рубль. Раньше втечение 1 часа превращалось в пряжу 2 фунта хлопка, а теперь — 4 фунта. *Та же самая новая стоимость* — согласно нашему примеру — 50 коп.,— которая раньше *прибавлялась* к 2 фунтам втечение одного рабочего часа, теперь прибавится к 4 фунтам. Но теперь втечение одного часа труд прядильщика переносит в пряжу уже *двойную* стоимость: раньше — 2 рубля, теперь — 4.

Как видим, способность труда к сохранению или перенесению стоимости основывается на ином его свойстве, чем способность его к *созиданию* стоимости.

Так как никакое производство немыслимо без средств производства, то всякий труд, производящий товары, является не только *производящим* стоимость, но и *сохраняющим* ее, и притом не в том только смысле, что он переносит на продукт стоимость издержанных средств производства, но и в том, что он предохраняет стоимость последних от падения. Все земное — преходяще, и средства производства рано или поздно разрушаются, хотя бы они и не употреблялись. Некоторые из них, как, например, различные машины, как раз тем скорее портятся, чем дольше они бездействуют. А вместе с потребительной стоимостью средств производства исчезает также и меновая их стоимость. Если

потребление происходит нормальным образом в процессе производства, то стоимость, утраченная средствами производства, снова появляется в стоимости продукта. Если же средства производства уничтожаются, не будучи употреблены в производственном процессе, то их стоимость исчезает, но уже никогда не возрождается вновь. Капиталист обыкновенно не обращает внимания на эту сторону труда, но она дает ему себя очень осязательно чувствовать, когда он, например, вследствие кризиса, оказывается вынужденным прервать процесс производства. Маркс приводит в пример одну английскую бумагопрядильню, которая определила свой годовой убыток, вызванный хлопковым кризисом 1862 г., в 120 000 марок, в том числе 24 000 марок — по причине порчи машин.

Различные средства производства играют, впрочем, различную роль в отношении путей и способов перенесения стоимости. Одни теряют в процессе переработки свой вид,— как, напр., сырье и вспомогательные материалы. Другие же сохраняют при этом свой вид. Хлопок, превращенный в пряжу, теряет свой вид, тогда как прялка, которая прядет, нисколько его не теряет. Первые отдают в каждом процессе производства *всю* свою *стоимость* продукту, последние же — только *часть ее*. Если машина стоит 1 000 руб. и при нормальных условиях изнашиваетея втечение 1 000 дней, то в каждый рабочий день она передает произведенному за это время с ее помощью продукту стоимость в один рубль.

И здесь перед нами выступает двойственный характер процесса производства. Каким образом может машина передавать $^1/_{1000}$ своей стоимости определенному продукту? Ведь при изготовлении последнего не $^1/_{1000}$ машины, но вся она находится в действии. Такие возражения действительно делались. На них приходится ответить, что *вся* машина фигурирует в процессе производства лишь постольку, поскольку последний является *процессом труда;* наоборот, поскольку он оказывается *процессом возрастания стоимости*, в действии находится только соответствующая часть машины. В качестве *потребительной стоимости* в процессе участвует вся машина; в качестве же *стоимости* — лишь *часть* ее. В качестве *потребительной стоимости* машина *входит целиком* в каждый производственный процесс, в качестве же *стоимости* — только в некоторой своей части.

С другой стороны, в продукт может быть перенесена *вся стоимость* данного средства производства, но лишь часть его тела. Предположим, например, что для производства 100 фунтов пряжи требуется при нормальных условиях

115 фунтов хлопка, так что количество непотребленных отбросов равняется в нашем случае 15 фунтам; в таком случае в 100 фунтов пряжи переносится лишь 100 фунтов хлопка, но в стоимость 100 фунтов пряжи переносится стоимость 115 фунтов хлопка.

В процессе труда средства производства переносят на изготовляемый продукт как раз такую же стоимость, какую они при этом теряют сами. Они никогда не могут прибавить к нему стоимость бóльшую той, какою они сами обладают, как бы огромна ни была их потребительная стоимость. Весьма легкомысленными являются поэтому попытки вульгарных экономистов вывести прибавочную стоимость и ее превращенные формы, — процент, прибыль, земельную ренту — из *потребительной стоимости* средств производства, из их „услуг".

Стоимость израсходованных в процессе производства средств производства возрождается в неизменном виде в стоимости продукта.

Труд, однако, не только сохраняет стоимость, — он создает новую стоимость. Вплоть до известного момента труд, создающий новую стоимость, лишь возмещает стоимость, затраченную капиталистом на покупку рабочей силы. Когда же труд продолжается дольше указанного момента, он начинает производить избыточную стоимость, *прибавочную стоимость*.

„Итак, — говорит Маркс, — та часть капитала, которая превращается в *средства производства*, т. е. в сырой материал, вспомогательные материалы и средства труда, в процессе производства *не изменяет величины своей стоимости*. Поэтому я называю ее *постоянной*, неизменяющейся частью капитала или, короче, *постоянным капиталом*.

„Наоборот, та часть капитала, которая превращена в рабочую силу, в процессе производства *изменяет* свою стоимость. Она воспроизводит свой собственный эквивалент и, сверх того, излишек, *прибавочную стоимость*, которая, в свою очередь, может изменяться, быть больше или меньше. Из постоянной величины эта часть капитала непрерывно превращается в переменную. Поэтому я называю ее *переменной* частью капитала или, короче, *переменным капиталом*. Те самые составные части капитала, которые с точки зрения процесса труда различаются как объективные (вещественные) и субъективные (личные) факторы, как средства производства и рабочая сила, — с точки зрения процесса увеличения стоимости различаются, как постоянный капитал и переменный капитал". („Капитал" I, 180 — 181.)

Разумеется, величину стоимости постоянного капитала

следует принимать за постоянную лишь по отношению к процессу возрастания стоимости.

Процессом производства, в котором применяется постоянный капитал, величина его стоимости не изменяется, но, разумеется, она может испытывать на себе влияние других факторов. Равным образом может изменяться и отношение между постоянным и переменным капиталом. К этому вопросу мы еще вернемся дальше.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

НОРМА ЭКСПЛОАТАЦИИ РАБОЧЕЙ СИЛЫ.

Возьмем для примера какой-нибудь капитал, скажем, в 5 000 руб. Разделим его на две части — на денежную сумму, затрачиваемую на закупку средств производства, — постоянный капитал c, который мы примем равным 4 100 руб., и на другую сумму, которая служит для закупки необходимой рабочей силы — переменный капитал v, который пусть будет равен 900 руб. Постоянный капитал, в свою очередь, распадается на две части: сырые материалы и пр., стоимость которых целиком переносится на продукт, и орудия и пр., которые при каждом отдельном процессе производства передают продукту лишь часть своей стоимости. В последующем изложении мы не будем, однако, принимать во внимание это различие, так как оно, нисколько не изменяя результатов, только запутывало бы задачу. Итак, мы предполагаем ради простоты, что стоимость всего затраченного капитала переносится сполна на продукт.

Капиталист покупает средства производства и рабочую силу и пускает их в ход. В конце процесса производства стоимость затраченного капитала увеличивается на сумму прибавочной стоимости, которая равна 900 руб. Следовательно, теперь капиталист имеет $c + v + m = 4\,100 + 900 + 900 = 5\,900$ руб. Из этой суммы 4 100 руб. составляют перенесенную стоимость, а $900 + 900$ руб. — вновь созданную.

Ясно, что величина стоимости постоянного капитала не имеет никакого влияния на величину произведенной прибавочной стоимости. Разумеется, без средств производства немыслимо производство, и чем продолжительнее процесс производства, тем больше их требуется. Поэтому для производства определенного количества прибавочной стоимости требуется приложение определенной массы средств производства, которая определяется техническим характером про-

цесса труда. Но величина *стоимости* этой массы не имеет никакого влияния на величину прибавочной стоимости.

Если я занимаю 300 рабочих, причем дневная стоимость рабочей силы каждого равна 3 руб., а стоимость, которую каждый создает в течение одного дня, равна 6 руб., то эти 300 рабочих произведут втечение одного дня стоимость, равную 1 800 руб., из которых 900 руб. будут составлять прибавочную стоимость, — независимо от того, какова будет стоимость потребленных ими средств производства, — 2 000, 4 000 или 8 000 руб. *Образование стоимости и изменение ее величины* в процессе производства совершенно не зависит от стоимости авансируемого постоянного капитала. Поскольку поэтому перед нами стоит задача изучить оба эти процесса в их чистом виде, мы можем совершенно игнорировать постоянный капитал, приравняв его к нулю.

Итак, из всего капитала, затраченного на производство, мы будем здесь принимать во внимание только переменную часть v, а из стоимости продукта — только стоимость, вновь созданную трудом, которая равна стоимости затраченного переменного капитала, плюс прибавочная стоимость, $v + m$. Отношение прибавочной стоимости к затраченному переменному капиталу равно в нашем случае $900 : 900 = 100\%$.

Этот относительный прирост переменного капитала или относительную величину прибавочной стоимости Маркс называет *нормой прибавочной стоимости*. Ее нельзя, как это часто происходит, смешивать с *нормой прибыли*. Прибыль имеет источником прибавочную стоимость; но она не есть прибавочная стоимость.

Для того, чтобы в течение рабочего дня произвести стоимость, равную стоимости своей рабочей силы, т. е. равную v, рабочий должен проработать известное время, — по нашему прежнему предположению 6 часов. Это рабочее время *необходимо* для поддержания жизни самого рабочего. Маркс называет его *необходимым рабочим временем*. Ту же часть дня, втечение которой рабочий работает сверх необходимого рабочего времени и производит стоимость не в возмещение своей рабочей силы, но создает прибавочную стоимость для капиталиста, Маркс называет *прибавочным*, избыточным *рабочим временем*, а труд, совершаемый втечение этого времени — *прибавочным трудом*.

Прибавочный труд находится к необходимому труду в том же отношении, как прибавочная стоимость к переменному капиталу; следовательно, норму прибавочной стоимости мы можем выразить через $\frac{m}{v}$ или $\frac{\text{прибавочный труд}}{\text{необходимый труд}}$.

Прибавочная стоимость овеществляется в продукте, который Маркс называет *прибавочным продуктом*. Поэтому ее отношение к переменному капиталу может быть также изображено в виде отношения одной части продукта к другой его части. Однако при анализе этого отношения, где дело идет не о вновь созданной стоимости, а о готовом *продукте*, мы уже не можем, как прежде, игнорировать постоянный капитал, составляющий часть стоимости продукта.

Предположим, что втечение 12-часового рабочего дня рабочим производится 20 фунтов пряжи стоимостью в 30 руб. Стоимость превращенного в пряжу хлопка равняется 20 руб. (20 фунтов по 1 руб.). Изнашивание прялки и т. п. составляет 4 руб.; стоимость рабочей силы — 3 руб. Норма прибавочной стоимости пусть будет равна 100%. Таким образом стоимость пряжи, составляющая 30 руб., равна 24 руб. (c) + 3 руб. (v) + 3 руб. (m); эта стоимость воплощается в 20 фунтах пряжи, т. е. постоянный капитал воплощается в 16 фунтах, переменный — в 2 фунтах, а прибавочная стоимость — тоже в 2 фунтах.

20 фунтов пряжи производятся втечение 12 час., иначе говоря, втечение 1 часа производится $1^2/_3$ фунта. 16 фунтов, в которых воплощается стоимость постоянного капитала, произведены втечение 9 час. 36 мин., 2 фунта, содержащие стоимость переменного капитала — втечение 1 часа 12 минут, равно как и те 2 фунта, в которых воплощается прибавочная стоимость.

По нашему подсчету выходит, как будто, что прибавочная стоимость производится не втечение 6 часов, как мы предположили, а втечение 1 часа 12 минут. В самом деле, такой именно подсчет и производят фабриканты, убедительно доказывая, что их прибыль производится втечение *последнего* рабочего *часа*, так что, если сократить рабочее время хотя бы на один только час, то получение прибыли станет совершенно невозможным, и промышленность будет разорена. Уже в 1836 г. такой расчет английские фабриканты и их ученые и неученые представители, с Сеніором во главе, выдвигали против всякого законодательного ограничения рабочего времени. Тот же самый аргумент был подогрет и снова пущен в ход в Германии и Австрии для борьбы против нормировки рабочего дня, не взирая на то, что фактический опыт Англии самым решительным образом доказал полную его несостоятельность. В Англии в различных отраслях промышленности рабочий день был сокращен законодательным путем, — мы еще возвратимся к этому вопросу ниже, — причем промышленность не была

разорена и даже не сократились заметно барыши господ фабрикантов.

Вся приведенная аргументация покоится на смешении потребительной стоимости с стоимостью. *Потребительная стоимость* 2 фунтов пряжи, действительно, производится в последний час, но не их стоимость. Ведь 2 фунта пряжи не появились вдруг из ничего. В них содержится не только 1 час 12 минут труда прядильщика, но и стоимость 2 фунтов сырого материала, а по нашему предположению (1 фунт пряжи = 1 руб., 1 руб. = 2 рабочим часам) в 2 фунтах холста воплощаются 4 рабочих часа; сверх того, прялка и т. п. передает 2 фунтам пряжи стоимость, производимую в течение 48 минут общественно-необходимого рабочего времени. Следовательно, для изготовления 2 фунтов пряжи, произведенных втечение 1 часа 12 минут, в действительности требуется *шесть* рабочих часов. Если бы рабочий в нашем примере действительно производил втечение 1 часа 12 минут всю прибавочную стоимость, которая представляет продукт стоимостью в 6 часов, то он должен был бы оказаться в состоянии втечение 12-часового рабочего дня создать стоимость, соответствующую 60 рабочим часам. И в такую бессмыслицу могли поверить фабриканты!

Так как отголосок этого аргумента мы и поныне находим в некоторых кругах, то следует осветить еще одну из его сторон. Вычислим, какова была бы норма прибавочной стоимости в случае сокращения рабочего дня с 12-ти до 11 часов, при указанных выше условиях [1]).

В этом случае у нас будет уже не 24 руб. постоянного капитала, а только 22, так как теперь перерабатывается меньше ($18^1/_3$ фунтов хлопка = $18^1/_3$ руб., изнашивание прялки и пр. только $3^2/_3$ руб.); к этому надо присоединить переменный капитал в 3 руб. (мы предполагаем, что заработная плата за 11 часов остается та же, что и раньше за 12 часов) и прибавочную стоимость в $2^1/_2$ марки. Таким образом норма прибавочной стоимости равняется уже не 100, а $83^1/_3$ процента.

---

[1]) Мы предполагаем приэтом, что сокращение рабочего времени с 12 до 11 часов сопровождается также и понижением производительности труда на $^1/_{12}$. В действительности же это — отнюдь не обязательное следствие. Обыкновенно сокращение рабочего времени сопровождается повышением энергии, ловкости, напряженности внимания, понимания, словом—работоспособности рабочего, которая иногда может повыситься до такой степени, что рабочий втечение более короткого времени начинает производить больше, чем прежде, когда он работал дольше. Впрочем, с этим следствием сокращения рабочего времени мы в данном случае не будем считаться,—ради простоты мы не принимаем его во внимание.

Мы получаем в виде продукта всего $18^1/_3$ фунта пряжи, стоимостью в $27^1/_2$ руб. Постоянный капитал воплощен в $14^2/_3$ фунтах, переменный — в 2 фунтах, прибавочная стоимость — в $1^2/_3$ фунта; $14^2/_3$ фунта производятся втечение 8 часов 48 минут, 2 фунта — втечение 1 часа 12 минут и, наконец, то количество пряжи, в котором содержится прибавочная стоимость — втечение 1 часа. Следовательно, благодаря сокращению рабочего времени на *один час* время, затраченное на производство прибавочного продукта, содержащего в себе прибавочную стоимость, сократилось не на один час, *а только на 12 минут*. Арифметическая задача фабрикантов основана на несообразном допущении, что втечение 11 часов будет выработано продукта на $^1/_{12}$ меньше, тогда как средств производства (сырых материалов и пр.) будет потреблено столько же, как и втечение 12 часов.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

ПРИБАВОЧНАЯ СТОИМОСТЬ И ПРИБЫЛЬ.

То же различие, которое существует между *стоимостью* и *ценой*, существует также между прибавочной стоимостью и прибылью. Практика—продавца или покупателя—интересует *цена* товара и, сообразно с этим, только законы цен, потому что их знание может помочь его коммерческим расчетам и спекуляциям. Лежащие же в основании цен законы стоимости интересуют, напротив, только теоретика, для которого вопрос сводится не к тому, чтобы подешевле купить и подороже продать, а чтобы исследовать *общественные связи*, устанавливаемые товарным производством.

В свою очередь, капиталиста-практика интересует также не прибавочная стоимость, а прибыль. Он хочет не исследовать отношения между капиталом и трудом, а получать возможно большую прибыль. Ему совершенно безразлично, какой затратой труда создается его прибыль: ведь не *его* труд ее создает; однако же она создается с помощью его денег. Поэтому он сопоставляет полученную прибавочную стоимость не с количеством израсходованного при ее производстве труда, а с количеством затраченных для этой цели денег.

Если *движение* производства прибавочной стоимости изображается формулой $Д — Т — (Д + д)$, то капиталист измеряет свою прибыль отношением $д$ к $Д$. Это отношение не тожественно с $\frac{m}{v}$, т. е. с отношением прибавочной стои-

мости к переменному капиталу. Денежная сумма, которую капиталист должен выдать для производства, должна быть таких размеров, чтобы ее хватило для оплаты не только заработной платы, но также и фабричных зданий, машин, сырья, вспомогательных материалов, короче — всего того, что Маркс называл „постоянным капиталом".

Уже вследствие одного этого обстоятельства даже в тех случаях, когда прибавочная стоимость и прибыль совершенно совпадают, *норма прибыли* отличается от нормы прибавочной стоимости. Если норму прибавочной стоимости выразить формулой $\frac{v}{m}$, то норма прибыли выразится отношением $\frac{c+v}{m}$.

Заметим еще, что во многих производствах, особенно в сельском хозяйстве, год составляет естественный производственный период, по истечении которого производство возобновляется сначала. Поэтому установилось обыкновение вычислять норму прибыли в виде отношения всего количества *годовой* прибыли к количеству капитала, затраченного втечение того же года на производство.

Ясно наперед, что норма прибыли должна разниться от нормы прибавочной стоимости.

В предыдущей главе мы взяли в виде примера капитал в 5 000 руб., из которых 4 100 составляет постоянный, 900 — переменный капитал и 900 руб. — прибавочную стоимость. Норма прибавочной стоимости составляла, следовательно, $\frac{900}{900}$ или 100%. Напротив, норма прибыли в этом случае равняется $\frac{900}{5\,000}$ или 18%.

Но между нормой прибавочной стоимости и нормой прибыли кроме этого чисто формального различия, основанного на ином способе расчета, обнаруживается еще и другое.

Очевидно, что одна и та же норма прибавочной стоимости даст различные нормы прибыли, если изменится состав капитала, т. е. если на то же количество заработной платы будут падать разные количества постоянного капитала. Но этот состав капитала необходимым образом должен быть иной в различных отраслях производства в зависимости от технических условий и высоты развития техники.

„Состав капитала по стоимости, поскольку он определяется его техническим составом и отражает этот последний, мы называем *органическим составом капитала*... Капиталы, которые содержат бо́льший процент постоянного и, сле-

довательно, меньший процент переменного капитала, чем средний общественный капитал, мы называем капиталом *высшего состава*. Наоборот, капиталы, в которых постоянный капитал занимает относительно меньшее, а переменный — относительно большее место, чем в среднем общественном капитале, мы называем капиталами *низшего состава*. Наконец, капиталами *среднего состава* мы называем такие, состав которых совпадает с составом среднего общественного капитала". („Капитал", III, ч. 1, 123, 142.)

Теперь посмотрим, что произойдет с нормой прибыли в зависимости от различного состава капитала. Возьмем три предприятия в трех различных отраслях производства. Одно из них технически отстало, употребляет мало машин сравнительно с числом рабочих, не нуждается в больших фабричных зданиях и т. д. Это — производство с низшим органическим составом капитала. Второе пусть будет со средним составом, а третье — настолько высоко развито, что на каждого рабочего приходится большое количество стоимости в виде материалов и строений. Следовательно, в этом производстве органический состав будет высокий.

Чтобы как можно больше упростить пример, допустим, что во всех трех отраслях производства норма прибавочной стоимости одинакова, что весь затраченный капитал делает один оборот в год, т. е. целиком потребляется в производстве втечение года, что продукт получается в конце года и затем без остатка распродается. Все это — лишь предположения, едва ли наблюдающиеся в действительности, но мы должны к ним прибегнуть во избежание ненужного осложнения и затемнения примера.

В каждом из трех предприятий занято по 100 рабочих с годичной заработной платой в 1 000 рублей; норма прибавочной стоимости составляет 100%; общая сумма выданной заработной платы равна, следовательно, 100 000 руб., а прибавочная стоимость также равняется 100 000. Постоянный капитал в предприятии A составляет 100 000 руб., в предприятии B — 300 000 руб. и, наконец, в C — 500 000 руб.

Таким образом мы имеем:

Предприятие	Капитал			Прибав. стоимость	Норма прибав. стоим.	Норма прибыли
	Перемен.	Постоян.	Весь			
A	100 000	100 000	200 000	100 000	100%	50%
B	100 000	300 000	400 000	100 000	100%	25%
C	100 000	500 000	600 000	100 000	100%	16,6%
Всего .	300 000	900 000	1 200 000	300 000	100%	25%

Итак, при равной норме прибавочной стоимости нормы прибыли весьма различны, если товары продаются в точности по их стоимостям.

Но такие различия в нормах прибыли не могут существовать втечение продолжительного времени внутри капиталистического способа производства. Ведь капиталист производит только для получения прибыли, а не для удовлетворения какой-либо общественной потребности. Ему безразлично, производить ли иголки или локомотивы, ваксу или одеколон; для него всего важнее получить возможно больше прибыли на свои деньги. Каковы же будут последствия, если в одной отрасли производства предприятия дают 50% прибыли, а в другой — только 17? Капитал начнет избегать вторую отрасль, насколько это возможно, и будет со всею энергией устремляться в отрасль А. Внутри А возникнет сильная конкуренция, и производство товаров в этой отрасли скоро расширится до того, что капиталы снова начнут переходить в С.

Мы вступаем здесь в область конкуренции, в область спроса и предложения. Мы уже видели, что стоимость и цена — две различные вещи, хотя последняя определяется первой. Важнейшей из причин того, что цены отклоняются от стоимости и стоят то выше, то ниже последних, являются изменения спроса покупателей и предложения продавцов.

При свободе конкуренции спрос и предложение являются регуляторами современного способа производства; без них последнее впало бы в самую разнузданную анархию, так как оно не регулируется планомерно, а ведется как совокупность частных предприятий, из которых каждое производит для себя по усмотрению своего владельца или руководителя. Спрос и предложение заботятся о таком распределении существующих рабочих сил между различными отраслями производства, чтобы в общем каждая из них производила столько, сколько нужно для общества при данных условиях. Конечно, это верно только в общем, а не в частностях, не в каждом отдельном случае. Наоборот, при отсутствии планов в современном способе производства всегда производится то слишком много, то слишком мало того или другого товара, и только впоследствии рост или падение спроса и предложения, повышение или понижение цен приводят к тому, что производство сокращается или расширяется в зависимости от потребностей общества.

Если какого-нибудь товара произведено больше, чем сколько могут или желают купить платежеспособные члены общества по определенной цене, определяемой в конечном счете стоимостью товара, то цена товара понижается, бла-

годаря чему расширяется круг тех членов общества, которые могут или хотят его купить. Но вместе с ценой понижается и прибыль. Если она падает ниже среднего уровня, то капитал отталкивается этим из соответствующей отрасли, производство сокращается и вместе с тем цена снова повышается до тех пор, пока не достигнет высоты, соответствующей среднему уровню прибыли.

Наоборот, если произведено меньше товара, чем это соответствует спросу покупателей, и цена его поднимается выше указанного уровня, то вместе с нею поднимается и прибыль. Капитал начнет привлекаться данной отраслью промышленности, приливать в нее, расширять производство, а затем цены снова понизятся до уровня, дающего среднюю прибыль. Около этого уровня цены колеблются непрерывно, то поднимаясь выше, то опускаясь ниже его, и только посредством такого волнообразного движения устанавливается уровень, который всегда существует лишь в качестве тенденции, стремления, а не в качестве устойчивого состояния.

Такое влияние спроса и предложения должно также противодействовать и тому неравенству нормы прибыли, которое имеет своим источником неравенство органического состава капитала.

Пусть в отрасли С производство сокращается, а цены и вместе с ними и прибыли повышаются. В отрасли А пусть производство растет, а цены понижаются. И то, и другое будет продолжаться до тех пор, пока прибыли не выравняются и не достигнут средней высоты всех норм прибыли. Мы предположили, что *B* представляет средний органический состав капитала, а следовательно, его нормы прибыли — среднюю норму прибыли. В таком случае прибыль в трех предприятиях выразится в следующих цифрах:

Предприятие	Весь капитал	Прибавочная стоимость	Норма прибав. стоим.	Норма приб.	Прибыль
A	200 000	100 000	100%	25%	50 000
B	400 000	100 000	100%	25%	100 000
C	600 000	100 000	100%	25%	150 000
Всего . .	1 200 000	300 000	100%	25%	300 000

Однако такое выравнивание нормы прибыли оказалось возможным только потому, что товарные цены отклонялись от стоимости товаров. Так как по нашему предположению весь авансированный капитал оборачивается втечение одного года и воплощается в стоимости годового продукта, то мы находим теперь следующее соотношение между стоимостью и ценой годового продукта каждого предприятия.

Предприятие	Весь капитал	Прибав. стоимость	Стоимость прод. (изд. производ. + приб. стоим.)	Прибыль	Производств. цена всего прод. (изд. пр. + прибыль)
A	200 000	100 000	300 000	50 000	250 000
B	400 000	100 000	500 000	100 000	500 000
C	600 000	100 000	700 000	150 000	750 000
Всего . .	1 200 000	300 000	1 500 000	300 000	1 500 000

Предположим, что годовой продукт каждого предприятия равен 10 000 штук товара; в таком случае мы будем иметь для каждой единицы товара:

	A	B	C
Стоимость	30 руб.	50 руб.	70 руб.
Цена производства . .	25 „	50 „	75 „

В действительности процесс происходит не так, что, скажем, каждый капиталист сначала получает прибавочную стоимость полностью и капиталисты в одной отрасли получают 50% прибыли, а в другой — только 17%. Подобное различие наблюдается только при начале капиталистического способа производства, а ныне — только в тех областях и отраслях промышленности, которыми впервые завладевает этот способ производства. В развитом капиталистическом производстве образуется некоторый обычный средний уровень прибыли, который капиталисты кладут заранее в основание расчета при калькуляции цен; конечно, это не исключает того, что они пользуются всяким случаем, чтобы повысить цены за эти пределы, считая в то же время убытком понижение цены, а, следовательно, и более низкую норму прибыли. Эта цена, определяемая издержками производства (вложенным переменным и постоянным капиталом), к которым прибавляется „обычная для данной стра-

ны“ прибыль, представляется капиталисту „естественной“ ценой; Маркс называет ее *ценой производства*. Она состоит из *издержек производства* (суммы переменного и постоянного капитала) и *средней прибыли*.

Не *стоимость*, а *цена производства* образует при развитом капиталистическом способе производства уровень, около которого волнообразно колеблются под влиянием спроса и предложения рыночные цены. Но сама цена производства не падает с неба, — она имеет своей основой стоимость.

Противники теории стоимости Маркса охотно утверждают, что Маркс сам опроверг свою собственную теорию, развитую им в первом томе „Капитала“, доказав в третьем томе, что, вследствие стремления прибылей к выравниванию, при развитом капиталистическом производстве цены большей части товаров надолго отклоняются от своих стоимостей, причем цены одной половины этих товаров втечение долгого времени стоят на столько же ниже своих стоимостей, на сколько цены другой половины стоят выше. Однако Маркс только тогда опроверг бы свою теорию стоимости, если бы доказал, что цены *не зависят* от стоимостей. Но он не только не устанавливает этого, — третий том „Капитала“, напротив, доказывает, что цены производства, около которых колеблются рыночные цены, находятся в полнейшей зависимости от закона стоимости, без которого они становятся непонятными. Тот самый фактор,—средняя прибыль,--который вызывает отклонение цен производства от стоимостей, может быть сам объяснен только на основании законов прибавочной стоимости, которые, в свою очередь, вытекают из законов стоимости. Если мы не допустим, что общая наличная масса прибавочной стоимости в обществе равна общей массе прибыли с ее разновидностями (проценты, земельная рента, о которой мы здесь не будем дальше распространяться), то мы потеряем всякую возможность объяснить, почему средняя норма прибыли есть при данных условиях определенная величина.

Закон меновой стоимости не упраздняется тем, что при развитом капиталистическом производстве между стоимостью и ценой появляется новое посредствующее звено в виде средней нормы прибыли и находящейся от нее в зависимости цены производства, Если признать на этом основании закон стоимости несостоятельным, то надо признать несостоятельным и закон падения, так как в воде падающее тело встречает большее сопротивление, чем в воздухе.

Марксову теорию цены производства нельзя отделять от его теорий стоимости и прибавочной стоимости. Далеко не

приводя их к абсурду, она, напротив, составляет их дополнение. Теория цен производства дает нам ключ к ряду явлений, лежащих в основе взаимоотношений господствующих классов, — к противоречиям между капиталом (прибылью) и землевладением (земельной рентой), между промышленным капиталом (промышленной прибылью) и денежным капиталом (процентами) и т. д. Больше того, она дает нам ключ к ряду теорий стоимости, а вместе с тем к их опровержению, так как эти теории стоимости представляет собой в сущности лишь теории цен производства, которые они считают конечной основой рыночных цен.

Здесь уместно бросить взгляд на те теории стоимости, которые отрицают определение стоимости трудом. О них всех, как и о вышеупомянутых теориях, можно сказать, что они — вовсе не теории стоимости, что они под стоимостью понимают нечто такое, что вовсе не есть стоимость: потребительную стоимость, цену производства, среднюю цену.

Конечно, можно сказать: всякий теоретик имеет право понимать под стоимостью все, что ему угодно. Мы должны считаться лишь с тем, правильно ли его объяснение того, что он понимает под стоимостью, или нет. А будет ли это теория потребительной стоимости, цены или чего-нибудь иного — это для нас не важно.

Однако ни в одной иной науке подобное представление не было бы принято всерьез, как совершенно ненаучное и наивное. Возьмем в качестве примера атомную теорию.

Что бы мы сказали по поводу такого представления, что каждый исследователь волен понимать под атомом все, что хочет, будь то хотя бы молекула или клетка; что раз он дает правильную теорию клетки, то безразлично, называет ли он ее атомной теорией, или как-нибудь иначе. Ему тотчас ответили бы, что когда говорят об атоме, то речь идет не о голом названии, которое можно давать лишь по произволу то той, то иной *вещи*, но о совершенно определенных *явлениях,* объяснением которых должна служить атомная теория, — явлениях, которые, между прочим, лежат в основе образования молекулы или клетки. Можно принимать или отвергать атомную теорию, т. е. объяснять данные явления посредством этой теории или иначе; но было бы грубой научной ошибкой называть атомом продукт тех процессов, которые, согласно данной теории, обусловливаются расположением атомов. Никогда нельзя смешивать основное явление с тем, которое из него вытекает.

В естествознании никакие сомнения на этот счет невозможны. Явления, рассматриваемые политической экономией,

сложнее, но и она должна удовлетворять тем же требованиям, как и естествознание. Законом стоимости должны быть объяснены совершенно определенные общественные отношения и явления, и неуместно называть законами стоимости и трактовать, как таковые, законы других отношений и явлений, обусловленных стоимостью.

Явление, которое всякая теория стоимости хочет и должна объяснить, есть обмен двух товаров; общественное отношение, которое она хочет и должна объяснить, есть отношение между двумя товаровладельцами, обменивающимися своими товарами. Явление товарообмена, из которого развивается затем купля-продажа, есть основное явление, которое поддерживает в движении весь хозяйственный механизм современного общества. Поэтому всякое объяснение этого механизма должно исходить из исследования закона, управляющего товарообменом, а это как раз и есть закон стоимости. Если бы мы понимали под законом стоимости объяснение какого-либо иного явления, то закону, лежащему в основании обмена товаров, необходимо было бы дать особое название. Но этого не делает ни одна из теорий стоимости. Следовательно, каждая из них хочет объяснить именно это явление.

Но если мы не будем упускать из виду то явление, которое должен объяснить закон стоимости, то легко поймем, что необходимо прежде всего строго различать *потребительную стоимость и меновую стоимость* и не принимать ошибочно оба эти термина, как равнозначащие, на том лишь основании, что в каждый из них входит слово *стоимость*. Некоторые теории стоимости выводят стоимость из полезности вещи: чем она полезнее, тем выше ее стоимость. Это верно, если под более высокой стоимостью понимать бóльшую потребительную стоимость, но неверно, если понимать под этим бóльшую меновую стоимость.

Потребительная стоимость или полезность вещи означает отношение между отдельным человеком, — потребителем, — и этой вещью, а не общественное отношение, не отношение между двумя людьми, каковое представляет собой отношение обмена. Или этим хотят сказать, что одинаково полезные вещи будут обмениваться одна на другую в одинаковых количествах? Но обмен или продажа по большей части состоит в том, что каждый продавец отдает вещи, не представляющие для него никакой потребительной стоимости, никакой полезности.

Когда булочник и его рабочие сыты, то выпеченный ими хлеб, который они продают, не имеет для них уже никакой потребительной стоимости. Если бы булочник не

нашел для него потребителя, то ему нечего было бы с ним делать. Напротив, тот же хлеб для проходящего мимо рабочего, который в этот день еще ничего не ел, может иметь огромную потребительную стоимость. Меновая же стоимость хлеба для обеих сторон одинакова.

Допустим, что проходящий мимо — рабочий-корзинщик, который разносит свои корзины для продажи. Булочник нуждается в корзине; последняя представляет для него большую потребительскую ценность, а для рабочего — никакой. У последнего дома — целая куча корзин, ему самому не нужных. Он охотно отдаст корзины за определенное количество хлеба. Но в каком отношении будут обмениваться корзина и хлеб, если их владельцы будут исходить из полезности? Сколько караваев хлеба столь же полезны для корзинщика, как одна корзина — для булочника? Ясно, что совершенно невозможно сопоставлять между собой полезность двух различных потребительных стоимостей; между ними невозможно установить количественное отношение. Если корзинщик получит за свою корзину 5 караваев хлеба, то было бы нелепо говорить, что корзина в пять раз полезнее или (в этом смысле) обладает в пять раз большей стоимостью, чем один каравай хлеба. Полезность разнородных товаров несоизмерима.

Разумеется, за разными единицами *одного и того же вида товаров* можно признать бóльшую или меньшую степень потребительной стоимости. Прочная пара ботинок имеет бóльшую потребительную стоимость, чем менее прочная, и я охотно заплачу за нее дороже, если только у меня есть в кармане деньги. Бутылка „Иоганнисбергера“ имеет бóльшую потребительную и меновую стоимость, чем бутылка „Шпандау“ или „Грюнебергера“. Итак, можно подумать, что потребительная стоимость все же является элементом меновой стоимости.

Но так только кажется. Если бы бóльшая потребительная стоимость обусловливала и бóльшую меновую стоимость, можно было бы спросить: почему каждый производитель не производит товар только наилучшего сорта? Почему каждый сапожник не выделывает только самую шикарную обувь? Почему каждый винодел не выделывает лишь самые лучшие сорта вина? Ответ прост. Лучшее качество ботинок есть следствие либо лучшего материала, который стоит больше труда и денег, либо — лучшей работы, т. е., при средней искусности рабочего, большей затраты труда. Поэтому, а не вследствие более высокой потребительной стоимости, прочные ботинки дороже. Как известно, говорят, что самые дорогие товары всегда дешевле, т. е. их

потребительная стоимость превышает потребительную стоимость товаров низших сортов в гораздо большей степени, чем их меновая стоимость — меновую стоимость последних. Пара ботинок ценою 12 рублей, быть может, проносится вдвое дольше, чем пара за 10 рублей.

Более высокая же цена некоторых сортов вина основана на том, что соответствующие сорта винограда родятся лишь в определенных местах. В таком случае закон стоимости вообще утрачивает силу, так как мы натыкаемся здесь на монополию. А закон стоимости предполагает наличие свободной конкуренции.

В тех случаях, когда внутри одного и того же вида товаров различия качества обусловливают различия цен, последние можно всегда свести либо к различию в затрате труда, либо к существованию монополии.

Другие теории стоимости смешивают стоимость с ценой. Они выводят стоимость из отношения между спросом и предложением. Но спрос и предложение объясняют только, почему цена определенного товара всегда колеблется около своей стоимости (или цены производства); но они не объясняют, почему цена одного товара всегда стоит в среднем настолько выше, чем цена другого, почему, например, втечение столетий фунт золота был в среднем в 13 раз дороже, чем фунт серебра.

Если теория, выводящая стоимость из спроса и предложения, хочет объяснить эти постоянные различия цен разных товаров, то ей не остается ничего иного, как только стыдливо обратиться к трудовой теории стоимости. На вопрос, почему один товар постоянно оказывается настолько-то дороже другого, они отвечают, что это происходит от его большей *редкости;* последнее вызывает то, что предложение этого товара постоянно меньше, чем предложение других товаров. Однако для того, чтобы доставить на рынок более редкий товар в том же количестве, как и другой, который встречается чаще, требуется *больше труда.* Не будет большой разницы сказать, что фунт золота потому в 13 раз дороже фунта серебра, что оно встречается в 13 раз реже, или же потому, что добывание фунта золота стоит в 13 раз больше труда, чем добывание фунта серебра. Если теоретик не становится на точку зрения простого купца, которого интересует на рынке только цена товаров, а не то, каким образом они ее приобрели, — если он захочет глубже вникнуть в дело и исследовать, каким образом произведены те товары, которые вынесены на рынок, — то он всегда найдет, что стоимости товаров определяются процессом *производства,* что они создаются в *мастерской,* а не *на*

рынке. Конечно, для буржуазных теоретиков рынок в большинстве случаев ближе, чем мастерская, и потому трудовая теория стоимости вообще недоступна для их понимания.

На рынке стоимость только превращается в деньги, в цену; сперва — в воображаемые деньги, в требование определенной цены, а потом — и в настоящие деньги, если товар продается. Чем больше развивается капиталистическое хозяйство, тем больше появляется посредствующих звеньев между мастерской и рынком, между производителем и продавцом товара потребителю, тем значительнее могут быть обусловленные этим уклонения реально достигнутой цены от теоретически определяемой стоимости. Однако это не мешает тому, что стоимость товаров в конечном счете всегда определяется условиями производства и что цена всегда остается в зависимости от последнего, хотя бы эта зависимость была опосредствованной.

Сами капиталисты-практики определяют стоимость товаров условиями производства последних. Впрочем, под этими условиями они понимают не рабочее время, общественно необходимое для изготовления товаров, а издержки производства (заработную плату, затраты на машины, сырье и т. д.), с прибавлением средней прибыли.

Таким образом, целый ряд теоретиков утверждает, что стоимость определяется издержками производства.

Но что правильно с точки зрения капиталиста-практика, то нелепо с точки зрения теории, задача которой состоит не в том, чтобы вычислять нормальную цену в каждом отдельном случае, а в том, чтобы сводить общественные явления капиталистического способа производства к их последним основаниям.

Прежде всего, что такое издержки производства? Определенная денежная сумма. Следовательно, они уже наперед предполагают деньги. Определение стоимости посредством издержек производства означает, таким образом, что стоимость должна быть объяснена посредством денег, а не наоборот. Мы подходим к вопросу не с того конца.

Издержки производства представляют собой данную сумму стоимостей, — стоимость рабочей силы (заработную плату), стоимость средств производства, стоимость прибыли. Значит, стоимость объясняется этой суммой стоимостей. Мы видим, что такое определение стоимости вращается в порочном кругу.

Возьмем какого-нибудь товаропроизводителя, скажем ткача-крестьянина, о котором мы предполагаем, что он про-

изводит все сам. Он сам добывает себе средства к существованию, а также сырье, лен, который прядут его дочери, он же сам мастерит ткацкий станок из собственного дерева. Каковы у этого человека издержки производства? У него нет никаких денежных расходов, его продукт стоит ему только труда и ничего больше, кроме труда.

Сделаем следующий шаг к более высокой ступени производства—к ткачу-ремесленнику. Ему уже приходится производить и денежные затраты; у него уже есть издержки производства. Он должен купить ткацкий станок, пряжу, а также и средства к существованию. Это — его издержки производства. Но по ним ли он будет высчитывать стоимость произведенного им полотна? В таком случае его ремесло едва ли окажется пресловутым золотым дном. Оно не принесет ему никаких излишков, которые можно было бы отложить про запас. Приэтом часть его издержек производства, именно расходы на средства к существованию и на ткацкий станок, останется неизменной, будет ли он работать 4 или 12 часов в день. Разве он на этом основании не станет расценивать продукт 12 часов выше, чем продукт 4 часов, — независимо от количества сырья. Мы видим, что и он будет присчитывать к издержкам на материал также и свою работу, как образующий стоимость фактор.

Лишь для капиталиста дело будет обстоять иначе. Для него продукт вовсе не стоит труда, а только денег. Он оплачивает не только средства производства, но и труд деньгами. Следовательно, для него все условия производства сводятся к денежным затратам, и эти последние и кажутся ему образующими стоимость. Но он сделал бы удивленное лицо, если бы его стали уверять, что стоимость его продукта равна сумме, затраченной им на их производство. Он не для того ведет производство, чтобы только выручить свои денежные затраты для нового производства. Он хочет получить и прибыль. В этом и состоит причина, по которой он вообще пускает деньги в производство вместо того, чтобы израсходовать их на потребление. Поэтому к издержкам производства он присчитывает еще „обычную для данной страны“ прибыль. Определенная таким образом цена есть минимальная цена, которую он должен получить по крайней мере для того, чтобы не „работать“, по его мнению, себе в убыток.

Согласно представлению капиталиста, прибыль принадлежит к издержкам производства, определяющим стоимость продукта. Но эта „стоимость“ в раскрытом виде есть не что иное как то, что в теории Маркса носит наименование

цены производства, которая сама может быть понята только с помощью закона стоимости.

Потребительная стоимость, рыночная цена, цена производства, — вот те категории, которые представляют нам в качестве „стоимости“ теории, которые отклоняются от трудовой теории стоимости. Это — либо такие категории, которые подобно потребительной стоимости связаны с меновой стоимостью лишь в том смысле, что представляют ее *предпосылку*, но не *определяющее ее основание*; либо такие, которые исходят из меновой стоимости, — как, например, цена производства или рыночная цена, — и которые, следовательно, не объясняют менового отношения, но заранее предполагают его объясненным для того, чтобы они сами могли быть объяснены.

Эти теории удовлетворяются тем, что принимают представления покупателя и продавца или капиталиста о своих коммерческих операциях за действительную основу этих операций. Эти теоретики воображают, что дают научное объяснение явления, если они сопоставляют и воспроизводят мысли практиков о нем. Но для этого наука не нужна. Последняя должна вскрывать более глубокие основания общественных явлений и отношений, которые зачастую вовсе не доходят до сознания участников или доходят лишь в неполном, а часто и в совершенно искаженном виде.

Из указанных выше теорий стоимости всего ближе к истине та, которая ищет основу стоимости в издержках производства. Но она терпит крушение на вопросе о средней прибыли. Ни одна теория стоимости, кроме трудовой, не может объяснить, чем определяется *величина* средней прибыли, почему она составляет при определенных условиях, скажем, 10%, а не 100 или 1 000%. Другие теории удовлетворяются тем, что либо оправдывают, либо объясняют психологически *присвоение* прибыли. Но ни глубокомысленнейшая философия права, ни тончайшая психология не могут объяснить, каково происхождение прибыли и как она создается.

Для понимания общественных отношений теория прибыли имеет величайшее значение. Однако мы здесь все-таки не можем ею больше заниматься, так как мы должны вернуться к теории прибавочной стоимости. Теория прибыли есть теория распределения добычи — прибавочной стоимости — между различными слоями господствующих классов. Хотя капиталист-промышленник или сельский хозяин заставляет производить прибавочную стоимость, но он не в состоянии удержать ее целиком. Если он вкладывает свой капитал в отрасль промышленности с низким органи-

ческим составом капитала, то ему приходится не только уступать часть прибавочной стоимости другим капиталистам, вложившим свои капиталы в отрасли производства с более высоким органическим составом; этого уравнительного процесса он не замечает и нисколько им не интересуется. Но он замечает очень хорошо, что ему приходится уплатить часть своей прибыли денежному капиталисту, у которого он занял деньги, в качестве процентов на капитал; часть — оставить на долю купца в качестве торговой прибыли; наконец, если он сельский хозяин, то ему приходится уступить часть в качестве земельной ренты землевладельцу; если он арендатор или если он сам землевладелец, — уплатить в качестве процента за капитал, который он должен был затратить на покупку своего имения.

Однако, как бы ни были важны все эти отношения, нас интересует здесь прежде всего отношение между капиталистом и рабочим, притом не между отдельным капиталистом и отдельным рабочим, но между классом капиталистов и классом рабочих. А для этого отношения не имеет значения теория прибыли, — она скорее способна затемнить его, так как ставит величину прибыли в зависимость от ряда обстоятельств, которые не имеют ничего общего с отношением между капиталом и трудом.

Однако, какой бы вид ни приобретала прибыль отдельного капиталиста, ее величина зависит в конечном счете от величины прибавочной стоимости, т. е. от степени эксплоатации наемных рабочих. Это относится в первую очередь к совокупности капиталистов, так как общая величина прибыли равнозначаща общей величине прибавочной стоимости.

Не на основании законов прибыли, а на основании законов прибавочной стоимости учимся мы пониманию классовых противоречий и классовой борьбы между капиталом и трудом, а также и пониманию своеобразия капиталистического способа производства.

Итак, в дальнейшем мы снова будем говорить лишь о стоимости и прибавочной стоимости, исходя из того предположения, что цена равна стоимости, а прибыль — прибавочной стоимости. Мы должны будем здесь оставить в стороне среднюю норму прибыли и цены производства, подобно тому как при вычислении закона падения оставляют в стороне сопротивление воздуха.

Конечно, на практике должны быть принимаемы во внимание и те моменты, которые здесь оставлены без рассмотрения.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

РАБОЧИЙ ДЕНЬ.

Необходимое и *прибавочное рабочее время* вместе составляют *рабочий день.*

Необходимое рабочее время при данных условиях — определенной высоте производительности труда, потребностях рабочего класса и пр. — составляет *определенную величину.* В нашем примере мы принимаем эту величину равной шести часам. Само собою разумеется, рабочий день ни при каком способе производства не может быть короче необходимого времени, а при капиталистическом способе производства он должен быть длиннее этого последнего. Чем длиннее прибавочное рабочее время, тем больше — при прочих равных условиях — норма прибавочной стоимости. Поэтому стремления капиталиста клонятся к тому, чтобы как можно больше растянуть рабочий день. Для него было бы всего приятнее заставить рабочего работать непрерывно впродолжение 24 часов [1]).

К величайшему его огорчению, это невозможно практиковать втечение сколько-нибудь продолжительного времени. Рабочий истомится вконец, если ему не будет предоставлен некоторый перерыв для отдыха, сна, обеда. Но капиталист заботится по крайней мере о том, чтобы по возможности сократить эти перерывы и втечение всего остального времени иметь рабочего в своем полном распоряжении.

Рабочую силу невозможно, однако, отделить от рабочего и потому все то время, втечение которого капиталисту принадлежит потребительная стоимость рабочей силы, ему принадлежит также и личность рабочего. Каждая минута рабочего времени, которую рабочий тратит на себя, кажется капиталисту кражей его собственного капитала [2]).

---

[1]) Австрийской парламентской анкетой 1883 г. о положении рабочих было констатировано, что в некоторых прядильнях Брюнна работа производится непрерывно с утра субботы до утра воскресенья. Этот превосходный обычай, к сожалению, не ограничивается одним только Брюнном и одними только прядильнями.

[2]) Английские рабочие, — и не одни английские, конечно, — превосходно умеют осмеивать ту расчетливость, с которой капиталист наблюдает за тем, чтобы рабочий ничего не оттягивал у него из купленного им рабочего дня. Так, они рассказывают про некоего владельца каменоломни, что у него один рабочий преждевременно взорвавшейся миной был выброшен на воздух, но, благодаря случайности, упал на землю невредимым. При расчете предприниматель вычел с него за время, проведенное им на воздухе, как за прогульное. Нечто подобное действительно имело место при постройке водопровода в Кротоне в Нью-йоркском штате. Надо было пробуравить гору. Мины

Но именно потому, что рабочая сила и рабочий нераздельно связаны друг с другом, интересы последнего требуют возможно большего сокращения рабочего времени. Впродолжение процесса производства он является лишь частью капитала; при капиталистическом способе производства он тогда лишь становится человеком, когда перестает работать. Однако, помимо такого *морального* мотива в пользу сокращения рабочего дня, существует также и мотив *материальный*.

Капитал стремится к тому, чтобы получить больше, чем сколько ему следует по правилам товарного обмена. Когда капиталист покупает дневное рабочее время по его стоимости, то ему принадлежит его потребительная стоимость только на один день, т. е. он вправе пользоваться рабочей силой втечение дня лишь настолько, чтобы это не повредило ее восстановлению. Если кто-нибудь покупает урожай с яблони и при этом, желая выжать побольше прибыли, не только срывает с дерева яблоки, но срубает также и сучья, чтобы использовать их на дрова, то он нарушает заключенный им договор: на следующий год дерево уже не сможет принести столько плодов, как прежде. Точно так же обстоит дело и в том случае, когда капиталист заставляет рабочего работать чрезмерно долго: последнее возможно только за счет работоспособности рабочего и продолжительности его жизни. Если в результате чрезмерной работы период трудоспособности рабочего сокращается с 40 до 20 лет, то это означает не что иное как то, что капитал в продолжение *одного* дня потреблял в среднем потребительную стоимость *двух* рабочих дней; он оплачивал рабочему его рабочую силу за один день и брал рабочую силу двух дней. Капиталист проповедует рабочему бережливость и аккуратность и в то же время принуждает его проматывать свое единственное достояние — свою рабочую силу [1]).

после взрыва распространяли в туннели удушливые газы, оглушавшие рабочих и делавшие их на некоторое время (менее чем на час) неработоспособными. За это время у них производился вычет из заработной платы. В Цюрихском кантоне один фабрикант, мечтавший о вечной женственности, вычитывал из заработной платы работниц за то время, которое они проводили с ним в кабинете.

[1]) Маркс цитирует следующее место из статьи д-ра Ричардсона в „Social Science Review“ за 1863 г.: „В Марилебоне (один из самых больших городских кварталов Лондона) смертность *кузнецов* составляет 31 на 1 000 ежегодно, что на 11 превышает среднюю смертность взрослых мужчин Англии. Занятие, представляющее почти инстинктивное искусство человека, само по себе безвредное, становится вследствие чрезмерной работы разрушительным для человека. Он может делать такое-то количество ударов молотом в день, такое-то количество шагов, совершать столько-то дыхательных движений, исполнять та-

Здесь речь идет о капиталисте не в качестве частного лица, а в качестве представителя капиталистического способа производства, выполняющего заповеди последнего, — безразлично, побуждает ли его к этому личная жадность или конкуренция.

Мы видим здесь противоречие между интересами рабочего класса и класса капиталистов. Первый пытается по мере возможности сократить рабочий день, последний — удлинить его. Результатом этого расхождения интересов обоих классов является борьба, продолжающаяся и поныне, но начавшаяся столетия тому назад и имеющая огромнейшее историческое значение. В этой борьбе трудящиеся пролетарии познали солидарность своих интересов; она была основной побудительной причиной к конституированию рабочих в класс, к развитию рабочего движения как движения политического. Важнейшим из достигнутых ныне практических результатов этой борьбы является государственное регулирование продолжительности рабочего дня, — *нормировка рабочего дня.*

В Англии, родине современной промышленности, условия и причины этой борьбы развились всего раньше и всего резче, — поэтому и нормировка рабочего дня появилась там раньше, чем где бы то ни было. „Английские фабричные рабочие были профессиональными борцами не только английского, но и всего современного рабочего класса, точно так же как их теоретики первые бросили вызов теории капитала". („Капитал", I, 273.) Равным образом борьба за продолжительность рабочего дня и ее причины нигде не могут быть так ясно прослежены, как в Англии, где пресса, парламентские дебаты и анкетные комиссии, равно как и официальные отчеты, особенно фабричных инспекторов, доставили богатый материал, подобного которому нельзя найти в других странах. Когда Маркс заканчивал первую часть „Капитала" (в 1866 г.), материал этот был единственным.

Поэтому Маркс подробно изобразил лишь борьбу за нормировку рабочего дня, разыгравшуюся в Англии. Картина, нарисованная им, дополнялась книгой Энгельса о „Поло-

---

кую-то работу и прожить в среднем, скажем, 50 лет. Его принуждают делать больше на столько-то ударов, проходить на столько-то шагов больше, на столько-то учащать дыхание, — и это в общей сложности увеличивает его затрату сил ежедневно на одну четверть. Он старается выполнять то, что от него требуют, и в результате впродолжение определенного периода действительно увеличивает производимую им работу на одну четверть и умирает в 37 лет вместо 50". („Капитал", I, 227.)

жении рабочего класса в Англии". Эта книга охватывает период времени лишь до 1844 г., а книга Маркса — только до 1866 г. Несмотря на это выводы Энгельса и Маркса относительно борьбы за нормировку рабочего дня интересны и теперь еще не только с *исторической* точки зрения. Описываемое ими положение, подвохи, увертки и интриги капитала с целью возможно больше удлинить рабочий день или сделать призрачным его вынужденное сокращение, отношение политических партий и рабочего класса к этим махинациям, — все это настолько типично, что позднейшее развитие отношений на континенте явилось лишь копией развития Англии. Отношения, описанные Энгельсом восемьдесят, а Марксом — шестьдесят лет тому назад, еще и теперь живы в современной Германии. Скудный материал, доставленный в последние годы частными исследованиями и официальными отчетами о германской и австрийской промышленности, служит живой иллюстрацией к выводам „Капитала". Маркс говорит в своем предисловии, что он уделил „столь значительное место истории, содержанию и результатам английского фабричного законодательства" („Капитал", I, XXXVII) в первом томе своего труда потому, что одна нация может и должна учиться у другой и что господствующим классам их собственные ближайшие интересы настоятельно повелевают устранить всякие юридические ограничения, задерживающие развитие рабочего класса. Исследования Маркса также оказали свое влияние. Факты, собранные им, были до того поразительны и до того неоспоримы, что они не преминули произвести впечатление не только на рабочий класс, но и на мыслящих членов господствующих классов. Успехами фабричного законодательства в Швейцарии, Австрии и Германии мы обязаны в значительной степени влиянию „Капитала".

Однако число мыслящих членов буржуазии, не охваченных классовыми предрассутками, очень невелико, а политическое значение рабочего класса еще весьма незначительно, и преобладающее впечатление, которое мы выносим от чтения исследований Маркса относительно фабричного законодательства, есть не чувство удовлетворения достигнутым, а чувство стыда за колоссальное невежество, которое и поныне господствует среди нас в области фабричного законодательства. Только этим объясняется тот факт, что в европейских парламентах до сих пор во всеуслышание высказываются взгляды, которые в Англии уже давно опровергнуты жизнью и принадлежат к изжитым точкам зрения, хотя мы с такой охотой пофарисейски посматриваем сверху вниз на эту „страну манчестерства".

Подробное изложение главы „Капитала“, трактующей о рабочем дне, здесь невозможно [1]).

Мы рекомендуем каждому, кому только это доступно, самому проштудировать главы „Капитала“, где детально изображено положение тех отраслей английской промышленности, в которых рабочий день не ограничен законом, где даны картины ночной работы, системы смен и, наконец, борьбы за нормировку рабочего дня. Нет лучшего оружия для борьбы за фабричное законодательство, чем *восьмая* и *тринадцатая главы* „Капитала“.

В общем в отношении законодательной регулировки рабочего дня в Англии можно проследить два противоположных течения: начиная с XIV и до конца XVII в. издаются законы с целью *удлинения* рабочего дня. С начала же XIX в. движение законодательства направлено к его *сокращению*.

В начале развития капиталистического способа производства английский капитал был слишком слаб, чтобы при помощи одной лишь силы экономических отношений выжимать из рабочего значительное количество прибавочной стоимости. Еще в XVIII в. раздавались жалобы на то, что английские промышленные рабочие работают лишь четыре дня в неделю и за это время зарабатывают достаточно для существования втечение всей недели. Для понижения заработной платы и удлинения рабочего дня было тогда предложено заключать бродяг и нищих в работный дом, который должен был стать „домом ужаса“. В этом „доме ужаса“ рабочее время должно было равняться 12 часам в сутки.

Сто лет спустя, в 1863 г., в „век гуманности“ анкетная комиссия констатировала, что на стеффордширских гончарных заводах *семилетние дети работают изо дня в день по пятнадцати часов.*

Капитал теперь уже не нуждается в принудительных законах и каторжных тюрьмах, чтобы принудить рабочего к прибавочному труду; он превратился в экономическую силу, которая подчиняла пролетариев и делала их бессильными. С последней трети XVIII в. в Англии начинается настоящий спорт в погоне за прибавочным трудом, и один капиталист старается перещеголять другого в деле безмерного растяжения рабочего дня.

Рабочий класс с ужасающей быстротой деградировал физически и морально и из года в год заметно приближался

---

1) Эту тему я разработал полнее, и притом с особенным вниманием к позднейшему развитию вопроса, в брошюре: „Der Arbeiterschutz, besonders die internationale Arbeiterschutzgesetzgebung und der Achtstundentag“. Nürnberg, 1890.

к вырождению; даже постоянное освежение крови благодаря притоку сельских рабочих в фабричные округа не могло остановить процесса дегенерации.

„Хлопчатобумажная промышленность насчитывает 90 л.“,— воскликнул оратор Ферранд в английской палате общин в 1863 г.—„Втечение *трех поколений* английской расы она пожрала *девять поколений* хлопчатобумажных рабочих“.

Фабриканты не обманулись в своих расчетах. Несмотря на быстрое разрушение человеческих жизней, совершенно не ощущалось недостатка в свободной рабочей силе; из сельских округов, из Шотландии, Ирландии и Германии в английские фабричные округа и в Лондон массами устремлялись кандидаты на смерть, гонимые с родины падением домашней промышленности, превращением пашен в пастбища и пр.

Однако, если перспективы вырождения английского населения не могли удержать английских фабрикантов от дальнейшего удлинения рабочего дня, то оно должно было пробудить внимание как английских государственных людей, не принадлежавших к классу фабрикантов, так и наиболее дальновидных членов этого класса; что будет с Англией и всей ее промышленностью, если ее население так неудержимо истощается капитализмом?

Подобно тому как во всех капиталистических странах оказалось необходимым по возможности ограничить истребление лесов капиталом, точно так же явилась настоятельная необходимость положить границы хищнической эксплоатации национальной рабочей силы капиталом. Государственные люди, усмотревшие эту необходимость, подталкивались вперед английским рабочим движением, — *первым современным движением этого рода*.

Уже *Роберт Оуэн* в начале XIX столетия выставил требование ограничения рабочего дня и на самом деле ввел на своей фабрике рабочий день в $10^1/_2$ часов, притом с наилучшими результатами. Рабочее движение, которое, начиная с 20-х годов, выросло почти до исполинских размеров, а с 1835 г. организовалось в чартистскую партию и вырывало у английских господствующих классов одну уступку за другой, поставило своей главной целью добиться всеобщего избирательного права и 10-часового рабочего дня.

С каким упорством и ожесточением велась борьба, с какой настойчивостью капиталисты и юристы изощрялись в остроумии с целью свести на-нет каждую отвоеванную уступку, с каким мужеством и энергией фабричные инспектора, даже наперекор желаниям министров, выступали в защиту рабочего класса (и среди них первый — Леонард

Горнер, память которого должен чтить каждый рабочий), как фритредеры обещали рабочим 10-часовой рабочий день, пока они им были нужны, и как они самым циничным образом нарушили свое обещание, добившись отмены хлебных законов, как, наконец, угрожающее движение рабочего класса вынудило к установлению 10-часового рабочего дня, по крайней мере для определенных категорий рабочих, — обо всем этом подробно и ярко, с полнотой и обстоятельностью рассказано в „Капитале".

С начала 50-х годов английское рабочее движение вступило на более мирный путь. С одной стороны, оно не могло не испытать воздействия от поражения рабочего класса в Париже, равно как и от быстрого поражения революции на всем континенте. С другой стороны, чартистское движение в существенных чертах все более и более осуществляло намеченную им себе цель, и в то же время английская промышленность получила сильнейшее развитие за счет промышленности других стран, — развитие, плодами которого пользовался также и английский рабочий класс, так что среди него стало распространяться воззрение, будто между интересами английского капитала и английского труда существует гармония в противоположность капиталу и труду иноземных стран.

Несмотря на эго, английское фабричное законодательство и в эти спокойные годы значительно подвинулось вперед. Законом 27 мая 1878 г. была, наконец, объединена и кодифицирована вся предыдущая законодательная работа 1802 — 1874 гг., охватывавшая шестнадцать отдельных фабричных законов.

Крупнейший шаг вперед, сделанный этим законом, заключается в уничтожении разделения промышленных заведений на фабрики и мастерские. С этих пор охрана труда распространяется не только на фабрики, но и на мелкие мастерские и даже до известной степени на домашнюю промышленность. Впрочем, защита закона не распространяется на взрослых рабочих-мужчин, а только на детей, подростков и женщин. Закон 1878 г. был затем улучшен рядом дальнейших законов, из которых особенно важны законы 1891 и 1901 гг. Дети до 12-летнего возраста совершенно не допускаются к промышленному труду. Для детей от 12 до 14 лет максимальный размер рабочего дня установлен на половину меньший, чем для подростков (от 14 до 18 лет) и для женщин. Для последних количество рабочих часов в неделю ограничено 60-ю, за исключением текстильной промышленности, где оно не должно превышать $56^1/_2$ часов. Работа лиц, охраняемых законом, запрещена по воскре-

сеньям, равно как в день Рождества и в страстную пятницу. Сверх того сюда надо присоединить восемь полупраздников и четыре полных праздника (падающих не на субботу), из которых половина выпадает на период с 15 марта по 1 октября.

Разумеется, этими законами в большинстве случаев, а именно там, где мужчины работают совместно с женщинами и детьми, рабочий день взрослых мужчин также ограничен 10-ю часами. Однако до какой степени необходимо распространение охраны закона и на взрослых мужчин, показывает бедственное положение английских рабочих в тех, не пользующихся охраной отраслях, где рабочие не попали, в силу счастливой случайности, в привилегированное сословие и не стали рабочей аристократией.

Результаты нормировки рабочего дня были поразительно благоприятны. Собственно, она и спасла английский рабочий класс от вырождения, а тем самым спасла и английскую промышленность от застоя. Введение 10-часового рабочего дня не только не задержало развития промышленности, но, напротив, сопровождалось колоссальным, до тех пор неслыханным, подъемом английской индустрии. Нормальный рабочий день стал в стране манчестерства одним из национальных институтов, который уже никому не приходит в голову распатывать. Сами фабриканты, которые всеми средствами боролись сначала против введения, а потом — против применения на практике нормального рабочего дня, кичатся им и провозглашают его одним из оснований превосходства английской промышленности над континентальной европейской промышленностью.

Пример Англии и развитие капитализма со всеми его результатами в континентальных странах привели и там к необходимости регулирования рабочего дня, которое в самом деле, в зависимости от силы рабочего движения и вдумчивости господствующих политических партий, т. е. в зависимости от того, насколько они преодолевают ограниченную точку зрения фабрикантов, сделало более или менее крупные шаги вперед.

Самым прогрессивным из континентальных законодательств по охране труда бесспорно является *швейцарское.* Союзный закон 23 марта 1877 г., заменивший разнообразные фабричные законы, изданные отдельными кантонами (поскольку такие законы существовали до тех пор), устанавливает 11-часовой рабочий день для всех рабочих, занятых на фабриках. Он идет дальше, чем английский закон, который не охраняет взрослых мужчин; зато в другом отношении он остается позади этого закона, так как устанавливает

максимальный рабочий день в 11, а не в 10 часов и оставляет вне своей компетенции мелкие мастерские и домашнюю промышленность. Дети до 14 лет вообще не могут работать на фабрике, а для подростков от 14 до 16 лет время обучения в школе вместе с временем работы на фабрике не должно превышать 11 часов в день.

Франция получила первый фабричный закон в 1841 г. Этот закон устанавливал рабочее время для детей от 8 до 12 лет в 8 часов в день, а для детей от 12 до 16 лет — в 12 часов, но даже и такой жалкий закон остался лишь на бумаге, точно так же не применялся на практике и закон о 12-часовом нормальном рабочем дне для всех фабрик и мастерских, изданный в 1849 г. под давлением революции. Недоставало инспекторов, которые наблюдали бы за проведением закона в жизнь Только законом 19 мая 1874 г. было положено начало более серьезному законодательству по охране труда. Он совершенно запрещал работу детям до 10-летнего возраста, а в некоторых отраслях промышленности — до 12-летнего. Рабочий день детей от 10 до 12 лет был ограничен 6 часами, а подростков от 12 до 16 лет — 12 часами. Для проведения этого закона был введен институт государственных фабричных инспекторов, в подспорье которым были образованы особые местные комиссии.

В 1892 г. этот закон был улучшен. Работа детей до 12 лет была запрещена, и был установлен максимальный рабочий день для подростков от 12 до 16 лет в 10 часов, а для подростков от 16 до 18 лет в 11 часов в день и не более 60 часов в неделю. Для взрослых женщин-работниц — в 11 часов.

Неоднократные попытки ввести вместо одиннадцатичасового десятичасовой день потерпели неудачу вследствие сопротивления сената. В конце концов Мильерану удалось провести компромисс. Законом 30 марта 1900 г. был установлен рабочий день в 10 часов для всех категорий на тех фабриках, на которых работают совместно женщины и дети с мужчинами; однако этот успех был куплен ценою сравнительного ухудшения положения детей; рабочий день был установлен одинаковый для всех категорий, включая и детей от 12 лет,— единственный случай во всем международном законодательстве по охране труда, а именно втечение первых двух лет после вступления закона в силу— в 11 часов, для следующих двух лет—в $10^1/_2$ часов, и лишь после того должен был осуществиться 10-часовой рабочий день. Следовательно, рабочее время той категории, которая всего больше нуждается в охране, а именно детей, было временно удлинено.

В *Австрии* с 11 июня 1885 г. существует *одиннадцатичасовой нормальный рабочий день* для фабрик, впрочем, с тою оговоркой, что министру торговли разрешено для некоторых отраслей промышленности удлинять рабочий день на 1 час [1]). Дети до 12 лет не могут привлекаться к регулярному промышленному труду (даже и в мелких мастерских). Максимальный рабочий день „молодых подсобных рабочих" (для ученых австрийского и некоторых других парламентов детский возраст оканчивается в 12 лет, а после того дети становятся „молодыми людьми") определен в 8 часов.

Германское законодательство не лучше других указанных фабричных законодательств. Новелла к закону о промышленности, установившая ныне действующие положения по охране труда, издана в мае 1891 г. Она воспрещает применение на фабриках труда детей до 13 лет, для детей от 13 до 14 лет она устанавливает максимальный размер рабочего дня в 6, а от 14 до 16 лет — в 10 часов. Для женщин старше 16 лет установлен нормальный рабочий день в 11 часов. Новелла к уставу о промышленности от 28 декабря 1908 г. установила по крайней мере взамен 11-часового — 10-часовой день для работниц. Взрослые рабочие мужчины могут быть эксплоатируемы, как и прежде, без ограничения времени.

Фабричные законы остальных европейских государств не имеют большого значения. Они касаются почти исключительно детского труда.

В *Соединенных штатах* во многих отдельных штатах существуют законы в защиту труда детей и подростков, а в большинстве случаев также и женщин, на фабриках. Большинство из них устанавливает *10-часовой рабочий* день для охраняемых законом лиц, и только в Калифорнии, Делаваре, Айдахо и Миссури — 9-часовой, а в Иллинойсе — даже 8-часовой (для подростков от 14 до 16 лет, но не для женщин). Труд детей до 14 лет запрещен в большинстве северных штатов, южные устанавливают большей частью предельный возраст в 12 и даже в 10 лет или вообще не имеют никаких постановлений на этот счет. В южных штатах охрана труда еще более жалка. Рабочее время мужчин в Соединенных штатах в общем законом еще не установлено. Так же обстоит дело и в Австралии. В Виктории и Новой Зеландии введен 8-часовой день для женщин и детей.

Наконец, в последние десятилетия иногда проявляется

---

1) Кажется, из всего закона до сих пор всего больше применялась на практике эта оговорка.

стремление вывести регулирование рабочего дня за нынешние национальные границы и сделать его общим, международным делом всех капиталистических государств. Сначала в этом смысле заговорили рабочие в Швейцарии, Франции, Германии, Австрии и других государствах, а затем и правительства вынуждены были обратить внимание на этот вопрос. Швейцарский союзный совет был первым правительством, высказавшимся в пользу международной охраны труда. Его старания привлечь к этому делу правительства других стран разбились, однако, об отрицательное отношение германского имперского правительства. Нормировка рабочего дня казалась Бисмарку какой-то чудовищной несуразностью. Падение железного канцлера проложило путь успехам охраны труда в Германии, и некоторое время казалось, будто „новый курс“ приведет к решительным социальным реформам. Между прочим, в программу „нового курса“ вошла и идея международного законодательства по охране труда. Император Вильгельм II созвал в Берлине в марте 1890 г. для обсуждения этого вопроса конференцию из представителей европейских государств. Как известно, эта конференция не привела ни к каким результатам. Напротив, международное выступление *рабочего класса* в пользу 8-часового рабочего дня, начало которого было положено парижским международным конгрессом 1889 г., уже приобрело значение всемирно-исторического движения. *Майский праздник* — демонстрация в пользу международной охраны труда,— стал действительно величественным смотром сил и победным праздником международного борющегося пролетариата.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

ПРИБАВОЧНАЯ СТОИМОСТЬ МЕЛКОГО ХОЗЯИНА И ПРИБАВОЧНАЯ СТОИМОСТЬ КАПИТАЛИСТА.

Если дана стоимость рабочей силы, а следовательно, и рабочее время, необходимое для поддержания рабочего, то, вместе с нормой прибавочной стоимости, дана также и масса прибавочной стоимости, приносимой каждым рабочим. Если стоимость рабочей силы равна 3 руб., а норма прибавочной стоимости — 100 процентам, то масса прибавочной стоимости, производимой рабочим, равна 3 руб. Как же велика общая масса прибавочной стоимости, достающейся при данных обстоятельствах капиталисту? Положим, что он занимает 300 рабочих при описанных выше условиях. Пе-

ременный капитал, ежедневно пускаемый в ход, равен 900 руб., норма прибавочной стоимости — 100 процентам. В таком случае, масса прибавочной стоимости будет равняться также 900 руб. в день. „Масса прибавочной стоимости, производимой переменным капиталом, равна величине авансированного переменного капитала, умноженной на норму прибавочной стоимости". („Капитал", I, 277.)

Если один из этих факторов уменьшается, то масса прибавочной стоимости может быть удержана на прежней высоте соответственным увеличением другого. Наоборот, увеличение одного делает возможным соответственное уменьшение другого, без изменения массы прибавочной стоимости. Поясним это несколькими примерами. Капиталист, скажем, занимает 300 рабочих; необходимое рабочее время равно 6 часам, стоимость рабочей силы — 3 руб.; рабочее время — 12 часам в сутки. Масса ежедневно производимой прибавочной стоимости будет равна при этом 900 руб. Положим, что уступчивость рабочих позволила капиталисту удлинить рабочее время до 15 часов. Норма прибавочной стоимости, при прочих равных условиях, будет теперь равняться 150 процентам: $-\left(\frac{\text{9 часов прибавочного труда}}{\text{6 часов необходимого труда}}\right)$. Чтобы производить ту же массу прибавочной стоимости, как и раньше, т. е. 900 руб., капиталисту нужно теперь затратить уже не 900 руб. переменного капитала, как прежде, а всего 600; вместо 300 рабочих теперь довольно 200.

Но если, наоборот, рабочие несговорчивы, если им, наоборот, путем особенно удачной стачки удастся добиться сокращения рабочего времени с 12 до 9 часов, то норма прибавочной стоимости составит лишь 50 процентов: $\left(\frac{\text{3 часа прибавочного труда}}{\text{6 часов необходимого труда}}\right)$. Чтобы производить прежнюю массу потребительной стоимости, капиталист должен теперь занять 600 рабочих и авансировать 1 800 марок переменного капитала.

Что первый случай для капиталиста приятнее, нам нечего доказывать. Капиталист стремится к тому, чтобы как можно больше увеличить массу прибавочной стоимости; но для него более выгодно достичь этого путем увеличения нормы прибавочной стоимости, чем путем расширения переменного капитала, путем увеличения числа занятых рабочих.

Однако норма прибавочной стоимости не может быть установлена по произволу. При определенных условиях она представляет более или менее определенную величину. Но раз норма прибавочной стоимости дана, как определен-

ная величина, то производство известной массы прибавочной стоимости требует определенного размера переменного капитала, который ее создает, равно как и определенного размера постоянного капитала, который ее поглощает.

Это обстоятельство получило историческое значение.

Еще в до-капиталистические времена существовали наемные рабочие, которые производили прибавочную стоимость. В особенности это явление имело место в цеховом ремесле. Но число рабочих, которых занимал средневековой мастер, было невелико, а соответственно этому и масса доставшейся ему прибавочной стоимости была незначительна. Обыкновенно ее нехватало, чтобы обеспечить ему достаточный доход, и он должен был лично принимать участие в работе; „мелкий" хозяин-мастер — не наемный рабочий, но и не капиталист: это — нечто среднее между тем и другим.

Чтобы стать настоящим капиталистом, потребитель наемного труда должен занимать столько рабочих, чтобы масса производимой ими прибавочной стоимости не только обеспечивала ему „приличный званию" достаток, но и позволяла постоянно увеличивать свой достаток, что при капиталистическом способе производства, как мы увидим ниже, является для него необходимостью.

Не всякая сумма денег позволяет своему владельцу стать капиталистом. Если владелец денег хочет стать промышленным капиталистом, то его денежный запас должен быть достаточно велик для того, чтобы он мог закупить достаточное количество рабочей силы и средств производства, превышающее норму ремесленного предприятия. Но при этом владелец денег, приступая к производству, должен быть еще свободен и от всяких препятствий, мешающих увеличивать число рабочих до необходимых размеров. Средневековый цеховой строй старался помешать превращению мастера в капиталиста, сильно ограничивая число рабочих, которых имел право держать мастер.

„Хозяином современной (капиталистической) мастерской стал купец, а не цеховой мастер" („Нищета философии").

Цеховой мастер присваивает прибавочную стоимость, но он еще не вполне капиталист.

Цеховой подмастерье производит прибавочную стоимость, но он еще не вполне пролетарий — наемный рабочий.

Цеховой мастер еще работает сам, а капиталист только распоряжается и наблюдает за работой других.

Цеховой подмастерье еще распоряжается средствами производства, и средства производства, в свою очередь, служат подмастерью и облегчают ему труд. Он является по-

мощником, сотрудником мастера, он хочет, и обыкновенно может, сам сделаться когда-нибудь мастером.

Наемный рабочий при капиталистическом способе производства есть, напротив, единственный работник в процессе производства, источник прибавочной стоимости, а капиталист выкачивает ее. Средства производства служат теперь прежде всего для того, чтобы всасывать в себя рабочую силу работника; *теперь они распоряжаются последним,* а он в действительности никогда не может стать капиталистом. Орудия труда имеют уже назначением не облегчать труд рабочего, но *приковывать* последнего к труду.

Посмотрим на капиталистическую фабрику, и мы увидим, быть может, тысячи веретен, тысячи центнеров хлопка. Они куплены, чтобы возрасти в своей ценности, т. е. чтобы впитать в себя прибавочную стоимость. Но они возрастают в стоимости лишь путем приложения труда, а потому требуют труда, труда и труда. Уже не прядильная машина поставлена здесь для того, чтобы облегчать рабочему его труд, а рабочий поставлен для того, чтобы прядильная машина могла порождать новую стоимость. Веретена движутся и требуют человеческой рабочей силы. Рабочий голоден, но веретено вертится, и потому он должен глотать обед, обслуживая в то же время свою госпожу. Его силы истощены, ему хочется спать, но веретена вертятся живо и весело и требуют еще труда; а так как веретено вертится, то и рабочий не смеет спать.

Мертвое орудие подчинило живого рабочего.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

ОТНОСИТЕЛЬНАЯ ПРИБАВОЧНАЯ СТОИМОСТЬ.

Если необходимое рабочее время (т. е. та часть рабочего дня, во время которой производится лишь стоимость, равная по своей величине затраченному на покупку рабочей силы капиталу) является определенной величиной, то норма прибавочной стоимости может быть повышена только путем *удлинения рабочего дня.* Если, напр., необходимое рабочее время равно 6 часам в сутки и остается неизменным, — что и бывает в действительности при данных условиях производства, — то норма прибавочной стоимости может быть повышена только путем *удлинения рабочего дня.*

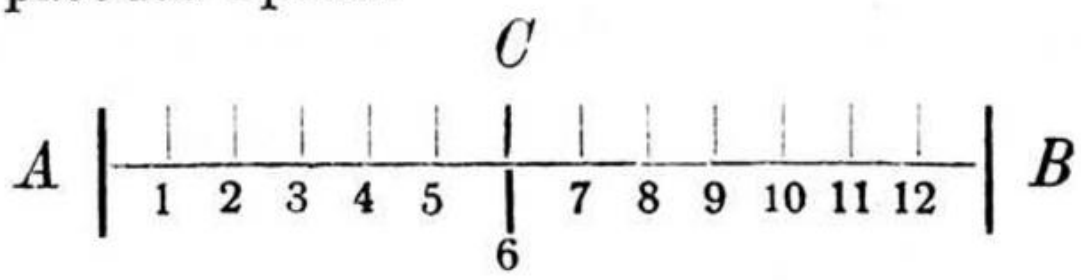
Значение этого обстоятельства мы рассмотрели в четвертой главе.

Однако рабочий день не может быть удлиняем до бес-

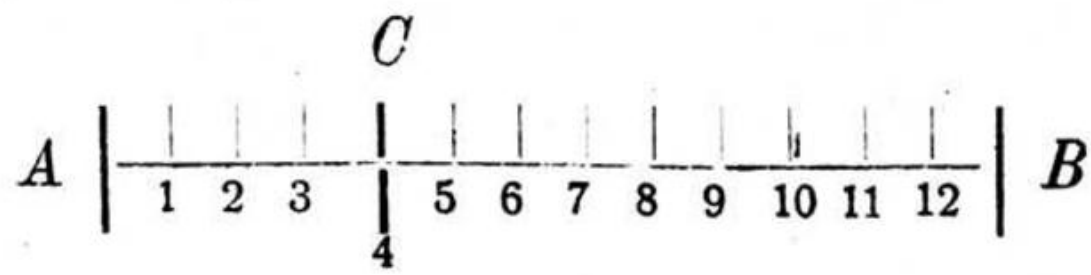
конечности. Стремление капиталиста к его удлинению находит *естественные* границы в истощении рабочего, *моральные* границы — в потребности последнего как человека в свободной деятельности, наконец, *политические* границы — в вызываемых теми или иными мотивами ограничениях рабочего дня государством.

Предположим, что рабочий день достиг такого предела, дальше которого он не может быть удлиняем и что этот предел определяется двенадцатью часами. Необходимое рабочее время пусть будет равно 6 часам; следовательно, норма прибавочной стоимости будет равна 100%.

Каким же образом можно увеличить эту норму? Очень просто. Если я понижаю необходимое рабочее время с 6 до 4 часов, то время прибавочного труда повышается с 6 до 8 часов; *длина* рабочего дня осталась прежней, но *соотношение* двух его составных частей — *необходимого* и *прибавочного* рабочего времени — изменилось. Вместе с тем изменилась и норма прибавочной стоимости. Благодаря сокращению необходимого рабочего времени с 6 до 4 часов при 12-часовом рабочем дне норма прибавочной стоимости возросла со 100 до 200%, — она *удвоилась*. Это явление очень легко понять, если изобразить величину рабочего дня и его частей в виде линий известной длины. Предположим, напр., что линия A — B представляет 12-часовой рабочий день, часть ее A — C — необходимое, а часть C — B — прибавочное рабочее время:



Каким образом могу я удлинить часть C — B на два деления, представляющие рабочие часы, — не удлиняя A — B? Путем сокращения A — C:



В первом случае C — B такой же длины, как и A — C, во втором C — B вдвое больше A — C.

Следовательно, возможно увеличить прибавочную стоимость не только путем *абсолютного удлинения рабочего дня*, но и путем *сокращения необходимого рабочего времени*.

Прибавочную стоимость, производимую путем удлинения рабочего дня, Маркс называет *абсолютною прибавочною стоимостью*, а ту, которая получается от сокращения необходимого рабочего времени и соответствующего изменения в отношении величины обеих составных частей рабочего дня, он называет *относительной прибавочной стоимостью*.

Стремление капиталиста к увеличению прибавочной стоимости последним путем откровенно сказывается в его попытках понизить заработную плату. Но так как стоимость рабочей силы при данных условиях является определенной величиной, то эта тенденция может выражаться лишь в понижении *цены* рабочей силы *ниже ее стоимости*. Как ни важно это обстоятельство на практике, мы все же не можем здесь вдаваться в его ближайшее рассмотрение, так как речь идет сейчас об изучении *основ* экономического развития, а не *внешних форм его проявления*.

Мы должны поэтому в дальнейшем исходить из предположения, что все происходит нормальным образом, что цена соответствует стоимости, а следовательно, и плата за рабочую силу соответствует стоимости последней. Итак, нам здесь еще не приходится задаваться вопросом о том, каким образом *заработная плата* может быть понижена ниже стоимости рабочей силы и какие последствия это влечет за собой; мы должны лишь рассмотреть, каким образом сокращается *стоимость* рабочей силы.

Рабочий при данных условиях имеет определенные потребности; он нуждается для поддержания своей семьи и себя самого в известном количестве *потребительных стоимостей*. Эти предметы потребления—товары, и их стоимость определяется рабочим временем, общественно-необходимым для их производства. Все это нам уже известно и не требует дальнейших пояснений. Если среднее рабочее время, необходимое для производства упомянутых предметов потребления, понижается, то понижается также и стоимость этих продуктов, а вместе с тем стоимость рабочей силы рабочего, равно как и часть рабочего дня, необходимая для восстановления этой стоимости, причем обычные потребности рабочего нисколько не ограничиваются. Другими словами, *с повышением производительности труда понижается при известных условиях стоимость рабочей силы*. Но только—при известных условиях, а именно лишь тогда или лишь постольку, поскольку повышение производительности труда сокращает рабочее время, необходимое для изготовления средств к жизни обычно потребляемых рабочим. Если рабочий привык не босиком ходить, а носить сапоги, то стоимость рабочей, силы сократится, когда для изготовле-

ния пары сапог окажется необходимым вместо 12 лишь 6 часов. Но если удвоится производительность труда шлифовальщика алмазов или кружевницы, то это останется без влияния на стоимость рабочей силы. Однако повышение производительной силы труда возможно лишь путем *изменения способов производства,* — путем улучшения орудий или методов работы. Следовательно, производство относительной прибавочной стоимости обусловливается переворотами, совершающимися в области методов работы.

Подобные перевороты и постоянное усовершенствование способов производства являются естественной необходимостью для капиталистической системы производства. Конечно, отдельный капиталист не всегда сознает, что чем дешевле он производит, тем ниже становится стоимость рабочей силы и тем выше, при прочих равных условиях, прибавочная стоимость. Однако конкуренция постоянно принуждает его вводить новые улучшения в процесс производства. Стремление опередить конкурентов побуждает его вводить способы производства, позволяющие при меньшей затрате общественно-необходимого рабочего времени производить товары в прежнем количестве. Но конкуренция равным образом вынуждает и его конкурентов вводить улучшенные способы производства. Исключительная прибыль, получавшаяся до тех пор, пока новый способ применялся в единичных случаях, исчезает, когда он начинает применяться всюду, но, в меру влияния этого способа на производство необходимых средств к жизни, остается *устойчивым* более или менее значительное падение стоимости рабочей силы и соответствующее повышение относительной прибавочной стоимости.

В этом кроется только одна из причин того, что капитализм непрерывно революционизирует способы производства и таким образом все более и более повышает относительную прибавочную стоимость.

Если повышается производительность труда, то повышается и норма относительной прибавочной стоимости, между тем как стоимость произведенных товаров соответственно понижается. Таким образом мы встречаемся здесь с развитием кажущегося противоречия; именно, капиталисты непрестанно стараются производить все дешевле и дешевле, все более и более понижать стоимость своих товаров, чтобы иметь возможность присваивать себе все большее и большее количество стоимости. Мы видим, однако, еще одну кажущуюся несообразность: чем выше производительность труда, тем выше, при господстве капиталистического способа производства, прибавочный труд, излишнее рабочее

время рабочего. Тенденция капиталистического способа производства заключается в том, чтобы увеличивать производительную силу труда до исполинских размеров, сокращать необходимое рабочее время до минимума, но при этом, насколько только возможно, удлинять рабочий день.

Как капитализм удлинял рабочий день, мы видели уже в четвертой главе. Посмотрим теперь, каким образом он сокращал необходимое рабочее время.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

КООПЕРАЦИЯ.

Как мы видели в пятой главе этого отдела, недостаточно пользоваться трудом наемных рабочих, чтобы быть капиталистом в полном смысле этого слова. Предприниматель, пользующийся трудом наемных рабочих, становится капиталистом лишь в том случае, если производимая рабочими масса прибавочной стоимости достаточно велика, чтобы обеспечить ему „приличествующий званию“ доход и увеличивать его богатство без его личного участия в труде. А это предполагает одновременный труд известного числа рабочих, далеко превосходящего норму, возможную при цеховом ремесле. „Совместный труд значительного числа рабочих, объединенных в одном и том же помещении (или, если угодно, на одной и той же арене труда) для производства одного и того же сорта товаров, под руководством одного и того же капиталиста, *и исторически и логически образует исходный пункт капиталистического производства*“. („Капитал“, I, 298.)

Итак, различие между капиталистическим и ремесленным способом производства прежде всего — только *количественное*, а не *качественное*. Занимаю ли я в одном и том же помещении и в одно и то же время трех ткачей при трех ткацких станках или тридцать ткачей при таком же количестве станков, — это прежде всего, повидимому, будет иметь последствием только ту разницу, что в последнем случае будет произведено в десять раз больше стоимости и прибавочной стоимости, чем в первом.

Однако наем большого количества рабочих влечет за собой еще и другие различия. Прежде всего вспомним о законе больших чисел, о том обстоятельстве, что индивидуальные особенности обнаруживаются тем сильнее, чем меньше индивидов мы принимаем во внимание, и тем скорее сглаживаются, чем в большей степени предметом наблю-

дения становятся массы. Если я пожелаю узнать среднюю продолжительность человеческой жизни, то я наверное приду к ошибочным выводам, вычисляя ее по продолжительности жизни 5—6 лиц. Но я могу с большой степенью вероятности допустить, что очень близко подошел к истине, определив ее по продолжительности жизни, скажем, миллиона человек.

Равным образом и индивидуальные отличия отдельных рабочих проявятся гораздо сильнее, когда они будут заняты в количестве трех человек, чем когда их будет тридцать. В последнем случае повышенная работоспособность хороших и пониженная — плохих сравняются, так что в результате получится *средний труд*. По словам Берка, уже при одновременной работе пяти сельских рабочих исчезают все индивидуальные различия, так что любые пять наугад взятых рабочих сделают вообще столько же, сколько и пять других.

Если рабочие мелкого хозяина дают общественно-средний труд, то это является случайностью. Только для капиталиста становится возможным, чтобы приводимый им в движение труд представлял собою *обычно* общественно-средний труд.

Одновременная работа многих рабочих в одном месте представляет еще и другие выгоды. За постройку помещения, в котором работает тридцать ткачей, мне не придется заплатить в десять раз дороже, чем за помещение для трех ткачей. Равным образом магазин, вмещающий 100 центнеров хлопка, не стоит в десять раз дороже магазина для 10 центнеров, и т. д. Следовательно, стоимость той части постоянного капитала, которая переходит в продукт, сокращается сравнительно с числом занятых рабочих тем сильнее, чем больше рабочих, при прочих равных условиях, участвует в определенном процессе труда. А вместе с тем возрастает прибавочная стоимость сравнительно с общей суммой затраченного капитала, но в то же время уменьшается стоимость продукта, а при известных, указанных в предыдущей главе, условиях уменьшается также и стоимость рабочей силы. В последнем случае прибавочная стоимость возрастает и сравнительно с переменным капиталом.

Одновременное применение труда многих рабочих в одном и том же месте для достижения определенного результата приводит *к их планомерной и совместной деятельности*, т. е. к кооперации. Последняя создает *новую общественную производительную силу*, которая и количественно превосходит и качественно отличается от суммы отдельных составляющих ее индивидуальных производительных сил.

Эта новая производительная сила есть прежде всего *сила массы*: она делает возможными некоторые процессы труда, совершенно невыполнимые с менее значительными силами или выполнимые лишь в несовершенной степени. Тридцать человек без труда подымут в несколько мгновений бревно, над которым 3 человека напрасно промучились бы целый день. Кооперация делает также возможным выполнение таких работ, где требуется не сила массы, а сосредоточение трудовой деятельности в возможно более крупном масштабе *в небольшой промежуток времени*; так бывает, напр., в случае уборки урожая.

И в тех случаях, когда не требуется ни большая масса энергии, ни сосредоточение и концентрация ее в определенном месте или в определенный момент, кооперация все же оказывается выгодной: *она повышает производительность труда*; всякому известно, каким образом при постройке зданий доставляются наверх кирпичи: составляется цепь из рабочих, передающих кирпичи один другому. Благодаря такой планомерной совместной деятельности кирпичи попадают наверх гораздо быстрее, чем если бы рабочие таскали их туда поодиночке.

Наконец, нельзя забывать и того, что человек — животное общественное, что коллективная работа оживляет его психику, что при такой работе начинают играть роль честолюбие и чувство соревнования. Таким образом коллективная работа идет быстрее, и трудовая энергия бывает при ней выше, чем у изолированных рабочих.

При капиталистической системе наемные рабочие лишь тогда могут вести работы совместно, когда их рабочая сила куплена одним и тем же капиталистом. Чем больше приходится покупать рабочей силы, тем больше нужно переменного капитала; чем больше занято наемных рабочих, тем большее количество сырого материала, орудий труда и пр. им нужно, а следовательно, тем больше и необходимый постоянный капитал. Поэтому проведение кооперации в известном масштабе предполагает и известную величину капитала. Капитал известной величины становится теперь *предварительным условием* капиталистического способа производства.

Кооперация свойственна не одному лишь капиталистическому способу производства. Мы встречали ее в примитивных формах уже у индейцев. При этом мы выяснили, что планомерная совместная деятельность последних при охоте требует *планомерного руководства*. Такое руководство необходимо при всяком общественном труде, в какой бы форме он ни совершался. При капиталистическом способе

производства подобная руководящая роль неизбежно становится функцией капитала. Здесь снова обнаруживается плодотворное значение того, что Маркс установил двойственность характера производящего товары труда. Как мы уже видели, в силу этого двойственного характера, процесс производства при капиталистической системе есть в одно и то же время процесс труда и процесс возрастания стоимости. Поскольку процесс производства является *процессом труда*, постольку капиталист является *руководителем* производства и выполняемая им функция представляется такой, которая в большей или меньшей степени необходима при всяком общественном процессе труда. Особенностью же *капиталистического* производственного процесса, как процесса *возрастания стоимости*, является, как это было уже выяснено в главе о рабочем дне, лежащий в его основе *антагонизм* интересов труда и капитала. Поэтому, чтобы процесс возрастания стоимости проходил спокойно в желательном направлении, требуется подчинение рабочего и *деспотическое господство* капиталиста. Но процесс возрастания стоимости и процесс труда составляют лишь две различные стороны одного и того же процесса, — капиталистического процесса производства, а потому руководство производством и деспотическое господство капитала над рабочим кажутся также тожественными явлениями. Но так как первое является технически необходимым, то—вещает нам буржуазная экономия—господство капитала над трудом также является диктуемою силою вещей техническою необходимостью и с уничтожением его было бы уничтожено самое производство, поскольку оно носит общественный характер. Словом,— господство капитала является естественно-необходимой предпосылкой цивилизации.

И Родбертус заявляет, что в качестве руководителей производства капиталисты являются как бы служащими общества и вправе получать от общества содержание. На самом же деле капиталист предпринимает производство потребительных стоимостей лишь потому, что иначе он не может стать обладателем стоимостей; равным образом и руководство производством является для него лишь необходимым злом, которому он покоряется потому только, что с ним неразрывно связано возрастание стоимости его капитала. Он уклоняется от этого зла во всех тех случаях, когда это возможно сделать, не нанося ущерба прибавочной стоимости. Если его предприятие достаточно велико, он передает свое общественное „служение“ наемным служащим, управляющим и их подчиненным. Иногда он прибегает и к другим приемам, чтобы освободиться от руко-

водства производством. Так, во время хлопкового кризиса в начале 60-х гг. владельцы английских бумагопрядилен закрыли свои фабрики и стали выколачивать себе „содержание“ спекуляцией на хлопковой бирже. Утверждение, будто капиталист за свое руководство производством заслуживает вознаграждения, напоминает нам рассказ о мальчике, увидевшем яблоню, сплошь усыпанную яблоками, к которой он не мог пробраться иначе, чем через высокий забор. Яблоки были слишком соблазнительны, а потому мальчик предпринял нелегкую работу перелезть через забор, что ему удалось после долгих усилий. Но не успел он добраться до яблони, как вдруг пришел владелец сада и обратился к нему с вопросом, по какому праву он рвет яблоки. „Я честно заслужил их, — ответил мальчуган, — это — награда за тяжелую работу, которую я проделал, перелезая через забор“. Точно так же как мальчик мог пробраться к яблокам не иначе, как через забор, так и капиталист обыкновенно может добраться до прибавочной стоимости лишь в качестве руководителя производством.

Здесь следует указать еще на одно странное воззрение, встречающееся в книгах по экономии. Мы предполагали до сих пор, что капиталист покупает всякий раз рабочую силу по ее полной стоимости. Но планомерное сотрудничество всех купленных им рабочих сил развивает новую производительную силу. Рабочие силы производят в этом случае больше, чем если бы он заставил каждую из них работать отдельно. Капиталист не оплачивает этой новой производительной силы. Последняя не имеет никакого отношения к *меновой стоимости* рабочей силы и составляет особенность ее *потребительной стоимости*. Эта новая сила обнаруживается лишь в процессе труда, следовательно, лишь после того, как товар — рабочая сила — перешел во владение капиталиста, *стал капиталом*. Поэтому капиталистам и их апологетам и кажется, будто повышение производительности труда следует приписать не труду, а *капиталу*. „Так как общественная производительная сила труда ничего не стоит капиталу, так как, с другой стороны, она не развивается рабочим, пока его труд не принадлежит капиталу, то она кажется производительной силой свойственной капиталу по самой его природе“. („Капитал“, I, 310—311.)

Кооперация, как уже было упомянуто выше, свойственна не одному лишь капиталистическому способу производства. Общественное коллективное производство свойственно уже первобытному коммунизму, который мы встречаем в самом раннем периоде истории человечества. Первобытное земледелие производилось всюду на общинных,

кооперативных началах. Лишь впоследствии последовал передел земли между отдельными семьями. Примеры кооперации у индейцев и индусов приведены нами в первом отделе.

Развитие *товарного* производства уничтожило эту *первобытную кооперацию*. И хотя вместе с товарным производством расширяется круг лиц, работающих *друг для друга*, но труд *совместный* в сущности исчезает, сохраняясь лишь в форме *принудительного труда*, труда рабов, крепостных или обязанных на их господ.

Капитал, возникающий как противоположность изолированности и раздробленности сил в крестьянском хозяйстве и ремесленном производстве, снова развивает кооперацию, общественный, коллективный труд. Кооперация есть основная форма капиталистического способа производства, его особая историческая форма внутри товарного производства. Капитал стремится все более и более развивать общественное производство, он создает все высшие формы кооперации: мануфактуру, крупную промышленность. Цель, которую он при этом преследует, заключается в увеличении прибавочной стоимости. Но помимо своей воли он приготовляет этим почву для новой, высшей формы производства.

Ремесленная форма товарного производства основана на *раздробленности* и *изолированности* различных предприятий; капиталистическое же предприятие, напротив, зиждется на *объединении* различных видов труда, на *общественном, коллективном* производстве. Ремесленная форма товарного производства предполагает, как правило, существование множества мелких *самостоятельных* товаропроизводителей; капиталистическое же предприятие, основанное на кооперации, требует безусловной власти капиталиста над отдельными рабочими.

В первом отделе мы на двух примерах познакомились с первобытной кооперацией и разделением труда; затем мы проследили возникновение товарного производства; теперь мы рассмотрели развитие капиталистического способа производства, которое одновременно является и товарным и кооперативным производством.

Если капиталистическая форма товарного производства отличается от ремесленной концентрацией производства и организацией коллективного, общественного труда, то, с другой стороны, капиталистическая кооперация отличается от первобытной коммунистической кооперации безусловным авторитетом капиталиста, который является и руководителем производства и собственником средств производства

и которому в то же время принадлежат и продукты кооперативного труда, в первобытной кооперации принадлежащие самим трудящимся.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

РАЗДЕЛЕНИЕ ТРУДА И МАНУФАКТУРА.

1. Двоякое происхождение мануфактуры. Ее элементы: частичный рабочий и его орудие.

В первом отделе мы в основу своего изложения положили кроме „Капитала“ еще „Критику политической экономии“ Маркса, а отчасти его „Наемный труд и капитал“. Что касается настоящей и следующей глав, трактующих о разделении труда и мануфактуре, о машинах и крупной промышленности, то при составлении их мы пользовались кроме „Капитала“ еще „Нищетой философии“ Маркса, а именно, § 2 второй главы, озаглавленным „Разделение труда и машины“.

В „Нищете философии“ подробнее, чем в „Капитале“, рассмотрена литература по вопросу о невыгодных для рабочего последствиях разделения труда в капиталистической мануфактуре. Таким образом упомянутый § 2 является не только предшественником по времени двух принятых здесь во внимание глав „Капитала“, но и их дополнением. Их, по нашему мнению, следует отнести к числу самых блестящих страниц, написанных Марксом, а они до сих пор, к сожалению, не пользуются со стороны большинства читателей „Капитала“ тем вниманием, какого они заслуживают [1]).

Прежде всего рассмотрим мануфактуру, т. е. ту промышленность, которая не превратилась еще в современную крупную промышленность с ее машинами, но не представляет уже ни средневекового ремесла, ни домашней промышленности [2]). В качестве формы капиталистического производственного процесса она в общем господствует приблизительно с середины XVI до конца XVIII века [3]).

---

[1]) Густав Гросс — один из тех немногих, кто понимает значение этой главы. Ср. D-r *G. Gross*, Karl Marx. Leipzig 1885, стр. 85.

[2]) „Нищета философии“, стр. 128 — 129.

[3]) Слово „мануфактура“ составлено из двух латинских слов: manus (рука) и factus (сделанный, изготовленный). Одною из важнейших отраслей промышленности, захваченных мануфактурой, была обработка волокнистых веществ,— шерсти, хлопка и т. п. Поэтому еще и теперь текстильные фабрики часто

Она имеет двоякое происхождение. С одной стороны, капитал нашел такие продукты, которые при изготовлении должны были проходить через руки различных ремесленников. Так, экипаж из рук каретника переходит в руки шорника, обойщика, маляра, стекольщика и т. д. На место самостоятельных ремесленников разных специальностей капиталист поставил наемных рабочих тех же отраслей производства, работающих планомерно и совместно в общем помещении над изготовлением кареты.

Но развитие мануфактуры шло также и противоположным путем. Капиталист собирал целый ряд рабочих, производивших один и тот же предмет, напр. булавочников. Каждый из них должен был выполнять одну за другой все операции, необходимые для изготовления продукта. Такое участие в производстве значительного количества рабочих естественным образом привело к *разделению* различных операций между различными рабочими. Итак, мануфактура, с одной стороны, возникала путем *соединения* разнородных и самостоятельных ремесел, а с другой стороны—путем *разделения* разнородных операций одного и того же ремесла между различными рабочими.

Однако была ли выполняемая мануфактурным рабочим операция раньше самостоятельной операцией особого ремесла, или она произошла из разложения операций одного и того же ремесла,—ремесло всегда составляло не только историческую, но и техническую основу мануфактуры. Необходимым условием этого вида производства остается выполнение каждой отдельной операции *человеческими руками*. Успешность труда в мануфактуре, как и в ремесле, существенным образом зависит от ловкости, уверенности и проворства отдельных рабочих.

Однако между ремесленным и мануфактурным рабочим существует громадное различие. На место разнообразия операций первого мануфактура вводит простоту и однообразие операций, выполняемых рабочим изо дня в день, из года в год. Рабочий здесь является уже не сознательным и самостоятельным производителем, а только несамостоятельною частью большого рабочего механизма, как бы членом совокупного рабочего организма.

Разумеется, таким путем искусность рабочего в его ограниченной сфере деятельности повышается в огромной

называют мануфактурами, хотя их следует относить не к области мануфактуры, а к области крупной машинной промышленности; иногда же под мануфактурой разумеют исключительно текстильную промышленность. Такое употребление слова „мануфактура“ совершенно неправильно.

степени. Он открывает много новых приемов работы, передает их товарищам и, в свою очередь, многому научается от последних. Перемена места и орудия, неизбежная при разнообразии операций, влечет за собой излишнюю трату времени и энергии; этому нет места у частичного мануфактурного рабочего, который непрерывно работает на одном и том же месте одним и тем же орудием в одном и том же направлении. С другой стороны, перемена работы дает отдых и возбуждает энергию, чего лишен частичный рабочий.

Разделение труда в мануфактуре не только развивает искусность рабочего, но и способствует совершенствованию его *орудия*. Орудие, которое должно служить для множества разнородных операций, не может быть вполне приспособлено к каждой из них; орудие же, которое исключительно применяется при одной операции, может быть соответствующим образом приспособлено к ней, что значительно повышает его производительность.

Все эти обстоятельства приводят к значительному повышению производительной силы труда в мануфактуре, сравнительно с ремеслом.

2. Две основные формы мануфактуры.

Выше мы рассмотрели двоякое происхождение мануфактуры и ее составные элементы,— частичного рабочего и его орудие. Обратимся теперь к общим формам мануфактуры.

Мануфактуре свойственны две существенно отличные одна от другой основные формы, вытекающие из природы изделия, продукта. Последний либо составляется из нескольких частей, из которых каждая является особым самостоятельным продуктом, либо изготовляется путем нескольких, одна с другой тесно связанных манипуляций и операций, которые однако все же последовательно производятся над одним и тем же предметом труда.

Каждую из обеих этих основных форм мануфактуры мы можем пояснить классическим примером. Сэр Вильям Петти наглядно поясняет мануфактурное разделение труда с помощью *фабрикации часов*, которую следует причислить к первой из основных форм мануфактуры. В ремесленном производстве часы были первоначально продуктом труда одного рабочего, который изготовлял их сам с начала до конца. Но как только фабрикация часов подпала под власть капиталистического производства, изготовление каждой отдельной составной части часов равно как их сборка были поручены особым частичным рабочим. Таким образом по-

являлись особые мастера, изготовляющие пружины, циферблаты, зубчатые колеса, наконец, мастера, собирающие часы из отдельных частей и выверяющие их.

Пример второй основной формы мануфактуры дал нам Адам Смит в своем знаменитом описании фабрикации булавок, как она производилась в его время. „Один тянет проволоку, — говорит он, — другой растягивает ее, третий разрезает на части, четвертый заостряет конец, пятый шлифует другой конец, на который насаживается головка. Изготовление головки, в свою очередь, требует двух или трех разнородных операций. Насаживание головки на булавку является также особой операцией; полирование — опять-таки особой. Даже втыкание булавок в бумагу составляет особую специальность. Таким образом изготовление булавки распадается на восемнадцать совершенно отдельных операций, которые на некоторых фабриках этого рода исполняются таким же количеством рабочих". („Богатство народов", гл. 1.)

Кусок проволоки проходит последовательно через руки различных частичных рабочих; но все эти рабочие заняты одновременно. В булавочной мануфактуре одновременно тянут проволоку, растягивают, разрезают, заостряют ее и т. д., — короче говоря, различные операции, которые ремесленному рабочему приходилось выполнять одну за другой, в мануфактуре выполняются одновременно и *параллельно*. Благодаря этому становится возможным в тот же промежуток времени производить товаров больше прежнего. Сравнительно с ремеслом, мануфактура выигрывает и в отношении производительности труда, чем она обязана своему кооперативному характеру. Однако мануфактура еще стеснена некоторыми ограниченными условиями; все равно, принадлежит ли она к первому типу, который мы иллюстрировали примером часового производства, или ко второму, для определения которого мы воспользовались примером булавочного производства,—в обоих случаях изделие или составные его части должны совершать *переход* из одних рук в другие, что требует времени и труда. Это ограничительное условие преодолевается лишь крупной промышленностью.

При таком переходе изделия из одних рук в другие один рабочий доставляет другому свой *сырой материал*, т. е. каждый рабочий дает работу другому. Так, например, рабочий, насаживающий головки на булавки, не может выполнить своей работы, если ему не будут доставлены в достаточном количестве надлежащим образом приготовленные куски проволоки. Чтобы общая работа шла непрерывно и

безостановочно, должно быть поэтому точно определено время, необходимое для изготовления каждой из отдельных частей продукта, а современем необходимо сообразовать и число рабочих, занятых изготовлением каждой из этих частей. Если, напр., рабочий, разрезывающий проволоку на куски, может нарезать в час в среднем 1 000 булавок, между тем как рабочий, насаживающий головки, справится за это время только с 200 булавками, то для того, чтобы десять рабочих, исполняющих последнюю функцию, были заняты все время, неебходимо иметь в мануфактуре двух резчиков проволоки. С другой стороны, капиталист, нанявший одного резчика проволоки, должен пригласить пять рабочих, насаживающих головки, если он хочет вполне использовать в своих целях рабочую силу первого. Если капиталист пожелает расширить свое предприятие, то число новых рабочих, которых он может занять, опять-таки не будет произвольным, если только он хочет сполна использовать их рабочую силу. Если он, в нашем примере, оставит одного нового резчика проволоки, то это лишь в том случае принесет ему соответствующую выгоду, когда он пригласит при этом еще пятерых, а не троих или четверых рабочих, насаживающих булавки.

Изготовление товара втечение общественно-необходимого для этого рабочего времени является, как мы знаем, требованием товарного производства вообще; к исполнению этого требования товаропроизводитель вынуждается *конкуренцией*. С развитием же капиталистической мануфактуры изготовление определенного количества продуктов втечение общественно-необходимого рабочего времени становится так же и *технической* необходимостью. Если ремесленник работает быстрее или медленнее, чем это является общественно-необходимым, то это обстоятельство оказывает влияние на его трудовой заработок, но не делает еще для него невозможным самый труд. В капиталистической же мануфактуре останавливается вся работа, если в изготовлении какой-нибудь детальной части продукта произошло уклонение от нормы. Однако, как мы видели выше, одновременное применение труда значительного числа рабочих в одном и том же деле приравнивает их труд к среднему труду. Это явление, представляющее выгодную сторону простой кооперации, становится необходимым условием производства в мануфактуре.

Итак, только при капиталистическом способе производства *отдельный товаропроизводитель* (капиталист) обыкновенно производит свои товары при затрате общественно-необходимого среднего труда, — и он принужден производить именно

таким образом. Только при капиталистическом способе производства закон меновой стоимости достигает своего полного осуществления.

Уже при мануфактуре начинается кое-где применение *машин*, но в этот период они всегда играют только второстепенную роль. Важнейшей машиной мануфактуры остается совокупный рабочий, при котором отдельные детальные рабочие являются лишь колесиками, тесно соединенными между собою. При мануфактурной системе рабочий является в действительности лишь частью машины и, подобно последней, должен действовать регулярно и непрерывно. Как в машине есть и более и менее сложные части, так и различные частичные работы требуют и более и менее обученных рабочих, рабочая сила которых обладает, соответственно этому, большей или меньшей стоимостью. Когда изготовление булавок производилось еще ремесленным способом, обучение каждого булавочного мастера было одинаково и, соответственно этому, стоимость рабочей силы каждого из них была, вообще говоря, одинакова и притом сравнительно высока. Когда же производством булавок овладела мануфактурная система, она распалась на ряд частичных работ, из которых одни требовали основательного навыка, а другие могли быть усвоены без всякого труда. Рабочая сила тех рабочих, которые потратили много времени на приобретение необходимого и основательного навыка, естественно, имела гораздо большую стоимость, чем рабочая сила тех, которые выполняли более простые операции.

Так возникла „иерархия рабочих сил, которой соответствует скала заработной платы“ [1]).

---

1) Следующая таблица, заимствованная у Баббэджа („On the Economie of Machinery and Manufacture“, London 1835) дает очень ясное изображение иерархической системы отдельных ступеней заработной платы и прекрасно иллюстрирует техническую необходимость — приводить в надлежащее соответствие число рабочих, занятых при каждой отдельной операции, равно как и строго придерживаться среднего общественно-необходимого времени. Таблица изображает положение небольшой английской булавочной мануфактуры в начале XIX века.

Название работы.	*Рабочие.*	*Поденная плата.*
Вытягивание проволоки	1 мужчина.	3 шилл. 3 пенса.
Растягивание проволоки	1 женщина и 1 девочка.	1 шилл. 6 пенсов.
Заострение	1 мужчина.	5 шилл. 3 пенса.
Изготовление головок	1 мужчина и 1 мальчик.	5 шилл. $4^1/_2$ пенса. $4^1/_2$ пенса.
Насаживание головок	1 женщина.	1 шилл. 3 пенса.
Полировка	1 мужчина и 1 женщина	6 шилл. 3 шилл.
Втыкание в бумагу	1 женщина.	1 шилл. 6 пенсов.

Таким образом, заработная плата колебалась от $4^1/_2$ пенсов (18 к.) до 6 шилл. (3 руб.)

На низшей ступени этой скалы стоят те рабочие, которые выполняют операции, доступные каждому без особой подготовки и навыка. Такого рода простые операции бывают в каждом производственном процессе; в ремесле они чередуются с более сложными работами; в мануфактуре же они остаются постоянным и неизменным занятием особого разряда рабочих, которые приэтом, как рабочие необученные, отличаются от обученных.

Почти каждому из мануфактурных рабочих приходится тратить на свою подготовку меньше времени, чем ремесленнику соответствующей отрасли промышленности. Последний принужден усвоить все приемы, необходимые для окончательного изготовления продукта, тогда как мануфактурный рабочий может ограничиться усвоением лишь одного или нескольких приемов. А у необученного рабочего расходы на обучение и вовсе отпадают.

Таким образом при мануфактурном способе производства понижается стоимость рабочей силы, а вместе с тем понижается и необходимое для содержания рабочего рабочее время; при неизменившейся длине рабочего дня растет продолжительность прибавочного труда, растет и относительная прибавочная стоимость.

А рабочий оказывается физически и духовно изуродованным, работа теряет для него всякое содержание, всякий интерес; он сам становится придатком капитала.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

МАШИНЫ И КРУПНАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ.

1. Развитие машины.

Хотя разделение труда в мануфактуре и привело к видоизменению ремесленного труда, но оно не устранило его совершенно. Искусность ремесленника в общем и целом остается основой мануфактуры и дает частичному рабочему, хотя бы и односторонне обученному, известную *независимость* по отношению к предпринимателю. Его нельзя рассчитать сразу, так как его работа необходима для хода всего предприятия, что мы видели на примере фабрикации булавок. И сами рабочие настолько хорошо сознают эту выгоду, что всеми силами стараются удержать за мануфактурой этот ремесленный характер путем возможно полного сохранения ремесленных обычаев, напр. в области ученичества и пр.

Такую тенденцию можно еще и теперь наблюдать в целом ряде производств, которые до сих пор сохранили свой мануфактурный характер. В этом кроется также тайна многих успехов профессионального движения.

Что для одного радость, для другого горе. „Поэтому, — говорит Маркс, — втечение всего мануфактурного периода не прекращаются жалобы на недисциплинированность рабочих. И если бы даже у нас не было показаний современных писателей, одни факты, что, начиная с XVI столетия и вплоть до возникновения крупной промышленности, *капиталу не удавалось завладеть всем рабочим временем, каким располагает мануфактурный рабочий;* что мануфактуры недолговечны, и вместе с *эмиграцией или иммиграцией рабочих* покидают одну страну, чтобы возникнуть в другой, — одни эти факты говорят нам больше, нежели целые библиотеки". („Капитал", I, 347.) Понятен после этого крик скорби, вырвавшийся у анонимного автора вышедшего в 1770 памфлета: „Рабочие никогда не должны считать себя независимыми от поставленных над ними начальников... Порядок должен устанавливаться во что бы то ни стало".

И порядок был установлен. Мануфактура сама создала необходимое для этого предварительное условие. Она породила иерархически расчлененную мастерскую для производства усложненных орудий труда, а „продукт мануфактурного разделения труда произвел, в свою очередь, машины". („Капитал", I, 347.) Машина же окончательно уничтожает господство ремесленного способа работы.

Чем же отличается машина от инструмента ремесленника, что превращает орудие труда из инструмента в машину? То, что *механический аппарат*, которому только должно быть сообщено *соответствующее движение, „совершает* своими орудиями *те самые операции, которые раньше рабочий совершал подобными же орудиями"*. („Капитал", I, 351.) Служит ли источником двигательной силы в этом случае человек или опять-таки машина, это ничуть не меняет сущности дела. Это нужно твердо усвоить себе, чтобы не впадать в ошибочное представление, будто машина отличается от инструмента тем, что приводится в движение не человеком, но какою-нибудь силой природы, как, напр., животным, водою, ветром и т. д. Применение таких двигательных сил несравненно древнее машинного производства; вспомним хотя бы о плуге, запряженном быком или лошадью. Животные, ветер, вода и т. п., как известно, уже в глубокой древности применялись человеком в качестве двигательной силы при устройстве мельниц, насосов и пр., отнюдь не вызывая революции в способах производства. Даже *паровая машина*

в том виде, в каком она была изобретена в XVII в., еще не вызвала никакого промышленного переворота. Переворот произошел, однако, тогда, когда была изобретена первая сколько-нибудь важная „рабочая машина“, — прядильная машина. Нет ничего пошлее сказки, приписывающей открытие паровой машины случайному наблюдению над кипящим горшком. Сила пара была известна грекам, вероятно, уже 2 000 лет тому назад, но они не умели ни к чему применить ее, а впоследствии ею воспользовались для разного рода механических игрушек. Изобретение же *паровой машины* есть в действительности продукт сознательной и *напряженной* деятельности ума, опиравшейся на предыдущий опыт, и стало возможным лишь после того, как мануфактура создала необходимые для этого *технические предпосылки,* особенно же достаточное количество искусных механических рабочих. Оно стало, далее, возможным лишь после того, как *потребность* пробудила интерес к новым двигательным силам [1]). Таковы именно были условия, при которых была изобретена *рабочая машина.*

Эта последняя требовала для своей эксплоатации двигательной силы, которая отличалась бы большой мощностью и *регулярнее* функционировала бы, чем ранее существовавшие. Человек — очень несовершенное орудие для *непрерывного* и вполне *однообразного* движения, да еще и слишком слабое; лошадь, более сильная, чем человек, не только слишком дорога и лишь в ограниченных пределах может быть применяема на фабрике, но отличается еще и отвратительным свойством: она иногда имеет свой норов; *ветер* слишком *непостоянен* и *не поддается управлению;* равным образом и *сила воды*, которой широко пользовались уже в мануфактурный период, не удовлетворяла новым требованиям, так как она не могла быть увеличиваема по произволу, в известное время года совершенно отказывалась служить, а главное, была привязана *к месту.* Лишь после того, как *Джемс Уатт* после долгих усилий изобрел свою вторую *паровую машину*, так называемую машину двойного действия, найдя в *„обширнейшем“* промышленном предприятии своего компаньона *Матиаса Болтона* „как технические, так и денежные средства“, требовавшиеся для выполнения его плана, — лишь тогда впервые был найден двигатель, „который, потребляя уголь и воду, *сам производит двигательную силу* и *мощность* которого находится всецело *под контролем человека. Двигатель* и сам — средство

---

[1]) На вопрос: „Что такое изобретение?“ Гёте отвечает меткими словами: „Завершение того, что составляло предмет исканий“.

передвижения; будучи *городским,* а не деревенским, как водяное колесо, он позволяет *концентрировать производство в городах*, вместо того чтобы, подобно водяному колесу, рассеивать его в деревне. Наконец, он *универсален* по своему *техническому* применению". („Капитал", I, 354—355.) Понятно. что усовершенствованная двигательная сила с своей стороны воздействует на рабочую машину, толкая ее к дальнейшему развитию.

„Всякая вполне развитая машина состоит из *трех* существенно различных частей: *двигательного механизма, передаточного механизма* и, наконец, *исполнительного механизма* или собственно „рабочей машины". („Капитал", I, 350.) Двигательный механизм как *движущую силу всей машины* мы уже рассмотрели. Передаточный механизм, состоящий из маховых колес, валов, зубчатых колес, эксцентриков, стержней, бесконечных ремней и всякого рода промежуточных приспособлений и принадлежностей, *регулирует* движение, *изменяет*, где нужно, *его форму*, превращая его, напр., из прямолинейного в круговое, *распределяет* и *переносит* его на различные части *исполнительного механизма.* „Обе эти части машины, двигатель и передаточный механизм, существуют только затем, чтобы приводить в движение исполнительный механизм, благодаря чему последний охватывает предмет труда и целесообразно изменяет его". („Капитал", I, 350.)

Именно *рабочая машина,* как мы видели, произвела промышленный переворот в XVIII веке, да и теперь еще она служит исходным пунктом в процессе превращения уцелевшего до сих пор ремесленного или мануфактурного производства в машинное. Она представляет собой прежде всего либо более или менее измененную механическую форму старого ремесленного инструмента, что мы встречаем, напр., в механическом ткацком станке, либо прилаженные к „пальцам" рабочей машины органы оказываются нашими старыми знакомыми, как, напр., веретена у прядильной машины, спицы у чулочновязальной машины, ножи у резальной машины и т. п. Но *количество инструментов*, которыми одновременно работает одна и та же рабочая машина, „с самого начала оказывается свободным от всех органических ограничений, которым подчинено ручное орудие рабочего". („Капитал", I, 351.)

Так как одна двигательная машина посредством целесообразного приспособления („разветвление на особые русла") передаточного механизма может приводить одновременно в движение целый ряд рабочих машин, то отдельная рабочая машина таким путем низводится до степени простого *элемента* машинного производства. Там, где весь продукт

выделывается одной и той же рабочей машиной (напр., механическим ткацким станком), — там на *фабрике,* т. е. в мастерской, основанной на машинном производстве, каждый раз перед нами снова выступает *простая кооперация,* при которой *несколько однородных рабочих машин* (рабочих мы пока можем и не принимать во внимание) действуют *одновременно и совместно* в одном и том же помещении. В этом случае, однако, существует *механическое единство.* Один удар, одна и та же двигательная машина одинаковым образом приводит их в движение. Они являются здесь лишь органами одного и того же двигательного механизма.

Но там, где предмет труда должен проходить целый ряд связанных между собою *последовательных процессов*, выполняемых целой цепью разнородных, но друг друга дополняющих рабочих машин, где, следовательно, снова появляется свойственная *мануфактуре* кооперация, основанная на *разделении труда,* но уже в виде комбинации *частичных рабочих машин,* — там впервые место отдельной самостоятельной машины занимает настоящая *система* машин. Каждая частичная машина доставляет другой, следующей за ней, ее сырой материал, и, подобно тому, как это наблюдается в мануфактуре при кооперации частичных рабочих, так и в расчлененной системе машин постоянная зависимость между отдельными частичными машинами создает известное *определенное соотношение* между их *числом*, их *размерами* и *скоростью.* Эта комбинированная рабочая машина *тем совершеннее*, чем непрерывнее идет выполняемый ею общий процесс, т. е. чем *с меньшими перерывами* сырой материал доходит от первой фазы до последней, чем в большей степени, следовательно, эти переходы совершаются, вместо человеческих рук, — посредством *самой машины.* Когда же машина исполняет все движения, необходимые для обработки сырого материала, без помощи человека и ее работа нуждается лишь в некоторых поправках со стороны человека, — тогда перед нами *автоматическая система машин.* Что эта последняя также способна к постоянному усовершенствованию в деталях, показывает, напр., аппарат, автоматически останавливающий прядильную машину, как только оборвется хоть одна нитка. „Примером как непрерывности производства, так и проведения автоматического принципа может служить, — говорит Маркс, — современная писчебумажная фабрика“. („Капитал“, I, 359.)

Как изобретение паровой машины Уаттом, так и другие ранние изобретения в области машин могли быть осуществлены лишь благодаря тому, что мануфактурный период дал значительное количество искусных механиков-

рабочих, — частичных рабочих мануфактуры, а также самостоятельных ремесленников, которые умели изготовлять машины. Первые машины были изготовлены ремесленниками или в мануфактурах.

Однако, пока машины были обязаны своим существованием *личному* искусству и *личным* силам рабочих, труд которых носил еще наполовину артистический характер, они не только были слишком дороги — момент, всегда превосходно понимаемый капиталистом, — но и дальнейшее распространение их, а следовательно, и развитие крупной промышленности оставалось в зависимости от возрастания этой категории рабочих, искусство которых требует продолжительного обучения и число которых может поэтому увеличиваться лишь постепенно.

Но на известной ступени развития крупная промышленность становится и в техническом отношении в противоречие со своим ремесленно-мануфактурным основанием. Всякое усовершенствование или увеличение размеров машины, ее освобождение от первоначального ремесленного образца, употребление более пригодных для нее, но труднее поддающихся обработке материалов, напр. железа вместо дерева, — все это наталкивалось на величайшие трудности, преодолеть которые не могла даже проведенная в мануфактуре система разделения труда. „Такие машины, как, напр., новейший типографский станок, новейший паровой ткацкий станок и новейшая чесальная машина, не могли быть созданы мануфактурой“. („Капитал“, I, 361.)

С другой стороны, переворот в одной какой-либо отрасли промышленности влечет за собой переворот в целом ряде других отраслей, связанных с первой. Так, машинное прядение делает необходимым машинное ткачество, и оба вместе влекут за собой химическую и механическую революцию в белильном, красильном и ситцепечатном производствах. А затем революция в способах производства в области промышленности и земледелия обусловила также *переворот в средствах сообщения и транспорта*. Крупной промышленности с ее лихорадочной быстротой производства необходимо быстро получать свои сырые материалы, быстро и в больших количествах выбрасывать на рынки свои продукты, она должна быть в состоянии привлекать и выбрасывать, сообразно своим потребностям, большие массы рабочих. Отсюда — переворот в судостроении, замена парусного судна пароходом, проселочной дороги — железной дорогой, курьера — телеграфом. „Но огромные массы железа, которые приходилось теперь ковать, сваривать, резать, сверлить и формовать, в свою очередь, потребовали таких циклопи-

ческих машин, создать которые мануфактурное машиностроение было не в силах". („Капитал", I, 362.)

Таким образом крупная промышленность должна была создать себе свою собственную, соответствующую ее существу основу. Овладев машиной, она начала производить машины посредством машин же. „Только при помощи рабочих машин техника могла преодолеть исполинскую задачу, которую поставило перед нею машиностроение". В то же время необходимо было производить машинным способом нужные для отдельных частей машины точные геометрические формы, — линии, плоскости, круги, цилиндры, конусы и шары. Эту проблему разрешил в первом десятилетии XIX столетия *Генри Маудсли* изобретением особого приспособления к токарному станку — „slide rest", которое вскоре было превращено в механический аппарат и было применено не только к токарному станку, но и к другим машиностроительным машинам. Благодаря этому механическому изобретению, геометрические формы отдельных машинных частей удалось „производить с такою степенью легкости, точности и быстроты, которой никакая опытность не могла бы доставить руке искуснейшего рабочего" [1]). („Капитал", I, 363.)

О великолепных машинах, употребляемых при машиностроении, нет надобности долго распространяться. Кто не слыхал о наших исполинских машиностроительных заводах, о тех гигантских паровых молотах, свыше 100 центнеров весом, которые, играючи, превращают в порошок гранитную глыбу, но в то же время способны давать самые легкие удары, сила которых может быть заранее определена с величайшей точностью? Каждый день приносит нам известия о новых успехах в машинном деле, о новых расширениях в области их применения.

В мануфактуре разделение труда было еще главным образом субъективным, и частичные процессы были приспособлены к личности рабочего; в системе же машин крупная промышленность обладает уже вполне *объективным* производственным организмом, с которым рабочий сталкивается, как с уже готовым, и к которому поэтому ему самому приходится приспособляться. Кооперация, вытесне-

---

[1]) „The Industrye of Nations", London 1855, т. II, стр. 239. Из этого же сочинения Маркс цитирует следующее место относительно изобретения „slide rest": „Как бы прост и на первый взгляд незначителен ни казался этот придаток к станку, — мы думаем, что без преувеличения можно сказать, что его влияние на усовершенствование и распространение машин было так же велико, как вызванное усовершенствованиями Уатта в самой паровой машине". („Капитал", I, 363.)

ние одиночного рабочего обобществленным становится уже не случайностью, а *„технической необходимостью, диктуемой природой самого средства труда“*. („Капитал“, I, 364.)

2. Стоимость, отдаваемая машиной продукту.

Подобно простому орудию, машина входит в состав постоянного капитала. Она не создает никакой стоимости, но лишь передает свою собственную стоимость продукту, в каждом данном случае ту стоимость, какую сама теряет вследствие изнашивания.

Машина всегда входит в *процесс труда целиком,* но в *процесс образования стоимости* — только *частью.* То же самое происходит и с инструментом, но разница между первоначальной общей стоимостью орудия и *частью стоимости,* переданной продукту, гораздо больше у машины, чем у орудия; прежде всего она *служит дольше,* чем орудие, потому что построена из более прочного материала; затем употребление ее, регулируемое строго научными законами, делает возможной *большую экономию* в изнашивании ее составных частей и в потреблении вспомогательных материалов,— масла, угля и пр.; наконец, поле производства у нее несравненно шире, чем у простого инструмента.

При данной разнице между стоимостью машин и тою частью стоимости, которую они ежедневно переносят на продукт, степень, в которой эта часть стоимости ежедневно увеличивает стоимость продукта, зависит от размера продукта. В докладе, читанном в 1858 г., г. Бэнс из Блэкборна вычислил, что „каждая реальная механическая лошадиная сила [1]) приводит в движение 450 автоматических веретен с принадлежностями, или 200 тростильных веретен, или 15 ткацких станков для 40-дюймовой ткани“ и т. д. („Капитал“, I, 367.) Вместе с тем, дневные издержки на одну паровую лошадиную силу и изнашивание машин, приводимых ею в движение, распределяются в первом случае на дневной продукт 450 веретен, во втором — на продукт 200 тростильных веретен; в третьем — на продукт 15 механических ткацких станков, — так что на один фунт пряжи или на аршин ткани переносится очень незначительная часть стоимости.

---

1) К этому месту Энгельс, редактор 3-го и 4-го изданий „Капитала“, делает такое примечание: „Одна „лошадиная сила“ равна силе 33 000 футо-фунтов в минуту, т. е. силе, которая в одну минуту поднимает 33 000 фунтов на высоту 1 англ. фута или 1 фунт на высоту 33 000 футов. Об этой лошадиной силе здесь и говорится“.

При данной сфере *действия рабочей машины,* т. е. при данном количестве ее инструментов, или, если дело идет о ее силе (как, напр., в случае парового молота), при данном объеме ее силы, количество продуктов зависит от *скорости*, с которой машина работает.

Раз дана та пропорция, в которой машина переносит свою стоимость на продукт, величина этой части стоимости зависит от *величины стоимости самой машины.* Чем меньшей затраты труда она сама стоит, тем меньше стоимости она переносит на продукт. Если производство машины стоит столько же труда, сколько потом сберегает ее применение, то в действительности происходит простое перемещение труда, а не увеличение его производительности. Производительность машины измеряется степенью сбережения ею *человеческой рабочей силы.* Поэтому нисколько не противоречит принципу машинного производства то обстоятельство, что, вообще говоря, по сравнению с товарами, производимыми ремесленным или мануфактурным способом, у машинного продукта часть стоимости, передаваемая *орудием труда относительно,* т. е., по отношению к общей стоимости всего продукта, повышается, но абсолютно — падает.

С точки зрения *удешевления продукта,* предел применения машины дается тем, что ее собственное производство должно стоить меньше труда, чем сколько сберегается ее применением. Но, как мы видели раньше, капитал оплачивает не *употребляемый им труд,* а лишь стоимость употребляемой им *рабочей силы,* следовательно, для него пределы применения машин определяются разницей между *стоимостью машины* и *общей стоимостью* сберегаемой ею во весь период деятельности *рабочей силы;* а так как действительная заработная плата рабочего то падает ниже стоимости рабочей силы, то поднимается выше ее и, кроме того, неодинакова в различных странах, в различные эпохи и в различных отраслях промышленности, то эти пределы определяются разницей между *ценой* машины и *ценой* вытесняемой ею рабочей силы. Только *эта* разница имеет значение для капиталиста, только она давит на него принудительными законами конкуренции, и поэтому иногда случается, что машины, которые оказываются выгодными в одной стране, не получают применения в другой. В Америке изобрели машины для разбивания камня, но в Старом Свете они не применяются, так как рабочие, исполняющие эту работу, получают оплату столь ничтожной части своего труда, что применение машин только удорожило бы производство для капиталиста.

Низкий уровень заработной платы является прямым *препятствием* для введения машин, так что и с этой точки зрения он оказывается невыгодным для общественного развития. Только в обществе, в котором будут уничтожены противоречия между капиталом и трудом, машины найдут простор для своего полного развития.

3. Ближайшие действия машинного производства на рабочего.

„Поскольку машины делают мускульную силу излишней, они становятся средством для того, чтобы применять *рабочих без мускульной силы* или с *недостаточным физическим развитием*, но с более гибкими членами. Таким образом это мощное средство замещения труда и рабочих немедленно превратилось в *средство увеличивать число наемных рабочих*, подчиняя непосредственному господству капитала всех членов рабочей семьи, без различия пола и возраста“. („Капитал“, I, 373.) Обязательный труд на фабрике заместил не только детские игры, но также и свободный труд в домашнем кругу, для нужд самой семьи. „*Женский* и *детский труд* был первым словом капиталистического применения машин“. (Там же.)

Последствия этого для рабочего класса должны были оказаться одинаково роковыми как в экономическом, так и в социальном и моральном отношениях.

До тех пор стоимость рабочей силы определялась рабочим временем, необходимым для поддержания не только самого взрослого рабочего, но и всей *рабочей семьи*, для которой он являлся кормильцем. Теперь же, когда жена и дети также вышли на рабочий рынок и также получили возможность зарабатывать, стоимость рабочей силы мужчины постепенно стала распределяться на всю его семью. И это изменение в стоимости рабочей силы с поразительной быстротой вызывает соответствующее изменение ее *цены*, т. е. *заработной платы*. Вместо одного отца, постепенно вся семья оказывается вынужденной для поддержания своего существования работать за плату и поставлять, таким образом, капиталу не толька труд, но и *прибавочный труд*. Таким образом, машины не только увеличивают материал для эксплоатации, но повышают и самую *степень эксплоатации*.

Приэтом, разумеется, может происходить некоторое номинальное повышение заработка рабочей семьи. Если вместо отца начинают работать отец, мать и двое детей, то в большинстве случаев общая сумма получаемой ими заработной платы оказывается выше, чем прежняя заработная плата одного только отца. Но дело в том, что *стоимость*

жизни приэтом также *повышается*. Машина влечет за собой увеличение размеров *фабричного предприятия*, и она губит *домашнее хозяйство* рабочего. Фабричная работница не имеет возможности быть заодно хозяйкой дома. Сбережение и расчетливость в израсходовании средств к жизни становятся невозможными.

Раньше рабочий продавал свою собственную рабочую силу, которою он, по крайней мере формально, распоряжался как свободное лицо. Теперь он становится рабовладельцем и продает на фабрику жену и детей. Если фарисеи капитализма вопиют перед публикой об этом „скотстве", то они забывают, что сами создали это скотство, сами эксплоатируют его и желают увековечить под красивым названием „свободы труда". Однако наряду с „скотством" рабочих родителей, мы должны отметить тот *крупный факт*, что ограничение женской и детской работы на английских фабриках отвоевано у капитала взрослыми рабочими-мужчинами.

Маркс приводит многочисленные доказательства изнурительного действия фабричного труда на женщин и детей. Мы отсылаем к ним читателя и здесь приведем пример из новейшего времени, заимствуемый из книги Зингера. Исследования социального быта в фабричных округах северовосточной Богемии (Untersuchungen über die socialen Zustände in den Fabrikbezirken des nordöstlichen Böhmen, Leipzig 1885). Данные этой книги позволяют нам сравнить среднюю смертность детей в стране, почти совершенно незнакомой с крупною промышленностью, именно в *Норвегии*, и ту же смертность в стране с высоко развитою промышленностью, которая в момент издания книги не была еще ограничена законами в защиту труда, — именно в северовосточной *Богемии*.

В *Норвегии* с 1866 по 1874 гг. из 10 000 новорожденных обоего пола, родившихся живыми, умирало в возрасте до 1 года 1 063. В то же время в нижеследующих округах с высокоразвитою промышленностью на 10 000 новорожденных, родившихся живыми, приходилось смертных случаев

	на первом году жизни:
в Гоэнэльбе	3 026
„ Габлонце	3 104
„ Браунау	3 236
„ Траутенау	3 475
„ Рейхенберге с окрестностями . . .	3 805
„ Фридланде	4 130

Итак, смертность грудных младенцев в фабричных округах оказывается в *три-четыре раза выше*, чем в отсталой

по своей „культуре“ Норвегии. Большую смертность в первом случае нельзя объяснить, вместе с мальтузианцами, чрезмерной плодовитостью населения. Напротив, процент рождений скорее поражает нас своею скромностью. В исследуемых Зингером округах на 1000 жителей приходится около 35 рождений в год, между тем как для Германии та же цифра равна 42, а для всей Австрии — свыше 40.

Помимо физического и нравственного калечения, превращение незрелого человека в простую машину для фабрикации прибавочной стоимости породило также *„умственное одичание“*, резко отличающееся от того первобытного невежества, которое оставляет ум невозделанным, не причиняя вреда его способности к развитию, его естественному плодородию“. („Капитал“, I, 378.)

Зато путем присоединения женщин и детей к общему рабочему персоналу машиной достигается один „благотворный“ результат: это помогает, наконец, сломить сопротивление, которое мужчина-рабочий в мануфактуре еще оказывал деспотизму капитала.

Какова же та цель, ради которой капиталист вводит машины? Не для того ли это делается, чтобы облегчить труд своих рабочих? Никоим образом. Машина имеет целью путем повышения *производительности труда* удешевить товары и сократить ту часть рабочего дня, втечение которой рабочий воспроизводит стоимость своей рабочей силы, в пользу той части, втечение которой он создает *прибавочную стоимость*.

Но мы видели, что машина тем производительнее, чем меньше та часть ее собственной стоимости, которую она переносит на определенную массу продуктов. Эта же часть тем меньше, чем больше масса производимых ею продуктов, а эта масса, в свою очередь, тем больше, чем длиннее период функционирования машины. Безразлично ли для капиталиста, будет ли этот „рабочий период“ его машины продолжаться, скажем, 15 лет при 8-часовой ежедневной работе или $7^1/_2$ лет при 16-часовой работе? По арифметическому расчету время пользования машиной в обоих случаях одинаково. Капиталист, однако, имеет свой расчет.

Он рассуждает так: вопервых, втечение $7^1/_2$ лет при 16-часовой ежедневной работе машина передает общей массе продуктов не большую ценность, чем втечение 15 лет при 8-часовой работе; но зато в первом случае ее собственная стоимость воспроизводится вдвое быстрее, чем во втором, что создает для меня приятную перспективу получить втечение $7^1/_2$ лет столько же прибавочной стоимости, сколько во втором случае получилось бы лишь за 15 лет. — не го-

воря уже о других выгодах, которые приносит с собой удлинение рабочего дня.

Далее, моя машина изнашивается не только при употреблении, но и тогда, когда она стоит в бездействии и подвергается влиянию стихий. Раз она стоит без дела, она ржавеет. Это изнашивание есть чистый убыток, который я могу сократить путем сокращения времени бездействия машины.

Затем, в наше время непрерывных переворотов в области техники, я каждый день должен ожидать, что моя машина будет обесценена более дешевой или более совершенной в техническом отношении конкуренткой. Поэтому чем быстрее я заставлю ее возвращать ее собственную стоимость, тем меньше опасность такой потери.

Кстати сказать, такая опасность всего сильнее грозит при первоначальном введении машин в какую-либо отрасль производства; в это время новые методы являются на сцену один за другим. Поэтому в такой период стремление удлинить рабочий день проявляется с особой силой.

Наш капиталист продолжает: мои машины, здания и пр. представляют капитал в столько-то тысяч марок. Когда машины бездействуют, весь мой капитал, вложенный в них, перестает приносить мне прибыль. А потому, чем больше машины работают, тем успешнее я увеличиваю стоимость не только их, но и той части капитала, которая вложена в строения и пр.

К этим соображениям капиталиста присоединяется еще один мотив, который, впрочем, столь же мало сознается им самим, как и его учеными защитниками, политико-экономами, — хотя сила этого мотива нисколько от этого не уменьшается. Капиталист обзаводится машинами, чтобы сберечь заработную плату (переменный капитал), чтобы в будущем рабочий производил за один час столько же товаров, сколько прежде производил за три или за четыре часа.

Машина повышает производительность труда и потому способствует удлинению прибавочного труда за счет необходимого, следовательно, *повышению нормы прибавочной стоимости*. Но она может достичь этого результата лишь путем *уменьшения числа занимаемых данным капиталом рабочих*. Машинное производство превращает в машины, т. е. в постоянный капитал, часть капитала, раньше входившего в состав переменного, т. е. превращавшегося в живую рабочую силу.

Однако мы знаем, что масса прибавочной стоимости определяется, вопервых, *нормой прибавочной стоимости* и, вовторых, *числом занятых рабочих*. Введение машин в круп-

ную капиталистическую промышленность имеет целью повысить первый фактор, определяющий массу прибавочной стоимости, путем сокращения второго фактора. Таким образом в применении машин с целью производства прибавочной стоимости заключается внутреннее противоречие. Это противоречие заставляет капитал возмещать относительное уменьшение числа эксплоатируемых рабочих путем увеличения не только относительного, но и абсолютного прибавочного труда и путем удлинения рабочего дня до последних пределов возможности.

Таким образом, капиталистическое применение машин создает целый ряд новых могущественных мотивов в пользу безмерного удлинения рабочего дня. Вместе с тем оно до известной степени создает и возможность такого удлинения. Так как машина может работать беспрерывно, то капитал в своем стремлении к удлинению рабочего дня связан лишь теми рамками, которые ему ставит естественное истощение сил человеческого помощника машины, т. е. рабочего и его сопротивление. Это последнее он подавляет, с одной стороны, путем вовлечения в производство более покорных и безответных элементов — женщин и детей, а с другой — путем образования „избыточного“ рабочего населения, состоящего из рабочих, выброшенных на улицу машинами.

Таким образом машина разрушает всякие моральные и физические границы рабочего дня; представляя „могущественнейшее средство для сокращения рабочего времени“, она становится „самым действительным средством для превращения всей жизни рабочего и его семьи в рабочее время, предоставляемое капиталу для увеличения его стоимости“.

Маркс следующими словами заканчивает отрывок, в котором он констатирует это явление: „Если бы, — мечтал Аристотель, величайший мыслитель древности, — каждое орудие по приказанию или по предвидению могло исполнять подобающую ему работу подобно тому, как создания Дедала двигались сами собой или как треножники Гефеста по собственному побуждению приступали к священной работе, если бы таким образом ткацкие челноки ткали сами, то не потребовалось бы ни мастеру помощников, ни господину рабов“. И Антипарос, греческий поэт эпохи Цицерона, приветствовал изобретение водяной мельницы для размалывания зерна, этой элементарной формы всех производительных машин, как появление освободительницы рабынь и восстановительницы золотого века. „Язычники, да, язычники!“ Они, как открыл проницательный Бастиа и до него еще премудрый Мак-Куллох, ничего не понимали в поли-

тической экономии и христианстве. Они, между прочим, не понимали, что машина — надежнейшее средство для удлинения рабочего дня. И они оправдывали рабство одних как средство для полного человеческого развития других. Но для того, чтобы проповедывать рабство масс для превращения немногих грубых и полуобразованных выскочек в „выдающихся прядильщиков“ (eminend spinners) „крупных колбасников“ (extensive sausages makers) и „влиятельных торговцев ваксой“ (influential shoe block dealers), — для этого им недоставало специфических христианских чувств“. („Капитал“, I, 387.)

Чем больше развивается машина, а вместе с нею и специальный класс опытных рабочих при машинах, естественно, увеличивается скорость, а следовательно, и напряженность, *интенсивность труда*. Такое повышение интенсивности труда оказывается, однако, возможным лишь до того момента, пока длина рабочего дня не переходит за известные границы; точно так же на известной ступени развития повышение интенсивности труда становится возможным лишь при соответствующем сокращении рабочего дня. Там, где дело идет о правильном, изо дня в день повторяющемся труде, природа властно повелевает: до такого-то предела, но не далее.

В начальной стадии фабричной промышленности в Англии удлинение рабочего дня и возрастание интенсивности фабричного труда шли параллельно. Но как только растущее недовольство рабочего класса привело к законодательному ограничению рабочего дня и отрезало, таким образом, для капитала всякую возможность повышать производство прибавочной стоимости первым путем, путем удлинения рабочего дня, капитал со всей энергией стал добиваться желанного результата путем ускоренного развития машинной системы и более строгой экономии в производственном процессе. Если до сих пор метод производства относительной прибавочной стоимости в общем состоял в том, чтобы, с помощью усиления производительной силы труда, сделать рабочего способным с одинаковой затратой труда в одинаковый промежуток времени производить увеличенное количества продуктов, то теперь этот метод состоит в том, чтобы *путем увеличения затраты труда в один и тот же промежуток времени* получить увеличенное количество труда. Сокращение рабочего дня заставляет рабочего повышать напряжение рабочей силы, „плотнее наполнять поры рабочего времени“, т. е. в большей степени „конденсировать свой труд“. Он должен в один час 10-часового рабочего дня расходовать больше труда, чем раньше в один час 12-часо-

вого дня. В данный промежуток времени теперь выжимается большее количество труда.

Мы уже упомянули об обоих путях, которыми может быть достигнут такой результат: это — *усиленная экономия в процессе труда и ускоренное развитие машины.* В первом случае капитал заботится посредством методов оплаты труда (особенно системой поштучной платы, к которой мы еще вернемся) о том, чтобы рабочий в меньший промежуток рабочего времени напрягал свою рабочую силу в большей степени, чем раньше. Он стремится увеличить правильность, однообразие, порядок и энергию труда.

Даже в тех случаях, когда капитал не мог прибегнуть ко второму средству, именно к выжиманию увеличенного количества труда путем *увеличения скорости* хода машин, требующих приложения физической силы, или путем *увеличения размеров* механизмов, требующих лишь надзора, — даже в этих случаях были достигнуты такие результаты в деле повышения интенсивности труда, которые показывают всю ошибочность ранее высказанных на этот счет опасений.

Почти в каждом случае сокращения рабочего времени в Англии фабриканты заявляли, что в их предприятиях надзор за работой поставлен настолько хорошо, а внимание их рабочих так напряжено, что было бы нелепостью ожидать сколько-нибудь значительных результатов от еще большего их напряжения, — и все же, едва только проводилось сокращение рабочего дня, как тем же самым фабрикантам приходилось сознаться, что их рабочие в более короткое время исполняют не только столько же, но иногда даже больше работы, чем прежде, втечение более продолжительного времени, даже если орудия труда оставались теми же самыми. Точно так же обстоит дело и с усовершенствованием машин. Сколько раз ни заявлялось, что теперь в продолжительное время достигнута граница вообще достижимого в этой области, — всякий раз эта граница оказывалась вскоре перейденной.

Интенсификация труда рабочих при сокращении рабочего дня бывает настолько сильна, что хотя английские фабричные инспектора „неустанно восхваляли результаты фабричных законов 1844 и 1850 гг.“, тем не менее они в 60-х годах признавали, что сокращение рабочего дня уже породило *интенсивность труда, разрушительную для здоровья рабочих.*

Тот, кто думает, что нормировка рабочего дня должна породить гармонию между трудом и капиталом, впадает в крупную ошибку.

„Не подлежит никакому сомнению, — говорит Маркс, — что, когда законом у капитала раз навсегда отнята возможность удлинения рабочего дня, его тенденция вознаграждать себя за это систематическим повышением степени интенсивности труда и превращать всякое усовершенствование машин в средство усиленного высасывания рабочей силы скоро должна снова привести к тому поворотному пункту, на котором *становится* неизбежным новое сокращение рабочего времени". („Капитал", I, 396—397.)

Там, где введен 10-часовой нормальный рабочий день, там обрисованные выше усилия фабрикантов делают в непродолжительном времени необходимым *восьмичасовой рабочий день*.

По нашему мнению, это говорит не *против*, а *за* нормировку рабочего дня. Как и всякая настоящая социальная реформа, она перерастает свои собственные пределы и ведет к *дальнейшему развитию общества*, а не к его *застою*.

4. Машина как „воспитательница" рабочего.

До сих пор мы говорили о результатах введения машин, имеющих главным образом экономический характер; займемся теперь *моральным* воздействием машины на рабочих.

Если мы сравним современное, обставленное машинами, производственное предприятие, т. е. фабрику, как целое, с мануфактурным или ремесленным предприятием, то нам тотчас бросится в глаза следующее обстоятельство: тогда как в мануфактуре и ремесле рабочий заставляет инструмент *служить себе*, на фабрике он сам *служит* машине; он является *„живым придатком"* существующего независимо от него *мертвого механизма*. Философ, или, как Маркс его называет, „Пиндар машины", д-р Эндрью Юр (Andrew Ure) называет современную фабрику „огромным автоматом, составленным из множества механических и сознательных органов, действующих солидарно и без перерыва для производства одного и того же предмета, так что все эти органы *подчинены* одной двигательной силе, которая сама приводит себя в движение". („Капитал", I, 399.) В другом месте он говорит о подданных „благодетельной силы пара". За спиною этой „благодетельной силы" стоит, конечно, ее господин, капиталист, благодетельный лишь для себя самого.

На каждой фабрике, помимо массы рабочих при рабочей машине, равно как и подсобных рабочих, мы находим еще немногочисленный персонал, на котором лежит обязанность надзора над машинами и *содержание* их *в исправности*. Этот слой работников, получивших частью научное (инженеры),

частью ремесленное (механики, столяры и т. д.) образование, стоит вне круга фабричных рабочих и потому не принимается здесь нами во внимание. Равным образом мы не будем говорить и о подсобных рабочих, работа которых, ввиду ее простоты, легко может быть заменена машинами (что всегда и происходило в действительности в тех случаях, когда фабричные законы отнимают у фабрики самых дешевых из этих подсобных рабочих — детей) или же делает возможной быструю смену лиц, обремененных этой работой, Здесь будет итти речь о фабричных рабочих в собственном смысле слова, т. е. о занятых *при рабочих машинах.*

Вместе с прежними инструментами рабочего (иглой, веретеном, долотом) к рабочей машине перешла и особенная искусность в управлении ими. Теперь от рабочего требуется искусность лишь в *одном* отношении, — в уменьи *приспособлять* свои собственные движения к однообразным и непрерывным движениям машины. Такого рода искусность быстрее всего приобретается в юношеском возрасте. Рабочий должен в ранние годы итти на фабрику, а для фабриканта нет более необходимости воспитывать особый класс фабричных рабочих для работы исключительно при машинах, так как среди подрастающего рабочего юношества он скоро находит заместителей уходящим.

Прудон в своей „Философии нищеты“ определяет машину, как „протест промышленного гения против раздробленного и человекоубийственного труда“ и как „восстановление рабочего“ (*Маркс,* Нищета философии). В действительности, хотя машина и выбрасывает за борт старую систему разделения труда, вместе с ее техническими предпосылками, однако эта система продолжает существовать и на фабрике, и притом в еще более унизительной форме. Конечно, рабочий уже не управляет втечение всей своей жизни одним и тем же частичным орудием; зато, в интересах повышенной эксплоатации, машиной злоупотребляют для того, чтобы превратить рабочего с самой колыбели в *частицу частичной машины;* и таким образом завершается его рабская зависимость от фабрики в ее целом, т. е., иными словами, от капиталиста. Его работа лишается всякого духовного содержания. Она становится лишь сплошным механическим, надрывающим нервы наркозом. Его специальное искусство, как жалкая и мелкая деталь, исчезает перед наукой, перед огромными силами природы и перед массовым общественным трудом, воплощенным в машинной системе. И теперь он должен безвольно покоряться как автоматическому ходу машин, так равно и вообще предписываемой владельцем фабрики дисциплине.

Какова бы ни была форма общественной организации, совместный труд в крупном масштабе и применение общих орудий труда, особенно машин, всегда будет требовать такого регулирования процесса труда, которое сделало бы его независимым от произвола каждого отдельного лица, участвующего в нем. Если мы не желаем отказаться от выгод машинного производства, то становится неизбежным введение такой дисциплины, которой все обязаны подчиняться. Но есть разные дисциплины. В свободной общине, где она обязательна для всех, она никого не угнетает; вводимая же принудительно в интересах отдельных личностей, она означает *рабство,* и раз всякое сопротивление оказывается бесполезным, — переносится, как тяжкое ярмо, с крайним недовольством. Поэтому потребовалась упорная борьба, прежде чем удалось сломить сопротивление рабочих против принудительного труда, на который обрекла их машина. В упомянутой уже нами книге Юр рассказывает, что Уатт задолго до Аркрайта изобрел искусственные „прядильные пальцы“, но что *главная трудность* состояла не столько в изобретении автоматического аппарата, сколько в изобретении и проведении в жизнь соответствовавшего потребностям автоматической системы *дисциплинарного кодекса!* Лавровый венок за это на голову „благородного“ цирульника Аркрайта, выполнившего такой „геркулесовский“ подвиг.

Дисциплинарный кодекс или *фабричный регламент* современного капиталиста ничуть не заражен столь дорогой для буржуа конституционной системой „разделения властей“ или еще более дорогой для него представительной системой, а представляет собою формулировку *абсолютного единовластия предпринимателя* над его рабочими. „Кнут надсмотрщика за рабами,— говорит Маркс, — заменяется штрафной книгой надзирателя. Все наказания естественно сводятся к *денежным штрафам* и *вычетам из заработной платы,* и благодаря законодательной изобретательности фабричных Ликургов, нарушение их законов, пожалуй, еще прибыльнее для них, чем соблюдение“. („Капитал“, I, 404.) Таким путем ломается сопротивление и самосознание рабочего. Приэтом его калечит физически непрерывная и односторонняя мускульная работа, одурманивает дурной воздух и оглушающий шум во время работы. В этом состоит благородное *воспитательное влияние* машины.

Мы упомянули только что о сопротивлении рабочих введению машин. Приэтом, однако, сознание того, что машина наносит смертельный удар свободе рабочего, было в большинстве случаев лишь инстинктивным; в первую го-

лову борьба против машины велась, как против способа вытеснения человеческого труда. Именно в силу такого основания машина для тканья лент, изобретенная впервые, как говорят, в середине XVI в. в Данциге, была тотчас воспрещена тамошним муниципалитетом, впоследствии она же подверглась запрещению в Баварии и в Кельне, а в 1685 г. особым императорским эдиктом была запрещена во всей Германии. Бунты английских рабочих против введения машин продолжались вплоть до XIX столетия. То же повторилось и в других странах. Они происходили еще во Франции в 30-х гг. прошлого века, а в Германии — в 1848 г.

Немногого стоят фарисейские ламентации по поводу такого зверски-грубого способа борьбы против величайшего завоевания нового времени. Факт таков, что машина прежде всего выступает повсюду в качестве врага рабочего, предназначенного для его *вытеснения*. В мануфактурный период разделение труда и кооперация внутри мастерской проявляли себя с более положительной стороны, — *повышая производительность* занятых рабочих, машина же сразу выступает в качестве *конкурентки* рабочего. Для вытесняемых ею рабочих не может служить большим утешением, что страдания их „преходящи“ или что машины лишь постепенно овладевают всей сферой производства, а это уменьшает размеры и интенсивность их разрушительного действия. „Одно утешение, — возражает Маркс, — уничтожается другим“.

В последнем случае машина в конкурирующих с нею слоях рабочего населения создает хроническую нищету; там же, где переход совершается быстро, ее действие носит массовый и острый характер. „Всемирная история не дает более ужасающего зрелища, чем медленная, затянувшаяся на десятилетия и завершившаяся, наконец, в 1838 году гибель английских хлопчатобумажных ткачей. Многие из них умерли голодной смертью, многие долго прозябали с своими семьями на $2^1/_2$ пенса в день. Напротив, английские хлопчатобумажные машины произвели острое действие на Ост-Индию, генерал-губернатор которой констатировал в 1834/35 году: „Бедствию этому едва ли найдется аналогия в истории промышленности. Равнины Индии белеют костями хлопчатобумажных ткачей“. Конечно, прибавляет Маркс с горьким сарказмом, — поскольку эти ткачи расстались с сей временной жизнью, постольку машина уготовала им только „временные страдания“. („Капитал“, I, 411.) Орудие труда убивает рабочего. Это проявляется особенно осязательно всякий раз, когда вновь введенная машина вступает в конкуренцию с традиционным ремесленным или мануфактурным производством. Но и внутри самой крупной промыш-

ленности постоянное улучшение машин оказывает аналогичное действие. Маркс приводит целую кучу доказательств этого положения из отчетов английских фабричных инспекторов, которых мы, однако, не будем здесь рассматривать подробнее, так как самый факт не может быть оспариваем. Обратимся лучше снова от машины, как конкурентки рабочего, к машине, как его „воспитательнице".

Множество „слабостей", к которым рабочий класс, по мнению его капиталистических друзей, имеет очевидную склонность, — отметим здесь лишь строптивость, леность и пьянство, — не имеют более действительного врага, чем машина. Она является самым могущественным средством борьбы капитала против рабочих в тех случаях, когда они сопротивляются его автократии или недовольны получаемой заработной платой, рабочим временем и пр., или когда они дерзают восставать путем стачки и т. п. „Можно было бы, —говорит Маркс, — написать целую историю открытий, сделанных с 1830 г. и введенных исключительно в качестве боевых средств капитала против возмущений рабочих". Но так как всякое дальнейшее приложение научных открытий к промышленности, т. е. развитие машины является желательным успехом, то кажется, будто рабочие нарочно наделены слабостями для того, чтобы служить невольными споспешниками этого прогресса. Таким образом, мы видим, что в капиталистическом мире все — даже пороки рабочих — в конечном счете ведет к лучшему.

5. Машина и рынок труда.

Машина вытесняет рабочего, — это факт, не подлежащий сомнению, но факт очень неприятный для тех, кто видит в существующих условиях производства наилучший из всех возможных порядков. Поэтому было немало попыток затушевать неприятный факт.

Так, напр., ряд политико-экономов утверждал, что всякая машина, вытесняя рабочих, всегда освобождает в то же время соответствующий капитал, достаточный для того, чтобы снова дать занятие этим же рабочим. Этим капиталом, будто бы, являются те средства к жизни, которые потребили бы рабочие, если бы они остались при работе. Эти средства освобождаются вследствие вытеснения рабочих и потому, якобы, требуют предоставления нового занятия этим последним, чтобы быть ими потребленными.

Однако те средства к жизни, которые рабочий покупает для своего потребления, в действительности являются для него не капиталом, а простым товаром. Капиталом *являются*

для него лишь деньги, за которые он продает свою рабочую силу. Эти деньги вовсе не освобождаются при введении машины; напротив, они служат для закупки машин и, таким образом, *связываются*. Введение машины не освобождает весь переменный капитал, служивший для найма вытесняемых ею рабочих, но превращает его, по крайней мере отчасти, в постоянный капитал. Поэтому введение новой машины при прежней величине пускаемого в оборот капитала равносильно увеличению постоянного и сокращению переменного капитала.

Поясним это примером.

Предположим, что капиталист пускает в оборот капитал в 200 000 рублей, из которых 100 000 служат ему в качестве переменного капитала. Он занимает 500 рабочих. Положим, что он вводит машину, которая позволяет ему получить тот же продукт с помощью 200 рабочих вместо 500. Машина стоит 50 000 руб.

Прежде капиталист пускал в ход 100 000 руб. постоянного и столько же переменного капитала. Теперь же он употребляет 150 000 руб. постоянного и только 40 000 переменного капитала. При этом освобождается только 10 000 руб., на которые, однако, можно будет занять не 300 рабочих, а лишь не больше 10 — если эта сумма будет употребляться при тех же условиях производства, что и остальная часть капитала. В самом деле, из этих 10 000 руб. 8 000 круглым счетом должны быть истрачены на приобретение машин и проч., и только 2 000 руб. остаются на долю переменного капитала.

Как видим, соответствующий капитал отнюдь не освобождается.

Маркс доказал совершенную необоснованность теории, по которой машина, освобождая рабочих, освобождает в то же время соответствующий капитал. И единственная возможность ослабить этот фатальный вывод состоит лишь в том, чтобы самому Марксу приписать какое-нибудь столь же необоснованное утверждение.

Так, в одной статье, в которой Маркс был „научным образом“ уничтожен, мы наткнулись на следующее место:

„У него (Маркса) *машина просто вытесняет труд*, между тем как она ведь может стать причиной повышения общего количества труда и, в самом деле, часто оказывается такой причиной. И при этом совсем нет необходимости в том, чтобы увеличение размеров производства освобождало, а следовательно, делало излишним труд где-нибудь на другом конце света, — как это впоследствии часто категорически утверждалось в социалистических изданиях.

Производство увеличенных размеров легко может найти себе применение уже благодаря общему росту производительных сил и связанному с этим повышению потребительной способности". (Статья профессора Лера в Vierteljahrsschrift für Volkswirtschaft, 23 Jahrgang, стр. 114.)

Профессор Юлиус Вольф в одном сочинении, переполненном извращениями учения Маркса, с своей стороны, приписывает Марксу утверждение, „что если общая сумма капитала в стране растет, *то в самом лучшем случае может найти себе занятие рабочее население, по количеству равное прежнему*, и именно потому, что машины вытесняют все больше и больше людей". („Socialismus und kapitalistische Gesellschaftsordnung". Stuttgart 1892, стр. 258.)

В действительности же Марксу никогда и в голову не приходило утверждать то, что ему здесь приписывается. Маркс никогда не думал, что „машина просто вытесняет труд". Напротив, он систематически и обстоятельно, как никто до него, — насколько мы знаем, — изложил условия, при которых машина „может стать причиной повышения общего количества труда и в самом деле часто оказывается такой причиной", и это нисколько не противоречит тому положению, что машина вытесняет рабочих.

Маркс утверждает, что машина сокращает число занятых рабочих *по отношению ко всему затрачиваемому капиталу*, что с развитием машин переменный капитал *относительно* сокращается, а постоянный — растет. Переменный капитал и число занятых в этой отрасли промышленности рабочих может, несмотря на введение, умножение и усовершенствование машин, одновременно с этим расти, если общая сумма применяемого в производстве капитала в достаточной степени повышается[1]). Если в таких случаях количество занятых рабочих не понижается, то это следует приписать не освобождению капитала машиной, но притоку нового добавочного капитала. Стремление машины отставить рабочего от работы благодаря этому смягчается и временами может быть преодолено, но никоим образом не уничтожено; оно снова обнаруживает свое действие, и вместе с тем относительное уменьшение числа рабочих превращается в абсолютное, когда приток нового добавочного капитала замедляется и до известной степени понижается.

Обратимся для наглядности к нашему прежнему примеру. Мы имели дело с капиталом в 200 000 руб., из кото-

---

1) Рост производства, естественно, предполагает также и соответствующее расширение *рынка сбыта*. Этот в высшей степени важный фактор мы, однако, не можем рассматривать здесь подробнее.

рых 100 000 руб. представляли переменный капитал, дававший занятие 500 рабочим. Введение новой машины повысило размеры постоянного капитала до 158 000 руб. и уменьшило переменный капитал до 42 000, а число занятых рабочих — до 210 человек. Но предположим, что одновременно с этим в предприятие вкладывается 400 000 руб. нового капитала, предприятие соответствующим образом расширяется; в этом случае число занятых рабочих повышается до 630 человек, т. е. на 130 человек больше их прежнего количества. Но если бы машина не была введена, то утроенный капитал, разумеется, утроил бы и число рабочих, повысив его с 500 до 1 500 человек.

Однако, если машина всегда вызывает относительное, а иногда и абсолютное уменьшение числа рабочих в той отрасли труда, где она введена, зато она может вызвать в то же время увеличение числа рабочих в других отраслях, связанных с первой.

Машина порождает новую категорию рабочих — *машиностроительных рабочих.*

Введение машины в данной отрасли промышленности вызывает увеличение общей массы производимых в ней продуктов. Последнее обстоятельство, в свою очередь, требует *увеличения* количества *сырого материала*, а следовательно, при прочих равных условиях и числа занятых его производством рабочих. Если вводится такая машина, которая изготовляет 1 000 арш. пряжи, быть может, с помощью меньшего количества рабочих, но с такой же быстротой, с какой раньше изготовлялось 100 арш., то число прядильных рабочих, быть может, уменьшится, но зато одновременно возрастет число рабочих, занятых на хлопчатобумажных плантациях. Распространение прядильных машин в Англии было главной причиной увеличения числа негров-рабов в Соединенных штатах.

Если пряжа подешевеет, то ткач (мы предполагаем, что он остается еще ремесленником) может, не повышая расходов на сырой материал, расширить свое производство; его доходы возрастут, а вместе с тем его ремесло начнет привлекать все больше и больше новых лиц. „Если машина овладеет предварительными или промежуточными ступенями, через которые должен пройти предмет труда, пока он не примет своей окончательной формы, то вместе с материалом труда увеличивается и спрос на труд в тех отраслях труда, которые ведутся еще ремесленным или мануфактурным способом и в которые поступает машинный фабрикат". („Капитал", I, 424.)

С развитием машины растет прибавочная стоимость и

та масса продуктов, в которой она выражается. А вместе с этим возрастает роскошь у класса капиталистов и его присных. Растет спрос на *рабочих, занятых производством предметов* роскоши, а также на *слуг, лакеев* и проч. В 1861 г. в Англии занято было в текстильной промышленности 642 607 лиц, тогда как число прислуги достигало 1 208 648 лиц.

Помимо этих факторов, которыми обусловливается *увеличение* спроса на труд, как результат введения машин, Маркс называет еще один, а именно—возникновение новых областей приложения труда, каковы: газовые заводы, железные дороги и т. д.

Стоит ли сравнивать с такими выводами из исследования Маркса то, что вкладывают ему в уста господа профессора разных степеней учености?

Разумеется, если Маркс исследовал, каким образом введение машин может иметь последствием увеличение спроса на труд, то он сделал это не для того, чтобы затушевать своими мудрствованиями страдания, которые влечет за собой для рабочего населения фабричная система. Фабрика разрушает семью рабочего, похищает у него юность, увеличивает его труд, отнимая у него всякое содержание, разрушает его физически и духовно и делает его безвольным орудием в руках капиталиста, — а буржуазные экономисты полагают, что самым блестящим образом прославят капиталистическое применение машин, если докажут, что с ростом числа машин растет и число наемных рабочих на фабриках. Как будто такой рост не есть рост нищеты! А наряду с нищетою трудящихся растет и нищета безработных.

Переменный капитал с распространением машин *может* возрастать абсолютно, но такое возрастание не является необходимым; в разных отраслях крупной промышленности уже констатировалось временами, наряду с увеличением постоянного капитала, абсолютное уменьшение переменного капитала, уменьшение числа занятых рабочих. (Некоторые относящиеся к этому вопросу факты мы приведем в третьем отделе, в главе о перенаселении.) Мы здесь совершенно не упоминаем о безработице и нищете, порождаемых как внутри данной страны, так и за границей конкуренцией крупной промышленности с соответствующими отраслями ремесла и домашней промышленности. Стоит только вспомнить то, что было сказано в предыдущей главе о положении английских и ост-индских ручных ткачей в начале XIX века, сотни тысяч которых испытывали все ужасы голода, тогда как число английских фабричных ткачей в то же время возросло на несколько тысяч. Вульгарные экономисты, поучающие рабочего о том, что машина создает новые за-

нятия для освобожденных рабочих, замечают только эти тысячи новых рабочих, а о сотнях тысяч выброшенных на улицу мудро умалчивают.

Даже в том случае, если одновременно с освобождением рабочих в одной отрасли происходит увеличение спроса на труд в другой, это представляет плохое утешение для лишившихся работы. Разве может рабочий, всю свою жизнь работавший в известной отрасли промышленности, завтра же перескочить в другую отрасль?

На-ряду с колебаниями на рынке труда, которые вызываются постоянным продвижением в соотношении между постоянным и переменным капиталом к невыгоде последнего, этот рынок вместе с развитием крупной промышленности начинает испытывать на себе другое специфическое влияние, переплетающееся с первым.

Как только создаются общие условия производства, соответствующие крупной промышленности, т. е. как только машиностроение, добывание угля и железа, транспорта и т. п. достигают известной высоты развития, этот способ производства оказывается способным к невероятно быстрому расширению, которое находит себе границы лишь в сырье и рынках сбыта. Отсюда — постоянное лихорадочное стремление к открытию новых рынков, доставляющих новое сырье и новых покупателей для фабрикатов. За каждым значительным расширением сбыта следует период лихорадочного расширения производства, пока рынок не переполнится, после чего наступает период застоя. „Промышленная жизнь превращается в чередование периодов среднего оживления, процветания, перепроизводства, кризиса и угнетения“. Для рабочего такой круговорот означает постоянное колебание между чрезмерным обременением работой и безработицей и полную необеспеченность как работы, так и высоты заработка, вообще — непрочность положения.

Влияние этого фактора переплетается с порождаемым успехами техники относительным, а зачастую и абсолютным уменьшением переменного капитала. Иногда их действия противоположны, напр., во время процветания, когда технический прогресс заботится о том, чтобы рабочий не слишком блаженствовал; иногда же они действуют совместно в одном и том же направлении, именно во время кризиса, когда, на-ряду с безработицей, царит самая необузданная конкуренция, бешеное стремление к понижению цен,—понижению, которое становится возможным частью благодаря введению новых, сберегающих труд машин, частью же благодаря удлинению рабочего дня и понижению заработной платы, но всегда за счет рабочего.

6. Машина как революционизирующий фактор.

Если бы показать кому-нибудь из апостолов социальной гармонии картину капиталистической фабричной системы и спросить его, продолжает ли он еще верить, что мы живем в лучшем из всех миров, он постарался бы уклониться от прямого ответа, заявив: „Да, мы живем еще в переходный период; капиталистическая крупная промышленность еще не могла в полной мере обнаружить свои благодетельные свойства, так как она еще связана в своем развитии обломками средневековья. Но если мы сравним положение фабричных рабочих с положением рабочих в домашней и ремесленной промышленности, то найдем, что положение первых многим лучше положения последних, что, следовательно, крупная промышленность существенно *улучшила* положение рабочих, а не *ухудшила*“. Так сказал бы апостол гармонии.

Бесспорно, в тех отраслях промышленности, в которые вторгалось крупное производство, рабочие, занятые в уцелевших остатках домашне-промышленных, ремесленных и мануфактурных заведений, живут в еще более жалких условиях, чем занятые на фабриках. Но говорит ли это в пользу капиталистической крупной промышленности? По нашему мнению, едва ли. Этот факт объясняется просто тем, что фабричная система в тех отраслях промышленности, в которые она проникает, ухудшает не только положение тех рабочих, которые привлекаются на фабрики, но и тех, которые продолжают еще работать вне фабрик, притом ухудшает положение последних еще в *большей* степени, чем первых. „Прогресс“, порождаемый капиталистической крупной промышленностью, состоит в том, что те же страдания и лишения, на которые она обрекает фабричных рабочих, она в удвоенной и в утроенной степени возлагает на рабочих домашней промышленности, ремесла и мануфактуры.

„Эксплоатация дешевых и незрелых рабочих сил приобретает в современной мануфактуре еще более бесстыдный характер, чем на фабрике, потому что техническая основа последней—замещение мускульной силы машинами и легкость труда—в мануфактуре большей частью отсутствует; притом в мануфактуре женский организм или еще неокрепший организм малолетних самым бессовестным образом предается действию ядовитых веществ и т. д. При так называемом домашнем (кустарном) труде эксплоатация приобретает еще более бесстыдный характер, чем в мануфактуре, потому что способность рабочих к сопротивлению

уменьшается их разделением, а между работодателем и рабочим вторгается целый ряд хищных паразитов, потому что домашний труд повсюду борется с машинным или, по меньшей мере, мануфактурным производством той же самой отрасли, потому что бедность похищает у рабочего необходимейшие условия труда—просторное помещение, свет, вентиляцию и т. д., нерегулярность работы растет, и, наконец, потому что в этих последних убежищах для тех, кого крупная промышленность и земледелие сделали „излишними", конкуренция между рабочими неизбежно достигает своего максимума.

„Впервые систематически выработанное машинным производством бережливое расходование средств производства, сопровождаемое самым беспощадным расточением рабочей силы и хищничеством по отношению к нормальным условиям функционирования труда, теперь тем сильнее обнаруживает эту свою истребительную и человекоубийственную сторону, чем меньше в данной отрасли промышленности развита общественная производительная сила труда и техническая основа комбинированных процессов труда". („Капитал", I, 443.)

Все, что только может выносить человек, не погибая тут же на месте, приходится выносить рабочим домашней промышленности. В стремлении конкурировать по дешевизне изделий с машиной эти рабочие все более и более понижают свои потребности в пище, одежде, свете, воздухе и отдыхе, достигая, наконец, такого уровня, ниже которого не могла бы спуститься самая пылкая фантазия. Маркс сообщает об одной школе вязания кружев, в которой работали дети начиная с двухлетнего возраста. В английских мастерских для плетения соломы работали дети начиная с 3 лет, притом иногда до полуночи, в тесных помещениях, в которых приходилось иногда лишь 12—17 кубических футов на человека. „Эти цифры,—говорил комиссар Уайт (White) перед комиссией по исследованию детского труда,—говорят о помещении *вдвое меньше того*, которое занимал бы ребенок, упакованный в коробку величиною в 3 фута по всем трем измерениям!"

Но как бы ни был вынослив человек, все же есть границы, ниже которых он не может спускаться. Раз эти границы достигнуты, — для домашней промышленности бьет час быстрой гибели вследствие введения машин; домашним рабочим остается найти себе другое занятие, либо погибать от голода еще быстрее, чем раньше. То же самое приходится сказать и о пережитках ремесла и мануфактуры.

Переход мануфактуры в крупную промышленность уско-

ряется введением фабричного законодательства. Как только домашняя промышленность подчиняется законодательным ограничениям, она тотчас теряет под собою почву. Только неограниченная и непомерная эксплоатация женской и детской рабочей силы позволяет ей продлить свое существование.

Если машина действует столь революционизирующим образом во всех отраслях промышленности, которыми она завладевает, то ее революционное действие оказывается едва ли не сильнее еще, когда она захватывает *земледелие*. Здесь она делает обыкновенно рабочего не только относительно, но и абсолютно излишним, за исключением тех случаев, когда ее введение совпадает с быстрым возрастанием площади обрабатываемой земли, как это происходило, напр., в Соединенных штатах.

Там, где машина проникает в земледелие, крестьянину грозит та же участь, как и пережиткам домашних промыслов в промышленности. А вместе с ним рушится прочнейший из устоев старого общества. Крестьяне и наемные рабочие, оказавшиеся „излишними“ в деревне, устремляются в города. Крупные города непомерно разрастаются, тогда как деревня все более и более беднеет населением. Скопление огромных масс населения в городах порождает физическую хилость промышленных рабочих. Разбросанность же деревенского населения ведет к понижению умственных интересов сельских рабочих, разрушает их духовную жизнь, ломает их силу сопротивления по отношению к капиталу. Вместе с ростом крупных городов усиливается упадок плодородия земли, так как элементы почвы, взятые от нее в виде средств существования, не возвращаются к ней обратно, но заражают города в виде экскрементов и отбросов, вместо того чтобы служить для удобрения земли. Вместе с применением современной технологии к сельскому хозяйству умножаются, однако, и средства, позволяющие получать от почвы все более и более обильные урожаи. Все больше берется от почвы и все меньше ей возвращается. Таким образом, капиталистическое употребление машин развивает, на-ряду с хищнической эксплоатацией человеческой рабочей силы, такую же эксплоатацию почвы. Оно обеспложивает почву и приводит работника к физической и духовной гибели.

Но в то же время оно развивает зародыши новой, высшей культуры, равно как и двигательные силы, пробивающие ей дорогу. Маркс видел в нищете не только нищету, но и зародыши лучшего будущего, которые она несет в своих недрах. Он *не осуждает* фабричную систему,

не обвиняет ее, а хочет ее *понять*. Он не *морализирует*, а *исследует*. И он сам обращает при этом наше внимание на своего предшественника, впервые распознавшего революционную сторону современной фабричной системы—на *Роберта Оуэна*.

Крупная промышленность породила такую страшную нищету, как ни один из прежних способов производства до нее. Но эта бедность масс не порождает застоя. В настоящее время мы уже не встречаем стоячего болота нищеты, в которое медленно и незаметно погружается все общество, как это было в римском обществе в эпоху империи. Современный способ производства скорее похож на водоворот, который увлекает и перемешивает один с другим все слои общества, поддерживая их в непрерывном движении. Все пережитые производственные отношения разрушаются, а вместе с ними падают и пережитые предрассудки. Но новые производственные отношения, выступающие на место старых, сами отнюдь не отличаются устойчивостью; напротив, они претерпевают постоянные видоизменения. Одно изобретение, один метод труда вытесняется другим, целые массы капитала и труда непрерывно переливаются из одной отрасли производства в другую, из одной страны в другую, исчезает всякая прочность отношений и всякая вера в их прочность. Консервативные элементы уничтожаются, крестьянин вытесняется в крупные города, где теперь концентрируется крупная движущая сила и где он не только не ослабляет, но еще усиливает энергию движения. Женщина и ребенок привлекаются на фабрику, гибнет консервативный элемент буржуазной формы семьи, и бережливая, трезвенная домохозяйка превращается в наемную работницу промышленности, борющуюся за свое существование.

И при таком полном крушении старого порядка, которое мы наблюдаем, уже обнаруживаются зародыши нового порядка.

Растущее отупение рабочего юношества под влиянием чрезмерно продолжительной, однообразной работы вынудило к тому, что во всех промышленных государствах, в той или иной форме, элементарное обучение было признано обязательным условием фабричной работы. С тех пор стали признавать, что фабричные дети учатся не только не хуже, но даже лучше и охотнее, чем школьники вообще. „Дело объясняется просто, — говорит об этом один фабричный инспектор. — Те, кто проводит в школе только половину дня, постоянно свежи и почти всегда способны и готовы учиться. Система труда, чередующегося со школой,

превращает каждое из этих занятий в отдохновение и освежение после другого, и, следовательно, она много пригоднее для ребенка, чем непрерывность одного из этих двух занятий". Маркс добавляет к этому: „Из фабричной системы, как это можно проследить в деталях у Роберта Оуэна, вырос зародыш воспитания будущего, которое для всех детей с известного возраста соединит производительный труд с обучением и гимнастикой, причем это будет не только методом повышения общественного производства, но и единственным методом создания всесторонне развитых людей". („Капитал", I, 464—465.)

К этому перевороту в области педагогики присоединяется еще другой переворот. Широко проведенное разделение труда в обществе на отдельные занятия и специальности, свойственное еще эпохе ремесла, равно как и присоединившееся к этому в мануфактурный период разделение труда внутри отдельных предприятий имели в высшей степени неблагоприятные последствия для трудящихся. Условия производства развивались медленно, временами совершенно окостеневая. Человек был таким образом всем своим существом прикреплен втечение всей жизни к определенной частичной операции, в которой он достигал необычайной виртуозности, между тем как в то же время его калечила односторонность, и он оказывался лишенным того гармонического развития, которое еще классической древности придавало особую красоту.

В тех отраслях промышленности, которыми завладевает машина, она устраняет для рабочего необходимость долголетнего упорного обучения, чтобы овладеть своею определенною специальностью. Но она в то же время делает невозможным, чтобы человек втечение всей своей жизни оставался прикрепленным к определенной частичной операции, так как она постоянно революционизирует условия производства, выталкивает рабочего из одной отрасли промышленности и загоняет в другую.

Но какие страдания приносит с собой теперь это постоянное движение, при котором сотни тысяч пролетариев всегда образуют резервную армию безработных, с жадностью хватающуюся за всякое занятие, какое бы им ни предложили! И как незначительна теперь способность приспособления к различным видам деятельности у наемного рабочего, тело и дух которого одинаково искалечены еще в юности, которому недостает знакомства с различными механическими и техническими процессами, применяемыми в современном крупном производстве, которому, наконец, недостает эластичности, чтобы приспособиться к этим раз-

нообразным процессам. И, наконец, если рабочий крупной промышленности прикреплен не на всю свою жизнь к определенной частичной операции, то он все же отдается ей изо дня в день целые месяцы и годы, с теми лишь перерывами, которые вызываются безработицей и голодовками.

Как резко изменилось бы положение дела, если бы разнородные частичные функции чередовались по дням или даже по часам так, чтобы они не утомляли и не отупляли, но возбуждали и оживляли, если бы деморализующая безработица исчезла, а технические революции не происходили за счет рабочего.

В числе многих предпосылок такой перемены есть одна — педагогического характера. Рабочий класс должен приобрести научное знакомство с процессом и методами производства, должен приобрести практическое уменье управлять самыми различными орудиями производства. И теперь уже попытки к этому делаются в профессиональных школах и т. п. учреждениях, но в совершенно недостаточной степени. „Если фабричное законодательство, как первая скудная уступка, вырванная у капитала, соединяет с фабричным трудом только элементарное обучение, то не подлежит никакому сомнению, что неизбежное завоевание политической власти рабочим классом завоюет настоящее место в рабочих школах и техническому обучению, как теоретическому, так и практическому“. („Капитал“, I, 469.)

Наконец, какую революцию несет с собой крупная промышленность в семейные отношения! Она уже и теперь уничтожает для наемного рабочего традиционную форму семьи. Не только отношения между мужчиной и женщиной, но и между родителями и детьми изменились благодаря вовлечению женского и детского труда в промышленность. Родители из защитников и кормильцев превратились во многих случаях в *эксплоататоров* детей. Напомним еще раз о несчастных детях, занятых в английских заведениях для плетения соломы и работавших начиная с трехлетнего возраста при самых ужасных условиях. „Бедные, опустившиеся родители (этих детей),—говорит Маркс,— только и думают о том, как бы выколотить из детей возможно больше. Вырастая, дети естественно не ставят родителей ни в грош и оставляют их“. („Капитал“, I, 450). „Однако не злоупотребление родительской властью,— говорит он в другом месте,— создало прямую или косвенную эксплоатацию незрелых рабочих сил капиталом, а, наоборот, капиталистический способ эксплоатации, уничтожив эконо-

мический базис, соответствующий родительской власти, превратил ее в злоупотребление.

„Но как ни ужасно и ни отвратительно разложение старой семьи при капиталистической системе, тем не менее крупная промышленность, отводя женщинам, подросткам и детям обоего пола решающую роль в общественно-организованном процессе производства за пределами дома, создает новый экономический базис для более высокой формы семьи и отношений между обоими полами. Разумеется, одинаково нелепо считать абсолютной формой семьи христианско-германскую форму, или древне-римскую, или древне-греческую, или восточную, которые, впрочем, связаны между собой последовательностью исторического развития. Точно так же ясно, что сочетание в комбинированном рабочем персонале лиц обоего пола и разнообразнейших возрастов, являющееся зачумленным источником испорченности и рабства, пока оно выступает в своей грубой, непосредственно сложившейся капиталистической форме, при которой рабочий существует для процесса производства, а не процесс производства для рабочего, — что это же сочетание при соответствующих условиях должно, наоборот, превратиться в источник человеческого развития". („Капитал", I, 471.)

После того как Маркс развернул перед нами такие перспективы на будущее, мы можем примириться с машинной системой и с крупной промышленностью. Как ни безмерны страдания, которым она подвергает рабочий класс, эти страдания, по крайней мере, не напрасны. Мы знаем, что на ниве труда, удобренной миллионами трупов пролетариев, взойдут новые посевы, — высшая общественная форма. Машинное производство создает почву, которая породит новую человеческую личность, далекую от односторонней ограниченности ремесла и мануфактуры, не раба природы, каким был член первобытной коммунистической общины, — личность, физическая и духовная сила и красота которой не куплены ценой подавления бесправных рабов, как во время классической древности; личность, гармонически развитую, жизнерадостную и способную наслаждаться жизнью, господина земли и сил природы, в братском равенстве сливающегося с другими членами общины.

ОТДЕЛ ТРЕТИЙ.

ЗАРАБОТНАЯ ПЛАТА И ДОХОД С КАПИТАЛА.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

ЗАРАБОТНАЯ ПЛАТА.

1. Изменения уровня цены рабочей силы и прибавочной стоимости.

Во втором отделе мы занимались главным образом *производством прибавочной стоимости*. Теперь мы обратимся к законам *заработной платы*. Введением к этому и вместе с тем переходом от второго отдела к третьему, лежащим до некоторой степени в области вопросов обоих этих отделов, послужит исследование изменений уровня цены рабочей силы и прибавочной стоимости под влиянием изменений трех уже известных нам из второго отдела факторов: 1) величины рабочего дня, 2) нормальной *интенсивности труда* и 3) *производительности труда*.

Изменения трех этих факторов могут быть самыми разнообразными; они могут изменяться и каждый в отдельности, и попарно, и все вместе, и притом в различной мере. Исследование всех вытекающих отсюда комбинаций завело бы нас слишком далеко; все последующие комбинации можно логически вывести из главных комбинаций, изложением которых мы в дальнейшем ограничимся. Мы займемся исследованием тех перемен в относительном уровне прибавочной стоимости и цены рабочей силы, которые происходят тогда, когда один из трех факторов изменяется, в то время как другие два остаются без перемены.

а) Длина рабочего дня и интенсивность труда остаются прежними, а производительность труда изменяется. Производительность труда оказывает, конечно, влияние на количество продуктов, изготовляемых в определенный промежуток времени, но не на величину стоимости этого количества. Если вследствие какого-нибудь изобретения прядильщик может переработать в час вместо 1 ф. хлопка 6 ф., то он произведет теперь в час в шесть раз большее количество пряжи, но только прежнее количество стоимо-

сти. Но, превращая хлопок в пряжу, он придает теперь каждому фунту последней в 6 раз меньше стоимости, чем прежде. Такое понижение стоимости влияет, в свою очередь, на стоимость средств потребления работника, напр., его одежды. Стоимость рабочей силы понижается, а прибавочная стоимость увеличивается в той же мере. При понижении производительности труда наблюдается, разумеется, обратное явление. Увеличение или уменьшение прибавочной стоимости всегда является *следствием*, а не *причиной* соответственного увеличения или уменьшения стоимости рабочей силы. Соответствует ли понижению *стоимости* рабочей силы падение ее *цены* и в какой именно степени, зависит от разных обстоятельств, главным образом от силы сопротивления рабочего класса. Предположим, что вследствие повышения производительности труда стоимость рабочей силы понизится с 3 руб. до 2 руб. в день, а цена ее — только до $2^1/_2$ руб. Если раньше дневная прибавочная стоимость, производимая одним рабочим, равнялась тоже 3 руб., то теперь она возрастает не до 4 руб., а к большому негодованию капиталиста только до $3^1/_2$ руб. К счастью для капиталиста, это случается очень редко, так как для этого требуется не только большая сила сопротивления рабочих, но и неизменяемость остальных двух факторов — длины рабочего дня и интенсивности труда. Влияние изменения этих последних обыкновенно, по примеру Рикардо, оставляется экономистами без внимания. Рассмотрим же теперь, как действует каждое из этих изменений.

b) Рабочий день и производительность труда остаются неизменными, а интенсивность труда изменяется. Работать интенсивнее — это значит расходовать в то же самое время больше труда, т. е. создавать за тот же промежуток времени большую стоимость. Если прядильщик при той же степени производительности труда вследствие большей его напряженности переработает в час не 1 ф. хлопка, а $1^1/_2$ ф., то он в этот час создаст в $1^1/_2$ раза больше стоимости, чем прежде. Если до сих пор он за 12 часов производил стоимость в 6 руб., то теперь произведенная им стоимость будет равна 9 руб. Если цена его рабочей силы равнялась 3 руб., а теперь поднялась до 4 р., то и прибавочная стоимость возрастает, в свою очередь, с 3 р. до 5 р. Неверно, следовательно, то часто повторяющееся утверждение, что повышение цены рабочей силы возможно только за счет прибавочной стоимости. Это верно только для первого из рассматриваемых нами случаев, но неверно для настоящего случая. Заметим кстати, что в этом втором случае повышение цены рабочей силы не всегда есть повышение сверх

ее стоимости. Если повышенная цена не покрывает более быстрого изнашивания рабочей силы, являющегося неизбежным следствием усиления интенсивности труда, то в действительности цена рабочей силы *упала* ниже уровня ее стоимости.

Интенсивность труда различна у различных наций. „Более интенсивный рабочий день одной нации выражается в большем количестве денег, нежели менее интенсивный рабочий день другой нации".

На английских фабриках в общем рабочий день короче, чем на немецких, но именно поэтому труд в первых гораздо интенсивнее, так что английский рабочий производит в рабочий час большую стоимость, чем его немецкий товарищ. „Большее сокращение рабочего дня законодательным путем на континентальных фабриках, — говорит Маркс, — было бы самым действительным средством для уменьшения этого различия между рабочими часами континентальными и английскими".

c) Производительность и интенсивность труда постоянны; величина рабочего дня изменяется. Это изменение может происходить в двух направлениях: 1) *Рабочий день сокращается.* На величину стоимости рабочей силы это сокращение не влияет; оно происходит за счет прибавочной стоимости. Если капиталист не хочет допустить уменьшения этой последней, то он должен понизить цену рабочей силы *ниже* уровня ее стоимости. На этот случай часто ссылаются противники нормального рабочего дня; но их аргументация действительна только тогда, когда не изменяются интенсивность и производительность труда. В действительности же сокращение рабочего дня всегда является или причиной, или следствием повышения интенсивности и производительности труда. 2) *Рабочий день удлиняется.* Следствия этого и изменения очень мало печалят капиталиста. Возрастают как общая стоимость произведенной втечение рабочего дня массы продуктов, так и прибавочная стоимость. Цена рабочей силы также может возрасти, но здесь, как и при увеличении интенсивности труда, повышение цены может фактически оказаться падением ее ниже уровня ее стоимости — если оно не уравновешивает усиленного изнашивания рабочей силы.

Случаи a, b и c редко встречаются в чистом виде; обыкновенно изменение одного из трех факторов влечет за собой изменение и остальных факторов. Маркс исследует, между прочим, и такой случай, когда интенсивность и производительность труда возрастают, а рабочий день в то же время сокращается, и указывает границу, до которой может

дойти сокращение рабочего дня. При господстве капиталистического способа производства рабочий день не может быть сведен к рабочему времени, необходимому для поддержания рабочего, так как тем самым была бы уничтожена первооснова капитализма — прибавочная стоимость.

Уничтожение капиталистического способа производства позволило бы ограничить день пределами необходимого рабочего времени. Но если бы прочие условия остались неизменными, немедленно после уничтожения капиталистического способа производства явилась бы потребность в *удлинении* необходимого рабочего времени. Во-первых, потому, что тогда жизненные потребности рабочего возросли бы, а во-вторых, потому, что накопление фонда для продолжения и расширения производства падало бы тогда за счет необходимого труда, между тем как теперь этому служит прибавочная стоимость.

Но, с другой стороны, с сокращением рабочего дня повысилась бы интенсивность труда. Система общественной организации труда привела бы к экономии в средствах производства и к устранению всякого бесполезного труда. „Хотя капиталистический способ производства принуждает к экономии в каждом отдельном предприятии, тем не менее его анархическая система конкуренции вызывает безмерное расточение общественных средств производства и рабочих сил на-ряду с массою функций, в настоящее время неустранимых, хотя по существу дела излишних“.

„При данной интенсивности и производительной силе труда часть общественного рабочего дня, необходимая для материального производства, тем короче, следовательно, время, остающееся для свободной умственной и общественной деятельности индивидуума, тем больше, чем равномернее распределен труд между всеми дееспособными членами общества, чем меньше возможность для одного общественного слоя сбросить с себя и возложить на другой общественный слой естественную необходимость труда. С этой точки зрения абсолютная граница для сокращения рабочего дня устанавливается всеобщностью труда. В капиталистическом обществе свободное время одного класса создается посредством прекращения всей жизни масс в рабочее время“. („Капитал“, I, 511.)

2. Превращение цены рабочей силы в заработную плату.

До сих пор мы говорили о *стоимости и цене рабочей силы и об отношении их к прибавочной стоимости*. Но заработная плата представляется не *ценой рабочей силы, а ценой*

труда. Если спросить рабочих: какова ваша заработная плата? — они ответят: я получаю 1 руб. в день от своего буржуя, а я 2 руб., и т. д. По разным отраслям труда, в которых они заняты, они укажут различные суммы, которые они получают от своих предпринимателей за определенное рабочее время или же за выполнение определенной работы, напр., за изготовление аршина полотна или за набор печатного листа. Несмотря на разницу в показаниях, все они сойдутся в одном: „заработная плата есть денежная сумма, которую капиталист уплачивает за определенное рабочее время или за выполнение определенной работы" (Маркс, „Наемный труд и капитал").

Цена товара есть его стоимость, выраженная в деньгах. Значит, раз труд имеет цену, он должен иметь и стоимость,— так рассуждали экономисты. Как же велика стоимость труда? Она определяется, как и стоимость всякого другого товара, количеством рабочего времени, необходимого для производства. Сколько же нужно рабочего времени, чтобы произвести 12-тичасовой труд? Очевидно, 12 часов.

Следовательно, если труд оплачивается по своей полной стоимости, то рабочий получает в своей заработной плате такую же стоимость, какую он прибавляет к продукту; таким образом этот расчет приводит нас к альтернативе — признать ложным либо учение о прибавочной стоимости, либо учение о стоимости, либо об обоих вместе и признать загадку капиталистического производства неразрешимой. Классическая буржуазная политическая экономия, венцом которой является учение Рикардо, разбилась об это противоречие; вульгарная же политическая экономия, которая ставит себе задачей не *исследование* современного способа производства, а его *оправдание* и изображение в розовом свете, воспользовалась им для своих прекраснейших, но ложных выводов.

Маркс окончательно разбил их, установив ясное различие между *трудом* и *рабочей силой*, т. е. между теми понятиями, которые экономисты постоянно смешивали.

В 1847 г. Маркс еще не сделал этого фундаментального открытия. В своей „Нищете философии" и в статьях о „Наемном труде и капитале" он говорит еще о стоимости труда, которая однако сама собой переходит у него в стоимость рабочей силы. Но наши политико-экономы так плохо поняли значение различия между этими понятиями, что и теперь еще смешивают их и любят говорить о теории стоимости Маркса — Родбертуса, хотя Родбертус целиком принял теорию стоимости Рикардо с ее смешением труда и рабочей силы и вытекающими отсюда противоречиями, между тем

как Маркс очистил эту теорию от противоречий в этом и многих других пунктах основного значения (напомним только об ограничении труда, образующего стоимость, общественно-необходимым трудом и о различении абстрактного труда, создающего стоимость, и конкретного, создающего потребительную стоимость и т. д.) и превратил учение Рикардо в твердо обоснованную научную теорию стоимости.

Маркс первый указал на то, что *труд* не есть товар и не имеет поэтому меновой стоимости, хотя является источником и мерой всех меновых стоимостей. На рынке фигурирует не труд, а рабочий, продающий свою рабочую силу. Труд возникает вследствие потребления товара-рабочей силы точно так же, как вследствие потребления товара-шампанского появляется у человека веселое настроение. Капиталист покупает шампанское, а не вызываемое им веселье, и так же точно он покупает рабочую силу, а не труд.

Но рабочая сила — товар особого рода: за него уплачивают лишь после его потребления; рабочий получает плату только после того, как исполнит работу.

Покупается *рабочая сила*, но уплата производится как будто за *труд*. Заработная плата не обнаруживается перед нами как цена рабочей силы. Эта цена претерпевает еще превращение, прежде чем появиться на свет из кармана капиталиста, и нам представляется в виде цены труда.

Каким образом совершается это превращение и каковы его последствия — это, конечно, не могло быть научно исследовано предшественниками Маркса, так как они не поняли различия между ценой рабочей силы и ценой труда. Следовательно, первую строго научную теорию заработной платы дал нам Маркс. Двумя основными формами заработной платы являются *плата повременная* и плата *поштучная*.

3. Повременная плата.

Мы знаем, что при определенных условиях дневная стоимость рабочей силы есть определенная величина. Допустим, что она равна 2 руб. 40 коп., а *обычный* рабочий день 12-ти часам. Мы предполагаем в этом случае, как и во всей книге, если не оговорено иное, что стоимость и цена как рабочей силы, так и других товаров совпадают. Цена 12-тичасового труда равна поэтому 2 руб. 40 коп., а цена часового труда — 20 коп. Найденная таким образом цена рабочего часа служит единицей меры цены труда.

Цена труда равняется, следовательно, дневной стоимости рабочей силы, деленной на число рабочих часов *обычного* рабочего дня.

Цена труда и поденная или понедельная плата могут колебаться в различных направлениях. Если рабочее время увеличилось с 12-ти часов до 15-ти, а цена труда упала в то же время с 20 коп. до 18-ти, то поденная плата будет теперь равняться 2 руб. 70 коп., т. е. она повысится, несмотря на понижение цены труда.

Цена труда зависит, как уже было сказано выше, от дневной стоимости рабочей силы и длины *обычного рабочего дня*.

Если же вследствие каких-нибудь *чрезвычайных* событий, напр., кризиса, капиталист, товары которого не распроданы, сократит рабочее время, скажем, наполовину, то он и не повышает соответственно цену труда. При цене труда в 20 коп. рабочий получит за 6-тичасовой труд 1 руб. 20 коп., хотя дневная стоимость его рабочей силы гораздо выше, а именно, по нашему предположению, равна 2 руб. 40 коп. [1]).

Раньше мы видели, что *удлинение* рабочего дня является источником страданий для рабочих; теперь мы видим новый такой источник — в его временном *сокращении*.

На этом основании, как только речь заходит о законодательном сокращении рабочего дня, капиталисты восстают против него из сочувствия к бедным рабочим. „Мы уже и без того вынуждены выплачивать самую жалкую голодную заработную плату за 15-часовой труд, — восклицают они, — а теперь вы хотите сократить рабочий день до 10 часов и таким образом отнять у голодных рабочих еще целую треть их заработка? Мы должны энергически протестовать против подобного варварства!“ Благородные друзья человечества забывают, что при сокращении *обычного* рабочего дня *цена труда* повышается; она тем выше, чем выше дневная стоимость рабочей силы и чем *меньше* длина *обычного* рабочего дня. *Временное* сокращение рабочего дня *понижает* заработную плату, *постоянное* сокращение *повышает* ее. Это, между прочим, наблюдалось в Англии. По отчету английских фабричных инспекторов от апреля 1860 г. за 20 лет, за период времени с 1839 по 1859 гг. на фабриках, где был введен 10-тичасовой рабочий день, заработная плата *возросла*, а на тех, где работали по 14 — 15 час., *упала*. Многочисленные наблюдения, вплоть до новейшего времени, подтверждают это правило.

---

1) Цена труда может в то же время и понизиться, но это будет следствием не сокращения рабочего времени, а усиленного предложения рабочих рук и др. явлений, которых мы здесь не будем касаться. Надо всегда иметь в виду при чтении этой книги, что до сих пор здесь идет речь об основах капиталистического способа производства, а не об его *общей картине*.

Продолжительное удлинение рабочего времени понижает цену труда, и, наоборот, низкая цена труда вынуждает рабочего соглашаться на удлинение рабочего дня, чтобы обеспечить себе хотя бы скудный заработок. Но низкая цена труда и продолжительное рабочее время имеют тенденцию укрепляться. Капиталисты понижают заработную плату и удлиняют рабочее время, чтобы увеличить свою прибыль. Но конкуренция заставляет их в конце концов понижать соответственно цены товаров. Чрезвычайная прибыль, получавшаяся от удлинения рабочего дня и понижения заработной платы, исчезает, а низкие цены сохраняются и действуют как принудительное средство удерживать заработную плату при чрезмерно удлиненном рабочем времени на достигнутом низком уровне. Капиталистам это не доставляет длительной выгоды, а для рабочего класса — это длительный ущерб. Наиболее действительным препятствием для этой тенденции является законодательное установление нормального рабочего дня.

Упомянем тут же и о других благодетельных последствиях нормировки рабочего дня.

В некоторых отраслях промышленности капиталист не уплачивает определенной поденной или понедельной платы, а расплачивается с рабочими по рабочим часам. Рабочий целый день должен быть в распоряжении капиталиста, а тот может по своему произволу то заставлять его трудиться чрезмерно, то давать ему работу лишь на несколько часов. Но цена труда определяется соответственно длине обычного рабочего дня. Таким способом капиталист получает возможность распоряжаться всей рабочей силой рабочего, уплачивая ему „нормальную“ цену труда, но не полную стоимость его рабочей силы: это обнаруживается в те дни, когда он заставляет его трудиться не нормальное число часов, а меньше; но суть дела не меняется и тогда, когда рабочий трудится дольше нормального времени.

Дело в том, что стоимость рабочей силы, которая расходуется в каждый рабочий час, неодинакова. Израсходованную в первые часы рабочего дня силу легче возместить, чем ту, которая потрачена в последние часы; поэтому стоимость израсходованной в первый час рабочей силы меньше стоимости потраченной в десятый или двенадцатый час, хотя потребительная стоимость последней может быть значительно меньше. Соответственно этому во многих производствах установился сам собой, независимо от данных физиологии или политической экономии, обычай считать рабочее время до известных пределов „нормальным“, а за этими

пределами *сверхурочным* и оплачивать его лучше, хотя и в очень ничтожной степени.

Капиталисты же, занимающие рабочих по часам, сберегают эту повышенную оплату сверхурочного времени.

Не следует понимать разницу между таким „нормальным“ рабочим днем и сверхурочным временем в том смысле, что цена труда втечение нормального дня представляет собою нормальную заработную плату, а за сверхурочное время уплачивается добавочное вознаграждение, превышающее дневную стоимость рабочей силы. Существуют фабрики, на которых из года в год работают сверхурочное время, потому что „нормальная“ заработная плата так низка, что рабочий не может на нее прожить и *вынужден* работать сверхурочное время. Там, где постоянно работают сверхурочное время, „нормальный“ рабочий день является только частью действительного рабочего дня, а „нормальная“ заработная плата — только частью той заработной платы, которая необходима для существования рабочего. Лучшая оплата сверхурочного времени часто является только средством заставить рабочего согласиться на удлинение рабочего дня. А это соответствует, как мы видели, понижению цены труда.

Нормировка рабочего дня имеет тенденцию положить предел всем этим уловкам с целью понижения заработной платы.

4. Поштучная плата.

Повременная плата есть превращенная форма цены рабочей силы, поштучная плата — превращенная форма повременной платы.

Предположим, что обычный рабочий день равняется 12-ти часам, дневная стоимость рабочей силы — 2 руб. 40 коп., и что работник изготовляет в день средним числом 24 штуки какого-нибудь предмета. В капиталистических предприятиях вскоре устанавливают путем наблюдения, какую работу может выполнить за час работник при средней искусности и интенсивности труда. Я могу оплачивать работника поденно, по расчету 20 коп. в час, но могу также платить ему за каждую сработанную штуку 10 коп. В последнем случае плата будет поштучной.

Очевидно, что основой поштучной платы, как и платы повременной, является дневная стоимость рабочей силы и обычная длина рабочего дня. Правда, *с первого взгляда* поштучная плата как будто определяется количеством выработанного продукта, но такое представление опровергается тем, что при повышении производительности труда поштучная плата соответственно понижается. Если рабочий в на-

шем прежнем примере будет изготовлять штуку товара уже не в $^1/_2$ часа, а, скажем, вследствие усовершенствования в какой-нибудь машине — в $^1/_4$ часа, то, при прочих равных условиях, капиталист будет платить ему уже не 10 коп., а только 5 коп. за штуку.

Очень часто случается — и каждому, кто интересуется рабочим вопросом, известны такие случаи, — что отдельным рабочим или группам рабочих, которым как-нибудь по счастливой случайности удалось выработать необыкновенно большое количество продукта, вдруг произвольно понижают поштучную плату, мотивируя это тем, что иначе их заработок чересчур превысит обычный. Это всего яснее показывает, что поштучная плата — только превращенная форма повременной и только тогда добровольно применяется капиталистом, когда она ему кажется выгодней непревращенной повременной платы.

Вообще поштучная плата приносит во всяком случае большие выгоды капиталисту. Повременной платой он оплачивает *количество труда*, поштучной — *количество продуктов*; поэтому он уверен, что рабочий в собственных интересах будет стараться и без внешнего понуждения произвести втечение каждого рабочего часа как можно большее количество продуктов; ему гораздо легче контролировать, выработал ли рабочий продукт средней добротности. Ничтожнейший недостаток становится причиной, очень часто лишь предлогом к вычетам из заработной платы и даже иногда к настоящему надувательству рабочих.

Поэтому надзор капиталиста и его представителей над рабочими становится при поштучной плате по большей части излишним, и капиталист сберегает этот труд и соответствующие издержки. В некоторых отраслях промышленности поштучная плата позволяет даже рабочим работать на дому, благодаря чему для капиталиста сберегается немало расходов на помещение и эксплоатацию предприятия (на отопление, освещение, земельную ренту и т. д.); вместе с тем освобождается и переходит в его распоряжение часть капитала, которая иначе была бы связана. В тех отраслях, где распространена работа на дому, напр. в портняжном и сапожном деле, случается иногда, что мастер требует *платы* за помещение и инструменты от тех подмастерьев, которые работают у него в мастерской, а не дома. Рабочим приходится дорого оплачивать удовольствие работать до изнурения „на глазах хозяина“.

При поштучной плате личный интерес рабочего побуждает его работать с наивысшей интенсивностью и возможно больше, чтобы по возможности повысить свой дневной или

недельный заработок. Он не видит, что чрезмерная работа не только физически его губит („аккордная работа убивает", гласит поговорка), но и ведет к понижению цены его труда. А если он это и видит, то все же он не в состоянии избавиться от действия принудительного закона конкуренции со своими товарищами. Эта взаимная конкуренция рабочих, видимость свободы и самостоятельности, какую дает поштучная работа, а зачастую и их изолированность друг от друга (при домашней работе) чрезвычайно затрудняют организацию и солидарные выступления этих рабочих.

Система поштучной платы влечет за собою и другие невыгоды для рабочих. Так, например, она допускает появление паразитических посредников между рабочими и капиталистами, которые живут тем, что отвлекают в свою пользу значительную долю заработной платы, выплачиваемой капиталистом. Система поштучной платы дает еще капиталисту возможность в тех случаях, когда работа выполняется группами рабочих (артелями), заключать договоры на поставку изделий по определенной поштучной цене с одними главарями артели, причем им предоставляется право оплачивать своих подсобных рабочих по своему усмотрению. „Эксплоатация рабочих капиталом осуществляется здесь посредством эксплоатации рабочих рабочими".

Насколько поштучная плата невыгодна для рабочих, настолько же она выгодна для капиталиста. Поштучная плата есть форма заработной платы, соответствующая капиталистическому способу производства. Она не была совершенно неизвестна цеховому ремеслу. Но в более широких размерах она получила распространение лишь в мануфактурный период. В эпоху появления крупной промышленности она служила важнейшим рычагом к удлинению рабочего дня и к понижению цены труда.

5. Национальные различия заработной платы.

Мы рассмотрели ряд комбинаций стоимости и цены рабочей силы, а также их отношения к прибавочной стоимости, обусловленные изменениями длины рабочего дня, интенсивности и производительности труда. Одновременно с изменениями в этой области происходят другие, перекрещивающиеся с ними изменения в массе средств существования, в которой реализуется цена рабочей силы. Все эти изменения вызывают также изменения в превращенной форме цены рабочей силы, — заработной плате. Таким образом, заработная плата в пределах одной страны подвержена постоянным колебаниям и в разное время различна. Этому

различию во времени соответствуют также пространственные различия. Всякому известно, что в Америке заработная плата выше, чем в Германии, а в Германии выше, чем в Польше.

Однако сравнение заработной платы у разных народов не совсем просто. „При сравнении национальных заработных плат,—говорит Маркс,—необходимо принять во внимание все моменты, определяющие изменения в величине стоимости рабочей силы: цену и объем естественных и исторически развившихся жизненных потребностей, издержки воспитания рабочего, роль женского и детского труда, производительность труда, его экстенсивную и интенсивную величину. Даже самое поверхностное сравнение требует прежде всего, чтобы средняя заработная плата в данном производстве различных стран была сведена к рабочему дню одинаковой продолжительности. После такого уравнения однодневных заработных плат повременная плата должна быть переведена на поштучную, так как только эта последняя дает мерило и для производительности, и для интенсивности труда". („Капитал", I, 541.)

Абсолютная цена труда может стоять у данного народа сравнительно очень высоко и все же *относительная заработная плата*, т. е. цена труда по сравнению с прибавочной стоимостью или стоимостью всего продукта, а также *реальная заработная плата*, т. е. количество средств существования, которые может приобрести рабочий за свою заработную плату, может быть очень низка.

У народов с более развитым капиталистическим способом производства производительность и интенсивность труда выше, чем у тех, которые отстали в развитии этого способа производства. Однако на мировом рынке принимают, что более производительный национальный труд, подобно более интенсивному труду, создает большую стоимость.

Допустим, что в России прядильщик, дурно питающийся и неразвитый, переутомленный и работающий на плохих машинах, перерабатывает в пряжу за 1 час 1 фунт хлопка; напротив, английский прядильщик дает 6 фунтов; 1 фунт русской пряжи на этом основании не будет иметь на мировом рынке большей стоимости, чем фунт английской пряжи. Поэтому труд прядильщика в Англии производит за то же время большую стоимость, чем в России. Стоимость его продукта втечение того же времени воплощается в Англии в большем количестве золота, чем в России. Поэтому денежное выражение заработной платы в капиталистически развитой стране может стоять выше, чем в неразвитой, и все же цена труда по сравнению с прибавочной стоимостью

может быть гораздо ниже, потому что стоимость всего продукта будет выше.

Но в такой стране, где производительность труда больше, и стоимость денег будет меньше. Поэтому цена рабочей силы может быть выше, но в то же время рабочий, быть может, будет не в состоянии купить на свою более высокую заработную плату большее количество средств существования.

На больших предприятиях вне Англии, например на железнодорожных постройках в Азии, английские предприниматели были вынуждены употреблять на-ряду с дешевыми местными рабочими также и дорогих английских рабочих. Опыт в этом и других подобных случаях учит, что труд, кажущийся наиболее дорогим, в действительности является наиболее дешевым с точки зрения работоспособности и количества прибавочной стоимости. Русская промышленность при ничтожнейшей заработной плате и самой неограниченной эксплоатации труда влачит жалкое существование лишь с помощью запретных таможенных пошлин. Она не может конкурировать с английской промышленностью, которая работает при сравнительно высоких заработных платах и коротком рабочем времени, при многочисленных ограничениях женского и детского труда, санитарных предписаниях и т. п. *Абсолютная* цена русского труда, его денежное выражение *низки*. А его *относительная* цена по сравнению со стоимостью его продукта на мировом рынке *высока*.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

ДОХОД С КАПИТАЛА.

Мы видели, как деньги становятся капиталом и как наемный рабочий не только сохраняет своим трудом стоимость части капитала, затраченной на необходимые средства производства, но также создает и новую стоимость, которая равна стоимости его рабочей силы с добавлением прибавочной стоимости.

Но движение капитала не заканчивается появлением прибавочной стоимости. Подобно тому, как товар не исполнит своего назначения, если не превратится в деньги, точно так же не исполнит его и прибавочная стоимость, которая ведь равным образом воплощается прежде всего в определенном количестве товаров, — прибавочном продукте. После того как прибавочная стоимость в форме прибавочного продукта произведена, необходимо *реализовать* ее стоимость

в деньгах, т. е. продать произведенные товары. По пути к реализации прибавочная стоимость, как и всякая другая стоимость, испытывает немало приключений частью веселого, частью печального характера. Нынче она реализуется по непомерно высокой цене, завтра — по крайне низкой, а то и вовсе не реализуется. Иногда товар, в котором она воплощена, разыскивается покупателем еще раньше, чем появляется на рынке, а иной раз он годами лежит на складах и т. д. Во время этих перипетий прибавочной стоимости угрожают еще и другие опасности. На сцену появляется купец, который берет на себя заботы о продаже товаров, но за это отрывает кусок прибавочной стоимости и кладет себе в карман в качестве торговой прибыли. Затем необходимо уплатить земельную ренту землевладельцу, потом налоги, потом проценты на занятый капитал, наконец, остаток исчезает в виде прибыли в карманах нашего капиталиста.

Мы не будем здесь заниматься всеми приключениями и превращениями, которым подвергается прибавочная стоимость на этом пути. Они частью относятся к области процесса обращения капитала, который Маркс рассматривает во II томе своего труда, частью же к исследованию общего процесса капиталистического производства, составляющему задачу III тома. I том „Капитала“ рассматривает только одну сторону общего процесса, а именно — непосредственный *процесс производства*; лишь постольку, поскольку прибавочная стоимость влияет на этот процесс, будем и мы здесь заниматься дальнейшей ее судьбой, после того как она произведена.

Итак, мы предполагаем, как и всюду до сих пор, когда прямо не оговорено иное, что капиталист продает свои товары на рынке по их полной стоимости. Мы предполагаем далее, что прибавочная стоимость возвращается к капиталисту целиком. Иное допущение только усложнило бы и затруднило бы исследование, не изменяя существенно его результатов.

Прибавочная стоимость может оказывать влияние на процесс производства только при *воспроизводстве*, т. е. при *повторении* производственного процесса.

Всякий общественный процесс производства есть в то же время и процесс воспроизводства; при всяком общественном строе производство должно либо итти непрерывно, либо повторяться через определенные промежутки времени. Тем самым каждый общественный строй неизбежно должен производить непрерывно не только средства потребления, но и средства производства.

Если производство ведется в капиталистической форме. то, разумеется, в той же форме ведется и воспроизводство, Для всякого общества необходимо непрерывно или через правильно повторяющиеся промежутки времени производить потребительные стоимости, точно так же и для капитала необходимо *непрерывно производить прибавочную стоимость* и постоянно *воспроизводить* ее для того, чтобы капитал продолжал существовать. После того как капитал однажды породил прибавочную стоимость, он должен ее израсходовать, для того чтобы вторично ее породить и т. д. Следовательно, капитал все снова и снова производит прибавочную стоимость и воспроизводит ее. Прибавочная стоимость представляется постоянно возрождающимся плодом находящегося в движении капитала, *постоянным доходом* с капитала.

Сказанное относится к прибавочной стоимости, поскольку она *возникает* из производства. Но процесс воспроизводства дает также прибавочной стоимости возможность снова *вступить* в процесс производства. Допустим, что капиталист вложил в дело капитал в 100 000 рублей, приносящий ему 20 000 рублей ежегодного дохода. Что он делает с последним? Возможны два крайних случая: либо он потребит полностью годовую сумму прибавочной стоимости, либо присоединит ее целиком к своему капиталу. По большей части ни тот, ни другой из этих крайних случаев не осуществляется, а прибавочная стоимость частью потребляется, а частью присоединяется к прежнему капиталу.

Если прибавочная стоимость потребляется целиком, то величина капитала не изменяется. В таком случае происходит *простое воспроизводство*. Если же прибавочная стоимость целиком или частью присоединяется к капиталу, то происходит *накопление* капитала и воспроизводство совершается в *расширенном размере*.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

ПРОСТОЕ ВОСПРОИЗВОДСТВО.

Простое воспроизводство есть лишь повторение производственного процесса в прежнем размере. Однако этот процесс получает благодаря повторению ряд новых признаков.

Предположим, что некоторый владелец денег, нажывший их каким-нибудь путем, быть может и трудом, превращает их в капитал. Всего у него 10 000 рублей; 9 000 он затрачивает на постоянный капитал, а 1 000 — на переменный,

т. е. на заработную плату. С помощью этого капитала он производит массу продуктов стоимостью в 10 000 рублей, которые он и продает по их полной стоимости. Прибавочную стоимость в 1 000 рублей он потребляет, и воспроизводство совершается в прежнем размере: 9 000 рублей затрачиваются на постоянный, а 1 000 — на переменный капитал. Однако мы видим теперь разницу сравнительно с тем, что было раньше: 1 000 рублей, которые во время первого производственного процесса были израсходованы на заработную плату, не были произведены трудом занятых в предприятии рабочих, а произошли из другого источника; быть может, сам капиталист заработал их своим трудом. Откуда же происходят те 1 000 рублей, которые выплачиваются в качестве заработной платы при повторении производственного процесса? Они представляют собою реализацию стоимости, произведенной *рабочими*, во время *предшествующего производственного процесса*. Рабочие не только перенесли на продукт стоимость постоянного капитала (9 000 рублей), но и создали новую стоимость (в сумме 2 000 рублей), из которых одна часть (1 000 рублей) равна стоимости их рабочей силы, а другая представляет прибавочную стоимость.

Если мы будем рассматривать капиталистический процесс производства как однократный производственный процесс (или как первый такой процесс, при первоначальном помещении капитала), то заработная плата будет представляться *авансом*, уплачиваемым из кармана *капиталиста*. Если же мы будем рассматривать капиталистический процесс производства как процесс воспроизводства, то мы увидим, что рабочий оплачивается *из продукта его собственного труда*.

В этом смысле верно, что рабочий в виде заработной платы получает долю в продукте своего труда. Но этот продукт есть уже проданный продукт предшествующего производственного периода.

Возвратимся к нашему примеру. Предположим, что каждый производственный период занимает полгода. Втечение каждого года наш капиталист кладет себе в карман 2 000 рублей прибавочной стоимости и потребляет их. Втечение 5 лет он потребит 10 000 рублей, — стоимость, равную его первоначальному капиталу. Но и теперь, как и прежде, он будет владеть капиталом в 10 000 рублей.

Этот новый капитал равен по величине своей стоимости первоначальному, но его основа иная. Первоначальные 10 000 рублей происходили не от труда занятых в его предприятии рабочих, а из другого источника. Но эти 10 000 руб. он проел втечение 5 лет. Если он все же и теперь имеет

10 000 руб., то они происходят из *прибавочной стоимости*. Таким образом, всякий капитал, из какого бы источника он ни происходил, превращается через некоторое время уже путем простого воспроизводства в капитализированную прибавочную стоимость, в продукт чужого прибавочного труда, в *накопленный капитал*.

Исходной точкой капиталистического процесса производства является отделение рабочего от средств производства, накопление неимущих рабочих, с одной стороны, накопление средств производства и средств к существованию— с другой. В капиталистическом *процессе воспроизводства* эти *исходные точки* представляются *результатами* производственного процесса. Таким образом капиталистический процесс воспроизводства сам все снова порождает и сохраняет свои собственные условия, — капитал и класс наемных рабочих.

Средства к существованию и средства производства, которые производят наемные рабочие, принадлежат не им, а капиталистам. Наемные рабочие снова и снова выходят из производственного процесса такими, какими они в него вступили,—неимущими пролетариями; напротив, капиталисты в конце каждого производственного периода все снова оказываются собственниками средств к существованию, которые покупают рабочие силы, и средств производства, которые применяют производители.

Таким образом рабочий сам все снова воссоздает предварительные условия своей зависимости и своей нищеты.

Но процесс воспроизводства капитала делает необходимым и воспроизводство рабочего класса.

Поскольку мы исследовали производственный процесс, как *однократный* и вместе с тем *единичный* процесс, мы имели дело только с *единичным* капиталистом и *единичным* рабочим. При этом казалось, что рабочая сила, а вместе с нею и неотделимый от нее рабочий принадлежит капиталисту только во время своего *производительного* потребления, т. е. втечение рабочего дня. В остальное же время рабочий, как будто бы, принадлежит себе и своей семье. Когда он ест, пьет и спит, он делает это для самого себя, а не для капиталиста.

Но как только мы станем рассматривать капиталистический способ производства в его течении и связности, т. е. как процесс воспроизводства, то нам уже наперед приходится иметь дело не с отдельным капиталистом и рабочим, а с *классом капиталистов и классом рабочих*. Процесс воспроизводства капитала требует увековечения рабочего класса; это значит, что для того, чтобы процесс производства мог постоянно восстановляться, рабочие должны все снова

восстанавливать свою израсходованную рабочую силу и заботиться о постоянном приросте свежих поколений рабочих. Капитал находится в удобном положении, так как может спокойно предоставить исполнение этих важных функций инстинкту самосохранения и размножения рабочих.

Вне своего рабочего времени рабочие живут, повидимому, только для себя; в действительности же даже и тогда, когда они „пребывают в праздности", они живут для класса капиталистов. Когда они после работы едят, пьют, спят и т. д., то тем самым они сохраняют класс наемных рабочих, а через это и капиталистический способ производства. Когда капиталист — *хозяин хлеба*, как его называли в патриархальные времена, *работодатель*, как его окрестили немецкие катедер-экономисты — выплачивает рабочему заработную плату, то этим он дает ему лишь средства сохранить себя и, поскольку от него зависит, свой класс для класса капиталистов.

Потребляя средства к существованию, которые они покупают за свою заработную плату, рабочие вынуждены все снова и снова продавать свою рабочую силу.

Таким образом, с точки зрения воспроизводства рабочий не только во время своего рабочего времени, но и во время досуга действует в интересах капитала. Он ест и пьет уже не для себя, а для того, чтобы сохранить свою рабочую силу для класса капиталистов. Поэтому капиталисту совсем не безразлично, как рабочий ест и пьет. Если он напивается по воскресеньям так, что по понедельникам бывает в похмелье, вместо того чтобы дать отдых своей рабочей силе и восстановить ее, то капиталисту это кажется не ущербом для самого рабочего, а преступлением против капитала, *расхищением* принадлежащей капиталу рабочей силы.

Уже не только *купленная рабочая сила*, но *весь рабочий, весь рабочий класс* с точки зрения процесса воспроизводства кажется *принадлежностью капитала*. Там, где рабочий этого не сознает и имеет возможность уклониться от этого, например посредством эмиграции, капиталист при известных обстоятельствах не задумывается доказать ему при помощи законодательного принуждения, что он должен поддерживать себя и размножаться не для себя, а для капитала. Так, например, эмиграция искусных рабочих была прежде запрещена законом в большинстве государств. В настоящее время в этом нет нужды. Капиталистический способ производства настолько укрепился, что его законы исполняются обычно без всякого политического содействия, как принудительные *экономические* законы. Рабочий в настоящее

время прикован к капиталу невидимыми цепями и встречает капитал всюду, куда бы он ни повернулся.

Впрочем, эта зависимость от класса капиталистов кажется нашим „социальным реформаторам“ в общем недостаточно решительной. Прикрепление рабочего к *отдельному* капиталисту посредством ограничения свободы передвижения, введение усовершенствованной системы рабочих домов и подобные „реформы“ являются в их глазах целительными средствами для „разрешения социального вопроса“.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

ПРЕВРАЩЕНИЕ ПРИБАВОЧНОЙ СТОИМОСТИ В КАПИТАЛ.

1. Как прибавочная стоимость становится капиталом.

Капиталист потребляет всю прибавочную стоимость лишь в виде исключения. Обыкновенно он хоть часть ее превращает снова в капитал. „Применение прибавочной стоимости в качестве капитала или обратное превращение прибавочной стоимости в капитал называется *накоплением капитала*“. („Капитал“, I, 563.)

Процесс этот легко представить наглядно. Вспомним пример, приведенный в предыдущей главе. Капитал в 10 000 руб. приносит ежегодно своему владельцу 2 000 руб. прибавочной стоимости. Если капиталист не потребляет их, а присоединяет к первоначальному капиталу, то у него окажется капитал в 12 000 руб., который при тех же условиях даст годичную прибавочную стоимость в 2 400 руб. При присоединении их к капиталу, последний будет равен 14 400 руб. и принесет годовой прибавочной стоимости 2 880 руб., еще через год капитал превратится в 17 280 руб. и даст прибавочную стоимость в 3 546 руб., а вместе они составят 20 736 руб. и т. д. Вследствие накопления прибавочной стоимости капитал за 4 года более чем удвоился.

Для нас здесь не важно, накопляется ли вся прибавочная стоимость или только часть ее. Точно так же для нас не имеет значения и то, каким именно образом она накопляется,— становится ли она *добавочным* капиталом, или образует *новый*. Владелец прядильни может употребить прибавочную стоимость на расширение своей фабрики, увеличение числа машин, рабочих и сырья, но может также использовать ее для постройки новой прядильни или для нового предприятия, напр. ткацкой фабрики или каменно-

угольной копи. Каково бы ни было употребление прибавочной стоимости, во всех этих случаях она превращается обратно в капитал, т. е. в стоимость, порождающую прибавочную стоимость.

Но для того, чтобы прибавочная стоимость стала капиталом, она должна после своего превращения из товара в деньги проделать обратное превращение из денег в соответствующие товары. Возьмем для примера владельца прядильной фабрики. Он, скажем, продал свою пряжу и обладает теперь, кроме первоначально вложенного капитала, еще и прибавочной стоимостью в денежной форме, которая, как и первоначальный капитал, должна превратиться в новый капитал. Это возможно только в том случае, если он найдет на рынке соответственно увеличенное количество товаров, которые могут служить для него средством производства. Для того чтобы прибавочная стоимость стала добавочным капиталом, должны быть налицо: добавочное сырье — в данном случае хлопок, добавочные орудия — машины, добавочные предметы потребления для поддержания большего числа рабочих сил и, наконец, сами эти добавочные рабочие силы; одним словом, накопление капитала возможно только при существовании материальных предпосылок расширения производства.

Но наш фабрикант может быть уверен в том, что найдет на рынке необходимые ему добавочные средства производства, потому что *прибавочная стоимость*, а следовательно и *прибавочный продукт* производятся не только в прядильнях, но и на хлопчатобумажных плантациях, машинных фабриках, угольных копях и т. д.

Если рассматривать не ежегодную прибавочную стоимость каждого капиталиста, а общую годовую сумму прибавочной стоимости, присваиваемую всем классом капиталистов, то окажется, как общее правило, что прибавочная стоимость не может превратиться (целиком или частью) в капитал, если прибавочный продукт (весь или соответствующая его часть) не будет состоять из средств производства и из средств потребления рабочих.

Откуда же взять добавочное число рабочих? Об этом капиталисту нечего печалиться. Он должен только давать рабочим плату, достаточную для их существования, а о своем размножении они сами позаботятся.

Рабочий класс сам производит добавочных рабочих, необходимых для расширения производства, для воспроизводства в расширенных размерах.

Мы видели, что даже при простом воспроизводстве всякий капитал через известное число лет превращается в на-

копленный капитал, состоящий из одной прибавочной стоимости. Но такой капитал может еще, по крайней мере при своем возникновении, представлять результат труда своего владельца. С капиталом же, который с самого начала образовался из накопленной прибавочной стоимости, дело обстоит иначе. Такой капитал с самого начала представляет собой продукт труда тех, кто им не владеет. Накопление прибавочной стоимости означает присвоение неоплаченного труда с целью расширенного присвоения неоплаченного труда.

Какое резкое противоречие с основами товарообмена! Мы ведь видели, что первоначально товарообмен предполагал, с одной стороны, частную собственность товаропроизводителя на свой продукт, а с другой — обмен равных стоимостей (эквивалентов), так чтобы никто не мог завладеть какой-нибудь стоимостью иначе, как помощью собственного труда или путем отдачи равной стоимости.

Основами же капиталистического способа производства являются, с одной стороны, отделение рабочего от продукта его труда; тот, кто производит продукт, и тот, кто владеет им, теперь — два различных лица; с другой стороны, мы находим присвоение стоимости без отдачи равной стоимости, т. е. *прибавочную стоимость*. Вдобавок, прибавочная стоимость является уже не только *результатом*, но и *основой* капиталистического процесса производства. Уже не только прибавочная стоимость образуется из капитала, но и капитал образуется из прибавочной стоимости, так что в конце концов наибольшая часть всякого богатства состоит из стоимости, присвоенной без отдачи равной стоимости.

Однако такое извращение основ товарного производства в их противоположность произошло не *вопреки* его законам, а *на основании* их.

„В той самой мере, в какой товарное производство, развиваясь сообразно своим собственным законам, превращается в производство капиталистическое, в той же самой мере законы собственности, свойственные товарному производству, переходят в законы капиталистического присвоения. Нельзя не удивляться поэтому остроумию Прудона, который хочет уничтожить капиталистическую собственность, противопоставляя ей... вечные законы собственности товарного производства“. („Капитал“, I, 572.)

2. Воздержание капиталиста.

До сих пор мы рассматривали только два крайних случая — когда прибавочная стоимость *целиком* потребляется или целиком накопляется. Но как уже упомянуто, обыкно-

венно только часть прибавочной стоимости потребляется, а другая часть—накопляется. Первая часть считается *доходом в тесном смысле слова.*

От усмотрения капиталиста зависит, какую часть он захочет потребить и какую — превратить в капитал. Решение этого вопроса вызывает в душе его досадное раздвоение. Он вместе с Фаустом может воскликнуть:

Два помысла живут в груди моей;
Один с другим стремится разлучиться...
И одному из них мила земля,
Его прельщает все, что в этом мире,
Другому нравятся прелестные поля
Где... родятся дукаты в изобильи.

В душе капиталиста происходит своеобразное повторение старой борьбы между слабостью плоти и аскетизмом, между язычеством и христианством. Земные радости привлекают его, но всякое наслаждение, которое он не может доставить себе даром, кажется ему греховным.

В общем та часть прибавочной стоимости, которая идет на личное потребление капиталиста,— обыкновенно не произвольная, а исторически обусловленная величина; она определяется, как и заработная плата, обычным „приличным званию“ образом жизни соответствующего общественного слоя.

Капиталист, как и рабочий, всю свою жизнь принадлежит капиталу, хотя и в ином смысле. Конкуренция не только вынуждает его строго исполнять в своем *предприятии* законы капиталистического способа производства, но даже и в *частной жизни* он подчиняется их требованиям. Если он живет слишком широко, то приобретает репутацию расточителя, и кредит его падает. Если же он скуп и живет скромней, чем принято, то окружающим кажется, что его предприятие недостаточно доходно, и его кредит опять-таки страдает. Таким образом капиталист вынужден потреблять определенную для данного места и времени долю своей прибавочной стоимости. Но величина этой доли еще гораздо эластичнее величины заработной платы.

Зато для части прибавочной стоимости, предназначенной для накопления, не существует никаких других пределов, кроме общей массы прибавочной стоимости и весьма растяжимых жизненных потребностей капиталиста. Чем больше может быть накоплено, тем лучше. Сам капиталистический способ производства делает необходимым непрерывное накопление капитала. Мы видели, что с развитием техники капитал, необходимый для устройства и ведения такого

предприятия, в котором продукты производились бы с затратой общественно-необходимого количества труда, становится все больше и больше. Если в какой-нибудь отрасли промышленности минимальная сумма, необходимая для ведения дела, способного выдержать конкуренцию, равна в настоящее время 20 000 руб., то через двадцать лет, вследствие введения новых приемов работы, новых машин и т. д., этот минимум может возрасти до 50 000 руб. Капиталист, начавший предприятие с 20 000 руб., но отделявший недостаточную часть прибавочной стоимости для накопления, так что через 20 л. у него, скажем, вместо 50 000 руб. оказывается всего 30 000, по всей вероятности, не выдержит конкуренции и погибнет. Но и без этого стимула в капиталисте достаточно сильно побуждение к накоплению. Современный способ производства так же развивает в капиталисте страсть к накоплению ради накопления, как более ранняя ступень товарного производства—страсть к накоплению и припрятыванию золота и серебра. Подобно накоплению сокровищ и накопление капитала само по себе не знает границ, оно беспредельно.

Сколько бы имущества у капиталиста ни было и как бы далеко ни превышали его доходы его способность наслаждаться благами жизни, он продолжает торопливо накоплять прибавочную стоимость,—не для того, чтобы увеличить сумму своих наслаждений, а для того, чтобы приумножить свои капиталы.

Классическая политическая экономия совершенно беспристрастно рассматривала причины и следствия как накопления, так и потребления класса капиталистов. Накоплением капитала она занималась исключительно с экономической, а не с нравственной точки зрения, что, конечно, было очень безнравственно.

Но вот зашевелился пролетариат и в нем стало пробуждаться классовое сознание. С конца 20-х гг. рабочее движение стало усиливаться как в Англии, так и во Франции. Теперь уже не время было *исследовать* экономические вопросы, необходимо было *оправдать* капитал. В экономику была введена этика, благородная дама принялась на старости лет морализировать, „чувство“ получило преобладание над знанием, и с помощью этого чувства вскоре было открыто, что капиталист, *воздерживаясь* от потребления всей прибавочной ценности и накопляя ее, обнаруживает изумительный героизм. Что новоявленному подвижнику подобает почет и благодарность со стороны рабочего, понятно само собою, равно как и то, что и подвижник, несмотря на величайшее воздержание, не может жить одною только бла-

годарностью и почетом; а потому, в поощрение сытой добродетели и платежеспособной морали, ему было присуждено экономистами моральное право на вознаграждение за накопление неоплаченного труда. Столь пошло звучащее слово „прибыль“ преобразовалось в *вознаграждение за воздержание.*

3. Воздержание рабочего и другие обстоятельства, влияющие на размер накопления.

Чем больше „воздержание“ капиталиста, тем больше размер накопления. Однако, к счастью для него, существуют и другие факторы, оказывающие определяющее влияние на размеры накопления. Все, что увеличивает массу прибавочной стоимости, увеличивает при прочих равных условиях и размеры накопления. Мы знаем уже причины, определяющие массу прибавочной стоимости. Упомянем лишь о некоторых из них, приобретающих новый вид с той точки зрения, на которую мы теперь стали. Среди них одна из важнейших есть воздержание *рабочего.* Ясно, что чем скуднее оплата рабочего, тем больше норма прибавочной стоимости, тем больше, при прежнем размере потребления капиталиста, та часть прибавочной стоимости, которая идет в накопление. Все то, что понижает стоимость рабочей силы или способствует понижению заработной платы ниже ее стоимости, усиливает накопление капитала. Отсюда моральное негодование капитала и его приспешников по поводу „роскоши“ рабочих, убивающих „народное благосостояние“ курением сигар и потреблением пива. Басня о шампанском, которое будто бы однажды распивал в Берлине какой-то рабочий в 1872 году, облетела всю капиталистическую прессу, клеймившую за это позором рабочий класс.

Капиталистический мир с достойной удивления изобретательностью придумал бесчисленное множество приемов и способов для усиления воздержания рабочего, начиная с Румфордова супа и кончая народной кухней и вегетарианством. Маркс приводит несколько характерных примеров таких приемов в „Капитале“. Мы отсылаем к этому труду тех, кто хочет подробнее ознакомиться с данным вопросом.

Весьма неприятно для капиталиста то обстоятельство, что всякое расширение предприятия требует сравнительно высоких затрат постоянного капитала, — затрат, которые становятся все крупнее по мере усовершенствования машин в крупной промышленности. Но у него остается то сладкое утешение, что раз необходимый для предприятия постоянный капитал имеется в наличии, то производство может в известных границах быть расширено с помощью дополни-

тельного вложения переменного капитала без соответствующего увеличения постоянного капитала. Если у фабриканта дела идут хорошо и он хочет расширить производство, то он в состоянии этого достигнуть, удлинив рабочий день на 2 — 3 часа. Ему нет надобности ставить новые машины или строить новое фабричное здание, ему нужно только увеличить количество сырья и вспомогательных материалов.

Существуют, однако, отрасли промышленности, в которых не надо покупать сырья, каковы, например, рудники и копи, или в которых затраты на сырье очень невелики, например, на семена и удобрение в земледелии. Это те отрасли промышленности, в которых сырье доставляется землей. В таких отраслях для увеличения массы продукта часто бывает достаточно прибегнуть просто к добавочному труду. Тогда источниками увеличения количества продукта являются исключительно земля и труд, но капитал завладевает этими источниками и получает таким образом возможность „вывести элементы своего накопления за границы, определяемые, повидимому, его собственной величиной, т. е. стоимостью и массой тех уже произведенных средств производства, в которых реализуется бытие капитала“. („Капитал“, I, 590.)

На ряду с землей и рабочим капитал присваивает себе и науку; хотя он сам по себе и не принимает никакого участия в развитии науки, но ему одному достаются все плоды этого развития, повышающие производительность труда и тем самым усиливающие накопление капитала. С увеличением производительности труда понижаетя стоимость рабочей силы и повышается норма прибавочной стоимости; но повышение производительности труда позволяет также и капиталисту приобретать для своего личного потребления большее количество понижающихся в своей стоимости средств существования и предметов роскоши, без увеличения идущей на это доли прибавочной стоимости; или же он может поддерживать свое потребление на прежнем уровне и уменьшить расходы; он может жить с бо́льшим комфортом либо, не ограничивая себя, больше накоплять; часто он может иметь и то и другое.

Чем больше вложенный в дело капитал, тем производительнее труд, тем больше также не только норма прибавочной стоимости, но и ее масса, тем больше может капиталист потреблять, а также и накоплять.

Уже из приведенного ясно, что капитал есть не *постоянная,* а чрезвычайно *растяжимая, эластичная величина,* которая способна значительно расширяться и сокращаться. Он составляет только *часть* общественного богатства; он может

увеличиваться за счет других частей этого богатства, именно потребительского фонда класса капиталистов, а также и рабочих, он может и уменьшаться, переходя в эти фонды. Его действие усиливается удлинением рабочего времени, повышением производительности труда, усилением эксплоатации почвы. Мы оставляем здесь совершенно в стороне условия процесса обращения, например, ускорение или замедление оборота капитала; мы оставляем также в стороне условия кредита, имеющие столь важное значение в смысле возможности расширения или сокращения капитала и области его приложения. Этих условий мы не можем здесь рассматривать. Но и условия производственного процесса уже показывают нам растяжимость капитала. Экономисты же берут капитал как определенную величину с определенной силой действия. Таким образом, и переменный капитал представляется им как постоянная величина, так называемый *рабочий фонд.* „Такая-то часть капитала,—говорят они,—предназначена служить для оплаты рабочих. Чем больше рабочих, тем меньше та доля, которая приходится на каждого; чем меньше рабочих, тем больше эта доля". Переменный капитал приравнивался также к жизненным припасам, каковые он представляет для рабочего. Приэтом заявлялось: „Число рабочих, занятых в определенной стране, и высота их заработной платы зависят от наличного количества средств к существованию. Если заработная плата слишком низка или если много рабочих остается без работы, то это проистекает только оттого, что число рабочих увеличивается быстрее, чем средства к существованию. *Природа,* а не *способ производства,* повинна в нищете рабочего класса".

На этих предпосылках построена так называемая *теория Мальтуса.*

ГЛАВА ПЯТАЯ.

ПЕРЕНАСЕЛЕНИЕ.

1. „Железный закон заработной платы".

Как известно, мальтузианцы заявляют, что рабочие вследствие своих „легкомысленных привычек" размножаются быстрее, чем может возрастать масса наличных средств к существованию, или, точнее, переменный капитал. Таким образом наступает перенаселение: предложение рабочей силы оказывается большим, чем сколько могут занять капиталисты, наличных средств к существованию уже нехватает на

всех наличных рабочих, и таким образом, пока не будет ограничено размножение рабочих, безработица, голод и все вытекающие отсюда пороки и нищета будут естественным уделом по крайней мере части рабочего класса.

Так говорят мальтузианцы. Рассмотрим, следуя Марксу, действительные взаимоотношения между ростом капитала и размножением рабочего класса.

„Важнейшие факторы этого исследования, — говорит Маркс, — *состав* капитала и те изменения, которые претерпевает он в ходе процесса накопления".

„Состав капитала можно рассматривать с двух точек зрения. Рассматриваемый со стороны *стоимости,* состав определяется тем отношением, в котором капитал распадается на постоянный капитал, т. е. стоимость средств производства, и переменный капитал, т. е. стоимость рабочей силы, общую сумму заработной платы. Рассматриваемый со стороны *материала,* функционирующего в процессе производства, всякий капитал делится на средства производства и живую рабочую силу; в этом смысле состав капитала определяется отношением между массой применяемых средств производства, с одной стороны, и количеством труда, необходимым для их применения, — с другой. Первый я называю *составом капитала по стоимости,* второй — *техническим составом капитала.* Между тем и другим существует тесное взаимоотношение. Чтобы выразить это взаимоотношение, я называю *органическим составом капитала* его состав по стоимости, поскольку последний определяется его техническим составом и отражает в себе изменения технического состава. В тех случаях, где просто говорится о составе капитала, всегда следует подразумевать его органический состав". („Капитал", I, 600 — 601.)

Этот состав различен в разных капиталах. Поэтому в дальнейшем изложении мы будем подразумевать *средний* состав общественного капитала данной страны.

Перейдем после этих предварительных замечаний к нашему исследованию.

Рассмотрим прежде всего простейший случай: накопление происходит *без изменений* в составе капитала; это значит, что для того, чтобы пустить в ход определенное количество средств производства, требуется всегда одинаковое количество рабочей силы. Возьмем для наглядности капитал в 100 000 рублей, который состоит на три четверти из постоянного, а на одну четверть — из переменного капитала. Если 20 000 руб. из общей суммы прибавочной стоимости будут присоединены к первоначальному капиталу, то дополнительный капитал, согласно нашему предположению, будет

распределяться в таком же соотношении, как и первоначальный. Теперь весь капитал будет состоять из 90 000 рублей постоянного и 30 000 рублей переменного капитала. Второй возрос в той же пропорции, как и первый, а именно на 20%. Однако, чтобы новый дополнительный капитал мог возрастать в стоимости, необходима добавочная рабочая сила. Предназначенная для накопления прибавочная стоимость в 20 000 рублей может в нашем случае стать капиталом только тогда, когда число состоящих в его распоряжении наемных рабочих возрастет на 20%.

Если количество наемных рабочих при неизменяющемся составе капитала увеличивается не так быстро, как этот последний, то спрос на рабочих возрастает быстрее, чем их предложение, и заработная плата повышается.

Этот случай имеют в виду мальтузианцы, когда они рекомендуют для „решения социального вопроса" ограничение размножения рабочих. Они прежде всего не замечают приэтом, что капиталистические отношения, отношения между капиталистами и наемными рабочими не уничтожаются повышением заработной платы. Накопление капитала означает воспроизводство капиталистических отношений в *расширенном размере*, означает рост капиталов и массы прибавочной стоимости, неоплаченного труда, с одной стороны, и *увеличение численности пролетариата* — с другой.

Даже тогда, когда накопление капитала повышает цену труда, это не может происходить без одновременного увеличения численности пролетариата, это не может происходить без расширения области господства капитала.

Но заработная плата никогда не может подняться так высоко, чтобы угрожать самой прибавочной стоимости. Спрос на рабочую силу при капиталистическом способе производства вызывается потребностью капитала в самовозрастании, в производстве прибавочной стоимости. Поэтому капитал никогда не станет покупать рабочую силу по такой цене, которая исключала бы производство прибавочной стоимости.

Если заработная плата вследствие накопления капитала возрастает, то возможны два случая: либо повышение цены труда не будет мешать успехам накопления; если даже *норма* прибавочной стоимости понизится, то все же *масса* ее может одновременно возрасти благодаря накоплению. „В этом случае очевидно, что уменьшение неоплаченного труда отнюдь не наносит ущерба расширению господства капитала". Либо накопление прекращается, „потому что притупляется стремление к наживе". Но с прекращением накопления исчезает и причина, которая гнала заработную плату вверх. Последняя вследствие этого падает, пока не достигнет уровня,

удовлетворяющего потребность капитала в самовозрастании. „Следовательно, самый механизм капиталистического процесса производства устраняет те препятствия, которые он создает". („Капитал", I, 608.)

Мы видим здесь своеобразное взаимодействие между оплаченным и неоплаченным трудом.

„Если количество неоплаченного труда, доставляемого рабочим классом и накопляемого классом капиталистов, возрастает настолько быстро, что оно может превращаться в капитал лишь при чрезвычайном увеличении добавочного оплаченного труда, то заработная плата повышается, и, при прочих равных условиях, неоплаченный труд относительно уменьшается. Но если это уменьшение доходит до пункта, когда прибавочный труд, которым питается капитал, перестает предлагаться в нормальном количестве, то наступает реакция: та часть дохода, которая подвергается капитализации, уменьшается, накопление ослабевает, и восходящее движение заработной платы сменяется обратным движением. Таким образом, повышение цены труда не выходит из таких границ, в которых не только остаются неприкосновенными основы капиталистической системы, но и обеспечивается воспроизводство последней в расширяющемся масштабе". („Капитал", I, 609 — 610.)

Колебания в накоплении капитала, удерживающие заработную плату в известных границах, кажутся буржуазным экономистам колебаниями в количестве предлагающих себя наемных рабочих. Приэтом они впадают в ошибку, которую делают люди, воображающие, что солнце вращается вокруг земли, а последняя стоит неподвижно [1]).

Если накопление капитала замедляется, то это создает впечатление, будто рабочее население растет быстрее, чем обычно. Если же накопление совершается более ускоренным темпом, то кажется, будто рабочее население уменьшается или растет медленнее, чем обычно. В самом деле, как, должно быть, известно большинству наших читателей, так называемый „железный закон заработной платы", т. е. то явле-

---

1) Маркс говорит: „Таким образом, когда промышленность проходит в своем цикле фазу кризиса, общее понижение товарных цен выражается как повышение относительной стоимости денег, а когда она проходит фазу процветания, общее повышение товарных цен получает такое выражение, как будто происходит относительное понижение стоимости денег. Так называемая школа Currency делает из этого тот вывод, что при высоких ценах в обращении находится слишком мало, а при низких—слишком много денег. Ее невежество и полное забвение фактов находит себе достойную параллель в экономистах, которые истолковывают указанные сейчас явления накопления таким образом, что в одном случае имеется слишком мало, а в другом—слишком много наемных рабочих". („Капитал", I, 609.)

ние, что заработная плата колеблется то вверх, то вниз, но приэтом не может перейти известных границ—явление это объясняется тем, что при повышении платы рабочее население быстро увеличивается, а возросшее предложение рабочей силы понижает заработную плату; понижение же заработной платы влечет за собой усиление нищеты и увеличение смертности в среде рабочего класса, что сокращает предложение рабочей силы и снова повышает заработную плату.

Против такого объяснения говорит уже тот простой факт, что, как известно всякому, заработная плата колеблется не от поколения к поколению, но в гораздо более короткие промежутки времени. К этому вопросу мы еще вернемся.

2. Промышленная резервная армия.

До сих пор мы предполагали, что накопление происходит без изменения состава капитала. Однако такие изменения с необходимостью возникают время от времени в ходе процесса накопления.

На *технический* состав капитала влияет всякое изменение *производительности труда*. Масса средств производства, которую рабочий при прочих равных условиях превращает в продукт, растет вместе с производительностью его труда. Растет масса перерабатываемого им сырья, растет количество применяемых им орудий труда и т. д. Следовательно, с ростом производительности труда возрастает и количество средств производства по сравнению с присоединяющейся к ним рабочей силой или, что то же, количество применяемого труда уменьшается по сравнению с количеством средств производства, которое он приводит в движение.

Это изменение в *техническом составе* капитала отражается и на его *составе по стоимости*. Здесь оно представляется в виде относительного уменьшения *переменной* части капитала и увеличения *постоянного* капитала. Однако изменения состава капитала по стоимости неточно соответствуют изменениям его технического состава, так как вместе с ростом производительности труда не только *увеличивается количество* используемых им средств производства, но также *падает их стоимость*, однакоже в меньшей степени, чем возрастает их *масса*. Так, напр., в начале прошлого столетия капитал, который вкладывался в прядильное дело, состоял почти наполовину из постоянной и наполовину из переменной части. *Масса* сырья, орудий труда и проч., перерабатываемых в настоящее время прядильщиком при той же затрате труда, увеличилась по сравнению с тем временем

в четыреста раз, а *соотношение* между постоянным и переменным капиталом *по стоимости* изменилось гораздо меньше. В настоящее время на бумагопрядильнях постоянный капитал относится к переменному, вероятно, как 7:1.

Во всяком случае, однако, повышение производительности труда при капиталистическом способе производства означает *относительное* уменьшение переменного капитала.

Но производительность труда и накопление капитала находятся в теснейшем взаимодействии между собой.

Товарное производство обусловливает то, что средства производства являются частной собственностью отдельных лиц. Однако развитие общественной производительной силы труда предполагает кооперацию в широком масштабе, большие помещения для работы, большие массы сырья и средств труда и т. д. Сосредоточение в собственности отдельных лиц столь колоссальных количеств средств производства возможно при господстве товарного производства лишь в том случае, если накопились в достаточных размерах частные капиталы. „Почва товарного производства может поддерживать производство в крупном масштабе только в капиталистической форме“. Следовательно, известная высота накопления капитала составляет предварительное условие известной высоты производительности труда. Но всякий метод повышения производительной силы труда при капиталистическом способе производства превращается в метод увеличенного производства прибавочной стоимости и позволяет тем самым усилить накопление. Последнее, с своей стороны, воздействует обратно на расширение масштаба производства, которое опять-таки является сильнейшим стимулом к новому повышению производительной силы труда. Таким образом, накопление капитала и производительность труда все больше и больше толкают друг друга вперед.

Влиянию роста отдельных капиталов посредством накопления противодействует дробление старых капиталов, например при распределении среди наследников и выделение новых самостоятельных капиталов. Однако это противодействие накоплению с излишком уравновешивается *централизацией, соединением уже образовавшихся капиталов*, вызываемым в особенности поглощением мелких капиталов крупными. Эта централизация столь же способствует повышению производительности и изменению технического состава капитала, как и накопление. С другой стороны, накопление усиливает централизацию — и наоборот. Чем больший капитал я накопил, тем легче он будет побеждать и поглощать мелкие капиталы в процессе конкуренции. Чем больше мелких капиталов поглотил мой капитал, тем больше производитель-

ность занимаемого им труда, тем шире происходит и накопление.

Однако накопление гигантских масс капитала в немногих руках не только развивает производительность в тех отраслях промышленности, которые уже захвачены капиталистическим производством. Ряд мелких капиталов, вытесненных из тех отраслей промышленности, где господствует крупное производство, переходит в те отрасли, где капиталистический способ производства еще не укрепился, где мелкий капитал может еще выдерживать конкуренцию, и таким образом подготовляет почву для захвата и этих отраслей производства капитализмом.

Таким образом мы видим, что капиталистический способ производства находится в постоянной технической революции, последствием которой является все прогрессирующий рост постоянного капитала и относительное уменьшение переменного.

Приэтом относительное уменьшение переменного капитала происходит несравненно быстрее, чем накопление. Вновь образующийся в ходе накопления капитал занимает все меньшее количество добавочных рабочих по сравнению со своей величиной. Однако на-ряду с накоплением происходит революционизирование и *старого* капитала. Когда машина изношена, и если тем временем техника сделала новые успехи, то машина эта заменяется не другой такой же, но лучшей, такой, с помощью которой рабочий может производить больше продуктов, чем прежде. Старый капитал воспроизводится во все более производительной форме, а это приводит к тому, что он вытесняет все большее число ранее занятых им рабочих.

Централизация есть один из могущественнейших рычагов такого превращения старого капитала.

Чем быстрее происходит централизация и техническая революция старого капитала, тем быстрее должно происходить накопление нового капитала для того, чтобы число занятых рабочих не сокращалось. Но чем быстрее происходит накопление, тем больше оно усиливает централизацию и техническую революцию.

Как уверяют мальтузианцы, „перенаселение“ происходит оттого, что средства к существованию (или, точнее говоря, переменный капитал) возрастают в *арифметической прогрессии,* в отношении 1 : 2 : 3 : 4 : 5 и т. д., тогда как население имеет тенденцию возрастать в *геометрической прогрессии*—1 : 2 : 4 : 8 : 16 и т. д. Таким образом, рост населения всегда опережает возрастание средств к существованию; естественным последствием этого являются нищета и пороки.

Но что на самом деле прогрессирует, — это *уменьшение* переменного капитала одновременно с *ростом* общей суммы капитала. Если первоначально переменный капитал составлял половину общей суммы капитала, то он постепенно опускается до $^1/_3$, $^1/_4$, $^1/_5$, $^1/_6$ и т. д. этой суммы. „Это относительное уменьшение переменной части капитала, ускоряющееся с возрастанием всего капитала и ускоряющееся притом быстрее, чем ускоряется возрастание всего капитала, представляется, с другой стороны, в таком виде, как будто, наоборот, абсолютное возрастание рабочего населения совершается быстрее, чем возрастание переменного капитала или средств для занятия этого населения. В действительности капиталистическое накопление постоянно производит, и притом пропорционально своей энергии и своим размерам, относительно избыточное, т. е. *избыточное по сравнению со средней потребностью капитала в самовозрастании*, а потому излишнее или добавочное рабочее население или перенаселение“. („Капитал“, I, 621.)

Изменение состава общественного капитала происходит не во всех его частях равномерно. В одном месте капитал растет посредством накопления, причем последнее сначала не изменяет его данных технических основ и потому привлекает добавочных рабочих соответственно своему росту. В другом месте изменяется состав капитала без увеличения его абсолютной величины, просто путем замещения старого капитала новым, более производительным; при этом число занятых рабочих падает относительно или абсолютно Между двумя этими крайними случаями располагаются бесчисленные комбинации, порождаемые перекрещивающимися влияниями накопления, централизации и превращения старого капитала в более производительную форму, причем все они имеют последствием либо прямое вытеснение рабочих, либо „не столь заметную, но не менее действительную форму затрудненного поглощения добавочного рабочего населения его обычными отводными каналами“. („Капитал“, I, 621.)

Таким образом, рабочее население поддерживается постоянно в текучем состоянии; местами оно привлекается, местами вытесняется, и это движение происходит тем быстрее, чем скорее изменяется состав капитала, чем выше производительность труда, чем энергичнее накопление капитала.

Маркс приводит многочисленные примеры из данных английских переписей, свидетельствующие об относительном, а часто также и об абсолютном уменьшении числа занятых рабочих во многих отраслях промышленности,

Из более новых переписей мы заимствуем два нижеследующих примера абсолютного уменьшения числа занятых рабочих при одновременном расширении производства.

Один пример относится к *хлопчатобумажной промышленности Великобритании* в период с 1861 по 1871 г. В ней насчитывалось:

	1861 г.	1871 г.
Фабрик	2 887	2 483
Прядильных веретен	30 387 467	34 695 221
Паровых ткацких станков . . .	399 992	440 677
Рабочих	456 646	450 087

Мы видим, что одновременно с уменьшением числа занятых рабочих произошло уменьшение числа фабрик и увеличение прядильных и ткацких машин, а это—признак централизации и накопления капитала.

С 1895 по 1904 г. потребление хлопка в Англии возросло с 1 550 миллионов фунтов до 1 700 миллионов, а в то же время количество рабочих на хлопчатобумажных фабриках уменьшилось с 539 000 до 523 000. Подобную же картину представляют некоторые отрасли германской текстильной промышленности: сильное уменьшение числа рабочих, ограничивающееся, впрочем, лишь мелкими предприятиями. Число крупных предприятий и число рабочих в них увеличилось. Следовательно, перед нами сильная централизация и накопление капитала при одновременном освобождении рабочих. Так, например, в *шелкоткацкой* промышленности Германии мы находим:

Год	Мелкие предпр. (до 5 раб.)		Средн. предпр. (6—50 раб.)		Крупные предпр. (свыше 50 раб.)	
	Предпр.	Раб.	Предпр.	Раб.	Предпр.	Раб.
1882	39 500	57 782	412	4 902	69	13 580
1895	16 527	20 484	192	3 469	140	32 129
1907	8 272	12 823	346	5 650	240	48 719
Увел. + или умеиьш.—	— 31 228	— 44 955	— 66	+ 748	+ 171	+ 35 139

То же и в *полотняной* промышленности:

1882	71 915	91 039	404	5 226	73	7 543
1895	34 082	43 228	291	4 598	120	19 996
1907	14 275	18 949	265	5 214	180	28 177
Увел. + или уменьш.—	— 57 640	— 72 090	— 139	— 12	+ 107	+ 20 634

Число рабочих шелкоткацкой и полотняной промышленности вместе *уменьшилось* за 25 лет на 60 540 человек, но это уменьшение происходило только за счет упадка мелкого производства: в обеих отраслях промышленности число мелких предприятий уменьшилось на 88 868 или на 80%, а число рабочих в них — 116 959. Напротив, число крупных предприятий увеличилось со 142 до 420, т. е. *утроилось*, а число рабочих в них возросло с 21 123 до 76 896 человек, т. е. *больше чем в три раза.*

Мы предполагали до сих пор, что увеличению или уменьшению переменного капитала в точности соответствует увеличение или уменьшение числа занятых рабочих. Однако не всегда бывает так. Если фабрикант при прежней цене труда *удлинит рабочее время*, то он будет выплачивать больше заработной платы. Переменный капитал возрастет, хотя число занятых рабочих не увеличится, а может быть, даже сократится.

Допустим, что предприниматель занимает 1 000 рабочих, а рабочий день равен 10 часам и заработная плата — 2 рублям. Он хочет вложить в предприятие добавочный капитал. Он может сделать это таким образом, что расширит помещение, заготовит новые машины и наймет большее количество рабочих. Но он может также использовать дополнительный капитал, поскольку его не приходится затрачивать на заготовку дополнительного сырья, таким способом, что удлинит рабочее время уже занятых рабочих. Положим, что он удлинит его на 5 часов, а цена труда остается прежней. В таком случае заработная плата будет равна 3 рублям, переменный капитал, при прочих равных условиях, возрастет на 50% без увеличения числа рабочих. А всякий капиталист заинтересован в том, чтобы добиться увеличения количества труда лучше посредством удлинения рабочего времени или усиления интенсивности труда, чем посредством расширения количества рабочих, так как размер постоянного капитала, какой он должен вложить в дело,

в первом случае возрастает гораздо медленнее, чем в последнем случае. Эта выгода для него тем больше, чем шире размеры производства. Следовательно, размер этой выгоды увеличивается по мере накопления капитала.

Если, например, орудием рабочего служит лопата, стоящая 2 рубля, то предприниматель едва ли будет сопротивляться увеличению количества труда посредством соответствующего увеличения числа рабочих. Иначе обстоит дело, если рабочий работает при машине, стоящей 100 000 рублей.

Однако по мере накопления капитала не только растет стремление капиталиста добиться увеличения количества труда без соответствующего расширения числа рабочих, но понижается в то же время сила сопротивления рабочего класса этому стремлению капиталиста. Избыточное количество рабочих, созданное накоплением капитала, уменьшает своею конкуренцией силу сопротивления занятых рабочих. Последние, таким образом, оказываются вынужденными согласиться на чрезмерную работу, а чрезмерная работа, в свою очередь, ведет к росту избыточного рабочего населения. Безработица одних обусловливает чрезмерный труд других и — наоборот.

Как мы видим, накопление капитала вместе с сопровождающими его явлениями и последствиями, централизацией капиталов, техническим переворотом в старом капитале, чрезмерным трудом и т. д., имеет тенденцию *сократить* количество *занятых* рабочих по отношению ко всему вложенному капиталу, а иногда сократить его даже абсолютно.

Но накопление капитала в то же время *увеличивает* количество *предлагающих* себя, находящихся в распоряжении капитала рабочих в мере, далеко превышающей общее размножение населения.

Мы видели во втором отделе, что мануфактура, а в еще большей степени крупная промышленность в ходе своего развития позволяет заменять обученные рабочие силы необученными; время обучения рабочего сокращается до минимума; рабочий оказывается в состоянии раньше отдавать себя в распоряжение капитала, время его воспроизводства сокращается. В то же время во многих отраслях промышленности взрослые рабочие мужчины заменяются женщинами и детьми. Тем самым не только прямо увеличивается в огромной степени рабочая армия; экономическая самостоятельность девушек и молодых людей, их совместный труд, как и возможность отдавать рано на работу детей, поощряют ранние браки и этим также сокращают время воспроизводства рабочего класса.

Следующая мощная причина быстрого роста рабочей

армии проявляется тогда, когда капиталистический способ производства завладевает *сельским хозяйством*. Здесь рост производительности с самого начала вызывает не только относительное, но и абсолютное уменьшение числа занятых рабочих. В Великобритании число занятых в сельском хозяйстве в 1861 г. достигало 2 210 449 лиц, а в 1871 г. — 1 514 601, т. е. понизилось почти на 700 000 человек. Крестьяне, ставшие таким образом „избыточными", стягиваются в промышленные округа, если только не эмигрируют, и увеличивают там рабочую армию, предлагающую себя капиталу.

Не будем забывать, наконец, о значении железных дорог и пароходов, которые позволяют капиталу привлекать новые массы рабочих из промышленно отсталых местностей, — ирландцев, поляков, словаков, итальянцев, китайцев и т. д.

Таким образом, рабочее население разрастается необыкновенно быстро, быстрее, нежели потребность капитала в новых рабочих силах, а следствием этого является относительное *перенаселение*, порождаемое, как мы видели, накоплением капитала, т. е. не *понижением* производительности труда, как утверждают экономисты, а ее повышением.

Однако существование так называемого перенаселения, наличность *промышленной резервной армии* не задерживает развития капитала, но образует до известной степени одну из его предпосылок.

Капитал есть, как мы знаем, растяжимая величина. Чем больше развивается капиталистический способ производства, тем резче и в тем более обширных размерах происходят периодические расширения и сокращения капитала. Современная крупная промышленность, как уже указывалось во втором отделе, проходит своеобразный круговорот, периодически повторявшийся до 1873 г. приблизительно через каждые десять лет. Этот круговорот начинается с умеренного хозяйственного оживления, быстро усиливающегося, затем наступает подъем, колоссальное и внезапное расширение производства, промышленная горячка, затем — крах, застой в деловой жизни, пока рынок не расширится в необходимой мере и не поглотит избытка товаров, после чего наступает выздоровление, и круговорот возобновляется сызнова во все более расширяющемся масштабе.

Так обстояло дело в то время, когда Маркс писал свой „Капитал", появившийся впервые в 1867 г. Так обстояло дело и тогда, когда он писал послесловие ко второму изда-

нию своего „Капитала“ (24 января 1873 г.), в котором он указал на приближение всеобщего кризиса [1]).

Все мы знаем, как скоро и как необычайно точно осуществилось это предсказание.

Но с кризисом, начавшимся в 1873 г., капиталистическое производство, казалось, вступило в новую фазу. Если производительность крупной промышленности до тех пор столь быстро развивалась, что иногда опережала расширение мирового рынка, то теперь, казалось, наступило время, когда вследствие колоссальных успехов техники и огромного расширения области господства капиталистического производства, захватившего Россию, Америку, Ост-Индию, Австралию, мировой рынок лишь на короткое время и в исключительных случаях был в состоянии поглощать продукты мирового производства. Вместо десятилетнего цикла, втечение которого сменяли друг друга то умеренное оживление хозяйственной жизни, то лихорадочный рост производства, то кризис, то застой и новое оживление, — с 1873 г. наблюдался *хронический застой в делах, длительное затишье*, лишь в 1889 г. сменившееся улучшением в делах, короткой вспышкой спекулятивной горячки, которая вскоре прекратилась и уступила место еще более резкому застою. Казалось, что более значительный „промышленный подъем“ уже не наступит больше.

Однако такое опасение оказалось ошибочным. С 1895 по 1900 г. мы снова пережили период хозяйственного подъема, притом столь мощного, что немало оптимистов было увлечено противоположным ожиданием, — будто время кризисов вообще миновало.

Такое представление можно было уже заранее считать несостоятельным, так как при капиталистическом способе производства хозяйственный подъем необходимо должен кончаться кризисом, который в действительности вскоре и наступил.

Однако здесь важно указать лишь на те временные расширения и сокращения капитала, которые происходят

---

[1]) Охарактеризованный нами уже во втором отделе д-р Штегеман с ужасом замечает по поводу этого места: „Маркс не колеблется (!) возвестить о быстро надвигающемся всеобщем кризисе“ („Preussische Jahrbücher“, LVII, стр. 227). В том месте, о котором идет речь, Маркс говорит о „колебаниях того *периодического цикла*, который пробегает *современная промышленность и высшим пунктом* которого является всеобщий кризис“. Яснее нельзя выразиться. Однако это не мешает ученому доктору разуметь под кризисом, о котором идет речь, *революцию*. Подобную же „паническую“ понятий, выражаясь парламентским языком, но, конечно, всегда с самой мрачной тенденцией, обнаруживают очень многие ученые, которые читали или даже и не читали, но цитируют Маркса.

как во время хронического застоя, так и в период десятилетнего цикла кризиса и промышленного расцвета.

Всякое такое временное расширение капитала порождает усиленную потребность в рабочей силе. Каким образом она удовлетворяется? Заработная плата повышается, а это, согласно теории экономистов, влечет за собою размножение населения, и через 20 лет рабочее население становится достаточно многочисленным для того, чтобы капитал мог использовать благоприятную для себя конъюнктуру. Но ведь последняя продолжается всякий раз лишь несколько лет, а зачастую — лишь несколько месяцев! К счастью для капитала, в действительности дело происходит иначе, чем по теории „железного закона заработной платы". Капиталистический способ производства, как мы видели, искусственно порождает избыточное рабочее население. Последнее представляет собою *резервную армию*, из которой капитал в любой момент может взять столько добавочных рабочих, сколько ему требуется. Без этой армии своеобразное происходящее толчками развитие капиталистической крупной промышленности было бы невозможно. Что сталось бы с германской промышленностью, если бы она в начале 70-х, а также во второй половине 90-х гг. не нашла столько „свободных рук", готовых к ее услугам, — целых рабочих армий, которые она была в состоянии бросить на постройку железных дорог, в новые каменноугольные копи, железные рудники и т. д. Но эта резервная армия не только делает возможным внезапное расширение капитала, — она давит и на заработную плату; а так как она едва ли сполна поглощается даже и во время самого цветущего состояния промышленности, то последствием этого является то, что заработная плата даже и во время наивысшего расцвета промышленности не подымается выше определенного уровня.

То, что кажется повышением и понижением количества населения, есть на самом деле лишь отражение периодического расширения и сокращения капитала. Если мальтузианцы требуют от рабочих, чтобы они размножались лишь в той мере, в какой могут найти себе занятие, то это означает, следовательно, что рабочие должны сообразовать свою численность с изменчивыми потребностями капитала.

Мальтузианство основано на смешении столь изменчивых производственных потребностей капитала с производительной силой наличных средств производства. Это смешение всегда было нелепо, но особенно ясно это стало в последние два десятилетия. В это время в сельских местностях Европы обнаружилось перенаселение, порожденное избытком средств

к существованию, порожденное конкуренцией американского, индийского и австралийского хлеба и мяса!

Однако как бы нелепо ни звучали требования мальтузианства, они лишь отражают то положение, в каком находится в настоящее время рабочий по отношению к капиталу. Он — только придаток капитала; втечение производственного процесса не он распоряжается средствами производства, а они им распоряжаются. Но и вне работы, как мы видели, он принадлежит капиталу. Когда он потребляет, когда он поддерживает свое существование и производит потомство, он обязан это делать так, как того требуют интересы капитала. Рабочего держит под ярмом продукт его собственного труда и распоряжается не только его рабочей силой, но и всею жизнедеятельностью его человеческого существа.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

ЗАРЯ КАПИТАЛИСТИЧЕСКОГО СПОСОБА ПРОИЗВОДСТВА.

Мы видели в последних главах, что капитал постоянно вновь воссоздает предварительные условия своего собственного существования. Но ясно, что капитал не мог сложиться в своей классической форме, пока эти предварительные условия не достигли известной степени развития. Какие же обстоятельства вызвали их появление? На этот вопрос мы еще не дали ответа. Когда мы исследовали превращение денег в капитал, то исходили из того предположения, что, с одной стороны, во владении частных лиц оказались крупные денежные суммы, а с другой — на рынке стала продаваться рабочая сила как товар. Как рабочая сила стала товаром и как скопились эти денежные суммы, этого мы еще не рассматривали.

Нам остается еще сказать наиболее существенное по этому вопросу.

Накопление капитала означает воссоздание предварительных условий его существования. Первоначальное возникновение этих предварительных условий, предшествовавшее развитию капитала, Маркс называет *первоначальным накоплением.*

На вопрос о происхождении капитала экономисты дают нам тот ответ, который у них всегда наготове, если они не знают или не хотят знать, как развивался этот процесс в действительности; они рассказывают нам *робинзонаду.* Последняя дает им двойную выгоду, так как для ее приду-

мывания не требуется никаких предварительных знаний, а кроме того, ее всегда можно построить так, чтобы она доказывала все, что хочется доказать.

Те робинзонады, которые объясняют происхождение капитала и хотят привести его в согласие с ходячими правовыми представлениями, принадлежат к числу самых пошлых выдумок этого сорта. От рассказов, помещаемых в детских букварях, они отличаются лишь тем, что гораздо скучнее их [1]).

Все это — старая история об энергичном, прилежном и умеренном работнике, который стал капиталистом, и о бездельниках, легкомысленно прокучивавших все свое достояние и в наказание за это осужденных на веки веков со всем своим потомством в поте лица своего работать на добродетельного и его потомство.

Иначе нам представится первоначальное накопление, если мы познакомимся с историей Европы, начиная с XIV века. История эта имеет две стороны, но только об одной из них поведали народу либеральные историки.

Промышленный капитал не мог возникнуть без свободных рабочих, совершенно свободных от крепостной зависимости и от цеховых уз. Ему нужна была свобода производства, освобождение от оков феодализма и опеки феодалов. В этом отношении борьба нарождающегося капитализма представляется борьбой против насилия и привилегий, борьбой за свободу и равенство.

Только эту сторону истории все снова и снова расписывают народу литературные защитники буржуазии. Мы не намерены умалять значение этой борьбы, особенно теперь, когда сама буржуазия начинает отрекаться от своего прошлого. Но на-ряду с этой блестящей и гордой страницей истории нельзя забывать и *оборотной* ее *стороны*: образования пролетариата и самого капитала. Эта сторона еще не была освещена полностью. Маркс основательно обследовал ее в своем „Капитале“, однако же в отношении *одной* страны —

---

[1]) Послушаем, например, *Рошера*: „Представим себе рыбачье племя, не имеющее частной собственности на землю и капитал, живущее пагишом в пещерах и питающееся морской рыбой, которая выбрасывается на берег приливом и которую представители этого племени собирают голыми руками. Пусть все работники будут здесь равны и каждый из них добывает и съедает по три рыбы в день. Но вот какой-нибудь умный человек в продолжение 100 дней ограничивает свое потребление двумя рыбами и употребляет собранный таким образом запас в 100 рыб на то, чтобы втечение 50 дней затрачивать всю свою рабочую силу на постройку лодки и изготовление рыболовной сети. С помощью этого капитала он ловит с этих пор по 30 рыб ежедневно“ („Grundzüge der Nationalökonomie“, Stuttgart, 1874, I, стр. 423). На такого рода гнилую рыбу сбиваются все сказки о происхождении капитала.

Англии, родины капиталистического способа производства и единственной страны, в которой первоначальное накопление приняло классическую форму. Некоторые указания на этот процесс имеются и в „Нищете философии“ (вторая глава, § 2).

Соответствующий процесс развития в Германии, к сожалению, можно проследить лишь в неполном виде, так как он был задержан и искажен перенесением торговых путей на восток, из бассейна Средиземного моря в бассейн Атлантического океана, а затем — 30-летней войной и продолжавшимся целыми веками вытеснением Германии с мирового рынка.

Важнейшим препятствием, которое встретил на своем пути нарождающийся капитал, было, на-ряду с цеховой организацией в городах, общинное землевладение в деревне, а иногда и в более обширных объединениях. Пока существовало общинное землевладение, массового пролетариата не было. К счастью для капитала, о нем позаботилось феодальное дворянство. Со времени крестовых походов торговля и товарное производство развивались все больше и больше. Возникли новые потребности в *товарах*, которые доставляла городская промышленность или городские купцы *за деньги*. Но богатство феодального дворянства основывалось на натуральных или личных повинностях крепостных крестьян. *Денег* у него было мало. Оно старалось добывать *грабежом* то, чего не было в состоянии покупать. Но государственная власть окрепла, и против феодального ополчения, навербованного из мелкого дворянства, выступили наемные солдаты богатых городов и князей. Грабежи на больших дорогах стали невозможными. Феодалы старались выколотить из крестьян деньги и добро, они доводили их этим до отчаяния, — вспомним о крестьянских войнах, — но сами от этого мало выигрывали. Таким образом, благородные господа, желая вкусить от новых наслаждений, мало-по-малу решились стать самим *товаропроизводителями*, подобно горожанам, и добывать деньги производством сельскохозяйственных продуктов, — шерсти, хлеба и т. п. — *на продажу*, а не только для *собственного потребления*, как прежде.

Это потребовало расширения их хозяйств, управление которыми перешло в руки управляющих, инспекторов или арендаторов. Но это расширение было возможно лишь за счет *крестьянства*. Крестьяне, превращенные в крепостных, могли быть теперь *вытеснены*, т. е. изгнаны из своих участков, которые были присоединены к землям, эксплоатируемым землевладельцами. Общинная собственность деревень, находившихся под верховной властью помещиков, была пре-

вращена в частную собственность последних, что привело к экономическому разорению крестьянства.

Особенно ходким сельскохозяйственным товаром была *шерсть*, в которой нуждалась городская текстильная промышленность. Но расширение производства шерсти означало превращение пахотной земли в пастбища для овец и массовое изгнание крестьян с их земель как по закону, так и без закона посредством экономического или прямого физического принуждения.

По мере того, как росла городская текстильная промышленность, росло и число изгнанных и лишенных собственности крестьян.

К этому присоединилось и то, что дворянство распустило своих многочисленных слуг, которые при новых условиях отнюдь не были орудием их силы, а только причиной их финансовой слабости; наконец, в пользу капитала работала и реформация, которая не только превратила в пролетариев обитателей монастырей, но и передала церковные земли спекулянтам, согнавшим с этих земель их старых наследственных держателей.

Такими путями большая часть сельского населения была освобождена от земли, от своих средств производства и вместе с тем было создано искусственное „перенаселение“, армия лишенных собственности пролетариев, вынужденных изо дня в день продавать свою рабочую силу, которая нужна капиталу.

Таким образом почву для капитала очистило *феодальное дворянство,* оно доставило пролетариев сельскому и городскому капиталу и в то же время расчистило путь сельскохозяйственному товарному производству в крупных размерах, капиталистическому сельскому хозяйству. Капиталистический характер, который с тех пор приняло сельское хозяйство в крупных поместьях, не *уничтожался* связанными с ним формами крепостной зависимости, а только *искажался* ими.

Тем более комичными кажутся крупные землевладельцы, когда они в настоящее время разыгрывают роль класса, который *по самой природе* своей призван к защите рабочих от капитала и к установлению гармонии между ними.

Необычайное развитие бродяжничества в Западной Европе в XV и XVI веках было последствием многочисленных экспроприаций крестьянства. Оно угрожало захлестнуть общество, и для того, чтобы оградить себя от этого зла, общество подвергало бродяживших крестьян жесточайшим наказаниям кнутом, клеймением, отрезанием ушей и даже смертью.

Хотя таким образом было освобождено большее количество рабочих, чем сколько мог поглотить капитал, все же предложение годных рабочих зачастую отставало от потребностей капитала. В *мануфактурный* период капиталистический способ производства находился еще в зависимости от рабочих, которые приобрели известную виртуозность в своих частичных операциях. Нередко требовались годы, прежде чем такой рабочий приобретал необходимую искусность. В то же время переменная часть капитала значительно превосходила постоянную его часть. Поэтому спрос на наемный труд при каждом накоплении капитала быстро возрастал, тогда как прилив пригодного наемного труда лишь медленно поспевал за ним. Искусные рабочие были не только редки и в большом спросе; в них были еще живы традиции ремесла, когда подмастерье был еще социально близок к мастеру и сам мог надеяться стать мастером. Наемным рабочим было свойственно чувство собственного достоинства, они были упрямы и непокорны; они не могли и не хотели подчиняться дисциплине и вечной монотонности капиталистического производства. Необходимо было вмешательство „высшей силы“, чтобы создать рабочего, покорного капиталу.

Государственная власть выступила на защиту собственности от бродяг и поощряла превращение общинной собственности в частную (Маркс подробно рассказывает, как произошло это дело в Англии). Она же выступила и тогда, когда потребовалось приучить рабочих к капиталистической дисциплине. Строгие указы устанавливали максимум заработной платы, удлиняли рабочий день и запрещали рабочие союзы.

Насколько все это соответствовало духу боровшейся в то время за „свободу“ буржуазии, последняя показала, когда завоевала политическую власть во время французской революции. В то время она вела ожесточенную войну против остатков общинного землевладения, еще сохранявшегося во Франции, и решительно запретила рабочие союзы.

Однако вместе с пролетариатом народился и внутренний рынок для капитала. Прежде каждая крестьянская семья производила сама все, в чем нуждалась, — как средства к существованию, так и произведения домашней промышленности. Теперь дело изменилось. Средства к существованию стали производиться как *товары* в крупных поместьях, образовавшихся из общинной земли и отдельных крестьянских участков, и находили себе рынок в промышленных округах. Продукты капиталистической промышленности — в данную эпоху мануфактуры — находят себе сбыт

у наемных рабочих промышленности и крупных поместий, а также и среди самих крестьян. Зачастую участки последних стали слишком мелкими для того, чтобы поддерживать их существование, земледелие для них стало побочным занятием, домашняя промышленность с целью собственного потребления отошла на задний план и уступила свое место такой домашней промышленности, которая стала производить товары для капиталиста, для купца, — одна из отвратительнейших и прибыльнейших форм капиталистической эксплоатации.

Мы видели, как возникли пролетариат и искусственное перенаселение, сделавшие возможным развитие капиталистического способа производства, которое, в свою очередь, постоянно, во все увеличивающихся размерах, снова воспроизводит пролетариат и относительное перенаселение.

Откуда же произошли, однако, те богатства, сосредоточенные в немногих руках, которые составили дальнейшее предварительное условие капиталистического способа производства?

Средневековье переняло от классической древности два вида капитала — ростовщический и торговый. Со времени крестовых походов в огромной степени выросли торговые сношения с Востоком, а вместе с тем и торговый капитал и его централизация в немногих руках. Упомянем здесь лишь о семье Фуггер в Аугсбурге, — этих немецких Ротшильдах XV и XVI веков.

Однако ростовщичество и торговля не были единственными источниками тех денежных сумм, которые начиная с XV века превращались во все растущих размерах в промышленный капитал. Маркс в своем „Капитале“ указал и другие такие источники. Детали читатель найдет в этом изложении, достойным образом заключающем блестящий исторический экскурс в область „первоначального накопления“. Здесь же мы воспроизводим лишь краткую сводку различных методов этого накопления в выразительных словах Маркса:

„Открытие золотых и серебряных приисков в *Америке*, искоренение, порабощение и погребение заживо туземного населения в рудниках, первые шаги к завоеванию и разграблению *Ост-Индии*, превращение *Африки* в заповедное поле охоты на чернокожих, — такова была заря капиталистической эры производства. Эти идиллические процессы составляют главные моменты первоначального накопления. За ними следует *торговая война* европейских наций, ареной для которой служит земной шар. Война эта начинается отпадением Нидерландов от Испании, принимает гигантские раз-

меры в английской антиякобинской войне и теперь еще продолжается в виде таких грабительских походов, как война с Китаем из-за опиума и т. д.

Различные моменты первоначального накопления распространяются теперь между различными странами, а именно: между Испанией, Португалией, Голландией, Францией и Англией, и притом более или менее в известной исторической последовательности. В Англии к концу XVII века они систематически объединяются в колониальной системе, системе государственных займов, современной налоговой системе и системе протекционизма (покровительственных таможенных пошлин). Эти методы в значительной мере покоятся на грубейшем насилии, как, напр., колониальная система. Но все они пользуются *государственной властью, т. е. концентрированным и организованным общественным насилием,* чтобы обеспечить процесс превращения феодального способа производства в капиталистический и сократить его переходные стадии. *Насилие является повивальной бабкой всякого старого общества, когда оно беременно новым.* Само насилие есть экономическая потенция (сила)". („Капитал", I, 744.)

Предпоследняя фраза этой цитаты очень часто приводится, но большею частью отдельно от контекста. Кто продумает ее в связи с предыдущим изложением, тот будет знать, как надо ее понимать. К насилию, служившему повивальной бабкой капиталистического способа производства, принадлежит также и „государственная власть, концентрированное и организованное насилие общества"; но это не власть „государства в себе", парящего в облаках над классовыми противоречиями, а власть государства как орудия класса, мощно прокладывающего себе дорогу.

Растущая пролетаризация населения, особенно крестьянского, и образование внутреннего рынка, с одной стороны, а с другой — накопление и концентрация крупных богатств и одновременное появление внешних рынков, особенно благодаря торговым войнам и колониальной политике, — таковы были те условия, которые начиная с XV века совместно способствовали в Западной Европе все более решительному превращению всего производства в товарное производство, а товарного производства — в капиталистическое. Раздробленные мелкие хозяйства крестьян и ремесленников с этого времени все быстрее подвергаются уничтожению и вытесняются, чтобы очистить место крупным капиталистическим предприятиям.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

КОНЕЦ КАПИТАЛИСТИЧЕСКОГО СПОСОБА ПРОИЗВОДСТВА.

Мы подходим к концу своей попытки дать, следуя Марксу, изображение капиталистического производственного процесса.

Мы видели, что *первобытный способ производства* основан на общественном, планомерно организованном труде и обусловливает то, что средства производства и продукты являются *общественной собственностью*. Продукты, правда, распределяются и потому становятся личной собственностью, но лишь постольку, поскольку они составляют *предметы потребления* для отдельных лиц. В качестве же непосредственного результата общественного труда продукты прежде всего принадлежат обществу.

Этот способ производства вытесняется *простым товарным производством*, которое ведется частными работниками, действующими независимо друг от друга. Каждый из них производит продукты с помощью ему самому принадлежащих средств производства, а потому эти продукты составляют затем, разумеется, его частную собственность.

Но из простого товарного производства развивается *капиталистическое товарное производство;* место независимо производящих отдельных работников занимают крупные концентрированные предприятия, из которых каждое производит товары независимо от других, но каждое внутри организовано, как планомерное общественное производство. Так как эти крупные капиталистические предприятия противостоят друг другу, как товаропроизводители, то в их взаимных сношениях остается в силе товарообмен, а вместе с ним и право собственности простого товарного производства,— частная собственность на средства производства и продукты.

Но тем самым частная собственность превращается в свою противоположность.

При простом товарном производстве частная собственность была следствием и плодом труда. Рабочий был собственником своих средств производства и своих продуктов. Капиталистическое производство разрывает связь между трудом и собственностью. Рабочий уже не является собственником своего продукта. Наоборот, средства производства и продукты принадлежат тем, кто не работает. Превращение производства в общественное производство на капиталистической основе все более превращает не-рабочих

в собственников всего богатства, а рабочих — в неимущих.

Но этим не исчерпывается противоречие между господствующим способом производства и господствующим способом присвоения.

Мы видели, как просто и ясно было организовано производство в эпоху первобытного коммунизма и как им управляло общество по своему желанию и соответственно своим потребностям.

При системе товарного производства общественные производственные условия превращаются в силу, которая берет перевес над отдельным производителем. Последний становится их безвольным рабом и его положение становится тем более жалким, что новые господа не предписывают ему той или другой работы, не сообщают ему своих потребностей, а предоставляют ему их угадывать. Производство подпадает теперь под власть законов, независимых от производителей и зачастую, подобно законам природы, действующих против их воли; законы эти проявляют свое действие в периодических отклонениях от нормального положения, как, например, в падении цен, дороговизне и т. д. Однако при господстве простого товарного производства, соответственно низкой производительности раздробленных предприятий отдельных работников, эти отклонения, поскольку они вызываются причинами общественного характера, имеют мало значения и ограничиваются небольшими районами.

Но производительность труда в огромной степени повышается капиталистическим способом производства, который освобождает от оков и в огромной степени усиливает те производительные силы, которые свойственны общественному, целесообразно организованному труду и которые заставляют себе служить покоренные наукой силы природы. Результатом этого является то, что периодические отклонения от нормы, через посредство которых обнаруживали свое действие законы товарного производства и которые прежде приводили лишь к временным и местным затруднениям, легко переносимым, а зачастую и устранимым, теперь стали выражаться в периодических катастрофах, продолжающихся целыми годами, охватывающих целые страны и континенты и производящих ужаснейшие опустошения. Район и интенсивность этих катастроф растут вместе с капиталистическим производством, и теперь они, повидимому, превратились в хроническую болезнь.

Мало того, в эпоху первобытного коммунизма продукт общественного труда принадлежит обществу и распределяется последним между отдельными лицами соответственно

общественным потребностям; поэтому доля каждого возрастает вместе с ростом производительности труда.

При господстве товарного производства вместе с производительностью труда растет масса потребительных стоимостей, соответствующих определенной величине стоимости. При простом товарном производстве продукт труда вообще принадлежит работнику. Он может сам потребить его полностью или частью; в этом случае, очевидно, количество находящихся в его распоряжении предметов потребления растет в той же мере, как и производительность его труда. Однако он может также обменять продукт своего труда целиком или частью; только небольшая часть продукта становится при простом товарном производстве товаром.

За продукт определенного труда, который он выменивает, он получит тем больше потребительных стоимостей, чем выше в общем производительность труда. И здесь рост производительности труда идет целиком на пользу работнику.

При капиталистическом товарном производстве рабочая сила сама является товаром, стоимость которого, как и всякого товара, понижается по мере роста производительности труда. Следовательно, чем больше производительность труда, тем меньшую относительную долю в его выгодах получает рабочий в виде цены рабочей силы. Но чем больше развит капиталистический способ производства, тем больше масса населения насчитывает наемных рабочих, тем в большей степени, следовательно, она лишена участия в плодах повышенной производительности своего труда.

Все эти противоречия с естественной необходимостью сами по себе вызывают конфликты между классом капиталистов и классом рабочих, — конфликты, которые пробуждают классовое самосознание рабочих, толкают их к политической деятельности и порождают во всех капиталистических странах рабочие партии. Но все эти обстоятельства порождают также и всевозможные страдания — и не только у рабочего класса, — страдания, которые делают невыносимым существующее положение вещей для все более широких кругов, и не принадлежащих к классу наемных рабочих.

Так все толкает к разрешению противоречия, воплощенного в капиталистическом способе производства, — противоречия между общественным характером труда и унаследованной формой присвоения средств производства и продуктов.

Только два пути представляются возможными для разрешения этого противоречия. Оба они имеют целью согласовать между собою способ производства и способ присвое-

ния. Один путь ведет к уничтожению общественного характера труда, к возврату к простому товарному производству, к замене крупного производства ремеслом и мелким крестьянским хозяйством. Другой путь стремится приспособить не производство к способу присвоения, а способ присвоения к производству. Он приводит к общественной собственности на средства производства и продукты.

В настоящее время многие стараются повернуть ход развития на первый путь; они исходят из ошибочного взгляда, будто способ производства можно установить по произволу при помощи юридических установлений. Буржуазная вульгарная экономия, — прислужница капитала, — поскольку она вообще еще существует, осуждает эти попытки.

Сама она, однако, пытается итти подобным же путем. Чтобы доказать полную гармонию между господствующим способом производства и господствующим способом присвоения, она в своих изображениях экономической действительности оставляет в стороне своеобразные и существенные черты современного способа производства и изображает его так, словно бы оно было простым товарным производством. Стоит только прочесть популярные работы вульгарных экономистов. В них товары и теперь обмениваются так, как у диких народов. В них изображаются охотники и рыбаки, которые в качестве наемных рабочих свободно распоряжаются, как капиталом, лесом и морем, луком и стрелами, лодкой и рыбачьей сетью [1]).

---

[1]) Иллюзии, которые стараются создать эти господа, разрушаются примером *колоний*, обладающих девственной почвой и заселяющихся переселенцами. Мы находим там полную свободу рабочего договора, собственность рабочего на свои продукты, т. е. на плоды своего труда, вообще мы находим там отношения, которые наши экономисты выдают за отношения капиталистического способа производства. Но странным образом капитал при таких условиях перестает быть капиталом! В таких колониях свободная земля имеется в избытке и всем доступна. Всякий работник вообще имеет там возможность вести производство самостоятельно, он не вынужден продавать свою рабочую силу. Вследствие этого всякий предпочитает работать на себя, а не на других. Вместе с тем деньги, средства к существованию, машины и другие средства производства перестают быть капиталом. Они не являются самовозрастающей стоимостью.

Те самые экономисты, которые в капиталистических странах столь патетически кричат о святости собственности и о свободе рабочего договора, требуют поэтому в молодых колониях, в целях развития там капитала, лишения рабочих земли и государственного поощрения иммиграции, даже за счет ранее поселившихся там рабочих, — иными словами, насильственного отделения рабочего от средств производства и существования и искусственного создания избыточного рабочего населения, фактически не свободного, а вынужденного продавать свою рабочую силу. А где имеется налицо податливый рабочий

Этот тип экономистов Маркс подверг в „Капитале“ уничтожающей критике, но его работа не ограничивается разоблачением всей пошлости и фальши вульгарной экономии.

Маркса часто называют духом отрицания, который только критиковал и разрушал, но не был в состоянии создать ничего положительного. Однако уже один очерк процесса производства капитала, который дал нам Маркс, показывает, что он на самом деле создал новую экономическую и историческую систему, а критика его предшественников составляет только ее обоснование.

Нельзя преодолеть старого, не поднявшись самому на новую и более высокую точку зрения. Нельзя критиковать, не приобретя более глубокого познания; нельзя разрушить какую-либо научную систему, не создав предварительно другой, более широкой и более всеохватывающей системы.

Маркс первый раскрыл фетишистский характер товара, он первый признал капитал не вещью, а *осуществляющимся через посредство вещей отношением и исторической категорией*. Он первый исследовал законы движения и развития капитала. Он же первый вывел цели современного социального движения, как естественный и необходимый результат предыдущего исторического развития, вместо того чтобы конструировать их по произволу из собственной головы, как требования какой-то „вечной справедливости“.

С той точки зрения, на какую поднял нас Маркс, мы не только признаем, что все попытки вульгарных экономистов лживо изобразить современные отношения, как патриархальные и простые, столь же тщетны, как и попытки превратить патриархальные отношения в современные. Мы признаем также, что единственный путь, который еще остается для дальнейшего развития общества, это — приспособление формы присвоения к способу производства, переход средств производства в собственность всего общества, более полное и безусловное осуществление лишь наполовину проведенного капиталом превращения производства из частного в общественный. А вместе с этим начинается новая эпоха человеческой истории.

класс — особенно отсталой расы, — которому это можно навязать, там открыто вводят принудительный труд и рабство.

„Те самые интересы, которые заставляют экономиста, сикофанта капитала, теоретически обосновывать в метрополии тождество капиталистического способа производства с его собственной противоположностью,—эти же самые интересы побуждают его здесь to make a clear breast of it (все открыто признать) и громко провозгласить противоположность этих способов производства“. („Капитал“, I, 758.)

Место анархического товарного производства занимает планомерная и сознательная организация общественного производства; господству продукта над производителем наступает конец. Человек, все более завоевывающий власть над силами природы, тем самым получает возможность распоряжаться и общественным развитием. „Лишь с этого момента люди станут сами и с полным сознанием делать свою историю, — говорит Энгельс, — лишь с этого момента приводимые ими в движение общественные причины начнут во все большей мере давать желанные последствия. *Это — скачок человечества из царства необходимости в царство свободы*“.

„НИЩЕТА ФИЛОСОФИИ“

и

„КАПИТАЛ“.

I.

С тех пор как существует капиталистический способ производства, мы встречаем две совершенно противоположные точки зрения, из которых исходят при изучении этого способа производства: буржуазную точку зрения *политико-экономов* и пролетарскую — *социалистов*. Капиталистический способ производства для своего возникновения требует существования пролетариата, который, будучи свободен от всяких ограничений, не обладает ничем, кроме своей рабочей силы, причем эту рабочую силу он вынужден продавать как товар. Таким образом, противоположность между капиталом и трудом столь же стара, как и сам капитал, и столь же старо и двойственное отношение к нему.

Но в начале развития капиталистического способа производства противоречие между капиталом и трудом отступало на задний план в сравнении с противоречием между *капитализмом и феодализмом*. Буржуазным экономистам тогда надо было доказывать превосходство капиталистического способа производства над феодальным и выяснять, что феодальные учреждения стали невыносимым препятствием для развития производства. Им приходилось требовать, чтобы отечественному производству были открыты не только городской и провинциальный, но и национальный и мировой рынки; требовать, чтобы пали феодальные оковы, препятствовавшие развитию производительных сил; требовать, чтобы вместо цеховых привилегий было установлено право работать для каждого (но не право на труд). В этих стремлениях представители буржуазии чувствовали себя не просто адвокатами одного класса, а представителями всего человечества; права, в которых нуждался капитализм для своего развития, казались им прирожденными и неотчуждаемыми правами самого человека. Но, несмотря на эту иллюзию, буржуазные экономисты имели под своими ногами вполне твердую почву. Их основанием было методическое изложение самих фактов, выяснение законов капиталистического способа производства. Чем больше про-

никалась буржуазия классовым самосознанием, чем больше переходило в ее руки управление производством, чем яснее и могущественнее вырастал капиталистический способ производства в сравнении с своей мелко-буржуазной и феодальной средой, тем отчетливее познавали буржуазные экономисты законы этого способа производства, пока, наконец, этому познанию не было в лице Рикардо (1772—1823) дано самое законченное и классическое выражение с буржуазной стороны.

Иначе обстояло дело с представителями пролетариата, социалистами, которые вначале отнюдь не выходили из пролетарских кругов. Промышленные наемные рабочие были в начале капиталистического способа производства еще слишком разъединены, слишком еще находились в плену у мелко-буржуазных и крестьянских традиций, их нищета была слишком сильно связана с нищетой, порожденной феодальными пережитками, чтобы они могли притти к мысли считать свое положение не отдельным, личным явлением, а явлением, охватывающим весь класс, чтобы в законах капиталистического способа производства искать причины своего классового положения. Не из рядов наемных рабочих, а из рядов тех, кто наблюдал за производством и руководил им, вышли первые представители интересов всего пролетариата в целом. Но эти последние усматривали в развитии данного способа производства лишь тенденцию к усилению власти капиталистов и увеличению нищеты рабочих; в этой нищете они видели только нищету, они не замечали в ней никаких зачатков самостоятельного движения пролетариата.

Не от бедных, бессильных, невежественных рабочих могли они ждать устранения нищеты, а только от самоотверженного энтузиазма человеколюбивых элементов самого господствующего класса. Но для того, чтобы пробудить этот энтузиазм, требовалось дать красноречивое описание нищеты, о существовании которой многие не имели совсем никакого представления, требовалось также изображение идеала такого общества, достижение которого стоило бы усилий благородных лиц. Чем выпуклее и яснее картина этого общества вырисовывалась бы перед взором друзей человечества, тем более значительное пропагандистское действие это оказало бы на круги господствующих классов, тем скорее можно было ожидать, что из среды последних появится deus ex machina, спаситель в лице государя или капиталиста, появления которого человечество до сих пор тщетно ждало для установления рая на земле.

Не исследование фактических отношений в их взаимной

связи и развитии было задачей, которую себе ставили социалисты. Фактические отношения казались им безнадежными, им казалось, что фактическое развитие неизбежно ведет к полному вырождению рабочего класса и неограниченному господству капитализма. По их мнению, надо было противодействовать фактическому развитию, а не содействовать ему. Цель социалистического движения, равно как и его движущие силы, выводилась ими не из материальных условий, а спекулятивно, из метафизических принципов. Надо, впрочем, заметить следующее: великие утописты при выработке своих утопий считались с существующими фактическими *техническими* условиями и пытались гениальным образом использовать для своих планов построения общественного производства результаты, достигнутые развитием *крупного производства*. Именно это придает их утопиям столь величественный характер. Всякая мелко-буржуазность была им чужда; они вышли из крупной промышленности и крупной торговли. Сен-Симон был выдающийся инженер, первый выработавший смелый проект прорытия Панамского перешейка. Фурье работал в качестве конторщика в крупной торговле; промышленность, с которою он ознакомился, была промышленность, работающая на мировой рынок. Роберт Оуэн был одним из самых выдающихся фабрикантов Англии. При всем том, мы должны сказать, что *социалисты* втечение первой трети нашего столетия выступали чисто *утопически*, *экономисты — научно*. Положение классов, в защиту которых они выступали, диктовало тем и другим этот путь.

Но вскоре после Рикардо должен был наступить поворотный пункт для тех и других, для социализма и для политической экономии.

Разрушение феодализма привело лишь к тому, что на авансцену выступил второй враг капитализма, пролетариат. И одновременно с этим все отчетливее стал обозначаться целый ряд особенностей капиталистического способа производства, отнюдь не обнаруживавших его положительной стороны. Рассеялась прекрасная мечта о достижении свободы, равенства, братства для всего человечества и уступила место действительности ожесточенной классовой борьбы между капиталом и трудом. Расширение рынка до размеров мирового не принесло мира и примирения народов, оно привело к усилению конкуренции, к торговому соперничеству, даже к *торговым войнам*; чем интенсивнее мировая торговля, тем труднее следить за нею отдельному производителю, тем менее планомерно производство, тем сложнее и его механизм; умножились причины, вызывавшие застой и *кри-*

лись, увеличивался их размах. Полное высвобождение производительных сил приводило под воздействием все возрастающей конкуренции к *перепроизводству*, как к своему неустранимому следствию, — новая причина кризисов, которые периодически повторялись и становились все опустошительнее. Право работать превратилось в издевательство над растущим числом безработных, разоренных мелких буржуа и крестьян, не выдержавших конкуренции капитала, рабочих, вытесненных машиной, мужчин, вытесненных рабочей силой женщин и детей. А для имеющих работу право трудиться превратилось в право работать до полного истощения, в право на физическое и духовное разрушение. Для того чтобы спасти капиталистический способ производства от полного разложения, понадобилось весьма скоро дополнить право работать как для занятых, так и для незанятых: для последних в виде законодательства о бедных, для первых в виде фабричного законодательства.

И одновременно с этим общественный характер способа производства все более вступал в противоречие с сохранившимся правом частной собственности на средства производства. Тогда как с концентрацией и накоплением капитала капиталист все более превращался из руководителя в простого собственника капитала, — как это ярче всего сказалось в акционерных обществах, — одновременно с этим рабочие массы все более централизовались и организовывались, пока из них не развился самостоятельный класс с особыми интересами и соответствующими последним особыми экономическими и политическими требованиями.

Зародыши этих сторон капитализма обнаружились уже довольно рано, но определенно они дали о себе знать лишь после того, как французская революция разрушила феодализм в собственной стране, а на всем континенте потрясла его — в период мира после наполеоновских войн. С этого момента задача защитников буржуазии стала иной, чем она была до тех пор. Фактическое развитие стало теперь представляться буржуазии неудобным, даже опасным; ее представителям выпала теперь задача успокаивать, утешать рабочий класс и народ вообще; им приходилось теперь или затушевывать и прикрашивать существующее зло, или же приписывать его другим причинам и придумывать средства, которые могут устранить зло, не задевая основ существующего способа производства; им приходилось воодушевлять народ идеалом „очищенного“ капитализма. Экономисты превращались в апологетов (защитников) или утопистов; весьма часто в тех и других, в особенности в Германии, где распространился бесхарактерный эклектизм. Буржуаз-

ная политическая экономия утратила свое научное основание приблизительно как раз в то самое время, когда она официально была признана „наукой“.

Но те самые условия, которые побуждали буржуазную экономию все более маскировать действительный механизм капиталистического способа производства, толкали теперь социалистов с своей стороны на исследование этого механизма. Толчок к этому был дан сильным оживлением апологетической и утопической буржуазной экономии со времени Мальтуса. Социалистам приходилось доказывать, что паллиативные меры буржуазных экономистов недостаточны, что отрицаемые ими вредные явления существуют и причины их надо искать в существующем способе производства. До тех пор пока социалисты не выработали себе самостоятельного систематического понимания капиталистического способа производства, они должны были в учении классической экономии видеть лучшее оружие для того, чтобы покончить с апологетической и утопической экономией.

Действительно, с двадцатых годов ряд социалистов, сперва Англии, позднее также Франции и Германии, сделали своим исходным пунктом систему Рикардо. Но социализм и пролетариат, как мы выше указывали, были еще отделены друг от друга. Правда, в Англии и затем во Франции выросло могущественное рабочее движение, но социалисты совсем его не понимали и продолжали усматривать в нищете лишь нищету, не замечая зародышей нового общества, которые она в себе заключала. Они продолжали конструировать из головы грядущее новое общество — в соответствии с „вечными принципами справедливости“ — вместо того чтобы рассматривать его как следствие существующих условий. Классовая борьба, вместо того чтобы признаваться ими положительным творческим фактором нового, являлась в их глазах лишь элементом, мешающим осуществлению их планов [1]).

---

[1]) Еще в 1841 году английский утопист Чарльз Брэй (не следует смешивать с Дж. Ф. Брэем) писал о чартистском движении, которое тогда мощно развивалось: „Недавнее объединение рабочих для достижения так называемой хартии, главным требованием которой является расширение избирательного права, показывает, *как совершенно неспособен рабочий класс взять в свои руки свои собственные дела.* Как ни относиться к целесообразности предоставления политической власти большинству, несомненно одно, а именно, что в руках большинства, каким является наш рабочий класс в его нынешнем положении, она приведет скорее к его вреду, чем к пользе... Всеобщее избирательное право со всем тем, что делает его действительным, будет великолепно и незаменимо, когда народ будет знать, как пользоваться им; но должно наступить значительное улучшение его материального положения, прежде чем

Причины, превращавшие первых социалистов в утопистов, продолжали существовать; не удивительно поэтому, что и социалисты тридцатых и сороковых годов — вместе с некоторыми позднейшими отпрысками — оставались утопистами. Однако их утопизм был другого рода, чем первоначальный. После того как промышленные наемные рабочие сложились в самостоятельный класс и начали классовую борьбу, утопизму внутри области крупной промышленности уже не было места. Теперь приходилось занять позицию не за или против общественного идеала, а за или против рабочего класса; теперь приходилось бороться, а не мудрствовать; теперь та и другая сторона апеллировала *к интересам, к силе*, а не к метафизическим категориям. Никто из тех, кто находился в сфере действия крупной промышленности, не мог уберечься от влияний классовой борьбы и поэтому необходимо становился *человеком партии*. Созерцательное спокойствие, необходимое для выработки утопий, можно было еще найти только в тех кругах, которые, стоя вне классовой борьбы между капиталом и трудом, из идеологических побуждений или в силу своих классовых интересов были настроены не в пользу капитализма, — среди землевладельцев, мелких собственников, профессоров, врачей и т. п. Утопический социализм утратил свою внутреннюю связь с крупной промышленностью, но вместе с тем лишился и своего величия. Он сделался мелко-буржуазным, плоским, а вместе с тем и „разумным“, т. е. удобопонятным для ограниченного филистерского ума. Но мало того, что он стал разумным, он сделался „научным“, т. е. он стал возводить свои утопии на основе результатов классической политической экономии, прежде всего Рикардо [1]). Но именно эта „научность“ помешала его дальнейшему развитию. Самая блестящая сторона мелко-буржуазных утопистов первой половины нашего столетия состоит в критике эко-

---

это будет возможно. Он должен быть освобожден от капиталистического рабства, прежде чем некоторые изменения в образе правления смогут оказать влияние на его материальное положение“ (*Ch. Bray*, The philosophy of necessity. London, 1841, ч. III, стр. 341, 342). Рабочее движение в Германии, хотя и вне всякой связи с чартистами, выдвинуло после своего возрождения в шестидесятых годах те же самые главные требования, что и они: прежде всего всеобщее избирательное право, затем нормальный рабочий день. Родбертус, социалистическое направление которого сложилось под влиянием тех же течений, что и направление Брэя, высказался, подобно ему, также против избирательного права и, вполне последовательно, против нормального рабочего дня. Анархисты повторяют теперь доводы этих писателей.

[1]) Ни одна школа не говорила так много о „научности“, как „прудоновская“. (*Маркс*, Капитал, т. I, стр. 45.) Это относится более или менее и к другим, особенно немецким, социалистам упоминаемого направления.

номистов-апологетов; они подготовили также элементы, из которых потом могло вырасти более глубокое познание капиталистического способа производства, чем то, которое мы находим у Рикардо, так как они с своей точки зрения, конечно, лучше объясняли прибавочную стоимость и этим сделали важный шаг к полному познанию механизма господствующего способа производства. Особенно значительных результатов в этой области достигли англичане; да и крупнейшие заслуги Родбертуса лежат в этой сфере. Но они все отрезывали себе путь к дальнейшему движению вперед тем, что экономическая критика служила им лишь основанием для построения утопии, что соответственно этому они ограничивали себя в своей критике и принимали положения классической экономии в качестве догм, подлежащих исследованию лишь постольку, поскольку они оказывались несогласными с „системой“.

Так в начале сороковых годов казалось, что невозможен какой бы то ни было дальнейший теоретический прогресс сравнительно с достигнутым Рикардо. Буржуазным экономистам путь к прогрессу был преграждлен интересами класса, который они должны были представлять; они, напротив, стремились исказить поелику возможно уже достигнутое познание. По самому положению вещей всякий дальнейший теоретический прогресс мог исходить только от социалистов; но последние не понимали развития того класса, интересы которого они хотели представлять, и в силу этого склонялись к утопизму и не были способны дать критическое исследование, идущее дальше Рикардо. Для того чтобы сделать из „научного социализма“, как он сам себя называл, социалистическую науку и установить связь между социализмом и экономией, надо было прежде всего установить связь социализма с рабочим движением. Утопизм надо было преодолеть посредством познания исторической роли трудящегося пролетариата.

Вильгельм Вейтлинг казался призванным установить связь социализма с рабочим движением, — связь, которая требовалась условиями времени его выступления и первоначальной деятельности (конец тридцатых и начало сороковых годов). Остроумный, полный фантазии и энтузиазма, он был достойным преемником великих утопистов-классиков, из которых он исходил, и представлялся тем крупнее, что к его времени утопизм сделался уже плоским и все более развивался в сторону мелко-буржуазности. Однако Вейтлинг не ограничился простым подражанием своим предшественникам. Он не был ни фабрикантом, ни купцом, он был рабочий и пришел во Франции в соприкосновение

с французским революционным рабочим движением. В силу этого его социализм должен был утратить филантропический характер, отличавший социализм утопистов до него, и принять революционный, определенно выраженный пролетарский характер. Местами он еще намекал, что считает возможным, чтобы какой-нибудь государь в альтруистическом воодушевлении ввел социализм [1]), но через все его рассуждения красной нитью проходит убеждение, что пролетарская революция неизбежна и что она послужит рычагом к осуществлению социализма.

Можно было бы ждать, что, исходя из этой точки зрения, он придет к пониманию исторической роли рабочего класса и вместе с тем к пониманию значения классовой борьбы, к убеждению, что она порождает элементы социального преобразования, организует, усиливает, физически и морально поднимает рабочий класс и таким образом позволяет ему созреть для выполнения его исторической задачи. Ничего этого у Вейтлинга нет. Рабочее движение, по его мнению, должно лишь служить для *разрушения* существующего, но не для *построения* нового строя; в соответствии с этим он очень низко оценивает предпосылки политической и экономической борьбы рабочего класса — политические свободы, как, например, свободу печати и избирательное право. „Поумнеем же, наконец, не будем поддаваться, не станем требовать и поддерживать ничего того, что не ведет к естественному равенству всех и что не обещает нам никакой *материальной* пользы... Свобода слова и печати, свобода промыслов, свобода торговли, мнений, и как бы там ни назывались многие искусственно сфабрикованные свободы, — их с радостью даст нам денежная система после испытанного поражения, так как она надеется при помощи этой комедии ввести нас в заблуждение относительно наших действительных интересов“. „Мы тоже хотим свободы выборов! Но не свободы современной денежной системы; ибо последняя — заблуждение. Свобода

---

1) Его „Гарантии гармонии и свободы“ (Vivis, 1842) заканчиваются следующими словами: „В Спарте дважды были цари, которые ввели общность имуществ. Неужели за период в 2 000 лет не найдется снова ни одного, который пошел бы по их стопам?

„Мы надеемся, что такой человек найдется, но не полагаемся на это.

„Властители земли! Вы располагаете средством затмить своей славой память об Александре и Наполеоне.

„Вы обладаете средством устранить приятным для вас и для нас способом общественное зло. Если мы одни возьмемся за это дело нашими грубыми средствами, оно будет осуществляться медленно и принесет страдания как нам, так и вам.

„Подумайте и выбирайте!“ (стр. 264, ср. стр. 253).

выборов при денежной системе столь же мало возможна, как и свобода *всех*“ („Гарантии“ и т. д., стр. 217, 226).

Повышение уровня жизни рабочего класса для Вейтлинга не только не является предпосылкой его освобождения, но служит скорее препятствием к этому. Он возлагает свои надежды на *понижение физического и нравственного уровня рабочих*. Принижение работающего пролетария до уровня лумпен-пролетария в глазах Вейтлинга является самым действительным средством для ниспровержения существующего общества. Он спрашивает в своих „Гарантиях“: „Какими средствами мы обладаем для осуществления социальной реформы?“ И отвечает: „Во-первых, продолжать учить и просвещать... Во-вторых, *быстро довести до крайних пределов* существующий уже беспорядок... Если у народа готово лопнуть терпение, это второе средство — *самое последнее и надежное*“. А если все это не поможет, тогда „надо будет проповедывать новую мораль, какую еще никто не осмеливался проповедывать“. Вейтлинг намекает на эту новую мораль, которая сводится к проповеди воровства, и затем продолжает: „Но эта мораль может быть с успехом проповедуема только среди масс, которыми кишат наши большие города и которые погружены *в безграничную нищету и впали в полное отчаяние*“ (там же, стр. 236, 240).

Итак, средство *избавления* пролетариата Вейтлинг видел *в ухудшении его положения и в разложении*. Это было возможно только потому, что он не имел ни малейшего представления о свойственном рабочему классу историческом развитии. Народ представлялся ему лишь машиной, причем все дело сводилось только к надлежащему использованию ее. После тридцатых годов, по его мнению, представлялось много благоприятных случаев для революции в Германии (там же, стр. 259), „но нигде они не были использованы, всюду недоставало *подходящего человека*. Почти везде была наготове налаженная машина — народ, — и нигде не нашлось мастера, который сумел бы искусно привести ее в движение“.

Итак, все зависит не от народа, а от „подходящего человека“. В силу такой точки зрения для Вейтлинга была исключена всякая возможность освободиться от утопизма, привести социализм в органическую связь с рабочим движением. Классовая борьба, воздействие которой медленно преобразует общество, сводится для него к завладению современным обществом единым приступом; и этот штурм имеет целью не доставить рабочему классу политическую власть, а создать условия для деятельности „надлежащего

человека", благословенного избавителя, в голове которого созрел рай на земле. Чем для Фурье являлся миллионер, которого он ежедневно поджидал, тем была для Вейтлинга революция, — силой, долженствовавшей доставить ему средства для осуществления тщательно разработанной утопии.

„Самым желательным переходным периодом был бы, конечно, такой, — говорит Вейтлинг (там же, стр. 243), — когда, благодаря перевороту в каком-либо государстве, у кормила правления стал бы какой-нибудь человек, с величайшей любовью преданный нашему принципу, усматривающий свое счастье, свою честь, свою жизнь в осуществлении этого принципа. *Но такой человек появится,* и он будет руководить разрушением старого, равно как и организацией нового строя; *и он будет вторым Мессией, более великим, чем первый.* И он заканчивает 10 главу своих „Гарантий" следующими словами: „И мы стоим накануне важных событий, *самых важных*, какие когда-либо видел мир".

„Придет новый Мессия, чтобы осуществить учение первого.

„Он разрушит сгнившую постройку старого общественного порядка, отведет реки слез в море забвения и превратит землю в рай.

. . . . . .

„И власть, предоставленную ему, он выпустит из рук не прежде, чем будет завершено смелое дело.

„Тогда не будет уже господствовать над обществом воля одного человека, — господствовать станет знание всех.

„И величайший Мессия скромно подчинится этому новому господству.

„То будет увенчанием его дела, и весь мир познает в нем второго Мессию, более великого, чем первый".

Чем-то величественным веет от этих надежд на грядущего Мессию (каковым, сказать мимоходом, Вейтлинг впоследствии считал самого себя), но они уводят нас от познания фактических отношений и снова приводят в мир утопии.

Мелко-буржуазный социализм взял своим исходным пунктом учение *классической* политической экономии; ему не удалось значительно подвинуть вперед, в сравнении с нею, познание капиталистического способа производства.

Пролетарский социализм, как его основал Вейтлинг, исходил из рабочего движения, но ему не удалось познать закон исторического развития рабочего класса.

Однако предпосылки для решения как экономической, так и исторической проблемы были уже налицо в тридцатых и сороковых годах, а именно — достаточное развитие ка-

питализма и рабочего класса, истории и философского метода. Но они односторонне развились в различных странах: в Германии преимущественно философский метод; во Франции — история и революционные традиции рабочего населения; в Англии — капитализм и организация рабочих как класса. *В одной* стране, впрочем, все эти элементы оказались соединенными — *в Рейнской провинции.* Только после 1815 года стала она прусской, после того как ее расположенные по левому берегу Рейна части втечение двадцати лет были фактически — а с 1801 года и формально — французскими и впитали в себя воззрения французской революции. Даже после присоединения к Пруссии к западу от Рейна остался еще в силе Кодекс Наполеона, и традиции Великой революции долго еще сохранялись в полной силе. Нигде поэтому в Германии в первой половине нашего века не обладали таким пониманием народных движений, как в Рейнской области. К этому присоединялось то, что именно там была наиболее развита германская промышленность, во многих случаях почти не уступая английской. Нигде в Германии не были так ярко выражены особенности капиталистического способа производства, как в Рейнской провинции. Но как часть Германии эта провинция находилась также под влиянием германской философии, переживавшей в двадцатых и тридцатых годах такой сильный подъем благодаря Гегелю и его критическим ученикам (особенно Фейербаху).

Таким образом в Рейнской области оказались соединенными элементы новой социалистической науки.

И, конечно, не случайность, что основатели последней — Маркс и Энгельс — происходили из страны, которая в известном смысле подвергалась в одинаковой степени как французскому и английскому, так и немецкому влиянию. И равным образом нам не представляется случайным, что оба основателя научного социализма сами в равной мере подверглись этому тройному влиянию. Маркс (а что относится к нему, относится также более или менее и к Энгельсу) изучил *в Германии* гегелевскую философию, ту философию, которая придает особенное значение изучению *становления, а не бытия*, которая видит всюду движение, а не неподвижность, неизменность; всюду видит борьбу и противоречия и их окончательное преодоление в высшем синтезе. Здесь приобрел он методологическую основу, применением которой как в истории, так и в экономии он должен был затем достичь столь блестящих результатов.

Во *Франции* буржуазия после наполеоновских войн все более утрачивала те иллюзии, которые владели ею во время

Великой революции. Она уразумела, что добилась прав человека не для всего человечества, а для себя самой, что ее классовые интересы отличны от интересов пролетариата, что и борьбу против феодализма она вела не в интересах чистой человечности, а в своих классовых интересах. Поскольку буржуазия не решалась признаться в этом, это было высказано ясно и определенно представителями пролетариата, которые кричали об измене, совершенной буржуазией по отношению к народу, совместно с которым она вела борьбу против феодализма — для того только, чтобы самой завладеть добычей. Становилось все более ясным, что события последних ста лет в истории Франции были обусловлены классовой борьбой. Маркс усвоил это понимание истории, когда попал во Францию, но расширил его. Он обобщил принцип классовой борьбы, при помощи которого пытались объяснить лишь определенный период времени в истории определенной страны; он проследил его воздействие в течение всего исторического развития и повсюду нашел, что классовая борьба является основной причиной исторического движения со времени возникновения вообще классовых противоречий. Но так как определенные классовые противоречия могут быть поняты только в результате познания соответствующих им условий производства, с которыми они стоят в самом тесном взаимодействии, то основой изучения исторического развития становится исследование и изучение соответствующих экономических, материальных условий, соответственного способа производства.

Благодаря этому пониманию истории Маркс соединил социализм с рабочим движением, поскольку он доказал, что цель социализма не представляет собою ни чего-то сотворенного произвольно „великим человеком“, ни „вечного“ принципа, до сих пор остававшегося скрытым от человечества, пока его не открыл обществу гениальный провидец; что, напротив, цели социализма с естественной необходимостью вызываются развитием современного способа производства и классовой борьбы и могут быть познаны лишь путем изучения этого способа производства, его действия и его возникновения.

Англия дала Марксу возможность вскрыть тайну этого способа производства и вполне выяснить его механизм, сперва косвенно — при посредстве ее экономической литературы и благодаря указаниям хорошо знакомого с английскими условиями Энгельса, — а затем и непосредственно, когда реакция заставила Маркса переселиться в Англию.

Отсюда видно, что выражение „немецкий научный со-

циализм" следует понимать cum grano salis. Новый научный социализм как по происхождению своему, так и по развитию является интернациональным: он одновременно английский, французский и немецкий. Грей, Брэй и четыре страницы „и тому подобных", о которых Маркс говорит в „Нищете философии", могли создать школу только в Англии; прудонисты, если не считать немногих чудаков, существуют только в романских странах; родбертусианству для своего распространения необходимы были прусские условия. Напротив того, научный социализм Маркса и Энгельса нашел распространение как в Англии, так и во Франции, в Германии, в России.

Два произведения Маркса прежде всего имеют значение для развития политической экономии; одно относится к начальному периоду его работы в области экономии, другое — к последнему. „Нищета философии" появилась в 1847 году. Немецкой публике это сочинение лишь недавно стало доступным в немецком переводе [1]). Первое издание I тома „Капитала" появилось в 1867 году, третье издание — в 1883 году. Привести в окончательный вид оба заключительные тома, как известно, не было суждено неутомимому исследователю, который в строгой самокритике никогда не считал свой труд законченным. Издание литературного наследства Маркса выпало на долю Энгельса, который положил начало этому изданию опубликованием II тома „Капитала" [2]).

Как уже упомянуто, Маркс нашел, что политическая экономия, равно как и социализм, попали в тупик. Он развил их дальше и дал им возможность дальнейшего развития; но это было возможно лишь в результате преодоления как прежнего социализма, так и прежней экономии. Свою деятельность в области научного социализма Маркс начал с критики выступающего в „научном" одеянии утопизма. Он кончил критикой политической экономии.

„Нищета философии" Маркса прямо направлена лишь против Прудона, предшественников которого Маркс называет на упомянутых четырех страницах, где говорится об английских „и тому подобных". Но попадает он также и в Родбертуса, как отмечает это Энгельс в своем предисловии, которое мы поместили в „Die Neue Zeit" (III год изда-

---

1) *Karl Marx*, Das Elend der Philosophie. Antwort auf Proudhons „Philosophie des Elends". Deutsch von E. Bernstein und K. Kautsky. Mit Vorwort und Noten von *Friedr. Engels*. Stuttgart, I. H. W. Dietz. 1885, Ss. XXXVII + 209.

2) *Karl Marx*, Das Kapital. Kritik der politischen Oekonomie. 2. Bd., Buch II: Der Zirkulationsprozess des Kapitals. Herausgegeben von Friedr. Engels. Hamburg, O. Meissner. 1885, Ss. XXVII + 526.

ния, № 1)[1]). Но книга эта критикует не только социалистический утопизм, но и различных местах и политическую экономию, по-историческую точку зрения которой особенно Маркс подчеркивает. Но вместе с тем Маркс дает уже нам в „Нищете философии" указания на свою собственную систему. Уже в этом произведении мы знакомимся с его пониманием истории, равно как и с экономической точкой зрения.

Взаимодействие между развитием способа производства и классовой борьбой, которые взаимно обусловливают друг друга, воздействуя на развитие друг друга, отмечено уже в „Нищете философии", как причина исторического движения. „С того момента, как начинается цивилизация, — говорит Маркс, — производство начинает строиться на противоположности профессий, сословий, классов, наконец, на противоположности между накопленным и непосредственным трудом. Без противоречий нет прогресса, — таков закон, которому до сих пор следовала цивилизация. До сих пор производительные силы развивались на основе этого господства классовых противоречий" (стр. 39).

„Чтобы судить правильно о феодальном производстве, мы должны рассматривать его как способ производства, основанный на противоречиях. Мы должны показать, как производилось богатство в пределах этих противоположностей; как производительные силы развивались одновременно с антагонизмом классов; как один из этих классов, „плохая сторона", общественное зло, постоянно возрастал, пока материальные условия его освобождения не достигали полной зрелости. А это с полной очевидностью показывает, что способ производства, отношения, в которых развиваются производительные силы, отнюдь не будучи предвечными законами, лишь соответствуют определенному уровню развития человека и его производительных сил и что всякая перемена в области производительных сил человека по необходимости ведет к соответствующей перемене в области производственных отношений. И так как всего важнее не терять плодов цивилизации, не покидать достигнутого уровня производительных сил, то и оказывается необходимым ломать унаследованные формы, в которых эти силы создавались. С этого момента революционный класс становится консервативным".

„На заре своего развития буржуазия имеет перед собой пролетариат, который в свою очередь представляется

---

[1]) Речь идет о предисловии Энгельса к „Нищете философии" Маркса. *Прим. ред.*

пережитком или остатком пролетариата эпохи феодализма. В ходе своего исторического развития буржуазия по необходимости развивает свой антагонистический характер, который в момент ее выступления на сцену был более или менее замаскирован, существовал лишь в скрытом состоянии. По мере же дальнейшего развития буржуазии в недрах ее создавался новый пролетариат, пролетариат современный; тогда стала развиваться и борьба между классом пролетариев и классом буржуазии, борьба, которая сначала выражается только в столкновениях частичных и кратковременных, в разрушительных актах и лишь позже будет обеими сторонами осознана, оценена, понята и, наконец, всенародно прокламирована“ (стр. 117, 118). С этой точки зрения Маркс противопоставляет свою позицию позиции буржуазных экономистов, с одной стороны, и предшествовавших ему социалистов — с другой (стр. 121); далее он развивает свою позицию еще подробнее (стр. 177 и сл.). Мы уже выше отметили это отличие позиции Маркса и прогресс, сделанный им, и отсылаем к соответствующим местам его книги.

И если Маркс таким образом внес экономику, материализм в историю, то он также внес и историю в экономику. Та и другая составляют для него одно неразрывное целое. В соответствии с этим он, в противоположность предшествовавшим ему экономистам и социалистам, рассматривает экономические категории как категории исторические, а не вечные, он старается исследовать исторические условия, которые были необходимы для их возникновения. Но Маркс ввел понятие движения в политическую экономию и другим путем. Экономисты, часто даже Рикардо, в большинстве случаев смешивали естественные формы, которые лежат в основе экономических категорий, с общественными отношениями, выражающими их в действительности. Они должны были делать это, так как рассматривали экономические категории, поскольку это вообще возможно, отделенными одна от другой, в неподвижном состоянии. При такой манере исследования утрачивается почти полностью их общественный характер, тогда как их естественные формы больше бросаются в глаза. Маркс рассматривал экономические категории не в состоянии *покоя,* а в *движении,* не со стороны их *форм,* а со стороны их *функций.* Если можно так выразиться, экономисты дали *анатомию* (учение о строении) капиталистического способа производства, Маркс — его *эмбриологию* и *физиологию* (учение о функциях). Только это дало возможность полного понимания господствующего способа производства.

Систематически эти характерные особенности мировоззрения Маркса развиты лишь в „Капитале“. Но уже в „Нищете философии“ мы находим указания на эти особенности. Некоторые из них следует привести здесь в виде иллюстрации к сказанному.

Что Маркс рассматривает экономические категории как исторические, известно всем, кто когда-либо заглядывал в его экономические работы. Поэтому отметим здесь лишь один соответствующий пример из „Нищеты философии“, который заслуживает внимания постольку, поскольку он касается экономической категории, оставшейся незатронутой в других появившихся до сих пор сочинениях Маркса и подлежащей систематическому исследованию лишь в III томе „Капитала“: мы имеем в виду *земельную ренту*.

„Рента, в смысле Рикардо, есть поземельная собственность в ее буржуазной форме, т. е. феодальная собственность, подчинившаяся условиям буржуазного производства... Чтобы учение Рикардо приобрело универсальное значение, необходимо, чтобы различные отрасли индустрии были открыты капиталу, чтобы усиленная конкуренция капиталистов выравнивала прибыль; чтобы арендатор был только индустриальным капиталистом, так, чтобы в случае затраты капитала на землю худшего качества он претендовал на прибыль, равную той, какую ему принес бы его капитал в любой из отраслей промышленности; необходимо, наконец, чтобы сельское хозяйство велось по системе крупной индустрии и чтобы сам землевладелец придавал значение только денежной выручке... Рента, в смысле Рикардо, знаменует превращение патриархального земледелия в промышленное, приложение индустриального капитала к земле, перемещение буржуазии из города в деревню. Вместо того, чтобы привязывать человека к природе, рента, наоборот, привязала эксплоатацию земли к конкуренции. Землевладение, конституированное как рента, само уже представляется *продуктом конкуренции*, так как оно уже зависит от рыночной стоимости сельскохозяйственных продуктов. Как рента, землевладение мобилизовано и становится объектом торга. Рента возможна лишь с того момента, когда развитие городской индустрии и созданная им социальная организация принуждают землевладельца заботиться лишь о торговой прибыли, о денежной выручке от сбыта сельскохозяйственных продуктов и видеть в землевладении только машину, выделывающую деньги... Рикардо, по предположению которого буржуазное общество является предпосылкой создания ренты, применяет, тем не менее, понятие земельной ренты к землевладению всех народов и стран. Но та-

ково уже заблуждение всех экономистов, которые считают отношения буржуазного производства вечными“ (страницы 160—164).

В заключение еще несколько примеров того, как Маркс рассматривает экономические категории в качестве общественных отношений, в их движении, в их функционировании.

„Деньги — не вещь, а общественное отношение. Почему же отношение денег есть производственное отношение, как и всякое иное экономическое отношение, например, разделение труда и пр.? Если бы г. Прудон дал себе отчет в этом отношении, он не увидел бы в деньгах какое-то исключение...

„Напротив, он нашел бы, что это отношение есть лишь отдельное звено в целом сцеплении экономических отношений и, как таковое, самым тесным образом связано с ним и что это отношение совершенно так же соответствует определенному способу производства, как индивидуальный обмен“ (стр. 65).

И в другом месте Маркс говорит: „Машины столь же мало представляют собою экономическую категорию, как и вол, который тянет плуг, — они лишь производительная сила. Но современная фабрика, покоящаяся на применении машин, есть общественное отношение производства, экономическая категория“ (стр. 130).

В „Нищете философии“ Маркс хотел выяснить—отличие своего социализма от прежнего и показать, каким образом социализм может быть развит и приведен в связь с экономической наукой, с одной стороны, с рабочим движением — с другой. Он не имел в виду дать в этой книге систематическое изложение и обоснование своей точки зрения. Но именно поэтому мы совсем не встречаем в ней тех утомительных и требующих самого напряженного внимания рассуждений, какие неизбежны при систематическом изложении совершенно новой точки зрения в такой абстрактной науке, какою является политическая экономия. Современная публика не любит подобных трактатов, чем и объясняется постоянно повторяющееся требование популяризации „Капитала“. Как будто трудности понимания этого сочинения заключаются в изложении, а не в самом предмете. Нам нужна не столько *популяризация* „Капитала“, которая во многих случаях может свестись лишь к *упрощению* [1]), сколько *введение* в изучение „Капитала“, дающее нам

---

[1]) Этим мы совсем не намерены высказаться против издания *извлечений* из „Капитала“. Подобное извлечение, в сжатой форме знакомящее рабочих, не имеющих ни времени, ни денег для изучения оригинала, с выводами последнего, было бы даже весьма желательно для Германии. Во Франции издано хорошее извлечение из „Капитала“, составленное Г. Девиллем.

комментарий к кратким, сжатым положениям автора и побуждающее искать в них то, что в них содержится. „Нищета философии" отлично служит таким введением. Книга эта, таким образом, не только имеет исторический интерес, как важный этап в истории развития социализма и политической экономии, — она имеет и актуальный интерес для всех тех, кто хочет выработать в себе понимание рабочего движения и господствующего способа производства.

II.

Прошло двадцать лет до тех пор, пока Маркс получил возможность опубликовать в „Капитале" в систематически развитом виде то, что он афористически наметил в „Нищете философии"; первые наброски этого изложения он дал уже в своих статьях о „Наемном труде и капитале" в „Новой рейнской газете" в 1849 году и спустя десять лет в своем сочинении „К критике политической экономии",— наброски, которые снова и снова подвергались новой обработке вследствие строгой, никогда не довольной собою самокритики автора. Но эта самокритика явилась лишь одной из причин замедления в появлении „Капитала"; другая коренилась в интенсивном участии Маркса в рабочем движении. Несколько месяцев спустя после появления „Нищеты философии" во Франции разразилась революция. Маркс поспешил в Париж, а оттуда в Кёльн, в центр революционного рабочего движения Германии в 1848 г. Свыше года развивал здесь Маркс неустанную и энергичную деятельность в партийной борьбе. Газета, главным редактором которой он являлся, — „Новая рейнская газета", — из всех немецких газет того времени оказала наибольшее влияние на революционное развитие рабочего класса. Революция потерпела поражение, и Маркс вынужден был бежать. В Англии он был занят, на-ряду с суровой борьбой за существование, изучением экономических вопросов, что в существенной мере содействовало обоснованию и развитию его уже ранее выработанных воззрений. В своем уже упомянутом сочинении „К критике" и т. д. Маркс готовился уже нанести решительный удар прежней политической экономии, когда участие в рабочем движении снова оторвало его от научных занятий. В начале шестидесятых годов рабочее движение начало во всех странах современной цивилизации пробуждаться из летаргического сна, в который его погрузили удары 1848 и 1849 годов. В Германии, Швейцарии, Франции, Бельгии, Испании, Англии — повсюду рабочие зашевелились; даже в государствах, в которых капитализм

был еще молод и в которых в 1848 году еще не существовало социалистического движения, последнее начало развиваться, как, например, в Соединенных штатах и в России. Маркс один из первых стал пропагандировать тот взгляд, что для поднятия этих разрозненных движений на высоту, превосходящую ту, которой они уже достигли в 1848 году, необходимо одно: их интернациональное сплочение, пробуждение сознания их международной общности. Это и явилось задачей „Интернационала“, той могучей организации, которая в течение десятилетия руководила рабочим движением всех стран и определяла его характер. Маркс развил обширную деятельность в этом союзе; она мешала ему отдаться всецело науке и замедлила завершение „Капитала“. Когда „Интернационал“ в конце концов свелся на-нет, отчасти потому, что достиг своей цели — установления международной солидарности рабочего движения, — отчасти потому, что в романских странах преследования и всякого рода расколы поколебали у него почву под ногами, тогда как в Германии социал-демократия выросла так сильно, что уже не ограничивалась чисто критической и пропагандистской деятельностью, а стала принимать практическое участие в политической жизни, благодаря чему ее деятельность более замкнулась в национальные рамки, не теряя, однако, своего международного характера,— когда эти и другие условия свели „Интернационал“ на-нет и вновь полностью и целиком вернули Маркса науке, его железное здоровье было уже подорвано непрерывной изнурительной борьбой за существование и столь же изнурительной неутомимой политической деятельностью. Между тем как он постоянно предъявлял к себе и своему труду все новые требования, постепенно исчезала умственная эластичность, необходимая для его выполнения.

Таким образом случилось, что „Капитал“ еще не закончен, что нам недостает еще III тома, трактующего о процессе производства в целом. Но пока этот том не появится, окончательное изложение того, что Маркс совершил для политической экономии, столь же мало возможно, как и вполне правильное резюме содержания двух первых томов, так как в отношении некоторых пунктов еще не ясно видно, представляют ли они лишь вывод из уже сказанного или также и важное основание для последующего. Таким образом, до сих пор было невозможно вполне надежное отделение существенного от менее важного. Это в особенности относится ко II тому.

Одно, впрочем, можно сделать с полной уверенностью уже в настоящее время — изложить и проследить характе-

ризующую Маркса точку зрения и его метод, указания на которые мы уже нашли в „Нищете философии". Мы отчетливо видим в „Капитале" его понимание экономических категорий как исторических, с одной стороны, и как чисто общественных отношений, с другой стороны; Маркс резко отграничивает экономические категории от лежащих в их основе естественных форм и выводит их особенности путем изучения их *движения*, их функций, а не их внешних, случайных форм проявления: одним словом, он выводит *экономические категории из развития и движения общественных отношений.*

В противовес свойственному *буржуазной* экономии фетишизму, который превращает *общественный*, *экономический* характер, налагаемый на вещи в процессе общественного производства, *в естественный* характер, обусловливаемый материальной природой этих вещей, Маркс заявляет: „Дело здесь идет не об *определениях*, под которые подводятся вещи. Речь идет об определенных *функциях*, которые выражаются в определенных категориях" (том II, стр. 206, 207) [1]).

Чтение первых строк I тома „Капитала" уже показывает нам этот характерный метод.

„Богатство обществ, *в которых господствует капиталистический способ производства,*— этими словами начинается I том,— представляет собою огромное *скопление товаров,* а отдельный товар — его элементарную форму. Наше исследование поэтому начинается с анализа *товара*". Маркс таким образом исходит из анализа *товара,* тогда как Рикардо (а также Родбертус) принимает товар и продукт как нечто равнозначащее, смешивает естественную форму, лежащую в основе товара, с общественным отношением, превращающим продукт в товар. Для Маркса законы товарного производства представляют собою законы определенного, исторически данного способа производства, определенного общественного строя. Они неприменимы к другим способам производства, например, к первобытному коммунистическому или к тому коммунистическому, к которому мы, по мнению Маркса, приближаемся. Для Рикардо и тех, кто исходит из его основных посылок, экономические законы, выводимые им из товарного производства, являются законами производства продукта вообще, следовательно, имеющими силу до тех пор, пока вообще производятся продукты.

---

1) *Маркс*, Капитал, т. II. Русский перевод В. Базарова и И. Степанова. М. 1925 г., стр. 198. Ниже всюду в примечаниях указаны страницы по этому изданию.

Прим. ред.

Маркс при анализе товара строго различает его натуральную форму, определяющую его потребительную стоимость, от общественного отношения, которое придает продукту характер товара. Товар характеризуется тем, что он производится не для собственного потребления производителя — будь то отдельное лицо или целая корпорация, как, например, община, — а для обмена на другой продукт. При господстве товарного производства каждый — отдельное лицо или корпорация — производит продукты, которые ему самому не нужны, для обмена на продукты, в которых он нуждается. Таким образом, *обмен* является *общественной функцией*, присущею товару. И потому отношение, в котором обмениваются друг на друга два товара, их меновая стоимость не может определяться естественными формами обоих предметов, фигурирующих в качестве товаров, она может определяться только общим им обоим *общественным* элементом. Существует только один общий всем товарам социальный элемент — *человеческий труд*. Именно он определяет стоимость каждого товара, а вместе с тем и отношение, в котором он обменивается на другие товары. „Меновая стоимость есть только определенный общественный способ выражать труд, потраченный на приготовление вещи, и может содержать в себе не больше вещества, данного природой, чем, например, вексельный курс". („Капитал", т. I, стр. 60.) Но экономисты не пытались рассматривать стоимость как общественное отношение, проистекающее из общественной функции товара, а выводили стоимость из естественной формы товара, из самого продукта. Неудивительно поэтому, что стоимость представлялась им чем-то мистическим, чем-то свойственным самому продукту независимо от общественных отношений, теснейшим образом связанным с его природной формой и все-таки от него отличным, совсем так, как мы представляем себе душу существующей только вместе с человеческим телом и все же отличной от него.

Строго отделив общественный характер товара от природной формы продукта, Маркс приступает к имеющему столь же важное значение различению в самом труде: с одной стороны, труд, определяющий природную форму материи, и, с другой стороны, труд в качестве социального элемента в его общественной связи. Только труд в последнем смысле образует стоимость. Для обмена различных товаров между собою их производители должны качественно приравнивать друг другу содержащиеся в них различные проявления человеческой рабочей силы. Чтобы продукт труда сапожника можно было обменять на продукт труда

портного, надо отвлечься от особенностей этих обоих видов труда и выделить то, что является общим для них, а именно то, что они оба представляют собой проявление человеческой рабочей силы вообще. В рамках товарного производства всякий производящий предметы труд с общественной точки зрения представляется качественно равным всякому иному труду. Меновая стоимость образуется общественным сопоставлением различных видов труда как видов человеческого труда вообще. Но в качестве *определенной* целесообразной производительной деятельности труд является созидателем *потребительных стоимостей*, но не *стоимостей;* он является „условием существования людей, независимо от каких бы то ни было общественных форм, вечной естественной необходимостью, посредником в обмене веществ между человеком и природой, обусловливающем общественную жизнь“ (стр. 17). Но поскольку труд образует потребительные стоимости и рассматривается независимо от его общественных отношений, он не является единственным источником богатства. „Потребительные стоимости представляют соединение двух элементов: материи и труда. Если вычесть общую сумму всех полезных работ, заключающихся в сюртуке, холсте и т. п., то всегда останется какой-то материальный субстрат, нечто, доставляемое природой без содействия человека. Человек в своей производительной деятельности может поступать лишь так, как поступает сама природа, т.-е. лишь изменять формы материи. Даже больше. В самой этой преобразовательной деятельности ему постоянно помогают силы природы. *Труд поэтому не есть единственный источник производимых им потребительных стоимостей, материального богатства.* Как говорит Петти, труд — отец, а земля — мать богатства“ (стр. 17).

Отделив таким образом в товаре, как и в труде, их природную форму, независимую от каких бы то ни было общественных отношений, от их общественной формы — только благодаря этому отделению стало возможно правильное понимание стоимости, — Маркс переходит к изучению товара в его функционировании, к исследованию развития различных видов обмена и выведению из них экономических категорий. Концепция, развитая им здесь, является не только *логической, но и исторической*. Простая, развернутая, всеобщая форма стоимости и, наконец, деньги следуют одна за другой не только логически, но и исторически. Простая форма стоимости „практически, очевидно, встречается лишь в *примитивные эпохи*, когда продукты труда превращаются в товары только посредством *отдельных и случайных* меновых актов... Развернутая форма стоимости в

действительности встречается тогда, когда какой-нибудь продукт труда, например, скот, начинает обмениваться на другие различные товары не в виде исключения, а уже обычно... Всеобщая же форма стоимости возникает, наоборот, только как общее дело всего товарного мира“ (стр. 42); она предполагает существование развитого товарного производства. Выделение определенного товара, золота, в качестве всеобщей эквивалентной формы (меры стоимости), т. е. возникновение денег, опять-таки представляет собою исторический акт.

Вслед за этим следует исследование функции денег и прежде всего законов простого товарного обращения. Здесь мы уже знакомимся с функциями денег, которые выступают в качестве предпосылки или предшественника производительного капитала. Мы знакомимся с образованием сокровищ, с функциями денег как платежного средства, т. е. как средства покупать товары, которые поступают к покупателю лишь спустя некоторое время, и продавать товары, которые оплачиваются лишь спустя некоторое время. Этим создаются основы *кредитной системы и ростовщического капитала*. Наконец, указывается также и на значение *купеческого капитала* для развития капиталистического способа производства.

Но для возникновения производительного капитала, т. е. стоимости, производящей прибавочную стоимость, был прежде всего необходим *один* элемент: появление товара, который в своем производительном потреблении порождает прибавочную стоимость; посредством покупки и производительного потребления этого товара обладатель денег приобретает прибавочную стоимость. Товар этот — *рабочая сила*. Лишь весьма поздно приобретает рабочая сила характер товара, а именно тогда и там, когда и где падают прежние ограничения, каковы, например, первобытная коммунистическая собственность на землю, рабство, крепостничество, цехи, которые препятствуют продаже рабочей силы или делают ее ненужной.

Здесь метод Маркса приводит к одному из важнейших достижений в политической экономии. До Маркса все занимавшиеся политической экономией буржуазные экономисты, равно как и социалисты, рассматривали капитал как экономическую категорию, которая так же стара, как и сам род человеческий; у Рикардо первобытный рыбак и первобытный охотник являются капиталистами; другим дубина дикаря представляется в виде капитала; Кэри трактует о капиталистах каменного века; мало того, даже камень, ко-

торым обезьяна щелкает орехи, и запасы, которые собирает хомяк, рассматривались как капитал [1]).

Эти экономисты видели, что орудия и запасы служат в качестве капитала, и поэтому они объявили капиталом всякое орудие и всякие запасы, невзирая на их общественные функции. Этим они отрезали самим себе путь к познанию характерных свойств капитала. Так как орудия и запасы необходимы для производства, то можно было объявить и капитал необходимым; вульгарные экономисты вывели отсюда, разумеется, то следствие, что существующий способ производства никоим образом не может быть изменен, ибо это значило бы устранить вообще производство. Социалисты, в свою очередь, рассматривали капитал в том виде, как он фактически развился в ходе истории, как какое-то „заблуждение", „злоупотребление" „истинным капиталом"; но как ни необходим казался социалистам и экономистам капитал, они не могли притти к согласию насчет того, что же представляет он собою. Причина этой путаницы весьма проста. *Функции* капитала вполне определенны, точно ограничены, тогда как его *натуральные формы* изменчивы. Один и тот же капитал существует сегодня в форме денег, завтра в форме рабочей силы, машин и сырых материалов, которые капиталист купил и производительно применяет, послезавтра в форме запаса товаров, ожидающих реализации содержащейся в них стоимости и прибавочной стоимости. С другой стороны, одна и та же монета функционирует в руках капиталиста в качестве капитала, например, для покупки рабочей силы, в руках рабочего — в качестве потребительного фонда для покупки средств существования. Рабочая сила, пока она остается непроданной в обладании рабочего, является лишь товаром; лишь только ее покупает капиталист, она функционирует в качестве капитала и т. д., и т. д.

Капитал — Протей: мы схватываем одну из его форм и думаем удержать его в ней, но, смотришь, он уже в руках переменил свою форму и исчез. Ясно представить себе сущность капитала можно, только отвлекшись от лежащих в его основе натуральных форм и имея в виду лишь его общественные функции. Общественный характер капитала Маркс вкратце представил уже в своих статьях „Наемный труд и капитал". Приведем здесь соответствующее место, так как оно существенно облегчает понимание исследования капитала в „Капитале". Маркс говорит:

---

[1]) Мы не касаемся здесь специфически немецкой политической экономии, которая причисляет к капиталу все, что может быть поставлено в какую-нибудь связь с производством, даже *государство, доверие, душу*. Почему бы и не религию?

„Капитал состоит из сырья, орудий труда и средств существования всякого рода, которые применяются для того, чтобы производить новое сырье, новые орудия труда и новые средства существования. Все эти составные части представляют собою создание труда, продукты труда, *накопленный труд*. Накопленный труд, служащий в качестве средства для нового производства, представляет собою капитал.

„Так говорят экономисты.

„Кто такой негр? Раб. Человек черной расы. Одно объяснение стоит другого.

„Негр есть негр. Лишь при определенных условиях он становится рабом. Хлопчатопрядильная машина есть машина для прядения хлопка. Только при определенных условиях она становится *капиталом*. Вырванная из этих условий, она столь же мало является капиталом, как и *золото* само по себе является *деньгами* или сахар — ценою сахара.

„В производстве люди становятся в определенное отношение не только к природе. Они производят, лишь вступая определенным образом в взаимодействие между собою, взаимно обмениваясь своей деятельностью. Для того чтобы производить, они вступают в определенные отношения и связи между собою, и только внутри этих отношений и связей имеет место их взаимодействие с природой, имеет место их производство.

„В зависимости от характера средств производства различны, естественно, и те общественные отношения, в какие вступают друг с другом эти производители, условия, в которых они обмениваются своей деятельностью и участвуют в общем акте производства. С изобретением нового военного орудия, огнестрельного оружия, необходимо изменилась вся внутренняя организация армии, преобразовались отношения, внутри которых отдельные личности образовывали армию и могли действовать в качестве армии, изменилось также отношение армий друг к другу.

„Общественные отношения, при которых производят отдельные люди, общественные отношения производства таким образом изменяются, преобразуются вместе с изменением и развитием материальных средств производства, производительных сил. Производственные отношения в своей совокупности образуют то, что называют общественными отношениями, обществом, и притом обществом на определенной ступени его исторического развития, обществом с своеобразным, отличным от других характером. Античное общество, феодальное общество, буржуазное общество являются такими совокупностями производственных отношений,

каждая из которых знаменует собой особую ступень развития в истории человечества.

„*Капитал тоже представляет собою общественное отношение производства. Он — буржуазное отношение производства*, отношение производства буржуазного общества. Средства существования, орудия труда, сырье, из которых состоит капитал, разве они добыты и накоплены не при данных общественных условиях, не при определенных общественных отношениях? Разве они применяются для нового производства не при данных общественных условиях, не при определенных общественных отношениях? И разве не этот именно определенный общественный характер служащих для нового производства продуктов делает их *капиталом*?“

Так писал Маркс уже в 1849 году об общественном характере капитала, воспользовавшись этим случаем для более точной формулировки своей общей экономической точки зрения.

Но Маркс не только вскрыл исторический и общественный характер капитала. Исследуя функции капитала, он нашел, что основа капитализма, производство прибавочной стоимости, происходит исключительно в процессе производства; что возникновение прибавочной стоимости не может быть понято, если не отличать одно от другого два свойственных капиталу движения, — его процесс производства и его процесс обращения. Прибавочная стоимость создается в процессе производства; она *реализуется* во время процесса обращения. От купли и продажи зависит, в какой мере примет реальный образ заключающаяся в товаре прибавочная стоимость. Между тем буржуазная экономия смешивает прибавочную стоимость с ее формами проявления, прибылью и земельной рентой, пытается вывести последние из процесса обращения и смешивает свойственные капиталу функции, вытекающие из процесса обращения и обусловливающие деление на основной и оборотный капитал, с свойственными процессу производства функциями, которые обусловливают различение между постоянным и переменным капиталом. Об этом Маркс подробно трактует во II томе „Капитала“.

С другой стороны, классическая экономия, — не говоря уже о вульгарной экономии, — выводила законы прибавочной стоимости не из *движения*, не из особенностей *процесса производства*, а из состояния покоя, из свойств *продукта*. Стоимость продукта, по Рикардо, определяется необходимым для его производства трудом; но она в свою очередь делится на заработную плату, прибыль на капитал и земельную ренту. При таком способе рассмотрения, когда исходят

из готового продукта, это распределение представляется обусловленным внешними обстоятельствами, „существующими правовыми учреждениями“; ввиду этого казалось возможным. — как того требовали некоторые социалисты, делавшие из учения Рикардо утопические выводы, — обеспечить рабочему при помощи одной лишь юридической реформы или *полную стоимость* продукта его труда, или, как того хочет Родбертус, определенную процентную долю последнего.

Маркс положил конец такому наивному пониманию, поскольку, с одной стороны, он резко отграничил друг от друга прибавочную стоимость и прибыль, равно как процесс обращения и процесс производства, и, с другой стороны, вывел из последнего прибавочную стоимость, не из *продукта*, но из *способа производства*.

Мы видим, таким образом, что теория прибавочной стоимости Маркса совершенно самостоятельна и резко отличается от теории Родбертуса. Родбертус рассматривает заработную плату как *долю стоимости продукта*. Маркс же уже в 1849 году („Наемный труд и капитал“) заявил: „Заработная плата отнюдь не представляет собою долю рабочего в произведенном им товаре. Заработная плата есть часть уже имеющихся в наличности товаров, при помощи которых капиталист покупает себе определенную сумму производительного труда“.

Маркс не открыл существование прибавочной стоимости. Со времени Смита всякий, серьезно занимающийся политической экономией, знает, что таковая существует. Но Маркс первый показал, как *возникает* прибавочная стоимость, как она производится. Только благодаря этому прибавочная стоимость сделалась ключом к пониманию капиталистического способа производства. Раньше же эта экономическая категория служила лишь основой для утопий и сантиментальных декламаций.

Выяснение противоположного характера понятий прибавочной стоимости у Маркса и у Родбертуса имеет не только *теоретическое* значение. Эта противоположность имеет также и *практические* последствия. Если заработная плата не представляет собою доли изготовляемого рабочим продукта, то невозможно и установить эту долю в виде определенного процента стоимости этого продукта, как того хочет Родбертус. Если прибавочная стоимость является результатом способа производства, то она не может быть увеличена или уменьшена или устранена посредством юридических правил о дележе продукта труда; это может быть достигнуто только вмешательством в самый способ производства. И, действи-

тельно, капиталисты инстинктивно это поняли; Маркс подробно нам показывает, каким образом стремление к увеличению прибавочной стоимости преобразовало все производство.

Правда, в начале развития капиталистического способа производства капиталисты взывали к законодательному регулированию заработной платы: рабочая сила, предлагавшая себя на продажу, была еще редким товаром и благодаря своей дороговизне понижала прибыль капиталиста. Государственное вмешательство в интересах вечной справедливости и капитализма представлялось поэтому настоятельно необходимым. Но на-ряду с этим средством, не достигавшим цели, капиталисты скоро сумели применить два лучшие средства, вытекающие из самого процесса производства: они стали насколько возможно удлинять рабочий день, увеличивая тем самым избыточную сумму труда, доставляющего прибавочную стоимость; с другой стороны, они старались по возможности сократить рабочее время, необходимое для содержания рабочего, путем введения сберегающих труд методов, кооперации, разделения труда, машин и пр. Оба способа увеличивали прибавочную стоимость. Один достигал этого увеличением суммы создаваемых за один день стоимостей, другой — понижением стоимости рабочей силы.

Какую историческую роль играли оба эти момента, мы здесь не можем подробнее рассмотреть, так как нашей задачей является лишь дать характеристику двух вновь опубликованных произведений Маркса — „Нищеты философии“ и II тома „Капитала“, и мы касаемся I тома лишь постольку, поскольку это требуется для понимания второго. Укажем поэтому только на то, что оба момента эти, с одной стороны, революционизировали способ производства, а с другой стороны, послужили причиной ожесточеннейшей борьбы между капиталом и трудом, — борьбы, превратившей не связанные до тех пор между собой рабочие массы в крепко спаянный рабочий класс.

Исследовав возникновение прибавочной стоимости в процессе производства, Маркс рассматривает функции, выполняемые в этом процессе произведенной прибавочной стоимостью. После своей реализации прибавочная стоимость обращается капиталистом или на индивидуальное потребление, непрерывно притекая к нему и составляя его доход, или же присоединяется к капиталу, накопляется для употребления в качестве добавочного капитала. Если прибавочная стоимость служит в качестве дохода, она исчезает из процесса производства; если она служит целям накопления, она играет важную историческую роль. Ибо накопление и сопровождаю-

щая его концентрация капитала вызывают уменьшение числа занятых рабочих сравнительно с общей суммой вложенного капитала, и это относительное уменьшение подчас заходит так далеко, что становится абсолютным; эти-то явления вызывают возрастание промышленного избыточного населения, резервной армии, которая в периоды промышленного подъема привлекается к производству, чтобы тем сильнее возрасти в периоды промышленного кризиса.

В тесной связи с этим историческим анализом стоит содержание предпоследней главы I тома „Капитала“, в которой сперва описываются факты первоначального накопления, историческая обстановка, в которой возник капитализм, а затем выводятся исторические следствия, порождаемые капиталистическим накоплением.

Этим как будто систематически завершается I том, и последняя глава, трактующая о современной теории колонизации, кажется добавлением, стоящим вне органической связи с целым. Но при ближайшем рассмотрении эта глава связана с предыдущими. Маркс показал, что функция капитала в процессе производства — производство прибавочной стоимости — обусловлена общественными отношениями, которые представляют собою капитал. Политическая экономия до Маркса видела причину производительности капитала в его натуральной форме, полагала поэтому, что капитал существует с тех пор, как существует производство, и что правовые воззрения и представления о собственности свободного, до-капиталистического производства применимы и к капиталистическому способу производства. Колониальная система доказывает абсурдность этого взгляда. В колонии ввозятся свободные рабочие из Европы, а также натуральные формы капитала, — машины, деньги, запасы. Но при этом не ввозятся общественные отношения, существующие в Европе, и в результате обладатель указанных натуральных форм открывает, что „капитал не есть вещь, а обусловленное вещами общественное отношение между лицами“. В колониях буржуазный экономист открывает справедливость того, что он отрицает для стран с развитым капиталистическим способом производства: он открывает, что фактические отношения должны вступить в противоречие со всеми его юридическими представлениями для того, чтобы сделать возможным функционирование капитала. В колониях, где земля еще имеется в избытке, каждый может еще приобрести клочок земли и пользоваться плодами своего труда; там каждый имеет свободу вступать с другими лицами в договорные отношения на условиях, какие ему представляются выгодными. В колониях, таким образом, существует

собственность на продукт труда, свобода договора, но именно поэтому капитал перестает здесь быть капиталом. Это весьма скоро постигает теоретический представитель капитализма и потому громко взывает к мероприятиям, которые искусственно вводят общественные отношения метрополии и таким образом превращают машины, деньги и запасы в капитал. Он громко требует экспроприации земли у народной массы, мероприятий, имеющих целью затруднить приобретение последней, и уничтожения свободы договора или прямо, путем введения принудительности труда, или косвенно, путем искусственного создания резервной армии пролетариев, не обладающих ничем, кроме своей рабочей силы.

Колониальная система разрушает иллюзии политико-экономов, она отчетливо показывает общественные отношения, делающие натуральные формы капитала капиталом. Таким образом, колониальная система, в качестве *контраста* капиталистическому способу производства, должна быть включена в систематическое исследование последнего.

Если мы еще раз припомним содержание I тома „Капитала", мы увидим, какую ценность имеет для его понимания „Нищета философии". „Капитал" представляет собою не что иное, как критическое и систематическое применение принципов, которые были развиты в „Нищете философии", ко всем категориям политической экономии.

Обыкновенно считают наиболее характерным в системе Маркса его теорию стоимости. Смысл же последней видят часто в сведении стоимости к труду, и так как другие экономисты и социалисты таким же образом объясняют стоимость, то Маркса обвиняли даже в плагиате, чем эти обвинители ясно доказали, как мало поняли они особенности системы Маркса. Особенностью теории стоимости Маркса является совсем не сведение стоимости к труду. Она состоит в изображении стоимости как исторической категории, с одной стороны, и как общественного отношения — с другой, что может быть выведено лишь из общественных функций, а не из натуральных свойств товара. *Этого никто до Маркса не сделал,* и именно это мы считаем особенностью Маркса, характерной для него. С помощью такого подхода к вопросу он произвел переворот не только во взглядах на стоимость, но и во взглядах на все категории политической экономии. Но эта точка зрения получила особенное значение в вопросе о стоимости, так как стоимость является ключом к пониманию существующего способа производства.

III.

„Представление о капитале, как о самовозрастающей стоимости, охватывает не только представление о классовых отношениях, об определенном характере общества, вытекающем из того, что труд существует как наемный труд. Капитал есть, кроме того, движение, процесс кругооборота, проходящий различные стадии и сам, в свою очередь, заключающий в себе три различные формы процесса кругооборота. *Поэтому капитал можно понять лишь как движение, а не как вещь, пребывающую в покое*“.

Положение это, находящееся во II томе „Капитала“ (стр. 82) [1]), чрезвычайно характерно для последнего. Благодаря характеру трактуемой темы здесь особенности метода Маркса выражены еще более резко, чем в I томе. Все находится в постоянном изменении, в постоянном движении и может быть понято только как движение.

Но всякое экономическое движение само может быть в свою очередь понято лишь как *исторически определенное* движение. Обмен продуктов, простое товарное обращение, совершаемое при посредстве денег, развитое товарное обращение, торговля, обращение капитала — все это различные процессы с некоторыми общими, но и многими весьма отличными особенностями. Вульгарная экономия смешивает их все в одну кучу. Подобно тому как она выводит функции капитала в процессе производства из палки воображаемого изолированного дикаря, так она выводит и его функции в процессе обращения из первобытного обмена. Маркс не только строго различает обе эти функции капитала от простого товарного обращения; он показывает нам во II томе также историческое развитие и исторические тенденции процесса обращения капитала.

Логически и исторически последний развивается из товарного обращения: для того, чтобы понять его, мы должны поэтому вернуться к третьей главе первого отдела I тома, который говорит об обращении товаров. Обозначая товар буквою *Т*, деньги буквою *Д*, получаем следующую формулу: *Т — Д — Т*. Продают товар, чтобы купить другой. Примером такого простого товарного обращения служит крестьянин, продающий хлеб, чтобы на вырученные деньги купить, например, одежду.

Простое товарное обращение переходит в развитое, в торговлю. Теперь уже не продают, чтобы купить, а покупают, чтобы продать. Торговец покупает товары, например хлеб,

---

[1]) Цит. русск. перев., стр 78 — 79.

чтобы снова продать их. Теперешняя формула обращения гласит: $Д — Т — Д$.

Формула эта кажется бессмысленной. В кругообороте $Т — Д — Т$ товарное тело, которым этот кругооборот заканчивается, иное, чем то, которым он начинается. *Стоимость* последнего товара при нормальных условиях та же, что и первого, но иною является его *потребительная стоимость*. „Потребление, удовлетворение потребностей,—одним словом, потребительная стоимость, является *конечной целью*“ этого кругооборота (т. I, стр. 132). К этому кругообороту при известных условиях (именно, когда обе стороны покупают товары друг у друга, когда таким образом каждый является одновременно покупателем и продавцом (см. т. I, стр. 140) применимо то, что вульгарная экономия утверждает в применении ко всякому кругообороту товаров, а именно, что при этом выгадывают оба, покупатель и продавец. Оба отчуждают товары, бесполезные для них в качестве потребительных стоимостей, и получают товары, которые нужны им для потребления. Иначе, однако, обстоит дело при кругообороте $Д — Т — Д$. Я затрачиваю деньги и получаю в конечном результате тоже деньги. Операция эта бессмысленна, если в конце $Д$ по количеству не отличается от $Д$ в начале; купец покупает дешево, чтобы продать дороже. Для того, чтобы не быть бессмысленной, формула $Д—Т—Д$ должна таким образом, строго говоря, гласить: $Д—Т—Д'$, где $Д' = Д + д$, первоначальной денежной сумме плюс некоторое приращение. Это приращение, которое Маркс, как известно, называет прибавочной стоимостью, превращает первоначально авансированную денежную сумму в капитал.

Таким образом, $Д—Т—Д'$ представляет собою формулу обращения денежного капитала, первоначально — торгового капитала, который, однако, только благодаря тому мог присваивать себе прибавочную стоимость, что покупал дешевле или продавал дороже стоимости, т. е. благодаря нарушению присущего товарному производству закона стоимости. Поэтому Франклин сказал: „Война — грабеж, торговля — мошенничество“. Но вот появляется на рынке новый товар,— *рабочая сила*, — который во время своей деятельности не только воспроизводит свою собственную стоимость, но и производит еще избыточную стоимость. Лицо, покупающее этот товар и производительно его потребляющее, т. е. применяющее его для производства товаров, получает вместе с тем возможность производить прибавочную стоимость даже в том случае, если все происходит нормально, т. е. если все товары, включая сюда и рабочую силу, покупаются и продаются как раз по их стоимости. Прибавочная стои-

мость возникает уже не в результате нарушения основного закона товарного обращения и товарного обмена, как в случае с торговым капиталом, но как раз на основании этого закона, гласящего, что обмениваются друг на друга равные стоимости. Итак, с развитием промышленного капитала наступает царство вечной справедливости и равенства, в то время как торговля и ростовщичество нагло попирали ногами эти принципы.

С этого пункта Маркс в I томе „Капитала“ переходит к исследованию процесса производства капитала и прибавочной стоимости. Отсюда же он снова исходит во II томе при описании процесса обращения капитала.

Маркс снова исходит из формулы $Д — Т' — Д'$, но теперь она расширена ввиду включения процесса производства. $Т'$, товары, которые покупает денежный капиталист, представляют собою, поскольку он является капиталистом промышленным, $Р$, рабочую силу, и $Сп$, средства производства. Посредством их производительного потребления во время процесса производства $П$ возникает сумма новых товарных тел $Т''$, стоимость которой равняется $Т + т$, т .е. стоимости затраченных средств производства и рабочей силы плюс созданная последней прибавочная стоимость. Формула кругооборота денежного капитала гласит теперь так:

$$Д — Т \left(\frac{Р}{Сп} \right) \ldots П \ldots Т' \ (Т + т) — Д' \ (Д + д).$$

Формула эта предполагает, что рабочая сила является товаром, в противном случае сделка $Д — Р$ невозможна. Классовое взаимоотношение между капиталистом и наемным рабочим создано не деньгами, — напротив, существование этого классового взаимоотношения лишь делает возможным превращение функции денег в функцию капитала (т. II, стр. 8) [1]). Деньги не делают рабочую силу товаром, но, напротив, товарный характер рабочей силы превращает деньги в капитал. И если деньги не являются причиной классовой противоположности между капиталистом и наемным рабочим, то эта противоположность не может быть устранена простым изменением в денежной системе.

Но если деньги и не создали классового взаимоотношения между капиталом и трудом, то все же денежный капитал представляет собою ту форму капитала, в которой он всегда противостоит труду. „Нормальная форма авансирования заработной платы есть уплата деньгами; этот процесс должен постоянно возобновляться через короткие

[1]) Цит. русск. перев., стр. 8.

сроки, потому что рабочий перебивается только от получки до получки. Поэтому капиталист должен постоянно противостоять рабочему как денежный капиталист, а его капитал — как денежный капитал. Здесь в противоположность покупке средств производства и продаже произведенных товаров не может найти места прямое или косвенное покрытие платежей“ (стр. 35) [1]).

Вот чем можно объяснить тот факт, что рабочим, когда им недостает еще теоретического понимания, деньги часто представляются главной причиной их угнетения.

Но и капиталисту деньги представляются главной движущей силой всего процесса капиталистического обращения, если он рассматривает его с точки зрения изображенной формулы. В этой формуле ярче всего проявляется „делание денег“, как побудительный мотив для капиталиста; производство кажется лишь необходимым злом на пути к этой цели. „Поэтому все нации с капиталистическим способом производства периодически переживают манию мошенничеств, при помощи которых они рассчитывают без посредства производства достигнуть цели делания денег“ (стр. 32) [2]).

Формула $Д — Т...П...Т' — Д'$, рассматриваемая как единственная формула обращения капитала, лежит в основе меркантильной системы, которая центр тяжести усматривает в $Д'$. Чем больше денег притекает в страну и остается в стране, тем лучше. Отсюда лозунг меркантилистов: возможно больше продавать и возможно меньше покупать. „Поэтому у истолкователей меркантильной системы мы находим весьма пространные проповеди на ту тему, что отдельный капиталист должен потреблять лишь столько же, как и рабочий, и что нация капиталистов должна предоставить потребление своих товаров и вообще процесс потребления другим, более глупым нациям, сама же должна сделать своей жизненной задачей производительное потребление. Проповеди эти по своей форме и содержанию часто напоминают аналогичные аскетические увещания отцов церкви“ (стр. 34) [3]).

Однако кругооборот капитала не ограничивается одним разом, он постоянно повторяется. Если мы представим себе формулу повторяющегося кругооборота в виде:

$Д — Т...П...Т' — Д'. Д — Т...П...Т' — Д'. Д — Т...П$ и т. д., то увидим, что в ней содержатся еще два кругооборота, а именно

---

[1]) Русск. перев., стр. 34.
[2]) Русск. перев., стр. 30.
[3]) Русск. перев., стр. 32.

кругооборот производительного капитала *П... Т'—Д'.Д—Т...П* и товарного капитала:

$$Т' — Д'.Д — Т...П...Т'.$$

Рассмотрим сперва первый кругооборот. Он означает возобновляющийся производительный процесс, процесс воспроизводства, он указывает не на однократное, а на периодическое производство прибавочной стоимости. В формуле *Д...Д'* процесс производства выступает лишь как перерыв процесса обращения, а последний является главным делом. В формуле *П...П* процесс обращения представляется лишь перерывом процесса производства, а обращение—лишь средством поддерживать в ходу постоянно возобновляющееся производство.

Принятие формулы *Д...Д'*, как единственной формы кругооборота капитала, приводит нас к первым проявлениям капиталистического способа производства, когда купец начал становиться промышленным капиталистом, причем *производство* товаров являлось для него лишь второстепенным делом. С другой стороны, было вполне естественно видеть в формуле *П...П* единственную форму кругооборота капитала, как только капиталистический способ производства развился несколько более. Главное внимание класса капиталистов обращается теперь на производство: теперь представляется более важным *производить* прибавочную стоимость, чем *реализовать* ее, превратить в золото. Это, кажется нам, было причиной того, — Маркс этого вопроса не касался,—что классическая экономия приняла формулу *П...П*. Известно, что наши промышленники проявляют большую склонность повернуться спиной к „безнравственному“ смитианизму и вернуться в объятия „социалистического“ меркантилизма, когда благодаря кризису затрудняется превращение прибавочной стоимости в золото.

„Общая форма движения, *П...П*, есть форма производства и не указывает, в противоположность *Д...Д'*, на увеличение стоимости как на цель процесса. Тем более облегчает она классической экономии возможность игнорировать определенную, капиталистическую форму процесса производства и представлять производство, как таковое, целью процесса, заключающейся будто бы в том, чтобы возможно больше и возможно дешевле производить и обменивать продукт на возможно более разнородные, другие продукты, служащие отчасти для возобновления производства, отчасти для потребления (прибавочной стоимости, превращенной в золото *д*). Приэтом, так как *Д* и *д* являются здесь лишь мимолетным средством обращения, особенности денег и де-

нежного капитала легко могут остаться незамеченными, и весь процесс оказывается простым и естественным, т. е. обладает естественностью плоского рационализма“ (стр. 68) [1]).

Едва ли можно более резко характеризовать и вместе подвергнуть критике в столь немногих словах так называемый смитианизм.

Посмотрим теперь на третий кругооборот, на кругооборот товарного капитала. Он предполагает, что товар, из которого он исходит, уже капиталистически произведен, что в его стоимости содержится прибавочная стоимость. Он исходит поэтому не из *Т*, а из *Т'*. Этим он существенно отличается от двух других форм кругооборота, исходящих из стоимости капитала, которая еще не возросла, а лишь должна еще возрасти. В формуле *Т'—Д'—Т'...П...Т'* заключается уже в первой фазе *Т'—Д'* не только кругооборот капитала, но и кругооборот прибавочной стоимости. Кругооборот товарного капитала необходимо предполагает капиталистический способ производства, чего нельзя сказать о кругооборотах *Д...Д'* и *П...П*, ибо *Д* и *П* могут представлять собою первый капитал, который у какой-нибудь нации начинает действовать.

Форма *Т'...Т'*, в противоположность кругооборотам *Д...Д'* и *П...П*, включает также все индивидуальное *потребление*. „В форме *Т'...Т'* потребление всего товарного продукта предполагается как необходимое условие нормального хода кругооборота самого капитала. Индивидуальное потребление рабочего и индивидуальное потребление той части прибавочной стоимости, которая не подлежит накоплению, охватывает все индивидуальное потребление. Поэтому потребление, взятое в целом, — и как индивидуальное, и как производительное потребление, — входит в кругооборот *Т'* в качестве его условия“ (стр. 69) [2]).

Поэтому *Т'...Т'* есть та формула кругооборота капитала, которую можно рассматривать не только как общую всем индивидуальным промышленным капиталам форму движения, но вместе с тем и как форму движения всего совокупного капитала класса капиталистов.

„*Т'...Т'* лежит в основе „Экономической таблицы“ Кенэ, и то обстоятельство, что он избрал в противоположность форме *Д...Д'* именно эту форму, а не *П...П*, свидетельствует о его большом и верном такте“ (стр. 75) [3]).

Подобно тому, как это имело место при развитии формы

---

[1]) Русск. перев., стр. 66.
[2]) Русск. перев., стр. 67.
[3]) Русск. перев., стр. 73.

стоимости товара, мы и здесь видим, что развитие кругооборотов капитала есть не только чисто логическое, но и историческое развитие.

Каждая из трех формул кругооборота заключает в себе некоторую истину, но каждая из них односторонняя и ведет к ложным выводам, если ее рассматривать как единственную. Это впервые вполне ясно и сознательно понял Маркс. Он указывает на то, что эти три кругооборота составляют нечто единое, что повторение кругооборота в одной форме содержит в себе описание кругооборота в других его формах. И если в целях научного исследования оказывается необходимым рассматривать при известных условиях одну из этих форм самостоятельно от других, то все же приэтом никогда не следует забывать ее единства с двумя другими.

Каждая капитальная стоимость проходит *одну за другой* формы денежного капитала, производительного и товарного капитала. Но всякий индивидуальный промышленный капитал находится также *одновременно* во всех трех формах. Процесс производства капитала необходимо является, по мере возможности, безостановочным, непрерывным. Капиталист затрачивает не сразу весь свой капитал, чтобы купить средства производства и рабочую силу, при помощи которых производятся товары, а затем приостановить производство, пойти с товарами на рынок и выжидать, пока они будут проданы, после чего снова начинается прежний кругооборот: капиталист производит, где это возможно, непрерывно, постоянно располагает запасом произведенных товаров и так же постоянно располагает известной суммой денежного капитала. И не от его произвола зависит, в какой пропорции должны находиться друг к другу эти три формы капитала и каких размеров они должны быть. Это определяется не только техническими условиями производственного процесса, но и рядом условий самого процесса обращения.

Экономисты весьма склонны не замечать всего этого; они „забывают именно ту часть, которая постоянно существует в виде денежного капитала, хотя как раз это обстоятельство очень важно для понимания буржуазного хозяйства, а потому дает знать о себе и на практике“ (стр. 240) [1]).

Суммы денежного капитала, нужные для определенного предприятия, не все одновременно пускаются в ход. $Д — Т$ в большинстве случаев представляет собою не одну единственную покупку, а сумму следующих одна за другою покупок, равно как $Т' — Д'$ — сумму следующих одна за дру-

[1]) Русск. перев., стр. 229.

гою продаж. Далее, деньги должны накопляться для возобновления и расширения основного капитала, о котором мы еще будем говорить; деньги должны быть в запасе в виде резервного фонда на случай всяких перебоев, как, например, затруднений, вызываемых ненормальным удлинением периода $Т'—Д'$. Эта и ряд других причин, которые выясняются во II томе в ходе исследования, ведут к тому, что суммы денег, которые капиталист должен держать временно у себя в качестве сокровища, тем более возрастают, чем больше развивается капиталистический способ производства. Это также одна из тех причин, которые все более превращают функцию промышленного капиталиста в монополию крупных денежных капиталистов. Но это же явление, с другой стороны, ведет к тому, что капиталисты проявляют все более склонности использовать свои деньги временно, пока они не понадобятся, для участия в кругообороте других капиталов, и дать их в ссуду под проценты, вместо того чтобы держать их у себя в виде сокровища. Этим дается толчок к развитию *системы кредита*.

Столь же важными и основными, как и приведенные выше, рассеянные по всему II тому замечания, являются и замечания по поводу экономических *кризисов*.

Экономисты полагают, что перепроизводство невозможно, так как продукты всегда обмениваются на продукты; всякая покупка является также продажей. Но уже в I томе „Капитала“ Маркс указывает, что, хотя никто не может продать без того, чтобы кто-нибудь другой не купил, но никто не должен сейчас же купить, по той причине, что он продал. Капиталистический способ производства при известных обстоятельствах, вынуждающих капиталистов к образованию сокровищ, приводит их к необходимости не покупать после осуществившейся продажи. С другой стороны, они могут продавать без того, чтобы проданное ими потреблялось. „Количество товарных масс, создаваемых капиталистическим производством, определяется масштабом этого производства и потребностью в постоянном его расширении, но отнюдь не предопределенными размерами спроса и предложения, не размерами потребностей, подлежащих удовлетворению. Непосредственным покупателем по отношению к массовому производству может быть, кроме других промышленных капиталистов, только оптовый купец. Процесс воспроизводства до известной границы может совершаться в прежнем или даже расширенном масштабе, хотя выброшенные из него товары в действительности не перешли в сферу личного или производительного потребления... А если этот процесс расширяется, — что пред-

полагает расширение производительного потребления средств производства, — то такое воспроизводство капитала может сопровождаться расширенным личным потреблением (и, следовательно, спросом) со стороны рабочих, потому что подготовкой и посредствующим звеном к этому процессу служит производительное потребление. Так может возрастать производство прибавочной стоимости, а вместе с ним и личное потребление капиталиста; весь процесс воспроизводства может находиться в самом цветущем положении, и, однако, большая часть товаров может переходить в сферу потребления лишь повидимости, в действительности же она остается нераспроданной в руках перекупщиков, следовательно, фактически все еще пребывает на рынке. Но поток товаров следует за потоком, и, наконец, обнаруживается, что прежний поток лишь повидимости поглощен потреблением. Товарные капиталы взаимно оспаривают друг у друга место на рынке. Явившиеся позже продают по пониженной цене, только бы продать. Прежние потоки еще не сбыты, а уже наступают сроки уплаты за них. Владельцы их должны объявить себя несостоятельными или же, чтобы произвести платежи, продавать по какой угодно цене. Такая продажа не имеет никакого отношения к действительному состоянию спроса. Она определяется лишь *спросом на платежи*, абсолютной необходимостью превратить товар в деньги. Потом разражается кризис. Он проявляется не в непосредственном уменьшении потребительского спроса, спроса со стороны личного потребления, но в сокращении обмена капитала на капитал, в сужении процесса воспроизводства капитала“ (стр. 51)[1]).

Маркс, как видим, объясняет здесь кризисы не недостаточным потреблением рабочего класса. В дальнейшем, в другой связи, он определенно высказывается против этой теории. Да будет нам позволено привести и это место целиком, так как упомянутая теория кризисов в настоящее время производит много шуму.

„Было бы простой тавтологией сказать, — говорит Маркс, — что кризисы вытекают из недостатка платежеспособного потребления или платежеспособных потребителей. Капиталистическая система не знает иных потребителей, как платящих; вне этой категории для нее существуют лишь „нищие“ или „мошенники“. Если товары остаются нераспроданными, то это не означает ничего иного, как то, что для них не имеется платежеспособных покупателей, т. е. потребителей (все равно, покупаются ли товары в послед-

[1]) Русск. перев., стр. 49 — 50.

нем счете для производительного или личного потребления). Когда же этой тавтологии пытаются придать вид более глубокого обоснования, утверждая, что рабочий класс получает слишком малую часть своего собственного продукта и что, следовательно, горю можно помочь, если он будет получать более крупную долю продукта, т. е. если его заработная плата возрастет, то в ответ достаточно только заметить, что каждый кризис подготовляется как раз втечение периода, когда совершается *общее повышение заработной платы*, и рабочий класс в действительности получает более крупную долю той части годового продукта, которая предназначена для потребления. Такой период — с точки зрения этих рыцарей здравого и „простого“ (!) смысла — должен был бы, напротив, отдалить кризис. Итак, видно, что капиталистическое производство таит в себе условия, которые не зависят от доброй или злой воли и которые допускают относительное благополучие рабочего класса только на время, да и то лишь в качестве буревестника по отношению к кризису“ (стр. 406).

Чем больше развивается капиталистический способ производства, тем сложнее становится его механизм; умножаются поводы к перебоям, и последние все ощутительнее дают себя чувствовать. Эта историческая тенденция капиталистического способа производства подробно описывается в целом ряде мест II тома, особенно во втором и третьем отделе.

Места, трактующие о кризисах, представляют благодаря их актуальности и злободневности приятный отдых в ходе теоретических рассуждений книги, предъявляющей величайшие требования к вниманию читателя и к его способностям к абстракции; приходится очень жалеть о том, что Марксу не суждено было оживить II том, подобно первому, своими примечаниями.

Многие места, трактующие о кризисах, равно как об основах системы кредита, и рассуждения в первом отделе о трех кругооборотах капитала придают II тому преимущественно исторический характер. В остальных частях книги функции и движения капитала изучаются более в их одновременной деятельности, чем в их развитии.

Тут прежде всего перед нами выступает различие между *основным и оборотным капиталом*. Различие это проводилось уже давно, но оно мало содействовало познанию природы капитала, напротив, оно лишь порождало путаницу, так как буржуазные экономисты и тут, как и в других случаях, беспорядочно смешивали определения, вытекающие из натуральных форм, с определениями, обусловленными опре-

деленными общественными функциями. Машины, рабочие постройки и пр., как таковые, независимо от определенной общественной формы процесса труда, были ввиду известных материальных их свойств, например, неподвижности, объявлены основным капиталом, а всякий другой капитал, в том числе также и денежный и товарный капитал, — оборотным капиталом; Рикардо еще усилил порожденную Смитом путаницу, вместо того чтобы распутать ее, тем, что смешал основной капитал с постоянным, переменный с оборотным [1]). Этим было сделано невозможным познание возникновения прибавочной стоимости. Последняя выводилась из процесса обращения вместо процесса производства. Естественно, что вульгарная экономия ухватилась за эту ошибку, мало того, — даже по возможности усугубила ее.

Маркс не только дает блестящую критику рассуждений экономистов об основном и оборотном капитале — в связи с чем, отметим мимоходом, Смиту и Рикардо противопоставляются правильные мысли, имеющиеся у Кенэ, — он также впервые дает точное и ясное определение основного и оборотного капитала.

Прежде всего Маркс строго отличает оборотный капитал от капитала в обращении, т. е. денежного и товарного капитала. Различие между основным и оборотным капиталом может возникнуть лишь в *сфере производства;* оно может означать лишь разграничение внутри производительного капитала. Но эта последняя форма капитала делится также на *постоянный и переменный* капитал.

Постоянный капитал — это тот производительный капитал, стоимость которого вновь появляется в продукте, — сырье, орудия труда и т. п. Переменный капитал не только переносит на продукт свою собственную стоимость, но и придает последнему во время процесса производства новую стоимость. Только один род капитала обладает этим свойством: купленная капиталистом рабочая сила. Рабочая сила является товаром, пока ею располагает наемный рабочий. Она становится капиталом, как только ее покупает капиталист, — покупает, чтобы оплатить ее только после того, как она будет потреблена.

Для выяснения различия между основным и оборотным капиталом мы должны вкратце коснуться оборота капитала. Выше мы рассмотрели три формы кругооборота капитала.

---

[1]) Т. е. Рикардо приравнивает оборотный капитал к капиталу, который „должен содержать труд“. Последняя категория совпадает с введенной в науку Марксом категорией переменного капитала, о которой нам еще придется говорить.

Этот кругооборот, охватывающий время производства и время обращения капитала, называется *оборотом* капитала, если этот кругооборот, — как это и имеет место в действительности, — представляет собою не однократный, а периодический процесс. Соответственными формами для рассмотрения оборота являются $Д — Д'$ или $П — П$, но не $Т' — Т'$. Естественную единицу измерения для оборотов капитала представляет *год*. Капиталист высчитывает, сколько оборотов проделывает его капитал в течение *года*. Он исходит в своем исчислении из $Д$, денежного капитала, который он должен авансировать. Однако при этом исчислении он находит, что число оборотов, проделываемых втечение одного года различными частями его капитала, весьма различно. Часть авансированной им капитальной стоимости целиком переходит втечение периода производства в произведенный за это время продукт, например, рабочая сила, сырой материал, некоторые вспомогательные материалы, каковы смазочное масло, уголь для топок, газ для освещения и т. д. Другая часть авансированной капитальной стоимости выполняет свою функцию в виде тех предметов, в которые она воплощена, — например, в виде машин, зданий и т. п. — на протяжении многих периодов производства, следовательно в каждый период производства переносит на продукт только часть своей стоимости. Оборот первой капитальной стоимости, естественно, много быстрее, чем второй. Оборот последней охватывает несколько оборотов первой. Первая представляет собою *оборотный* капитал, вторая — *основной*.

Для политической экономии, для познания возникновения прибавочной стоимости в высшей степени важное значение имеет строгое различение между основным и оборотным капиталом с точки зрения их различной роли, как частей производительного капитала, в отношении к его обороту, с одной стороны, и, с другой стороны, строгое различение между основным и оборотным капиталом и между постоянным и переменным капиталом. Но если мы не ошибаемся, это различение будет иметь также важное значение и при изложении превращения прибавочной стоимости в прибыль, которое должно последовать в III томе „Капитала“.

„По закону стоимости Рикардо, — пишет по этому поводу Энгельс в своем предисловии к II тому, — два капитала, применяющие одинаковое количество одинаково оплачиваемого живого труда, предполагая все прочие условия равными, производят, втечение одного и того же времени, продукты равной стоимости, а также прибавочную стои-

мость и прибыль равных размеров. Но в действительности наблюдается противоположное этому. Фактически равные капиталы в равное время производят в среднем равную прибыль независимо от того, много или мало живого труда они применяют. Следовательно, мы имеем тут перед собой явление, явно противоречащее закону стоимости. Это противоречие заметил еще Рикардо, но ни он, ни его школа не были способны разрешить его. Родбертус также не мог не заметить этого противоречия; но вместо того, чтобы разрешить его, он сделал его одним из исходных пунктов своей утопии. Это противоречие Маркс разрешил уже в рукописи „К критике“; по плану „Капитала“ решение будет дано в III томе“ (стр. XXII) [1]).

Школа Рикардо отрезала себе путь к решению проблемы тем, что поставила знак равенства между *прибавочной стоимостью и прибылью*. Подготовка к ее разрешению поэтому должна состоять в выяснении тех факторов, которые обусловливают различие между прибавочной стоимостью и прибылью.

Вопрос этот, как нам представляется, затронут уже в I томе при исследовании нормы прибавочной стоимости. Последняя может быть измеряема только посредством сравнения величины прибавочной стоимости с частью капитала, производящей ее, т. е. переменного капитала. Прибыль, напротив, исчисляется капиталистом посредством сравнения величины произведенной прибавочной стоимости — мы здесь еще не принимаем в расчет различие между стоимостью и ценой — с величиной *капитала*, авансированного им. Это обстоятельство, повидимому, обусловливает, с одной стороны, что равные нормы прибавочной стоимости дают различные нормы прибыли, если при прочих равных условиях применены различные количества постоянного капитала; но оно делает также возможным то, что различные нормы прибавочной стоимости дают равные нормы прибыли, если соответственно различной эксплоатации рабочей силы применяются различные количества постоянного капитала. Мы еще не берем на себя смелости утверждать, играет ли или нет это обстоятельство определенную роль при выравнивании норм прибыли [2]).

---

[1]) Русск. перев., стр. XXIII — XXIV.

[2]) Сам Маркс не дает нам еще никаких указаний на этот счет. Он лишь говорит: „Конечно, отношение прибавочной стоимости не только к той части капитала, из которой она непосредственно происходит и изменение стоимости которой она выражает, но и ко всему авансированному капиталу имеет большое экономическое значение. Мы поэтому обстоятельно рассматриваем это отношение в III томе“ (т. I, стр. 204). В одном примечании (т. I, стр. 632)

Дальнейшими обстоятельствами, обусловливающими отличие нормы прибавочной стоимости от нормы прибыли, служат, во-первых, различия во *времени оборота* отдельных капиталов, а, во-вторых, в высшей степени важное различие между *авансированным и затраченным* капиталом. На-ряду с этим надо бы отметить еще *издержки обращения*. Обо всем этом мы узнаем во II томе.

Если прибавочная стоимость возникает в процессе производства, а не в процессе обращения, то массу прибавочной стоимости, поскольку ее норма принимается за определенную величину, может определять только величина *примененного* в процессе производства *переменного* капитала. Но капиталист исчисляет свою норму прибыли на основании отношения полученной прибыли к величине *авансированного* капитала.

Но авансированный и затраченный в производстве капитал отнюдь не одна и та же величина. Маркс излагает во II томе ряд обстоятельств, определяющих отношение между затраченным и авансированным капиталом.

В общем можно сказать, что — разумеется, при прочих равных условиях — размер авансируемого капитала должен быть тем больше, чем продолжительнее время оборота. Но общий оборот авансированного капитала представляет собою средний оборот его различных составных частей. Последний охватывает тем более продолжительный период, чем больше основной капитал по отношению к оборотному и чем больше продолжительность жизни основного капитала. В обоих этих отношениях — с точки зрения продолжительности жизни и величины стоимости — основной капитал все увеличивается с развитием капиталистического способа производства. Но вместе с тем возрастает также и время оборота авансированного капитала.

В связи с этим Маркс делает весьма интересное замечание о связи времени оборота основного капитала с десятилетним периодом кризисов. „Для главнейших отраслей крупной промышленности этот жизненный цикл (основного капитала) теперь в среднем доходит до десяти лет“ (стр. 164)[1]).

„Можно думать, что в решающих отраслях крупной промышленности этот цикл жизни составляет теперь средним

говорится: „В III томе читатель увидит, что на среднюю норму прибыли различных отраслей производства не оказывает влияния характерное для каждой из них разделение капитала на постоянный и переменный элемент, и вместе с тем, что этот феномен лишь повидимости противоречит развитым нами законам, относящимся к природе и производству прибавочной стоимости“.

[1]) Русск. перев., стр. 158.

счетом десять лет. Однако дело здесь не в определенном числе. Ясно, по меньшей мере, следующее: в этом охватывающем целый ряд лет цикле взаимно связанных между собою оборотов, к которым капитал прикреплен своей основной составной частью, дана материальная основа периодических кризисов, причем предприятие последовательно переживает периоды ослабления, средней деятельности, стремительного размаха, кризиса. Хотя периоды, когда вкладывается капитал, весьма различны и далеко не совпадают друг с другом, тем не менее кризис всегда является исходным пунктом значительных нововведений; следовательно, рассматривая дело с точки зрения всего общества, он в большей или меньшей степени дает новую материальную основу для следующего цикла оборотов“ (стр. 164)[1]).

Продолжительность физической жизни основного капитала становится, как уже сказано, все больше. Но это развитие парализуется противоположным явлением: с ростом капиталистического способа производства усиливается также и технический прогресс, учащаются перевороты в средствах производства, так что последние часто оказываются морально уже отжившими свой век и должны быть обновлены, хотя физически и находятся в очень хорошем состоянии.

Время оборота основного капитала определяется его физической и моральной долговечностью. Напротив того, время оборота оборотного капитала определяется его периодом производства и периодом обращения, причем под периодом производства здесь следует подразумевать не время, которое необходимо, чтобы произвести этот капитал, а время, которое он должен быть занят в производственном процессе для того, чтобы дать определенный продукт. Не следует смешивать с периодом производства рабочий период, который составляет часть первого. Рабочий период означает „известное число связанных между собою рабочих дней, необходимых в определенной отрасли производства для получения готового продукта“ (стр. 211)[2]). Продолжительность рабочего периода зависит отчасти от технических и естественных условий — для продуктов, из которых каждый сам по себе составляет самостоятельную единицу, например, корабли, локомотивы, здания, или же от социальных условий — для продуктов, которые не являются такими единицами и по объему и весу могут быть до известной степени как угодно делимы, например, пряжа, уголь

[1]) Русск. перев., стр. 158.
[2]) Русск. перев., стр. 203.

и т. д. Для таких продуктов продолжительность рабочего периода определяется контрактами и сроками поставок.

Период производства должен быть всегда по меньшей мере столь же продолжительным, как и рабочий период, но он может быть и значительно продолжительнее последнего. Многие продукты требуют для своего полного изготовления, чтобы их подвергли на более продолжительное или короткое время действию естественных процессов без одновременного вмешательства рабочего процесса. Так, вино должно подвергнуться брожению, холст должен подвергнуться белению и т. д. Втечение того времени, впродолжение которого неготовый продукт предоставляется действию естественных процессов и находится вне рабочего процесса, к нему совсем не прибавляется прибавочная стоимость. Но это же время удлиняет время оборота, увеличивает необходимое количество авансируемого капитала и уменьшает прибыль. Поэтому одна из самых ревностных забот капиталиста направлена на то, чтобы по возможности сократить время производства, втечение которого не прибавляется никакой прибавочной стоимости, например, заменить отбелку тканей на лугах химической отбелкой. Это в большинстве случаев может быть достигнуто лишь увеличением основного капитала. Сокращение рабочего периода тоже большею частью связано с увеличением применяемого капитала (улучшение и увеличение машин и рабочих помещений, увеличение количества рабочих и пр.). Если превышение периода производства над рабочим периодом очень значительно и не может быть искусственно уменьшено, предприятие часто оказывается недоходным, самым ярким примером чего служит лесное хозяйство. Разведение лесов не приносит прибыли, а потому лес исчезает там, куда проникает капитал.

Наконец время оборота, а вместе с тем и величина авансированного капитала, определяется продолжительностью времени обращения. Улучшение средств транспорта может сократить его, но в общем оно имеет тенденцию удлинять его, поскольку оно приносит с собою возможность и необходимость отыскивать все более и более отдаленные рынки, с одной стороны, для продажи продуктов, с другой — для приобретения сырья.

Капиталист и теоретические представители его интересов думают, действительно, в большинстве случаев, что капитал постоянно функционирует в производственном процессе, что занятый и авансированный в нем капитал представляют собою равные величины. Это, однако, не так. Возьмем лишь один случай, причем для простоты мы не

примем во внимание всех усложняющих обстоятельств, каковы прибавочная стоимость, основной капитал и пр.

Рабочий период (который в нашем случае мы принимаем совпадающим с периодом производства) длится девять недель, время обращения — три недели. Еженедельная затрата на заработную плату, сырье и вспомогательные материалы достигает 1 000 марок; при таких условиях капиталист должен авансировать 9 000 марок для того, чтобы поддерживать в ходу рабочий процесс втечение всего рабочего периода. Через девять недель этот капитал превращается в товарный капитал; пока он будет продан и на вырученные деньги будет куплено новое сырье и пр., пройдут еще три недели. Но капиталистический процесс производства не терпит никаких перерывов. И дальнейшее продолжение работы втечение этих трех недель возможно обеспечить лишь применением добавочного капитала в 3 000 марок (мы не принимаем во внимание возможности такого ограничения производства, при котором 9 000 марок хватит на двенадцать недель. Такой случай не представляет никаких новых особенностей). Авансированный капитал достигает таким образом не 9 000, а 12 000 марок, хотя размер производства не увеличился. Как и прежде, каждую неделю будет затрачиваться 1 000 марок, и, если мы примем во внимание производство прибавочной стоимости, каждую неделю будет производиться та же сумма прибавочной стоимости, что и прежде. Чем короче время обращения, тем большую долю своего капитала капиталист может применить в процессе производства и тем больше он может производить прибавочной стоимости. Чем продолжительнее время обращения, — тем меньше. Норма прибавочной стоимости может оставаться той же самой в сравнении с примененным в процессе производства переменным капиталом и тем не менее измениться в отношении к авансированному переменному капиталу. Так как капиталист и буржуазный экономист занимаются лишь последним капиталом, то им кажется, будто процесс обращения является источником, из которого проистекает прибавочная стоимость.

Но следует заметить еще одно: капиталист исчисляет свои прибыли в отношении к авансированному капиталу не для каждого оборота последнего, а на весь *год*. Маркс как в I, так и во II томе трактует не о *прибыли, а о прибавочной стоимости*. Поэтому он исследует также не годовую норму прибыли, а годовую норму прибавочной стоимости, которая должна быть поставлена в связь не со всем капиталом в целом, а с авансированным переменным капиталом.

Представим себе двух капиталистов. Предприятие одного

из них имеет период оборота в пять недель, следовательно, круглым счетом делает за год 10 оборотов. Предприятие другого имеет оборот в один год; следовательно, число его оборотов равно одному. Оба они применяют одну и ту же сумму переменного капитала, предположим 100 марок в неделю, т. е. каждый, — принимая год равным пятидесяти неделям, — 5 000 марок в год. Норма прибавочной стоимости у обоих равняется 100%, так что каждый получит 5 000 марок прибавочной стоимости. Но тут начинается различие: один капиталист, капитал которого оборачивается лишь один раз в год, должен авансировать переменный капитал в 5 000 марок, другой только в 500 марок. Годовая норма прибавочной стоимости одного выразится в 100%, другого — в 1 000%. Это как будто указывает, что прибавочная стоимость возникает в сфере обращения; в самом деле оба капиталиста применили одинаковое количество рабочей силы и все же получили столь различные годичные нормы прибавочной стоимости, так как число оборотов их капиталов различно. Этот факт лишь на первый взгляд противоречит теории стоимости и прибавочной стоимости Маркса, и это кажущееся противоречие порождено лишь различием между *затраченным* и *авансированным* капиталом. Оба капиталиста затратили одинаковый капитал и получили одинаковую прибавочную стоимость.

Хотя противоречие это только кажущееся, школа Рикардо не сумела его разрешить. Ныне оно представляет собою один из главных аргументов профессора Лексиса против теории стоимости и прибавочной стоимости Маркса в его критике II тома „Капитала“ (в „Jahrbücher für Nationaloekonomie und Statistik“, 1885, Heft 5, S. 459). Но, делая это возражение, г. Лексис не замечает разницы не только между затраченным и авансированным капиталом, но и между прибавочной стоимостью и прибылью на капитал.

В связи с этим надо отметить еще одну ошибку названного критика. На странице 461 он утверждает, будто Маркс приравнял меновую стоимость к средней цене товаров. „Если Маркс, может быть, впоследствии (хотя бы в III томе) вздумал бы утверждать, что он понимает под стоимостью отдельных товаров *не* выражение меновой стоимости последних в их денежной цене, как она нормально образуется при существующем хозяйственном строе, а какую-то идеальную стоимость, не поддающуюся вообще никакому эмпирическому выражению, то этим он противоречил бы своим собственным прежним утверждениям и до известной степени одурачил бы своих читателей своей загадкою стоимости“. На это следует возразить, что Маркс уже в I томе

„Капитала“ определенно указал на то, что стоимость и средняя цена совсем не совпадают. Если бы он впоследствии и вздумал различать их, то этим оказались бы одураченными только те, для кого его теория стоимости осталась загадкою. В этом, однако, Маркс неповинен. Он определенно заявляет в примечании (т. I, стр. 181) в связи с вопросом, который он там ставит: „как может образоваться капитал при регулировании цен средней ценой, т. е., в *конечном счете*, стоимостью товара? — я говорю в „конечном счете“, *так как средние цены не совпадают прямо с величиной стоимости товаров*, как это полагают А. Смит, Рикардо и т. п.“.

Маркс приводит также примеры товаров, цена которых длительно стоит ниже их стоимости: „Якоб сомневается, чтобы золото когда-либо оплачивалось по своей полной стоимости. Еще больше это относится к алмазам“. Маркс говорит это уже в начале своего исследования, точно желая предостеречь читателя от смешения средней цены и стоимости (т. I, стр. 15).

Можно, пожалуй, спросить, какую ценность имеет такая идеальная стоимость, которая не совпадает необходимо с средней ценой. С таким же основанием, даже еще большим, можно было бы спросить, какую ценность имеют законы падения, которые принимают во внимание лишь действие притяжения, совершенно отвлекаясь от мешающих ему обстоятельств, каковы сопротивление воздуха, вращение земли вокруг оси, и теоретические следствия которых поэтому никогда не совпадают с фактическими „средними“ данными падения. Но фактические явления падения могут быть объяснены только на основе законов падения, а средние цены объяснены лишь на основе законов стоимости. Об отношении стоимости и цены можно сказать то же, что Маркс говорит об отношении прибавочной стоимости и прибыли: „В III томе мы увидим, что легко понять норму прибыли, когда известны законы прибавочной стоимости. Обратным же путем нельзя понять ни того, ни другого“ (т. I, стр. 205).

На этом покончим с критикой г. профессора Лексиса и с его предположением, будто Маркс „дурачил своих читателей своей загадкой стоимости“.

До сих пор мы ради краткости не придерживались в своем изложении строго порядка оригинала, а часто соединяли вместе соприкасающиеся по своему содержанию темы, хотя и разбросанные в разных местах II тома „Капитала“, как, например, 5, 14 и 15 главы, трактующие о влиянии периода обращения на величину и возрастание стоимости авансированного капитала.

Так и теперь мы принимаемся лишь за обсуждение главы, находящейся в начале II тома, — главы 6-й, трактующей об *издержках обращения*. Тут мы находим, что труд покупки и продажи столь же мало создает стоимость, как и труд счетоводства. Рабочие, занятые в этих отраслях труда, могут, конечно, давать прибавочный *труд*, но отнюдь не прибавочную *стоимость*. Издержки, вызываемые счетоводством и куплей-продажей, не увеличивают стоимости продукта, они должны быть покрыты из прибавочной стоимости. Неоплаченный прибавочный труд занятых здесь наемных рабочих не создает прибавочной стоимости, но уменьшает вычет из прибавочной стоимости капиталиста, вызываемый издержками обращения.

По плану своего труда Маркс рассматривает торговый капитал лишь в III томе. Что академические и неакадемические демагоги нынешнего нового издания „истинного немецкого социализма“ объясняют факт отсутствия у Маркса исследования о торговом капитале не научными, а демагогическими соображениями, — это не удивит никого, кто знает этих господ. Но при желании они могли бы уже в I томе найти места, где Маркс высказывается о торговле.

„Так как невозможно, — говорит он, — объяснить самим обращением превращение денег в капитал, т.-е. образование прибавочной стоимости, то торговый капитал является невозможным, раз обмениваются эквиваленты. И поэтому существование его может быть объяснено только при допущении двустороннего обмана покупающих и продающих товаропроизводителей становящимся между ними паразитом — купцом“ (т. I, стр. 148). Сказанное относится к докапиталистическому товарному обращению и находит свое дополнение во II томе, при выяснении вопроса об издержках обращения капитала. Хотя здесь еще игнорируется купец как капиталист, но мы уже видим источник, из которого вытекает его прибыль: произведенную прибавочную стоимость.

Этим объясняется моральное возмущение промышленных капиталистов, производящих прибавочную стоимость, против безнравственной посреднической торговли, с которой они вынуждены делить ее.

Важная статья общественных издержек обращения капитала образуется издержками производства и воспроизводства *денег*. Маркс говорит об этом на странице 112 [1]) в связи с издержками обращения. Однако он обсуждает эту тему еще дальше в другой связи, на странице 336 [2]). Место это

---

[1]) „Капитал“, т. II. Цит. русск. перев. стр. 108.
[2]) Русск. перев., стр. 319.

представляется нам особенно важным. Здесь говорится следующее: „Вся сумма рабочей силы и общественных средств производства, расходуемых на ежегодное производство золота и серебра как орудий обращения, составляет крупную долю непроизводительных расходов капиталистического способа производства и вообще всякого способа производства, в основе которого лежит товарное производство. Это производство отвлекает от использования обществом соответствующей суммы возможных дополнительных средств производства и потребления, т.-е. действительного богатства. Насколько при неизменяющемся данном масштабе производства и при данной степени его расширения уменьшаются издержки на этот дорогой механизм обращения, настолько же повышается вследствие этого производительная сила общественного труда. Следовательно, поскольку оказывают такое влияние вспомогательные средства, развивающиеся вместе с системой кредита, они непосредственно увеличивают капиталистическое богатство, потому ли, что бо́льшая часть процесса общественного производства и процесса общественного труда совершается без всякого посредничества действительных денег, или же потому, что деньги, действительно находящиеся в обращении, функционируют с большей интенсивностью.

„Этим разрешается и вздорный вопрос о том, было ли бы возможно капиталистическое производство в своих теперешних размерах без системы кредита (если даже рассматривать ее только с *этой* точки зрения), т.-е. при одном металлическом обращении. Очевидно, нет. Напротив, оно было бы ограничено размерами производства благородных металлов. С другой стороны, не следует создавать каких бы то ни было мифических представлений о производительной силе кредита, поскольку он предоставляет в распоряжение денежный капитал или приводит его в движение“.

Издержки, связанные с куплей-продажею и счетоводством ложатся бременем на прибавочную стоимость; напротив, издержки производства золота и серебра, как средства обращения, падают на все общество.

Из-за недостатка места мы должны опустить исследование издержек обращения, порождаемых сохранением товаров и их транспортом, и тех условий, при которых они или увеличивают стоимость товаров, или уменьшают прибавочную стоимость. Уже из немногих указаний, сделанных нами, мы видим, что во II томе „Капитала“ подробно изложен ряд факторов, оказывающих влияние на возникновение тех или иных форм проявления прибавочной стоимости. Но ряд этих факторов еще не закончен, не затронута еще, например,

земельная рента; мы не получили еще никаких указаний на то, как действуют друг на друга различные факторы; даже самая цель исследования до сих пор лишь несколько раз слегка намечена. Неудивительно, что содержание II тома оставляет нас отчасти неудовлетворенными: оно приносит нам разрешение многих загадок, но ставит перед нами одновременно новые проблемы. Если I том в известном смысле представляет собою законченное самостоятельное целое, то II том служит лишь введением в III том, является фрагментом; это — торс, отличающийся большою красотой, но зато и пробуждающий в нас тем более живое стремление ознакомиться с целым.

И для фундамента всего труда, для *теории стоимости* III том „Капитала“ будет иметь значение.

Из всех существующих в настоящее время в науке теорий одна лишь теория стоимости и прибавочной стоимости Маркса удовлетворительно объясняет экономические явления. Все другие относящиеся сюда теории или оказываются с самого начала неправильными, или же объясняют не то, что они должны объяснять. Такова, например, теория, что цены определяются спросом и предложением. Спрос и предложение могут объяснять лишь *колебания цен*, но не *закономерность* в ценах различных товаров, которая обнаруживается яснее всего, когда спрос и предложение уравновешиваются. Так же обстоит дело и с теорией, что прибыль на капитал возникает не из прибавочной стоимости, создаваемой в процессе производства, а из надбавки к себестоимости продукта. Взгляд этот отстаивается также и г. Лексисом в уже упомянутой критической статье. Но если каждый продает дороже того, чем он купил, никто при этом не получает прибыли, ибо каждый при покупке теряет то, что выгадывает при продаже. Ввиду этого г. Лексис видит себя вынужденным принять, что рабочие находятся в исключительном положении. Они вынуждаются условиями продавать свой товар (Лексис, подобно своим коллегам, называет его трудом, а не рабочей силой) возможно дешевле, следовательно, без надбавки к себестоимости. Таким образом они должны покупать дороже, чем продавать. У г. Лексиса речь идет о том, как он сам говорит, чтобы *оправдать* процент на капитал. Но что выигрывает он своим объяснением? Теория Маркса объясняет прибавочную стоимость даже при допущении, что рабочий продает свою рабочую силу по ее полной стоимости, — точно так же, как и всякий другой товаровладелец продает свой товар. В соответствии с этим прибавочная стоимость создается не благодаря тому, что рабочего обманывают, а в силу особенностей товара — рабо-

чей силы, позволяющей ей производить во время своего производительного потребления бо́льшую стоимость, чем ее собственная стоимость. Г-н Лексис, напротив, предполагает, что все капиталисты грабят своих ближних, и что прибыль возникает оттого, что рабочие не в состоянии с своей стороны грабить капиталистов. И это г. Лексис называет „оправданием процента на капитал"! Согласно теории Маркса прибавочная стоимость возникает в высшей степени нравственным образом — на почве господствующей ныне и соответствующей товарному производству морали справедливости и равенства, в силу которой каждый товар обменивается по своей стоимости. Согласно же улучшенной Лексисом теории вульгарной экономии прибыль возникает благодаря постоянному нарушению законов морали товарного производства, а рабочие являются единственными нравственными людьми, — правда, тоже только по необходимости, — единственными, кто не надувает своих ближних.

Но и независимо от такого своеобразного „оправдания процента на капитал" научная ценность теории Лексиса представляется нам проблематичной. Ограбление рабочих могло бы, пожалуй, объяснить, откуда получается прибыль, но оно ни в каком случае не может объяснить *закономерность* ее нормы; она нам не объясняет, почему при определенных условиях надбавка к цене представляет собою определенную величину. Теория, что *колебания* прибыли выравниваются тем, что в более прибыльные отрасли промышленности вкладывается больше капиталов, говорит нам о законах, определяющих величину нормы прибыли, столь же мало, как и познание того, что гребень морской волны выше ее основания и что они оба имеют тенденцию выравняться, знакомит нас с глубиной моря.

Только норма прибавочной стоимости, как ее выводит Маркс, дает *определенную* величину, из которой при определенных условиях должна получиться *определенная* норма прибыли. Равным образом только теория стоимости, которую Маркс заимствовал у Рикардо, развил дальше и точнее формулировал, дает *определенную* основу, из которой можно вывести величину цен. Поэтому теория стоимости и прибавочной стоимости Маркса является в настоящее время единственной научно-удовлетворительной. Только одно возражение можно еще сделать против нее, — единственное. Маркс еще не показал нам превращение прибавочной стоимости в прибыль, не изложил нам, как происходит это развитие и как согласуется его необходимый результат с данными опыта.

Вследствие этого существует еще кажущееся противоречие (которого мы выше коснулись) между прибавочной

стоимостью, законы которой выяснил Маркс, и фактической прибылью. Возражение это далеко еще не служит доказательством неправильности теории Маркса, но говорит, что ее правильность еще не доказана с полной научной достоверностью.

III том обещает разрешить это кажущееся противоречие и доказать этим правильность теории стоимости и всего возведенного на ее фундаменте здания с такой достоверностью, какая вообще возможна в науке. Тогда будет завершен переворот в политической экономии, произведенный Марксом. Она должна будет тогда или пойти по пути, предуказанному ей Марксом, или отказаться быть наукой, заявить, что она представляет собою не что иное, как духовную лейб-гвардию капиталистической прибыли, а вместе с тем и земельной ренты.

Мы видим, какое значение обещает иметь III том „Капитала“, но видим также и все значение II тома, столь тесно связанного с третьим. Но чем больше уясняем мы себе это значение, чем более вырисовываются перед нами огромные проблемы, решение которых во II томе отчасти ведет дальше того, что дано I томом, частью поднимает новые вопросы,— тем сильнее пробуждается в нас желание узнать последнее слово, какое Маркс имеет еще сказать в политической экономии.

Последний отдел II тома говорит о воспроизводстве и обращении всего общественного капитала. Нижеследующее место показывает, из какой точки зрения исходит при этом Маркс: „Говоря об общественной точке зрения, следовательно, рассматривая весь общественный продукт, который предполагает и воспроизводство общественного капитала и индивидуальное потребление, не следует впадать в манеру, заимствованную Прудоном у буржуазной экономии, и смотреть на дело таким образом, как будто общество с капиталистическим способом производства, взятое en bloc, как целое, утрачивает этот свой специфический историко-экономический характер. Напротив. В таком случае приходится иметь дело с коллективным, собирательным капиталистом. Весь капитал представляется как бы акционерным капиталом всей совокупности отдельных капиталистов. И такое общество имеет то общее со многими другими акционерными обществами, что всякий знает, что̀ именно он вложил, но *не* знает, что̀ он получит обратно“ (стр. 430) [1]).

Рассматриваемый в целом, современный способ производства обнаруживает тот же капиталистический характер,

[1]) Русск. перев., стр. 409.

какой вскрывает процесс воспроизводства всякого индивидуального капитала. Но при рассмотрении с общественной точки зрения проявляются некоторые моменты, которые до сих пор при исследовании не могли быть приняты во внимание, прежде всего — *потребительная стоимость* производимых товаров. При рассмотрении индивидуального капитала можно было отвлечься от натуральных форм продуктов, так что принималась в расчет только величина их стоимости. Производит ли капиталист сапожную ваксу, молитвенники или паровые машины, это ни в какой мере не меняет законов возрастания и обращения индивидуального капитала. Однако при рассмотрении процесса воспроизводства капитала с общественной точки зрения оказывается, что этот процесс производства обусловливается не только взаимным отношением составных частей стоимости общественного продукта, но также и его потребительной стоимостью, его вещественным видом. Капиталистический процесс производства не может продолжаться, если не имеются налицо в надлежащей пропорции средства производства, равно как и средства существования для рабочих и капиталистов.

Но рассмотрение процесса воспроизводства капитала с общественной точки зрения показывает нам и *рабочих* в новой роли, в которой они еще не показывались перед нами: до сих пор мы видели их только в качестве продавцов товаров — продавцов своего товара — рабочей силы. Теперь они становятся важными лицами также в качестве покупателей товаров, в качестве покупателей средств существования. Для того, чтобы капиталистический способ производства надлежащим образом продолжал свою деятельность, необходимо не только, чтобы рабочий производил прибавочную стоимость и поддерживал свою рабочую силу, но также, чтобы он покупал у капиталистов надлежащую долю товаров, чтобы таким образом к капиталисту притекали обратно деньги, выдаваемые рабочему в виде заработной платы, и снова могли функционировать в его руках в качестве капитала.

С другой стороны, капиталисты теперь выступают не только в качестве покупателей средств производства, но и в качестве покупателей средств потребления, в качестве потребителей прибавочной стоимости; и, как оказывается, весьма важное значение имеет то, каким образом это происходит.

Мы уже указали в предыдущем изложении на деление массы продуктов в зависимости от их натуральной формы. Соответственно этому следует и производство делить на производство *средств производства* и на производство *средств*

потребления. Стоимость всего продукта каждой из этих сфер производства распадается на ту часть стоимости, какая представляет собою лишь перенесенный на продукт постоянный капитал c, затем на переменный капитал v и прибавочную стоимость m. Годичный продукт, таким образом, составляет $c + v + m$.

Адам Смит и вместе с ним последующие экономисты полагают, правда, что стоимость годичного продукта равна $v + m$, т.-е. что цену каждого товара можно, в конечном счете, разложить на заработную плату и прибавочную стоимость. Г-н Лексис в уже упомянутой статье тоже высказывается в этом смысле, причем он приравнивает постоянный капитал к основному. Но такое мнение было бы обосновано лишь в том случае, если бы при первоначальном производстве был применен только труд, а не также и постоянный капитал, как орудия труда и пр. Г-н Лексис, впрочем, полагает: „Между тем ничто не мешает нам продолжить этот ряд (средств производства, из которых одно служит для производства другого) до тех пор, пока мы не придем к начальному состоянию, когда для производства первых элементов постоянного капитала применяются лишь труд и сырье, данное природою, но не основной капитал“ (стр. 463). Но этому мешает лишь то фатальное обстоятельство, что во всей сфере капиталистического товарного производства — а только о ней может итти здесь речь, раз говорится о постоянном капитале, заработной плате и прибавочной стоимости — не бывает капиталистических предприятий без средств производства. Вряд ли г. Лексис думает, что, например, дети, собирающие в лесу землянику и цветы для продажи, доставляют элементы постоянного капитала [1]).

Защищаемый г. Лексисом взгляд представляет собою не что иное, как скрытое признание закона, что труд является источником всех товарных стоимостей, — закона, на который так резко нападает г. Лексис. Сумму *вновь созданных* в течение года стоимостей можно, правда, разложить на $v + m$, но не сумму стоимостей всех *изготовленных* в этом году *продуктов*. В последней сумме всегда содержатся элементы стоимости, созданные в предыдущие годы, средства производства, стоимость которых вновь проявляется в продукте.

Таким образом мы должны стоимость годичного продукта, как в группе средств производства, так и в группе средств потребления, принять равной $c + v + m$.

Мы рассмотрим лишь простейшую из схем, какие Маркс

---

[1]) См. „Капитал“, т. I, стр. 609 и сл. и подробную критику А. Смита во II томе, стр. 363 и следующие (русск. перев., стр. 336 и след.).

кладет в основу своего исследования, а именно ту, в которой он не принимает во внимание ту часть стоимости, которая в силу снашивания основного (не следует смешивать с постоянным) капитала переносится на годичный продукт, не замещаясь непосредственно в натуре, а также и накопление прибавочной стоимости. Мы принимаем, что она полностью потребляется.

Схема Маркса гласит:

I. Средства производства.
Капитал: 4 000 c + 1 000 v = 5 000
Товарный продукт: 4 000 c + 1 000 v + 1 000 m = 6 000

II. Средства потребления.
Капитал: 2 000 c + 500 v = 2 500
Товарный продукт: 2 000 c + 500 v + 500 m = 3 000

Норма прибавочной стоимости таким образом принята в 100%. Общая стоимость годичного продукта достигает 9 000, общая стоимость переменного капитала и прибавочной стоимости в обеих группах — 3 000 (положим, миллионов марок).

Заработная плата и прибавочная стоимость расходуются в виде средств потребления. Поэтому 500 c и 500 m второй группы реализуются внутри этой же группы. Нам в дальнейшем исследовании не нужно больше принимать их во внимание. Постоянный капитал c, который затрачен, должен быть в обеих группах возмещен из годичного продукта. Первая группа произвела необходимые средства производства для обеих групп. 4 000 c, которые нужны первой группе, она сама снова произвела, они будут реализованы внутри этой же группы; мы можем и их не принимать во внимание.

1 000 v + 1 000 m первой группы должны быть превращены в средства потребления. 2 000 c средств производства использованы во второй группе, и их стоимость перешла на соответствующую часть годичного продукта средств потребления. Для продолжения процесса производства эти 2 000 c в средствах потребления должны быть обменены на 1 000 v + 1 000 m первой группы; эти суммы стоимости содержатся в соответствующей части годичного продукта средств производства.

Капиталисты первой группы заплатили 1 000 v своим рабочим в виде денег, использовав 1 000 v в виде рабочей силы. На эти 1 000 v в деньгах рабочие покупают средства потребления у капиталистов второй группы, = 1 000 c. Благодаря этому последние получают деньги для того, чтобы купить у капиталистов первой группы средства производ-

ства в размере 1 000. Вместе с тем у последних капитальная стоимость 1 000 v оказывается превращенной в деньги и может быть снова затрачена на приобретение рабочей силы. Прибавочная стоимость 1 000 m первой группы превращается в деньги отчасти в силу того, что капиталисты второй группы, которые, по условию всякого капиталистического производства, обладают запасом денег, бросают в обращение деньги на покупку средств производства, чем и превращают в деньги часть прибавочной стоимости первой группы. Деньги эти используются для покупки средств потребления капиталистами первой группы, которые ведь тоже люди и хотят жить. Деньги эти таким образом притекают обратно к капиталистам второй группы. Но так как капиталист не всегда может выжидать, пока продаст свои товары, чтобы существовать на превращенную в деньги прибавочную стоимость, то для капиталиста необходимо обладание количеством денег, достаточным не только для поддержания в ходу процесса производства и обращения, но и для авансирования самому себе для целей собственного потребления таких сумм, какие требуются и какие соответствуют ожидаемой прибыли. Таким образом, капиталисты первой группы авансируют себе деньги для покупки у второй группы средств потребления и этим доставляют капиталистам второй группы деньги на приобретение средств производства у первой группы.

Из этих случаев вытекает закон, который в дальнейшем еще подтверждается, что „из денег, которые промышленные капиталисты бросают в обращение для обслуживания обращения своих собственных товаров, — вносятся ли они за счет постоянной части стоимости товаров, или за счет прибавочной стоимости, существующей в товарах, если она расходуется как доход, — из этих денег в руки соответствующих капиталистов возвращается столько, сколько они авансировали на денежное обращение“ (стр. 396). Равным образом деньги возвращаются, только окольным путем, в руки капиталистов, которые затратили их на выплату заработной платы.

Но весь этот оборот предполагает, что $v + m$ первой группы $= c$ второй группы.

Точно так же ясно, что ни один из элементов одной из обеих групп не может измениться в своей стоимости без того, чтобы не вызвать изменения величины стоимости всех других элементов. Механизм становится еще сложнее, если принять во внимание подразделение средств потребления на необходимые продукты и предметы роскоши, затем и то обстоятельство, что основной капитал переносит на годичный продукт лишь долю своей стоимости, тогда как отжив-

шие части основного капитала должны быть целиком возобновлены. Если — при прочих равных условиях — отношение стоимости ежегодно отмирающей части основного капитала к стоимости, ежегодно переносимой на продукт функционирующим основным капиталом, не представляет постоянной величины, то возникают заминки в процессе воспроизводства и обращения. Дальнейшие осложнения приносит, наконец, накопление прибавочной стоимости, расширение процесса производства. В изложении, относящемся к этой теме, дана целая масса наблюдений и замечаний о причинах кризисов, но, не входя в подробности, мы не имеем возможности их передать, как и сопровождающие их замечания о роли денежного капитала и об основах системы кредита.

Мы надеемся еще иметь возможность вернуться к третьему отделу и сравнить его с „Экономической таблицей“ Кенэ, которая ставит себе подобную же задачу, как и третий отдел II тома. Последний именно отвечает на вопрос: „каким образом капитал, потребленный в производстве, возмещается по своей стоимости из годового продукта и каким образом процесс этого возмещения переплетается с потреблением прибавочной стоимости капиталистами и заработной платы — рабочими?“ (т. II, стр. 387) [1]). В „Экономической таблице“ Кенэ также хочет показать, каким образом обращается весь годовой продукт, чтобы, с одной стороны, поддерживать в ходу воспроизводство и, с другой стороны, делать возможным потребление ренты и заработной платы. Однако Кенэ еще принимает, что только сельскохозяйственный труд приносит излишек, тогда как промышленные рабочие переносят на продукты лишь столько стоимости, сколько они сами потребили. Прибавочная стоимость достается прежде всего землевладельцам в виде ренты; наконец, промышленные капиталисты и рабочие у Кенэ составляют один класс. Схема Маркса, как известно, в отношении этих трех пунктов покоится на совершенно иных предпосылках. Однако обе схемы, Кенэ и Маркса, имеют то общее, что в основу их положен кругооборот $T'' \ldots T''$, а не $Д \ldots Д'$ или $П \ldots П$.

Система Кенэ явилась экономической путеводной звездой французской революции 1789 года, Мирабо — ее самым значительным представителем. II том „Капитала“ рассматривает значительную часть тех вопросов, на которые Кенэ дал ответ, имевший столь большое значение для хода французской революции. Только в соответствии с изменившимися условиями вместо капиталистического фермера у Маркса

[1]) Русск. перев., стр. 367.

на первый план выступает капиталистический промышленник.

Уже это обстоятельство указывает, что в излагаемой книге речь идет о чем-то большем, чем о кабинетных вопросах и бесплодных тонкостях. Как ни скуден и неполон, естественно, должен быть наш очерк ввиду строго логического построения и сжатого языка Маркса, что делает почти невозможной верную передачу содержания в сокращенной форме, все же, надо надеяться, нам удалось в нем показать, какое значение имеют проблемы, решение которых во II томе отчасти дано, отчасти намечено.

Но несмотря на это значение книги, мы полагаем, что не ошибемся, если предположим, что она многих очень разочарует. Она разочарует всех, кто видел в „Капитале" настольную справочную книгу для социал-демократических агитаторов, в теории стоимости — основу для утопии, в теории прибавочной стоимости — простую попытку возбуждения пролетариата против капиталистов, призыв к вечной справедливости и равенству. II том ясно показывает, что „Капитал" преследует лишь одну цель, а именно содействовать познанию механизма капиталистического способа производства. Только этой цели служит исследование и все изложение.

Но будут разочарованы не только те, которые полагают, что по вопросам политической экономии нельзя писать без демагогических задних мыслей. Также будут разочарованы и те, к кому Маркс в своих сочинениях прежде всего обращался, — рабочие отнесутся к II тому не с тем энтузиазмом, какой возбудил в них I том. Местом действия исследований I тома служит *фабрика*, II — *контора*. I том большею частью касается отношений, которые близко касаются рабочих и с которыми они хорошо знакомы. II том полон абстракций в области фактов, чуждых рабочим и возбуждающих в них мало интереса. Рабочий прежде всего воспринимает, каким образом производится прибавочная стоимость. Какие странствования она проделывает и как она реализуется, это больше интересует капиталиста, чем рабочего.

При всем том мы надеемся, что рабочий класс проявит ко II тому „Капитала", если не тот же энтузиазм, то такой же интерес, как и к первому. Рабочие, в особенности рабочие Германии, очень хорошо умеют ценить значение теоретического познания. И эта высокая оценка теории отнюдь не стоит в противоречии с материалистическим пониманием исторического развития, которое они восприняли.

Верно, что рабочее движение порождается самими условиями капиталистического способа производства. Неизбежно

присущее последнему противоречие отдельных классов вызывает в настоящее время историческое движение и из этих противоречий противоречие между капиталом и трудом со дня на день приобретает все более решающую роль в историческом развитии.

Правда далее и то, что цель рабочего движения не произвольна, а дана объективными условиями.

Но ясно, что для *хода* рабочего движения и для того, *каким образом* оно достигнет своей цели, не безразлично, ясно ли оно сознает эту цель и имеет ее постоянно перед глазами, или же оно дает увлекать себя окружающим условиям и меняет свое направление в соответствии с потребностями дня. В этой области лежит задача социалистических партий. Они не могут ни *создавать* рабочее движение, ни *предписывать* ему его цели. Им надо *познать* эту цель и взять на себя *руководство* в деле достижения ее. Они могут сделать это, лишь обладая теоретическим познанием фактических отношений, развития, цели и функционирования капиталистического способа производства. Там, где отсутствует такое познание, социалистическое движение впадает или в доктринерский утопизм или в оппортунизм, который берет свои быстро меняющиеся представления и свое „научное“ обоснование там, где их находит и где они всего доступнее.

Немецкие рабочие сознали это, а потому они станут изучать II том „Капитала“.

О РОДБЕРТУСЕ

„КАПИТАЛ“ РОДБЕРТУСА.

I.

Социалистическая мысль в настоящее время одержала победу в науке политической экономии. Так называемое манчестерство научно преодолено. Вопрос, о котором теперь идет речь, состоит уже не в том, нужно ли манчестерство или вмешательство государства в хозяйственные отношения — следовательно, социализм в широком смысле слова, — нет, перед нами теперь стоит вопрос: какого рода должен быть социализм, к которому мы стремимся? Такова проблема. Таким образом, речь идет уже не о том, чтобы собрать под одним знаменем самые различные социалистические школы, а скорее о том, чтобы резко выявить особенности каждой из этих школ и таким путем сделать невозможными недоразумения.

В Германии в настоящее время владеют умами преимущественно две социалистические школы — школа Маркса и школа Родбертуса. Маркс находит своих сторонников преимущественно среди рабочего класса, Родбертус, напротив, остался ему чужд. Его упорный отказ примкнуть к Лассалю, когда последний приступил к основанию рабочей партии, и его решительно враждебное отношение к политической деятельности рабочего класса не могли сделать его популярным среди рабочих. Напротив того, Родбертус сделался преувеличенно уважаемым вождем академического социализма, и здесь его авторитет все еще неизменно возрастает. Вся академическая молодежь Германии, поскольку она вообще занимается социализмом, находится под его влиянием. Это почитание Родбертуса местами дошло до полного игнорирования Маркса. Так, например, некий д-р Георг Адлер недавно написал книгу о „Родбертусе, основателе научного социализма“, в которой он ни разу не упоминает Маркса и называет в качестве единственного научного социалиста, на-ряду с Родбертусом, Прудона. В этой книге говорится во введении: „С Родбертуса начинается новая эпоха в истории социализма... Только сочинениями Прудона о „Собственности“ (1848) и о „Противоречиях по-

литической экономии“ (1846) начат переворот, завершенный затем Родбертусом... На долю нашего германского мыслителя выпало направить социализм по тому пути, который обеспечивает ему признание в качестве действительно социально-*научного* направления“ [1]).

Так говорит господин Адлер, которому следовало бы усиленно рекомендовать почитать „Нищету философии“ Маркса.

В другой недавно появившейся книге автор восклицает: „Весь народ, начиная с своего первого должностного лица и кончая последним рабочим, должен пройти школу Родбертуса. Один лишь Родбертус является тем учителем, который может продолжать начатое Бисмарком дело, — обеспечить будущее вновь объединенному германскому государству“ [2]).

Подобные отзывы о „Рикардо экономического социализма“, как выражается Адольф Вагнер, встречаются десятками в новейшей экономической литературе Германии. Но Родбертус имеет не только академическое значение. Из аудиторий его учение проникает в круги бюрократии, которая рекрутируется из наших высших школ, и как раз наиболее честолюбивые и деятельные элементы, которые не дают рутине убаюкать себя, распространяют это учение. Так родбертусовские принципы все более оказывают влияние на руководящие принципы правительственной политики, и это тем легче, что сам Родбертус определенно подчеркивал, что он стоит на монархической и национальной почве.

Ввиду этого вопрос о том, как мы относимся к Родбертусу, перестает быть академическим вопросом, а становится вопросом величайшего значения для нашей позиции в социальных и политических течениях нашего времени. Но особенно важно ознакомиться с теми характерными особенностями системы Родбертуса, которыми она отличается от системы Маркса. Гораздо меньше значения имеет для нас, напротив, отношение Родбертуса к манчестерству. Что́ Родбертус совершил в этой области, известно всем и всеми признано; в этом пункте соприкасаются все социалистические направления, и он к тому же в настоящее время почти утратил всякое значение. Впрочем, отметить борьбу Родбертуса против манчестерства должен в первую очередь всякий, кто хочет характеризовать его личность, ибо именно в этой борьбе он блестящим образом развернул

---

[1]) *Adler,* Rodbertus, der Begründer des wissenschaftlichen Sozialismus' Leipzig, 1884, S. 1.

[2]) *M. Wirth,* Bismark, Wagner, Rodbertus, drei deutsche Meister. Leipzig, 1883, S. 379.

свои бесспорно великие умственные дарования. Но эта борьба принадлежит уже ныне истории, и так как мы в данной статье намерены заняться Родбертусом лишь постольку, поскольку он в своем учении имеет значение для ближайшего будущего, мы на этот раз не станем касаться противоманчестерской, критической стороны его системы. Правда, такая трактовка темы с нашей стороны даст лишь одностороннее знакомство с Родбертусом и притом знакомство не с сильнейшей его стороной, но, как уже упомянуто, мы имеем в виду лишь специальную цель: мы рассматриваем не Родбертуса самого по себе, а те стороны его системы, которые отличают ее от других социалистических систем.

В основу нашего исследования должно быть положено недавно появившееся произведение Родбертуса „Капитал“ [1]), название которого, как и содержание, одинаково вызывает на сравнение системы Родбертуса с системой Маркса. Впрочем, произведение это представляет собою лишь отрывок из наследства скончавшегося в 1875 году социолога, отрывок, который последний сам намерен был еще дополнить и отделать. Кроме того, читатель вынужден во всем доверять редактору, так как нет никакой возможности установить, соответствует ли, и в какой мере, напечатанный текст оригинальной рукописи. К счастью, одна особенность Родбертуса приходит нам на помощь: он очень любит повторяться в своих сочинениях. Его четыре социальных письма представляют собою лишь более подробное развитие идей, которые он высказал уже в 1842 г. в своей работе „Zur Erkenntnis unserer staatswirtschaftlichen Zustände“ (Neubrandenburg, VIII+175 S). И так как четвертое письмо в существенном лишь повторяет уже изложенное в трех первых письмах и в только что названном произведении, у нас нет никаких оснований сомневаться, что четвертое письмо может быть принято за основу для нашей критики.

Но свойственная Родбертусу манера постоянно повторяться в свою очередь ведет, с другой стороны, к тому, что наша критика его „Капитала“ становится критикой его социально-политической системы вообще. Однако невозможно обсудить со всех сторон эту систему в одной статье. Эта задача потребовала бы целой книги. Мы предполагаем впоследствии особо рассмотреть различные стороны его системы, а именно его исторические и сельскохозяйственные

---

[1]) *Rodbertus,* Das Kapital. Vierter sozialer Brief an von Kirchmann. Herausgegeben und eingeleitet von Theophil Lozak. Berlin, 1884, XIX+315 S.

очерки. На этот раз мы намерены подвергнуть рассмотрению, с одной стороны, лишь общий характер его воззрений и его метода и, с другой, его проекты реформ.

Рассмотрим прежде всего общий характер воззрений и метода Родбертуса. Тут с самого начала мы должны констатировать глубокое различие между Марксом и Родбертусом,—различие, которым в конечном счете можно объяснить почти все другие различия между ними: Родбертус является философским идеалистом, Маркс — материалистом. Маркс исходит из основного положения, что все духовные проявления определенной эпохи, ее искусство и наука, ее философия и религия, ее право и нравы обусловливаются господствующими в данное время материальными условиями, существующим способом производства.

Иначе у Родбертуса. Господствующее ныне право в его глазах представляет собою не следствие и выражение, а *причину* господствующего способа производства.

Маркс рассматривает каждое социальное явление как естественное, т. е. необходимо вытекающее из существующих условий, но вместе с тем и как историческое, т. е. возникающее при определенных условиях и вместе с ними преходящее.

Напротив того, Родбертус исходит не из исторических, а из *вечных* категорий. Каждое социальное явление, по его мнению, первоначально существует в полной чистоте в *идее*; но при проявлении идеи в жизни чистота ее нарушается искусственными, насильственными воздействиями. Исчезает естественная гармония, чтобы уступить место неестественным условиям; отсюда страдание в этом мире.

Один пример может обрисовать нам мышление Родбертуса. „Не может быть никакой ренты, — говорит он, — если не существуют учреждения, которые отнимают у рабочего целиком или частью этот излишек (прибавочную стоимость) и отдают ее другим, которые сами не работают, ибо рабочие по самой *природе* являются всегда первыми обладателями продукта. То обстоятельство, что труд приносит такой излишек, основано на научных причинах, на тех, которые повышают производительность труда. Тот факт, что этот излишек целиком или частью отнимается у рабочих и отдается другим, коренится в причинах *положительного права*, которое, поскольку оно издавна действовало в союзе с силой, и здесь осуществляет экспроприацию продукта лишь путем постоянного *принуждения*“. („Второе социальное письмо“. Берлин, 1850, стр. 60.)

Как в частности действовало это право в течение двух последних столетий, об этом мы узнаем в другом месте:

„В то время на обществе лежало невыносимое бремя отдельных исторических привилегий, мешавших осуществлению *естественного права* человека. Те правовые дисциплины, основные принципы которых постепенно пропитали все социальные науки, овладели прежде всего в теории этими общественными препятствиями и своей критической остротой до основания разрушили их, в гражданском праве вплоть до установления понятия свободы личности и собственности с вытекающими отсюда последствиями, а в государственном праве до понятия правительства народной воли. Практика по пятам следовала за новыми понятиями, по крайней мере в области гражданского права... После того, как в сфере гражданского права не осталось ничего другого, кроме свободы личности и собственности с вытекающими отсюда последствиями; после того, как и в сфере государственного права осталось, по крайней мере, не так уже много пережитков, чтобы препятствовать практически успехам в области гражданского права; после того, как и правительства стали по необходимости все более приспособляться к тому, чтобы в качестве правительств народной воли выполнять веления общественного разума, неожиданно из недр движения этого нового правового состояния выступают опаснейшие явления, от которых, очевидно, нельзя оградить общество силой отдельных лиц, ввиду чего к правительству обращается требование выступить против них во имя и средствами самого общества".

„Явления эти экономического характера или, во всяком случае, коренятся в хозяйственных условиях общества". („Первое социальное письмо". Берлин, 1850, стр. 5, 6, 7.)

Здесь, таким образом, ясно сказано: наши экономические условия и коренящиеся в последних опасные явления — социализм — являются следствием победы новых правовых воззрений, появившихся в XVII и XVIII столетиях. Так ли это на самом деле? Посмотрим.

Правовой системой, наилучшим образом соответствовавшей в начале нашего столетия капиталистическому способу производства, является Кодекс Наполеона, этот плод французской революции. И теперь мы должны задать себе вопрос: наполеоновский ли Кодекс создал французскую буржуазию, или французская буржуазия — наполеоновский Кодекс? Как известно, имело место последнее. Капиталистический способ производства господствовал уже до введения наполеоновского Кодекса, он господствовал несмотря на тогдашнюю систему права, которая во многих отношениях была еще отсталой и соответствовала феодальным отношениям. Капиталистический способ производства раз-

вился в противоречии к господствовавшему в ту пору праву; он был вызван к жизни не этим правом; напротив, когда оковы существующего правового порядка стали для него слишком тесны, он их разбил и создал себе новую систему права. Ныне действующее право представляет собою, таким образом, следствие, а не причину капиталистического способа производства.

Могут возразить, что *римское право*, начиная с XV столетия, все более распространялось по европейскому континенту и что римское право, а не капитализм, явилось причиной разложения феодализма. Но и это возражение ошибочно. Рецепция римского права, этого продукта частной собственности и абсолютизма римской императорской эпохи, тоже едва поспевала за социальным развитием. Римское право было воспринято лишь тогда, когда образовались классы, интересам которых соответствовало правовое положение, представленное в римском праве: княжеская власть и буржуазия; и оно было воспринято лишь постольку, поскольку соответствовало интересам этих двух классов. Римское право соответствует системе *простого*, до-капиталистического *товарного производства*, системе, в которой, однако, включены в большой мере и правовые отношения капиталистического периода. Оно давало таким образом городским жителям именно то, в чем они нуждались и чего они не находили в своем исконном обычном праве. Как мало создало римское право современный способ производства, доказывает нам высоко капиталистическая Англия, где это право никогда не имело значения. Что оно было воспринято лишь постольку, поскольку соответствовало новому способу производства, видно из того, что римское право предполагает рабство, но что его рецепция в XVI, XVII и XVIII столетиях нигде не имела своим следствием введение „правового института“ рабства — факт, который, конечно, не мало заставил ломать голову иных добросовестных юристов. Наоборот, одновременно с этим в северо-американских колониях Англии был введен „правовой институт“ рабства, хотя английское право его не знает. Именно *способ производства*, невзирая на ту или иную господствующую систему права, в одном месте исключал рабство, а в другом месте вводил его.

Как видим, „положительное право“, подобно воску, легко поддается влиянию со стороны способа производства и его верноподданнейших служителей. Способ производства ничуть не заботится о „вечном“, „естественном“ праве.

Но как мы приходим к познанию „вечных“, „естественных“ идей? Силой абстракции, — говорят нам; если мы от-

влечемся от всех преходящих свойств вещей, у нас останутся их непреходящие свойства. И способность к абстракции у Родбертуса, как говорят, особенно сильно развита. Так, Адольф Вагнер говорит о нем в предисловии к „Четвертому социальному письму“ (стр. VII): „Родбертус обнаруживает здесь силу абстрактного мышления, какая свойственна лишь величайшим мастерам. Он входит в их число и в сфере политической экономии выступает, пожалуй, во главе их“.

Но бывает абстракция и абстракция. Маркс видит свою задачу в том, чтобы путем абстракции (отвлечения) от несущественного исследовать *существенные особенности* различных эпох производства. А Родбертус отыскивает „вечные“ идеи, лежащие в основе социальных явлений. Но этого он может достичь, лишь отвлекаясь от всех особенностей различных ступеней производства и выделяя *общее* всем им. Маркс характеризует и расчленяет противоположности, у Родбертуса мы видим заметное пристрастие затушевывать их.

Это особенно обнаруживается в его „Капитале“.

Родбертус, например, выступает в этом сочинении с величайшим жаром за *коммунизм*, выступает так, что его „Капитал“ можно бы назвать хвалебной песнью коммунизму. Но это можно делать лишь при том условии, если придавать значение словам. Но суть дела не в словах, а в понятиях. Тут Родбертус говорит нам: „Что в настоящее время под понятием коммунизма понимают лишь такое положение, когда общественная власть произвольно (?!) распределяет продукты, представляет ошибку, которая уже имела вредные теоретические последствия, да и на практике может иметь свои отрицательные результаты“ (стр. 85). Кругозор Родбертуса не так ограничен, *он всюду видит коммунизм*.

Что такое разделение труда? — спрашивает он. „Не что иное, как кооперация (в книге напечатано корпорация), как *общность* труда. Оно, одним словом, представляет собою *коммунизм*, правда, еще не правовой коммунизм, но уже фактический, правда, не коммунизм в отношении продукта, но коммунизм производства, ибо почему нам не употреблять это наиболее подходящее для данного положения выражение?“ (стр. 84). В известном смысле это правильно, если под коммунизмом понимать вообще общность. Но Родбертус на этом не останавливается. Он усматривает коммунизм также и в потреблении.

„...Как основания, которые при этом распределении (всего продукта) определяют величину каждой доли, так и способ, каким реализуются притязания каждого, ничего не изменяют в том, что и при дележе продукта, при распре

делении, преобладает характер общности, *коммунистический* характер. Дележ *продукта по существу дела*, большей частью, тоже является *общностью* в продукте, является *коммунизмом*" (стр. 89). Таким образом, решительно безразлично, *как* распределяется продукт труда между членами общества: поскольку его вообще делят, постольку господствует коммунизм. Если рабочий делит продукт с капиталистом и землевладельцем, то это коммунизм! После этого совершенно прав Родбертус, прибавляя в примечании к приведенной выдержке: „Нам не зачем поэтому так бояться коммунизма. Опасными могут стать лишь *ложные* коммунистические системы. Но *коммунизм вообще* есть то состояние, в котором мы живем, поскольку *природа* всякого *общества* коммунистична. Мы обыкновенно прежде всего *познаем* то, что ближе всего к нам, — *самих себя* поэтому позже всего".

И далее он говорит: „Выбирая здесь повсюду обозначение „коммунистический", я сознательно называл дело надлежащим именем. Недостойно серьезных людей перебрасываться упреком в коммунизме, как мячиком. Если партия „Крестовой газеты" употребляет слово „коммунизм" в качестве пугала, чтобы запугиванием общества побудить его к восстановлению государственного идеала этой газеты, то это лишь значит, что она *средневековый коммунизм* предпочитает иному. Что представляет собою, например, „несвободная земельная собственность", связанная с этим идеалом, как не земельную собственность, ограниченную *в коммунистических целях*, а именно в целях сохранения не только семьи, но и жителей поместья и рабочих, которые, с другой стороны, должны находиться в крепостной зависимости? Разница лишь в том, что средневековый коммунизм осуществляется в более мелких единицах и притом может приводить лишь к выгоде немногих, тогда как искомый, но еще не обретенный либеральными идеями коммунизм стремится распространиться на всех и приобщить всех к своим выгодам" (стр. 93).

Но и этот искомый „либеральный" коммунизм не имеет ничего общего с тем, что обыкновенно понимают под коммунизмом: „С другой стороны, — продолжает Родбертус, — Дефлотт, несомненно, сказал истину, что формула нового коммунизма еще не найдена. Народное сознание отрицает во всех отношениях — еще или вообще, на этом я не останавливаюсь — коммунизм *равенства*. Оно стремится лишь к *равноправию*" (стр. 96).

Вот подбор выдержек из взглядов Родбертуса на коммунизм, увеличить который мы испытывали сильное иску-

шение; только недостаток места побудил нас ограничить себя в этом отношении.

Критика приведенных выдержек вряд ли возможна. Всякий имеет право давать понятиям такое название, какое ему нравится. Но мы в праве сомневаться, что порожденная подобной „силой абстракции“ расплывчатость двигает вперед социальную науку. С таким же основанием можно было бы считать, что кто-нибудь содействует успехам зоологии, если он выступает с следующим заявлением: Лев, слон, кит, вообще все млекопитающие суть мыши, ибо они все имеют, подобно мышам, красную и теплую кровь и кормят молоком своих детенышей. *Равноправие*, дележ продукта труда между трудом и капиталом, феодализм, одним словом, все есть коммунизм, за исключением действительного коммунизма: как раз он является „ложным“, опасным коммунизмом.

Такая сила абстракции, разумеется, не может быть уделом каждого.

Рассмотрим теперь другую сторону метода Родбертуса. Прекрасно обрисовывается она в его исследовании понятия капитала. Маркс понимает под капиталом особую историческую категорию. Именно капитал накладывает на нашу эпоху хозяйственного развития свой отпечаток в отличие от предшествовавших эпох. Правда, всегда существовали средства производства, но никогда до этого они не господствовали так над рабочим, как теперь; благодаря другим причинам у раба и крепостного отнимался прибавочный продукт. Правда, всегда существовали средства производства, но никогда до сих пор один лишь факт обладания ими не являлся для их обладателя средством отнимать себе продукт труда рабочего, который получает лишь стоимость своей рабочей силы, заработную плату. Таким образом, при современном способе производства средства производства получают своеобразную функцию в *качестве средства присвоения прибавочной стоимости* и в качестве такового они являются капиталом.

Иначе у Родбертуса. Подобно тому, как он повсюду видит коммунизм, так он везде усматривает и капитал. Современный капитал в его глазах представляет собою лишь случайное отклонение от понятия капитала: „Понятие капитала в более узком смысле („естественного“ капитала. — *К. К.*) вытекает из природы самой вещи: понятие капитала в широком смысле (существующего капитала. — *К. К.*) — из *случайных условий* определенного исторического состояния. Оно исчезнет, когда исчезнет приносящая ренту собственность, и тогда останется *чистое понятие* капитала, как единственно

правильное и победоносное". („Zur Erkenntnis unserer staatswissenschaftlichen Zustände", S. 24.)

Найти это „*чистое понятие*", очищенное от всех исторических „*случайностей*", — такова задача нашего теоретика. Не капитал в том виде, как он существует, а капитал, каким он является в идее, капитал „в себе", как выражается Родбертус на стр. 234 своего „Капитала" и еще во многих других местах, по аналогии с „вещью в себе", — таков, следовательно, предмет его исследования.

Но где найти этот капитал „в себе"? Для этого не достаточно силы абстракции, ибо капитал представляет собою экономическую реальность и немыслим вне всех исторических особенностей, следовательно, вне человечества. Для того, чтобы найти капитал „в себе", нужна наличность способа производства „в себе" и человека „в себе" и так как достичь этого путем *абстракции* нельзя, то это достигается при помощи *построения*. И в этой области Родбертус был еще сильнее, чем в сфере абстракции. Он мало кому уступал в способности *конструировать робинзонады*.

Роль робинзонад в политической экономии своеобразна. Там, где недостает фактов, кстати появляется робинзонада. Если экономисту надо что-нибудь доказать, и он не находит необходимых доказательств в современном обществе, он изготовляет приспособленную к его нуждам робинзонаду и приводит ее в качестве доказательства. Действительно, постоянно с особой любовью прибегали к робинзонадам для того, чтобы развить понятие капитала, доказать правомерность вознаграждения за воздержание и процента на капитал и т. п. [1]).

Но никто не умел так гениально владеть своей фантазией, так смело отвлекаться от всех существующих условий, как Родбертус. Послушаем, например, какое возражение он приводит против теории земельной ренты Рикардо: „Та теория земельной ренты Рикардо, которая хочет непосредственно объяснить неодинаковость наших земельных рент вплоть до пункта, где рента прекращается, не в состоянии ответить на простой вопрос, почему на каком-нибудь острове — *или планете — с одинаково плодородной* почвой, где отсутствуют *внешние сношения*, но где благодаря увеличению населения стоимость сырого продукта достигла нормальной

---

[1]) Маркс тоже в одном месте ссылается на робинзонаду („Капитал", 2 изд., стр. 53), но он приводит ее не в виде основы для своей аргументации, а в целях пояснения своей мысли. Эта робинзонада излагается так иронически — он сам называет ее робинзонадой, „ибо политическая экономия любит робинзонады", — что нельзя сомневаться насчет того, как Маркс относился к ним. Ведь в примечании он высмеивает робинзонады Рикардо.

цены, следовательно, все еще не существует монопольной цены, — почему, говорю я, на таком острове, который совсем не имеет различных почв, все же получается земельная рента, — вопрос, который, как вы помните, ставил также уже Тюнен, подвергая сомнению теорию Рикардо". И в примечании он продолжает: „Сторонники Рикардо обыкновенно возражают на это, что тогда остается еще различие в отдаленности от места сбыта. *Но можно отвлечься и от этого различия*, группируя население в совсем маленькие земледельческие города, которые сами производят для себя в своем городском округе необходимые сырые продукты. Разве „гражданин-хлебопашец" таких городов при нормальной стоимости сырого продукта не будет получать никакой земельной ренты?" (4 книга, стр. 25).

Мы приводим эти строки лишь в качестве доказательства способности Родбертуса к конструкциям и абстракциям, — вдаваться в рассмотрение вопроса о теории земельной ренты мы здесь не намерены, как бы это ни было заманчиво. Следует указать только на то, как предусмотрителен Родбертус, который описываемые им условия переносит как раз на изолированный остров, даже на другую *планету* — они, в самом деле, могут встретиться лишь на луне. Но исчезнет ли там земельная рента, это — вопрос, ответить на который мы не считаем себя достаточно компетентными. Да будет лишь дозволено нам скромное возражение, что теория земельной ренты Рикардо должна иметь силу только для нашей земной юдоли и притом лишь при существующем способе производства, а не для всей солнечной системы.

Не столь астрономическим характером отличается та робинзонада, при помощи которой Родбертус хочет вывести свой „капитал в себе". Он развивает последний из хозяйства „в себе", *изолированного хозяйства*, из человека „в себе", *изолированного человека*, и думает найти такое хозяйство и такого человека в первобытном состоянии человечества.

„Позвольте мне начать с исследования капитала в *изолированном хозяйстве*, — говорит он. — Здесь, где индивидуум, вырванный из всякой социальной связи, противопоставляется сам по себе внешнему миру и потому совершенно отсутствует отвлекающий *социальный* процесс производства, тем яснее вырисовывается *естественный* процесс производства и потому тем легче будет познать, что̀ при таком естественном ходе производства следует обозначить как капитал". („Четвертое письмо", стр. 231.)

Предварительным условием познания экономических, социальных фактов и отношений является, таким образом,

по мнению Родбертуса, абстракция от всяких вообще социальных отношений.

Но как приходит он к изолированному человеку? Родбертус помещает этого человека в начале человеческого развития: изолированный человек — дикарь. Родбертус не одинок в таком мнении, он разделяет его со всеми экономистами и почти всеми историками, не принадлежащими к марксистской школе и потому оставшимися чуждыми современному исследованию первобытной истории. Мнение это унаследовано от прошлого столетия. Тогда ощущали потребность установить исходный пункт человеческого развития, следовательно, характер первобытного человека. Но так как нехватало фактического материала, то этого человека конструировали из головы. Человек создал по своему подобию, согласно известному выражению, не только бога, но и своих предков. Мелкий буржуа был признан типом нормального человека, каким он существовал во все времена; единственное различие состояло лишь в том, что он носил то тогу и тунику, то латы, то звериную шкуру, то совсем ходил нагишом. Мелкий буржуа, который ходил нагишом, был „естественным человеком“, и так как о нем ничего не знали, следовательно, не примешивались никакие спутывающие исторические „случайности“, можно было свободно развивать силу абстракции — отвлекаясь от всех предметов одеяния — и обрисовывать первобытного человека совершенно по образцу мелкого буржуа своего времени и своей страны. Мелкий буржуа бьет свою жену и детей — первобытный человек тоже. Мелкий буржуа отличается склонностью к сутяжничеству и к конкурентному соревнованию — первобытный человек тоже, с той только разницей, что конкурентная борьба, пресловутая борьба всех против всех, идет без фигового листка, при отсутствии полицейских препятствий. Мелкий буржуа работает для себя одного и сам присваивает себе весь продукт своего труда — следовательно, и первобытный человек является изолированным хозяином и каждому индивидууму в силу самой *природы* вещей принадлежит продукт его труда, как об этом уже заявлял Родбертус.

Жаль, что вся эта картина, как это отчасти уже было изложено на этих страницах, не соответствует действительности. Первобытный человек, как он действительно существовал и как его можно еще встретить в вымирающем состоянии, любвеобилен и мягок по отношению к своим детям; муж и жена совершенно равны друг другу и обращаются друг с другом с величайшим уважением. Первобытный человек отнюдь не был „изолированным хозяином“,—

последний скорее всего никогда и нигде не существовал, если не иметь в виду единичных потерпевших кораблекрушение людей, которым, однако, место в детской сказке, а не в социально-научном трактате. Первобытный человек жил коммунистически, ордами, и продукт труда, получался ли он от охоты или рыбной ловли, принадлежал не отдельному индивидууму, а всей орде в целом, равно как и сама охота и рыбная ловля производились совместно, что можно еще наблюдать и в настоящее время у сохранившихся диких племен.

Таким образом, основа понятия капитала висит у Родбертуса в воздухе. Состояние, из которого он его выводит, никогда не существовало, разве только в голове отдельных идеологов. Изолированное хозяйство Родбертуса представляет собою не что иное, как мелкобуржуазное частное хозяйство, как оно существует еще и поныне, с устранением всех затемняющих исторических „случайностей". Это мелкобуржуазное частное хозяйство представляется ему „естественным", „нормальным" хозяйством, по образцу которого должно строиться и государственное хозяйство.

Родбертус, подобно всей буржуазной экономии, вывел понятие капитала из робинзонады, и, подобно ей, он тоже приходит к тому, что происхождение капитала усматривает в палке дикаря, — почему же не в камне, которым обезьяна раскалывает орехи?[1]) Тем не менее, его проницательность оградила его от путаницы буржузной экономии. Последняя постоянно смешивает найденный ею в первой палке дикаря капитал „в себе" с современным капиталом и приходит благодаря этому к самым нелепым выводам. Родбертус однако слишком хорошо постиг сущность капиталистического способа производства: он ясно видит законы, которые господствуют над современным капиталом, он не смешивает его со своим воображаемым капиталом, но противопоставляет его ему.

„Нечто совершенно иное, чем капитал *в себе*, — говорит

---

[1]) „Политико-экономы единодушны в том, что отдельная палка, которую отламывает дикарь, чтобы сбить плод, палка, которую он, может быть, сейчас же после того ломает или бросает, представляет собою капитал не в меньшей степени, чем тысячи центнеров хлопчатой бумаги, прочные постройки и машины современной бумагопрядильни". („Четвертое социальное письмо", стр. 239.)

Сравните с этим саркастическое замечание Маркса по поводу следующей цитаты из Торренса: „В первом камне, который дикарь бросает в зверя, преследуемого им; в первой палке, схватываемой им, чтобы сбить плод, который он не может достать руками, мы видим присвоение предмета для приобретения другого и открываем таким образом—происхождение капитала". Маркс замечает по этому поводу: „Этой первой палкой, вероятно, объясняется, почему по-английски „сток" равнозначаще с капиталом". („Капитал", 2-е изд., стр. 171.)

он. — чем *предметы, составляющие капитал*. капитал *с точки зрения национальной*, представляет собою *частный капитал, капитальное имущество*, капитальная *собственность*, то, что в настоящее время понимают под „капиталом".

„Частный капитал *состоит* в чем-то совершенно ином, он *возникает, возрастает и воспроизводится* совершенно иначе и, наконец, совершенно иначе *относится также к доходу*".

„Я утверждаю, что смешение частного капитала с капиталом в себе привело к вреднейшей путанице в политической экономии, и что правильного понимания главнейших частей нашей науки, и в особенности положения наших трудящихся классов, можно достичь только после того, как усвоить себе это различие и дать себе отчет в основаниях его". („Четвертое социальное письмо", стр. 304.)

Теперь мы можем вздохнуть с облегчением. Наконец, из тумана идей мы возвращаемся на нашу землю, но вместе с тем мы приходим также и к концу книги Родбертуса. Не исследование частного капитала в первую очередь интересует его, а исследование *национального капитала*, который подчинен тем же законам, что и капитал изолированного хозяина. Политико-экономы, по мнению Родбертуса, совершают величайшую ошибку, исходя не из национального капитала, а из частного капитала. „Я не преувеличиваю, — заявляет он, — утверждая, что весь метод, который до сих пор применялся в нашей науке, затрудняет понимание того положения, к которому я свожу все хозяйственные бедствия нашего времени".

„Именно, вместо того, чтобы наука исходила из познания того, что в силу разделения труда общество представляет собою неразрывное хозяйственное целое; вместо того, чтобы подходить с точки зрения этого целого к объяснению отдельных политико-экономических понятий и явлений, вместо того, чтобы таким образом поставить во главу угла понятие национального имущества (общественного имущества), национального производства, национального капитала, национального дохода и разделения последнего на земельную ренту, прибыль на капитал и заработную плату и из этих общественных понятий вывести доли отдельных лиц, — вместо всего этого политическая экономия не смогла освободиться от преувеличенного индивидуалистического уклона нашего времени. Она разорвала в клочья то, что вследствие разделения труда представляет собою неразрывное целое, социальную величину, — то, что может существовать только при предположении такого целого, и вознамерилась от этих клочьев, от индивидуалистического участия отдельного

лица, снова притти к понятию целого". („Второе социальное письмо", стр. 47, ср. „Четвертое письмо", стр. 106.)

Здесь мы видим опять весь метод мышления Родбертуса. Политико-экономы должны, по его мнению, рассматривать весь способ производства иначе, чем он есть на самом деле! Они должны исходить из *понятий* национального капитала, национального дохода, национального производства. Но как они могли дойти до этих понятий? В лучшем случае исходя от „изолированного хозяина", представляя себе нацию также в виде такого хозяина, но никоим образом не от наличных фактов. В самом деле, где существует ныне в современном способе производства национальный капитал? Мы, правда, имеем в настоящее время государственные капиталы, но они подлежат действию тех же законов, что и частные капиталы. Мы видим, правда, *сумму* доходов в пределах нации, сумму капиталов, сумму продуктов, но нигде не встречаем доход, капитал, продукт нации! И мы не принадлежим к „индивидуалистической" школе! Или почитается „коммунизмом" нежелание искать индивидуализм там, где он есть, а именно, в современном способе производства?

И что говорит нам сам Родбертус? „Национальный капитал есть *совокупность имеющихся у нации капитальных предметов*, причем последние рассматриваются с точки зрения *коммунистического единства*, которое главным образом обусловливается разделением труда". („Четвертое социальное письмо", стр. 255.)

Итак, по Родбертусу, национальный капитал, — это сумма всех имеющихся у нации капитальных предметов. Но, разумеется, эти последние рассматриваются с точки зрения коммунистического единства, которое в существенном обусловливается разделением труда. Согласимся, что разделение труда ведет с собою известный коммунизм. Но в какой области? В сфере *труда*, а не капитала. Труд в настоящее время отличается уже общественным характером; изолированный рабочий, от начала до конца вырабатывающий продукт, не принадлежит к типичным явлениям современного способа призводства. Каждый продукт проходит в настоящее время при изготовлении своем через много рук, иногда через тысячи, из которых каждая совершенствует его, вкладывая свой труд. Ныне работают сообща, для общей цели. В сфере *труда* ныне, несомненно, господствует коммунизм.

Это признал и Родбертус. Но он идет еще дальше. „Эта обусловленная разделением труда в пространстве и во времени хозяйственная общность индивидуумов не преминула придать всем хозяйственным понятиям, которые

еще в изолированном хозяйстве протекают в чрезвычайной индивидуалистической простоте, тоже характер общности— *коммунистический* характер, который мешает им быть в дальнейшем лишь предметом отдельного хозяйства, изолированного производящего или потребляющего хозяйства".

„Рядом или, вернее, *над индивидуальной* потребностью, над *индивидуальным* производством, над *индивидуальным* продуктом, капиталом, доходом и т. п. возвышается теперь *национальная* потребность, *национальное* производство, *национальный* продукт, *национальный* капитал, *национальный* доход". („Четвертое социальное письмо", стр. 89.)

Все это кажется весьма понятным и великолепно согласуется с системой. Но весь этот ход мыслей держится и падает вместе с изолированным хозяином, от которого он исходит, и нам поэтому нечего удивляться, если при внимательном сопоставлении с фактами мы видим, что имел место противоположный ход развития.

Прежде всего неверно, будто лишь разделение труда придало труду коммунистический характер. Последним он отличался всегда, так как изолированного хозяина, как сказано, никогда не существовало. Разделение труда только заменило первобытную систему социального труда другою. Но одновременно с этим то же разделение труда уничтожило коммунизм владения. Лишь разделение труда сделало возможным возникновение государств с различными классами. Чем бы ни обусловливались эти различия — завоеванием, этническими отличиями или чем-нибудь другим, их предпосылкой и их последней причиной являлось разделение труда. Но разделение труда также делало все более сложным *орудие труда*. Частная собственность на орудия труда, по-видимому, существовала испокон веков. Первоначальные орудия труда были однако так просты, что каждый легко мог добыть их себе. Это изменяется с разделением труда. Орудие труда становится все искуснее, приобретение его все труднее, социальное могущество обладателя орудия труда все значительнее, пока из него не возникает современный капиталист. Но современный капитализм, этот плод разделения труда, разрушает также последний остаток первоначального коммунизма, уничтожая общинную собственность на землю. Таким образом разделение труда далеко не придает „коммунистический характер" „всем хозяйственным понятиям"; напротив того, оно порождает *противоречие* между коммунистическим характером *производства* и индивидуалистическим характером *капитала и распределения продукта*, — то противоречие, которое в настоящее время все более обостряется и требует своего разрешения.

Но если это так — а кто исследует факты, вместо того чтобы замыкаться в систему, тот должен признать, что это так, — то не может быть и речи о *национальном капитале*, *национальном* доходе в современном способе производства. Сам Родбертус тоже наверное пришел бы к такому взгляду, если бы ему не помешала в этом его „система". Куда он дал ей завести себя, видно из следующего места: „Представьте себе теперь, мой уважаемый друг, общество с собственностью на землю и капитал, но прежде всего представьте себе нацию как некое единство, как единую обладательницу национального продукта, национального капитала, национального дохода". („Четвертое социальное письмо", стр. 289.) Спрашиваешь себя, наяву ли это или во сне? Мы должны представить себе общество с *частной собственностью* на землю и капитал, но прежде всего представить себе нацию *единственной обладательницей* национального капитала и пр. Мы должны представить себе ночь, но вообразить, что это еще день. На это у нас не хватает силы абстракции.

Грустно, поистине, видеть, как такой тонкий наблюдатель, такой проницательный мыслитель, как Родбертус, который дал такую удачную критику современного способа производства, вместо того чтобы итти дальше, оставаясь на этой реальной почве, был приведен своей идеологической точкой зрения к конструированию мира из головы и к игнорированию фактов, чтобы притти к системе, которая, правда, очень остроумна и соблазнительна, но стоит в прямом противоречии с действительностью.

Притти к своему понятию капитала Родбертус мог только при помощи насилия над обычным словоупотреблением. Он сам говорит это, как уже упомянуто: „Нечто совсем иное, чем капитал в *себе*, представляет собою то... что обычно понимают в настоящее время под капиталом". И мы спрашиваем, допустимо ли так произвольно насиловать обычное словоупотребление? Наука имеет право устанавливать понятия, она также имеет право придумывать для них новые обозначения, если прежние не соответствуют своей цели, но она никоим образом не имеет права давать одному из этих понятий название, которое обычное словоупотребление связывает с другими понятиями, ибо таким путем открывается дверь путанице. Ботаника, например, имеет право придумать для какого-нибудь вида розы латинское название, но она не имеет права назвать розу картофелем. Точно так же мы не можем называть палку дикаря капиталом, поскольку обычное словоупотребление обозначает этим словом другое, определенно ограниченное и от него резко отличающееся понятие.

Если мы подвергнем рассмотрению предметы, обычно называемые капиталом,— промышленное сооружение, или склад купца, или деньги ростовщика,—мы увидим, что все они *представляют собою стоимость, при помощи которой присваивается новая стоимость, прибавочная стоимость*. Приносить проценты — такова характерная функция капитала. Капитал, который не приносит процентов, не выполняет своего назначения, он представляет собою не живой, а мертвый капитал. Капитал в этом смысле может состоять из самых разнообразных предметов, а не только из средств производства (машин, сырья и пр.), но при известных условиях также из денег и товаров, а с другой стороны, могут быть средства производства, как при коммунистической, так и индивидуалистической системе права, которые не являются капиталом в указанном нами смысле. Капитал, как мы его определили, представляет собою историческую категорию, которая имеет в качестве предпосылки определенные исторические условия. Ростовщический капитал представляет собою первую форму капитала, появляющуюся на сцене; за ним следует торговый капитал: тот и другой процветают уже в древности. Напротив, в это время мы встречаем лишь слабые зародыши промышленного капитала. Только там может развиться последний, где товарное производство и товарное обращение достигли значительного развития, рынок очень расширился, и, с другой стороны, техника тоже поднялась на известную высоту. Но промышленный капитал требовал также для своего развития, с одной стороны, концентрации значительных сумм стоимости в немногих руках, с другой стороны — скопления больших масс свободных пролетариев, пролетарских масс, свободных от всяких личных обязательств, но вместе с тем свободных и от всякой собственности. Лишь эпоха открытий и изобретений принесла все эти условия в таких обширных размерах, что стало возможным развитие промышленного капитализма.

Как видим, капитал в „обычном“ смысле этого слова есть совершенно определенно ограниченное, историческое понятие, подчиненное определенным законам и вызывающее определенные явления, одним словом, совершенно ясное и точное понятие.

Почему же политическая экономия старается связать то наименование, какое получило это определенное понятие, со всевозможными другими понятиями и вызвать этим неясность и путаницу? Это отчасти следует приписать метафизическому мышлению, которое нам прививают. Согласно последнему, законы современного способа произ-

водства являются естественными законами, его категории имеют вечный характер. Но к этому присоединился и другой мотив, приобревший тем большее значение, чем больше развивались теневые стороны капиталистического способа производства. Политико-экономы чувствовали себя все более обязанными не *объяснять* капитал, а *оправдывать* его, а потому капитал должен был стать чем-то естественным, данным от природы, а вместе с тем все нападки на капитал — чем-то неестественным, абсурдным. Но при этом господа эти прекрасно сознавали тот факт, что *существенной функцией капитала является получение им прибавочной стоимости*. В самом деле, они все утверждали, что процент на капитал столь же вечен, как и сам капитал. Для того, чтобы притти к такому „вечному" понятию капитала, надо было, конечно, только отвлечься от всех исторических „случайностей"; но так как вкусу каждого было предоставлено решать, какие именно особенности современного капитала считать вечными, а какие — нет, то в результате мы получили почти столько же определений капитала, сколько существует систем, — определений, которые все вместе и каждое в отдельности выводятся из робинзонад. Самые прекрасные, самые необходимые вещи получают название капитала, чтобы доказать этим его великолепие и необходимость, что, приблизительно, столь же остроумно, как если бы я назвал розу „картофелем", чтобы придать и картофелю приятный запах.

Капитал есть стоимость, следовательно продукт труда; отсюда делают вывод, что всякий продукт труда может быть назван капиталом. С другой стороны, в настоящее время, когда преобладает промышленный капитал, большая часть его состоит из средств производства: естественно, что, по мнению наших экономистов, всякое средство производства является капиталом. Но капитал „в себе" терпелив; так как он никого не может опровергнуть, он претерпевает дальнейшие превращения и принимает самые разнообразные обличия. Бастиа причисляет к капиталу не только сырье, запасы и орудия труда, но и *услуги*, тогда как Кэри полагает, что капиталом является всякое средство, при помощи которого покоряется природа. Жаль, в самом деле, что еще не вернулись к первоисточнику производительных сил и не причислили также и солнце к капиталу в „себе".

Эту путаницу в вопросе о капитале Родбертус воспринял от политической экономии. Он сознавал противоположность между капиталом, каков он есть, и определениями капитала, даваемыми экономистами. Однако и он отыскивал вечную категорию. Поэтому, вместо того чтобы отбро-

сить эти определения капитала, как идеологические фантазии, он воспринял их и развил из капитала „в себе", ибо с ним можно сделать все, что угодно,— то понятие капитала, которое представлялось ему идеалом, понятие *национального капитала.*

На долю Маркса выпало познать капитал как историческую категорию и возникновение его доказать на исторических фактах вместо того, чтобы конструировать его из головы.

II.

В первой статье мы привели некоторые характерные примеры метода и общей точки зрения Родбертуса. Посмотрим же теперь, как обстоит дело с его отношением к социализму, научным обоснователем которого он изображается своими почитателями.

Читающий Родбертуса лишь поверхностно должен, безусловно, поражаться, а если он социалист, то и восхищаться тем красноречием и обилием доводов, какие применяет Родбертус, чтобы заклеймить капиталистическую и земельную собственность и восхвалять общественную собственность на землю и средства труда. Его относящиеся сюда выражения столь примечательны, что заслуживают более подробной передачи. Наши читатели отнюдь не посетуют на нас, если мы посвятим несколько страниц столь скудно отведенного нам пространства перепечатке некоторых прекраснейших мест из сочинений Родбертуса.

„При этом состоянии *коммунизма на землю и капитал*, — говорит Родбертус, — не только собственность более обеспечена, не только свобода больше, равноправие более всеобще, чем в современном обществе или даже в максимально *свободном* обществе с *частной собственностью на землю и капитал,* но и вообще впервые в чистом виде и вполне осуществляются собственность, свобода и равноправие.

„Где встретите вы, мой уважаемый друг, в настоящее время в обществе с собственностью на землю и капитал, даже если она сочетается с величайшей гражданской и политической свободой, собственность ненарушаемую, свободу и равноправие, на самом деле обеспеченные для всех?

„Всмотритесь в современные отношения собственности! В самом деле, что такое собственность *с точки зрения права, принципиально?* Неограниченное право на полный продукт своего собственного труда! Ищите для собственности другое основание, и вы не только придете в столкновение с народным правосознанием, вы доберетесь также в своих определениях до рабства или действительной общности

имущества. Но современные отношения собственности, над которыми господствует земельная и капиталистическая собственность, покоятся как раз на вопиющем нарушении этого принципа, совсем как рабство, которое лишь в степени, а не принципиально, отличается от земельной и капиталистической собственности. Правда, рабство подчиняет себе личность, тогда как земельная и капиталистическая собственность — лишь непосредственные проявления личности, но и первое и последняя насильно лишают личность полного продукта ее труда. Первое лишь провозглашает это насилие, тогда как последняя старается скрыть его всякими софизмами. Но одинаковым остается их действие на собственность, та *несправедливость,* которая совершается против нее. Она лишь проявляется в виде грубого насилия или лицемерия. Делайте земельную и капиталистическую собственность столь свободной и делимой, как хотите, распылите ее, и все же она будет оказывать то же действие, так как вы все не можете сделаться собственниками земли и капитала. С нею неразрывно связана рента, этот незаработанный плод труда других. Общество, правда, приэтом сможет в полном размере наслаждаться свободой пролетариата, но вместе с тем также и его лишениями и нищетой, его развращением и унижением. Сделайте, наоборот, земельную и капиталистическую собственность несвободной и неделимой, как угодно, и все же она и тогда будет жить лишь плодами труда других, но общество в этом случае еще потеряет личную свободу работника.

„Посмотрите на современную свободу! Что такое свобода? Не независимость индивидуума от общественной воли, общественной морали, как воображают индивидуалисты и, к сожалению, часть демократии,— она состоит скорее в возможности участвовать в образовании той и другой, в возможности иметь свою индивидуальную долю в них,— а независимость *от чужой индивидуальной воли, от чужой индивидуальной морали.* Пытайтесь найти и здесь другой принцип, и вы снова наткнетесь или на грубейший эгоизм или на слепую веру в авторитет. Но современная индивидуальная свобода есть для большинства не что иное, как постоянная зависимость от чужой, индивидуальной воли и чужой индивидуальной морали, зависимость от воли и морали земельного и капиталистического собственника, служба ему, *подчинение.* Пока существует земельная и капиталистическая собственность, до тех пор будут существовать и „господа“. *Рента — не что иное, как последний исторический критерий господства.* Увеличивайте гражданскую и политическую свободу сколько угодно, вплоть до всеобщего избирательного

права в государстве и общине, даже вплоть до „анархии“, но сохраните приэтом земельную и капиталистическую собственность, как этого хотят даже современные анархисты, и вы снова получите *ренту и господство, заработную плату и услужение*. Но если вы желаете действительной анархии, вы должны отказаться от земельной и капиталистической собственности. Тогда, конечно, вы сможете еще выбирать, выбирать между столь дорогим сердцу Руссо четвероногим и *цивилизацией с общественной волей, т. е. с государством, централизацией и коммунизмом*.

„Посмотрите на современное равноправие! Что такое равноправие? *Равное* право на те *внешние общественные предпосылки*, которые необходимы индивидууму для участия, *в меру его вклада, в плодах социальной жизни*. Но современная социальная жизнь весьма еще далека от такого равноправия. Мы обладаем, правда, гражданским равноправием, одинаковым гражданским и уголовным правом, одинаковыми процессуальными нормами, так называемой свободой личности и собственности. Мы, пожалуй, не очень далеки от политического равноправия, от равного и всеобщего избирательного права в государстве и общине, равного пассивного и активного избирательного права. Но этим индивидуум приобрел лишь одну *пустую правовую сферу*, которая для большинства напрасно ищет своего содержания, которая для большинства не может быть путем *индивидуальных* усилий — индивидуальное усилие прирожденного миллионера нельзя признавать чисто индивидуальным — заполнена заслуженной долей в общем *богатстве, образовании и нравственности* эпохи. Ибо земельная и капиталистическая собственность непрерывно понижает — по крайней мере, при свободной конкуренции за заработную плату — доход рабочего класса даже при величайшей производительности труда, понижает до уровня „необходимых средств существования“, а вместе с тем понижает уровень их образования и нравственности до того, что он более соответствует временам варварства, чем той эпохе, в которой они живут. Поэтому именно при наличии земельной и капиталистической собственности не может иметь места ни естественное равенство, ни естественное неравенство, которому противники социального равноправия нередко придают такое большое значение. Первое уничтожается наследственными преимуществами прирожденных собственников земли и капиталов, второе — одинаковым проклятием, тяготеющим над рабочими. Провозглашайте и здесь так громко, как хотите, гражданское и политическое равноправие, утверждайте их, если можете, так прочно, как можете, но предоставьте при на-

личии земельной и капиталистической собственности *распределение национального дохода* самому себе,— и вы никогда не сможете осуществить *социальное равноправие,* равное право на реальное содержание этой правовой сферы: у вас при всех условиях три четверти общества окажутся лишенными заслуженной доли в плодах социальной жизни...

„Поэтому, мой уважаемый друг, я держусь того убеждения, что если когда-нибудь должны на земле *вполне* господствовать право и свобода, общество должно воспротивиться тому положению вещей, которое я описал. Откровенно сознаюсь, я, с своей стороны, верю в отмену со временем земельной и капиталистической собственности. История, современное положение дел и наука одинаково укрепили во мне эту веру". („Четвертое социальное письмо", стр. 214—221.)

Возможно ли решительнее осуждать капиталистическую и земельную собственность? Капиталистическая и земельная собственность исключают собственность на плоды собственного труда, исключают свободу и равенство, представляют собою вопиющую несправедливость, утверждает Родбертус. Логическим следствием этого, казалось бы, должно было быть требование уничтожения этой столь вредной собственности.

Однако Родбертус недаром восхваляется со всех германских кафедр как величайший „научный социалист". Он сделал смелый разбег, точно собираясь броситься с головой в водоворот революции, но внезапно останавливается на берегу, опускает палец в воду и говорит: „Попозже! Теперь еще слишком мокро". Конечно, он выражается не такими словами, но научно излагает свою мысль.

„Я далек от мысли,— говорит он,— предлагать подобную (коммунистическую) организацию уже в настоящее время. Но я не верю в абсолютную необходимость земельной и капиталистической собственности, а признаю лишь ее относительную необходимость для настоящего времени. Я думаю, что наука могла бы заменить хозяйственные функции собственности, приносящей ренту, но не думаю, что свободная воля общества уже ныне достаточно сильна для того, чтобы сделать уже ненужным принуждение к труду, осуществляемое этим учреждением... Таким образом, я не думаю, выражаясь кратко, что общество закончило свое шествие по пустыне, что его нравственная сила уже достаточно велика для того, чтобы достичь обетованной земли избавления от земельной и капиталистической собственности при помощи *свободного* труда и удержать эту обетованную землю за собою.

„К тому же, если даже вы так проницательны и сумели разглядеть заранее сквозь мрак *столетий* право грядущих поколений, то к чему приведет ваша борьба с правовой идеей вашего времени? („Третье социальное письмо", стр. 285.)

„С той поры, как лучшие умы постигли неправомерность рабства (? — *К. К.*), потребовалось еще целое *тысячелетие*, чтобы уничтожить его последние следы в наследственных повинностях хотя бы только в цивилизованных государствах Европы. И если теперь история протекает быстрее, то зато, напротив, земельная и капиталистическая собственность гораздо прочнее срослась с обществом, чем рабство. Притом она так часто соединяется с собственностью, держащеюся в рамках принципа, она в настоящее время примешала к своей неправомерности столько права, что пришлось бы задеть истинную собственность, если бы захотели уже сейчас наложить руку на собственность ложную".

Так говорит великий „социалист". Коммунизм, таким образом, прекрасная мечта, которая может осуществиться лишь через многие столетия или тысячелетия — в одном месте Родбертус говорит о 500 годах, что Георг Адлер находит, однако, слишком кратким сроком,— но для которой мы еще не созрели. Коммунизм таится во мраке столетий; мы любим его до чрезвычайности, но только платонически. Мы проклинаем капиталистическую и земельную собственность, но объявляем ее на целые столетия неизбежной.

Думаю, что в пользу такого „социализма" охотно выскажутся также господа Бамбергер, Барт и Брёмель.

Чего собственно хочет Родбертус? Маркс тоже не думал, что можно сразу обеими ногами перепрыгнуть в полный коммунизм; он отлично сознавал, что в странах, в которых преобладает мелкая буржуазия („истинная собственность" Родбертуса) сравнительно с крупным капиталом („ложная собственность"), переход средств труда во владение рабочего класса может натолкнуться на трудности,— но Маркс не имел обыкновения предсказывать в своих экономических работах на целые *геологические* эпохи, продолжающиеся целые столетия и тысячелетия, так же как он не занимался изолированными планетами. Но, может быть, Родбертус предлагает нам переходные средства к коммунизму, средства, усиливающие влияние рабочего класса на государство и производство, или содействующие концентрации в городе и деревне мелких предприятий, или ведущие к известному урегулированию производства, или подобные этому меры?

Ничего подобного. Родбертус лишь хочет *дальнейшего существования современного способа производства.* Современный

способ производства должен быть спасен тем, что устраняются отрицательные стороны, которыми он болеет и которые ведут к его гибели.

„Я ограничусь такими предложениями,— говорит он,— которые, *не задевая земельной и капиталистической собственности,* ведут лишь к более справедливому вознаграждению первейшей и важнейшей общественной службы — производительного труда". („Третье социальное письмо", стр. 286.)

„Трудно понять тот факт, что многие стороны государственного хозяйства остаются еще в тени, так, например, природа и увеличение капитала. Трудно, пожалуй, найти этому иное объяснение, чем существовавшую до сих пор суеверную боязнь подвергнуть критическому рассмотрению земельную и капиталистическую собственность. *Но разве мы не упрочим это учреждение, если устраним препятствия, которые оно ставит процессу обращения?* И разве можно устранить эти препятствия, предварительно не познав их?" („Первое социальное письмо", стр. 61.)

„*Главной целью* моих исследований будет повышение доли рабочего класса в национальном доходе и притом на солидной основе, огражденной от влияния случайных колебаний и обращений. Я хочу также, чтобы этот класс равным образом участвовал в прогрессе производительности, хочу добиться уничтожения того закона, *который, в противном случае, окажется когда-нибудь смертельным для нашего общества,*— того именно закона, согласно которому рабочий, как бы ни увеличивалась производительность, всегда силою обращения принужден довольствоваться заработной платой, не превышающей уровня необходимых средств существования" („Zur Erkenntnis unserer staatswirtschaftlichen Zustände, S. 28.)

„Если консерватизм означает усиление монархической государственной власти, мирную реформаторскую работу, примирение социальных классов под эгидой и согласно блестящему принципу „каждому свое", то нет ничего более *консервативного,* чем социальный вопрос". („Der Normalarbeitstag". „Berliner Revue", 66 B., 13 H., S. 401; издано также отдельным оттиском.) Каждому свое! Как понимает это Родбертус, видно из его полемики против нормального рабочего дня, который „оставляет неогражденными *справедливые* требования *общества,* которое в наше время — плохо или хорошо — представлено *предпринимателями.* („Der Normalarbeitstag", S. 343.)

Родбертус, таким образом, критикует современный способ производства не для того, чтобы содействовать его устранению, а для того, чтобы устранением некоторых его

отрицательных сторон подвести под него более прочный фундамент. Это, может быть, весьма похвальное, человеколюбивое дело, но *социалистического* в нем ничего нет [1]); оно не заслуживает названия ни научного, ни ненаучного *социализма*.

Здесь ясно выступает различие между Марксом и Родбертусом. Маркс видит в *способе производства* основную причину, определяющую все остальные социальные отношения, Родбертус усматривает эту основную причину в существующих *правовых идеях*. С марксистской точки зрения поэтому должна признаваться безуспешной всякая попытка устранить существенные отрицательные явления определенной общественной эпохи, не подвергая изменению ее способ производства.

Для Родбертуса, напротив, дело оказывается гораздо проще. По его мнению, достаточно лишь *познать* отрицательные явления, чтобы *устранить их при помощи декрета*.

„Пусть политико-экономы уделят мне здесь немного внимания и без предвзятости посмотрят, кто прав — они или я!“ восклицает он в „Четвертом письме“ (стр. 295). Тут речь идет именно о том, следует ли причислять заработную *плату* к национальному *доходу* или к национальному *капиталу* — как будто при наличности системы наемного труда существует *национальный* доход и *национальный* капитал. „Здесь узел всех ошибок господствующей системы, касающихся капитала, *здесь основная причина теоретических и практических несправедливостей по отношению к трудящимся классам*“. Достаточно, таким образом, причислить заработную плату к национальному доходу—очень простая операция,—и окажется устраненной основная причина всех теоретических и практических несправедливостей по отношению к пролетариату. Дальнейшее столь же просто. Обществу остается лишь „выйти из рокового круга, в котором держат его *лишь предрассудки*, заменив разумными законами „естественные“ законы, поскольку последние вредны. Ему для этого нужны *лишь ясный взляд и нравственная сила*“. („Второе социальное письмо“, стр. 97.)

Не *способ производства*, а действующее *право* определяет,

---

1) Стало модой обозначать словом „социализм“ всевозможные стремления, враждебные „манчестерству“: не только социал-демократические, но и аграрные, таможенно-покровительственные, бюрократически-монополистические, даже милитаристические. Благодаря такому смешению слово социализм стало скорее средством *затушевывать* противоречия, чем *вскрывать* их. Мы употребляем здесь слово социализм в его первоначальном смысле, согласно которому оно обозначает стремление пролетариата преобразовать современный способ производства согласно своим интересам.

по мнению Родбертуса, способ *распределения* продукта труда. Об „основаниях, определяющих при этом распределении величину различных долей", он говорит: „Они коренятся в существующем *этическом строе, в действующем праве*". „Публичное право определяет отчасти, какая доля поступающей в окончательное распределение части всего продукта должна оставаться в правовом общем владении общества. В частном праве, в имущественном праве отчасти содержатся основания, определяющие размеры доли отдельных индивидуумов. Впрочем, публичное право определяет отчасти и последние доли, например, при оплате чиновников. Равным образом и имущественное право иногда определяет, что̀ — *фактически* — должно остаться в общем пользовании общества, как, например, общественные учреждения, о которых пекутся частные предприниматели". („Четвертое социальное письмо", стр. 88.)

Однако правовое установление долей различных классов страдает в настоящее время одним изъяном: юридически признается лишь право того или иного класса на долю при распределении продукта, но не *величина* этой доли. „Тогда как юридически установлено лишь основание, титул этих различных долей,— определение размера их предоставлено слепой силе обращения", говорит Родбертус, а в другом месте замечает: „Во всяком случае, в настоящее время размеры отдельных долей регулирует не положительное право, а сила предоставленного самому себе обращения. Положительное право скромно выполняет свою роль и уступает затем место политической экономии. Прошу запомнить это, ибо только в том месте, где существовал этот *правовой пробел,* может создаться положительная хозяйственная система, которая хотя и *сохранит еще земельную и капиталистическую собственность,* но все же устранит самые вопиющие нарушения этого признаваемого всеми сторонами принципа (согласно которому каждому должна доставаться полностью стоимость его труда)". („Четвертое социальное письмо", стр. 165.)

Эта положительная хозяйственная система состоит попросту в том, что доля каждого класса в продукте труда точно устанавливается государственной властью. Последняя будет определять, сколько процентов продукта труда приходится на долю *капиталистов*, сколько на долю *земельных собственников,* сколько на долю *рабочих*. „Доля каждого должна оставаться постоянной, неизменной квотой продукта", говорит в одном месте Родбертус, а в другом замечает: „Практические предложения, какие я намерен сделать в дальнейшем, будут лишь требовать от собственников

земли и капитала значительно меньших жертв (чем отнятие их собственности); предложения эти, оставляющие им не только ренту, но также землю и капитал, лишь задерживают *исключительное* возрастание ренты сравнительно с заработной платой и, напротив, привлекают последнюю к участию в таком возрастании". („Четвертое письмо", стр. 118.) В этом положении он усматривает „основную мысль своей теории, по отношению к которой все остальное имеет значение лишь обоснования и пояснения". („Третье письмо", стр. 70.)

Послушаем же, как Родбертус обосновывает свою „основную мысль". Корень всего зла состоит, по его мнению, *во взгляде* на рабочую силу как на товар. Это *„унизительное* представление" порождает тот факт, что доля рабочих в продукте труда становится тем меньше, чем больше повышается производительность труда, так как плата за труд не повышается в такой же степени, напротив, держится на уровне минимума существования. *„Распределение национального продукта согласно „естественным" законам обмена ведет к тому, что при возрастающей производительности труда заработная плата рабочих составляет все меньшую долю всего продукта.* Ибо рабочие, если бы они даже могли увидеть, каким образом, благодаря изменению комбинации тех же самых простых операций, производимых ими, их труд становится все более производительным, все же в хозяйственном отношении не в состоянии настоять перед своими контрагентами в обмене, чтобы их труд оплачивался в соответствии с его производительностью и увеличением этой производительности. У них наиболее настоятельно проявляют себя мотивы обмена, определяющие дешевую продажу принадлежащего им блага труда, и таким образом высшее хозяйственное благо, принцип всех продуктов, приравнивается к обычному и почти не имеющему никакой стоимости товару. Рабочие обладают многими часами труда, но не имеют ничего другого, и потому против них в процессе обмена борются в первую очередь их собственный голод и страдания их семей. Поэтому они легко продолжают свою работу, если только получаемым ими в обмене вознаграждением удовлетворяются их самые ощутительные лишения, если только это вознаграждение достигает размера, дающего силу для дальнейшей работы, т. е. для того, чтобы и в дальнейшем удовлетворять при помощи труда свои самые ощутительные лишения. И только в том случае, если заработная плата еще меньше этого,— это общеизвестный факт,— если она так незначительна, что рабочие при продолжении своего труда еще теряют свою физическую силу, они бросают ра-

боту и предпочитают красть, следуя глубокому естественному инстинкту, который говорит им, что при таких условиях нарушаются нравственные предпосылки общественного существования и притом в *ущерб* им. Но эти самые ощутительные потребности удовлетворяются определенным *количеством, а не квотой продуктов*, и притом приблизительно одинаковым *количеством*, если мы берем данное поколение рабочих, данную страну и среднюю цифру разных времен года. Если, таким образом, труд становится более производительным, если одно и то же количество труда производит больше продуктов, если, таким образом, одинаковое количество продуктов представляет собою меньшее количество труда и составляет вместе с тем меньшую относительную долю всего продукта, то, очевидно, при преобладании у рабочих указанных мотивов обмена, при возрастающей производительности труда заработная плата их должна представлять собою все меньшую квоту всего продукта". („Второе социальное письмо", стр. 84 и сл.)

В общем и целом, если не считать идеологических скачков в сторону, вроде объяснения кражи, изложение Родбертуса соответствует фактам. Действительно, с возрастанием производительности труда возрастает и норма прибавочной стоимости: понижается продолжительность рабочего времени, необходимого для содержания рабочего, и вместе с тем возрастает время прибавочного труда для капиталиста. Время прибавочного труда может быть и при остающейся неизменной продолжительности рабочего дня растянуто путем сокращения необходимого для содержания рабочего времени,— сокращения, обусловливаемого растущей производительностью труда, —до таких пределов, что в результате прибавочный труд на много превышает необходимый труд, а норма прибавочной стоимости на много превышает 100% [1]). Согласно Флюршейму, рабочий в настоящее время получает в среднем не более *одной пятой* того, что он производит; норма прибавочной стоимости, таким образом, достигает ныне более 400%! (*Flürscheim*, Auf friedlichem Wege, Baden-Baden, 1884, S. 118.) Флюршейм в этом вопросе, надо ду-

---

1) Родбертус утверждает, что прибавочная стоимость никогда не может достигать 100%. См., напротив, *Маркс*, Капитал, 2-е изд., стр. 552. Родбертус был так занят своим „национальным капиталом", что не заметил деления капитала на переменный и постоянный. Но без такого разделения невозможно вполне понять прибавочную стоимость. Лишь Маркс провел это деление. Отсюда видно, как следует отнестись к словам Родбертуса о самом себе: „Откуда капиталист получает прибавочную стоимость, я в существенном показал в своем „Третьем социальном письме", как и Маркс, только много короче и яснее".

мать, вполне компетентен, как владелец металлического завода в Гаггенау (Баден). Он никоим образом не смотрит слишком мрачно.

Таким образом, установлен факт, что доля, квота, рабочего в общем продукте его труда постоянно уменьшается. И вот в этом *уменьшении* Родбертус видит главный корень всех зол. Не в том, что капиталист и землевладелец присваивают себе прибавочную стоимость, не в том, что рабочий в уплату за свою рабочую силу получает лишь ничтожную долю того, что он производит, не в системе наемного труда усматривает он корень зла, а в том, что доля капиталиста и землевладельца становится все *больше*, а доля рабочего все *меньше*. И потому он требует не устранения современного способа производства, не устранения системы наемного труда, а только *законодательного постановления, что доля рабочего в продукте труда отныне не должна сокращаться*.

„Очевидно,— говорит Родбертус,— что там, где „*естественные*“ законы обращения приводят к таким последствиям и эти последствия не встречают препятствия со стороны каких-либо *разумных* законов, необходимым результатом должны быть явления, подобные тем, которые ныне называют *торговым застоем и пауперизмом*... ибо, что касается *торговых кризисов*, то уже по одному тому, что покупательная сила большинства населения, трудящихся классов, уменьшается в той мере, в какой увеличивается производительность труда, перепроизводство должно наступить уже раньше чем полностью удовлетворены потребности общества. Что же касается *пауперизма*, то экономическое положение большинства населения, трудящихся классов, должно приходить в полное расстройство, так как их материальные притязания постоянно возрастают, их вожделения постоянно разжигаются односторонним возрастанием богатства меньшинства, тогда как общий размер их дохода уменьшается или остается неизменным и таким образом относительно уменьшается“. („Второе социальное письмо“, стр. 90.)

„Вы утверждаете, что причина торговых кризисов лежит в незначительности доли рабочего класса, которая недостаточна для того, чтобы создать покупателей для чрезмерного числа капиталистов; я же утверждаю, что эту причину надо искать не в незначительности этой доли, *а в уменьшении ее при возрастающей производительности*, а также утверждаю, что эти кризисы не наступали бы, если бы эта доля была столь же незначительна, как и в настоящее время, но при увеличении производительности *оставалась неизменно на той же высоте*; точно так же я утверждаю, что кризисы

наступали бы, если бы доля рабочих была очень значительна, но начинала уменьшаться при увеличении производительности". („Третье социальное письмо", стр. 7.)

„Я утверждаю, что социальный вопрос, как он выше формулирован, может быть *разрешен* посредством нормального труда, и притом без *необходимости отнять что-нибудь у земельной и капиталистической собственности из их нынешней суммы земельной ренты. Именно, достаточно лишь уделить несколько больше заработной платы для будущего времени (!!!) для возрастающей национальной производительности, достаточно только помешать тому, чтобы на будущие времена этот избыток возрастающей производительности доставался лишь земельной ренте и капиталистической прибыли*". („Der Normalarbeitstag", S. 395).

Заключительная фраза напечатана в оригинале жирным шрифтом: она представляется Родбертусу особенно важной, и это вполне правильно, так как она разрешает сложную задачу: как вымыть пуделя, не замочив его. Решение задачи состоит в том, что Родбертус рабочим дает ассигновку на будущее! И какую ассигновку! Он гарантирует им на будущее время, что в карманы капиталистов из продукта их труда будет итти *ровно столько же, как и раньше*, и доходит до обещания, что эта норма прибавочной стоимости не станет больше. Характерен пример, которым он поясняет свое изложение: заработная плата должна достигать стоимости *трех* часов труда, а приходящаяся на долю капиталиста прибавочная стоимость — *семи* часов труда — норма прибавочной ценности должна таким образом быть установлена на вечные времена в 230%! В том рае, который Родбертус *обещает* рабочим, капиталисту должно доставаться из продукта труда более чем *вдвое* сравнительно с рабочим!

Если вообще когда-либо уместна была поговорка о горе, родившей мышь, то именно в данном случае. Итак, понадобился весь громадный аппарат „научного социализма", который, впрочем, служит „скорее лишь теоретической, а не практической цели", понадобилось уничтожение „грубого и безнравственного индивидуализма", понадобилось восхваление коммунизма, правда, принимающего у Родбертуса каучуковый характер, — понадобилось все это, чтобы в конце концов даже не обеспечить рабочим *для настоящего времени* простое повышение заработной платы или сокращение рабочего дня, а только *обещать им на будущее время*, что и в дальнейшем будет существовать *нынешняя* степень *присвоения* прибавочной стоимости.

Таков знаменитый „положительный" „практический" социализм Родбертуса.

Трудно не написать сатиры на этот „социализм“, — тем труднее, что он столь же утопичен, как и мелочен. В прежних утопиях, каковы, например, утопии Мора или Фурье, можно было во всяком случае удивляться их грандиозности и смелости. Стать утопичным из трусости, из мелочности выпало на долю Родбертуса.

Наш „Рикардо социализма“ полагает, как мы видели, что торговые кризисы порождаются постоянным падением доли рабочего в продукте труда. Достаточно приостановить это падение, достаточно раз навсегда точно определить эту долю, и тогда, полагает Родбертус, навсегда станут невозможны в широком масштабе торговые кризисы, которые в противном случае погубили бы капиталистический способ производства. Покупательная сила каждого класса, говорит Родбертус, определяется долей, выпадающей ему из стоимости всего национального продукта. Предприниматели сообразуют свое производство соответственно этим долям. Если доля рабочего класса равняется 50% и доля капиталистов тоже 50%, то последние будут производить товары для рабочих и для капиталистов в такой же пропорции. Но отношение долей изменяется с увеличением производительности, при чем фабриканты этого не замечают. Через 10 лет производительность труда оказывается возросшей настолько, что для выплаты той же заработной платы хватает 40% продукта, а 60% приходится на долю капитала. Но фабриканты попрежнему производят 50% товаров для рабочих, 50% для капиталистов. Конечно, теперь 10% товаров, производимых для рабочих, оказываются излишними, рабочие не могут, капиталисты не хотят их покупать, так как не нуждаются в них. Эти 10% не могут быть проданы — торговый кризис налицо.

Такова — для более легкого понимания объясненная на цифрах — теория торговых кризисов Родбертуса. Что эта теория не плохая шутка, а задумана весьма серьезно, могут доказать его собственные слова.

Мы не можем ограничиться изложением взглядов Родбертуса, как бы это ни было желательно ввиду недостаточности имеющегося в нашем распоряжении места. Родбертус пользуется такой превосходной репутацией, что изложение некоторых его идей непременно сочли бы ошибочным, если бы оно не подкреплялось его собственными словами. Поэтому мы предоставим ему самому изложить свою своеобразную теорию торговых кризисов.

„Влияние, — говорит он, — которое каждый оказывает на рынок отдельных товаров, усиливая с своей стороны спрос на них, вызывая в меру своей силы производство

этих товаров и создавая сбыт для произведенных уже продуктов, определяется ныне вообще не массой производимых данным лицом продуктов или степенью его производительности, а исключительно *величиной* его получки, или *доли*, которую он получает из стоимости всего продукта. Что говорится здесь об отдельном лице, относится также и к целым классам. На рынке они имеют значение лишь в соответствии с величиной их доли в национальном продукте. В соответствии с этой величиной проявляются их желания, в соответствии с ними они приводят в движение производство, вызывают сбыт продуктов и удовлетворяют свои собственные потребности"...

„*Соответственно величине этих долей и предприниматели должны стараться приспособлять объем отдельных производств.* Если последние отстают от первых, то спрос, порождаемый существующими долями, достаточно скоро повысит производство. Если же объем отдельных производств превысит величину существующих долей, наступает то перепроизводство, которое неизбежно время от времени будет порождаться земельною и капиталистическою собственностью. Если же, напротив того, объем отдельных производств совпадает с величиной существующих долей, то, значит, предприниматели выполнили свою задачу, и национальное производство вполне соответствует национальной потребности, обусловливаемой национальным распределением.

„Но что делать, если, несмотря на то, что предприниматели всегда стараются держаться в границах этих долей, самые эти доли у значительного большинства общества, у рабочих, постепенно, с незаметной, но непреодолимой силой, неизменно уменьшаются? Если они у этих классов неизменно уменьшаются в той степени, в какой увеличивается их производительность? К счастью для общества, производительность не перестает возрастать, пока человеческий дух сохраняет свою свободу и вместе с нею способность к развитию. Она у нас непрерывно возрастает. Что же в таком случае получится, если производительность в руках предпринимателей медленно и мощно развивается, а одновременно с этим выручка большинства населения медленно и очень сильно уменьшается, и таким образом у предпринимателей, без их вины, постоянно и незаметно исчезает почва под ногами?" („Четвертое социальное письмо", стр. 52.)

Короче и ярче формулирована эта теория торговых кризисов дальше:

„Количество стоимости, от которой зависит покупательная сила, определяется *величиной доли в продукте*. Исключение трудящихся классов из пользования плодами увеличи-

вающейся производительности *означает уменьшение доли этих классов.* Таким образом, при возрастании производительности увеличивается количество выносимых на рынок продуктов, но, напротив, уменьшается доля большинства участвующих в обращении и вместе с тем их действительный спрос... С этими последствиями непосредственно связаны болезни, в сущности непрерывно терзающие современное обращение и лишь усиливающиеся во времена тех кризисов, которые заметны и для близоруких". („Четвертое социальное письмо", стр. 206.)

Такова теория торговых кризисов Родбертуса, рассматриваемая с интересующей нас стороны. Она представляется, как уже указано, в высшей степени странной, поскольку стоит в вопиющем противоречии с *фактами.* Родбертус не вывел свою теорию из фактов, а напротив, насильно подогнал их к ней.

Прежде всего мы должны заметить, что производство ведется не только для *национальной* потребности, следовательно, не для одних лишь представленных в данной нации классов. Производство ведется на *мировой рынок,* а на последнем потребности *рабочих* играют в высшей степени скромную роль. Родбертус, пожалуй, не очень ошибся, принимая, что заработная плата соответствует в настоящее время приблизительно стоимости, производимой в три часа труда. Если мы предположим десятичасовой рабочий цень, то на долю рабочего придется $^3/_{10}$, на долю предпринимателя — $^7/_{10}$ продукта. Но большую часть этой приходящейся на его долю стоимости рабочий превращает в *средства питания,* для продуктов промышленности у него остается лишь очень мало, пожалуй, всего одна треть. Значительно более крупными потребителями продуктов промышленности являются средние классы, — мелкая буржуазия, крестьяне. Но и они не создают достаточного рынка для капитала. Этот последний нуждается, для возможности производства в широких размерах, в обширном рынке, и потому капитал издавна стремился к завоеванию себе *внешнего* рынка и расширению его. Доля рабочих Англии, типичной страны капиталистического способа производства, в продуктах собственной промышленности ничтожна сравнительно с долей средних классов Англии, средних классов европейского континента и заокеанских рынков. Как же при таких условиях может падение доли рабочих вызывать торговые кризисы, которые свирепствуют с все растущей интенсивностью и продолжительностью с начала нашего столетия? Под каким сильным воздействием заокеанского рынка находится английский рынок, видно из того, что причины торговых кризисов часто

искали в обстоятельствах (а именно неурожаях), которые временно понижали потребление *Ост-Индией* продуктов промышленности, и что периодичность появления этих обстоятельств пытались поставить в связь с периодичностью торговых кризисов. Особенно замечательна в этом отношении теория, пытающаяся установить параллелизм между одиннадцатилетним циклом *солнечных пятен* (которые будто бы вызывают неурожай в Индии) и приблизительно столь же продолжительным циклом торговых кризисов. Мы не придаем никакого значения этим гипотезам, но они все же являются доказательством того, что на родине капиталистического способа производства ищут причины торговых кризисов во *внешнем* рынке, а не *внутри страны*.

Но гораздо более существенное возражение против допущения Родбертуса заключается в следующем: Родбертус исходит из того взгляда, что „национальная потребность" вызывает „национальное производство" и что в задачу частного предпринимателя входит *приспособление* национального производства к этой национальной потребности. „В настоящее время „народно-хозяйственные" функции выполняют одни лишь частные лица и среди них опять-таки преимущественно земельные собственники и капиталисты. А именно, исключительно от земельных собственников и капиталистов зависит согласование национального производства с национальной потребностью и количества национального продукта с суммою национальных средств... Они являются *прирожденными, наследственными, хозяйственными чиновниками* общества, как в прежнее время право рождения и наследования назначало других общественных чиновников, пока их „*право*" — некогда такое же *право*, каким в настоящее время является земельная и капиталистическая собственность — не разбилось о вопрос, который гласил: не лучше ли выполняются функции должности при назначении, чем при наследственном их замещении". („Четвертое социальное письмо", стр. 167.)

Это — излюбленная идея Родбертуса о том, что капиталисты являются чиновниками с народно-хозяйственными функциями. „Капитал" Маркса, по мнению Родбертуса, представляет собою „нападение на общество". Чтобы отбить его, надо „спасти капитал не только от труда, но и от самого себя, а это лучше всего, в самом деле, сделать, *признав* деятельность предпринимателя-капиталиста народно-хозяйственной функцией, порученной ему капиталистической собственностью, а его *прибыль* признав *формой жалованья* (!), так как мы еще не знаем другой социальной организации. („Briefe und sozialpolitische Aufsätze von Dr.

Rodbertus-Jagetzow". Herausgegeben von R. Meyer. Berlin, 1881. B. V., S. 111.)

Здесь перед нами опять характерный образчик чисто родбертусовского идеологического метода. Для того чтобы достичь желательной цели, нам достаточно лишь так *конструировать* условия, как нам нужно, — в данном случае *признать* капиталистов чиновниками, а капиталистическую прибыль — их жалованьем. Эту конструкцию следует, пожалуй, причислить к самым смелым его построениям; она вполне достойна его „национального капитала" и „национального продукта"; она даже почти может быть поставлена на одну доску с его изолированной планетой.

В действительности мы ничего этого не видим, а также не находим и никакого следа того, что „предприниматели стараются сообразовать объем отдельных производств с величиной долей различных классов". Они производят не для удовлетворения *потребности*, а для *продажи;* продавать же можно еще и тогда, когда налицо имеется уже полностью соответствующая покупательной силе различных классов сумма товаров, если товар *дешевле* продается, *дешевле* производится, чем это имеет место по отношению к произведенным раньше товарам. Именно то обстоятельство, что рынок переполнен товарами, что конкуренция сильна, побуждает предпринимателя *дешево* производить, т. е. в данное рабочее время производить *больше*, чем до тех пор. Конкуренция вынуждает предпринимателя к перепроизводству, даже когда он видит, что произведено слишком много. И наряду с конкуренцией играет роль и другая причина: характерное свойство капитала, — это присвоение прибавочной стоимости. Погоня за прибылью прививается капиталистам капиталом, хотят они того или нет. Но присвоение прибавочной стоимости возможно лишь путем всасывания человеческой рабочей силы. Фабрикант может получать прибыль только в том случае, если он заставляет работать. Приостановка работы, напротив, означает для него не только прекращение получения прибыли, но и действительную потерю. Так, он должен продолжать работы, если не хочет видеть свои здания пустыми, свои машины — стоящими без дела, свое сырье — бесполезно гниющим или ржавеющим [1]). Предприниматель производит,

---

[1]) В „Таймсе" от 26 ноября 1862 года один фабрикант, прядильня которого занимает 800 рабочих и еженедельно потребляет в среднем 150 кип остиндского или около 130 кип американского хлопка, плачется перед публикой по поводу ежегодной стоимости простоя своей фабрики. Он определяет ее в 6 000 ф. ст. (120 000 марок). Издержки эти состоят из многих статей, как земельная рента, налог, страховые премии, жалованье нанимаемых на год

пока *может*; если он приостанавливает работу, его принуждает к этому не сознание наличности перепроизводства, а недостаток капитала. Неумолимые законы современного способа производства *вынуждают* его производить все дешевле, т. е. все больше. К этому присоединяется накопление капиталов: из года в год „сберегаются" огромные суммы из притекающей к капиталистам прибавочной стоимости, которые используются для создания новых производительных предприятий; последние в свою очередь, как и ранее существовавшие капиталы, неизбежно подвержены действию тех же нелепых законов капиталистического способа производства. Таковы причины, которые все более ведут к громадному расширению производства, причины, действие которых лишь отчасти и ненадолго сдерживается хозяйственными кризисами. Почти не может быть и речи о приспособлении или даже только попытке „приспособления объема производства к величине долей отдельных классов" [1]): речь здесь, разумеется, идет *о капиталистическом* способе производства, а не о способе производства какого-нибудь портного или перчаточника в Померании. Самый способ производства вынуждает предпринимателей производить возможно больше, и им остается только думать о том, как сбыть с рук избыток своего производства. Для этой цели они делают отчаянные усилия: одна из главнейших их задач состоит в том, чтобы расширять мировой рынок в соответствии с увеличением производства, т. е. приспособить потребности к производству. Постоянно стремятся они вызывать новые потребности и распространять „цивилизованные" привычки, конечно, не среди своих рабочих — только не это! — а среди негров и готтентотов, в Тонкине

рабочих, директора, бухгалтера, инженера и т. п. Но затем он присчитывает 150 ф. ст. за уголь, чтобы время от времени протапливать фабрику и изредка пускать в ход паровую машину, затем плату рабочим, которые иногда пускают машины в ход, чтобы сохранить их в пригодном для работы состоянии. Наконец, 1 200 ф. ст. на порчу машин, ибо „погода и силы природы не приостанавливают своей деятельности, когда перестает работать машина". Он особенно отмечает, что эта сумма в 1 200 ф. ст. принята столь малой, потому что машины находятся уже в весьма изношенном состоянии. (*Маркс*, Капитал, 2-е изд. стр. 196.)

[1]) В некоторых отраслях промышленности, в которых число предпринимателей сравнительно ограничено, мы встречаем картели, соглашения предпринимателей с целью поддерживать цены на высоком уровне и ограничивать конкуренцию. Но и картели не в состоянии привести к тому, чтобы производство приспособлялось к спросу и чтобы не производилось значительно больше того, что требуется последним. Ибо, с одной стороны, до сих пор эти соглашения носили лишь национальный характер, что не исключало конкуренции заграничных предпринимателей на мировом рынке, и, с другой стороны, они не устраняют стремления капитала к производству, обусловливаемого жаждой прибыли и необходимостью сполна использовать машины.

и Новой Гвинее. Каждое племя, в котором миссионерами пробуждается „чувство стыдливости“, означает короткую передышку, отсрочку кризиса для наших хлопчатобумажных и ситценабивных фабрик, и радость наполняет сердца фабрикантов Шеффильда и Золингена, когда даяки с острова Борнео начинают резать головы своим врагам стальным ножом вместо каменного.

Но, невзирая на всех миссионеров, научных исследователей и комми-вояжеров, мировой рынок расширяется не в такой степени, в которой расширяется производство; последнее, после некоторого периода непрерываемого развития, наталкивается постоянно на препятствие, на которое оно устремляется, подобно волне растущего морского прилива, чтобы отпрянуть назад и затем снова броситься на него в своем беге вперед.

Хозяйственные кризисы обусловливаются не просчетом капиталистов, не тем, что последние принимают долю рабочих в „национальном продукте“ неизменно одинаковой, а не постоянно падающей, но неизменными законами капиталистического способа производства. Капиталисты *должны* производить с избытком, хотят они того или нет; задача этих „наследственных чиновников“ состоит не в том, чтобы приспособлять производство к потребностям „обладающих покупательной силой“ элементов, а в том, чтобы приспособлять их потребности к производству. И так как это всегда удается только до известной степени, так как производство возрастает быстрее, чем рынок, то в результате хода развития производства получаются кризисы, которые наступают, лишь только производство чрезмерно опережает возможности сбыта, и ослабевают по мере того, как производство и возможности сбыта до известной степени приходят в равновесие. Однако последнее в свою очередь происходит не столько путем ограничения производства, сколько путем расширения рынка. Производство в годы, следовавшие за 1873 годом, во многих отраслях промышленности совсем не было сокращено, а в большинстве других сокращено лишь незначительно. Наступившее в 1878 году, правда весьма слабое, „оздоровление“ условий следует приписать не *сокращению* производства, а *расширению* рынка. Таким образом, и преодоление торговых кризисов происходит не путем приспособления производства к рынку, а путем приспособления рынка к производству [1]).

---

[1]) В Англии в настоящее время тоже господствует хозяйственный кризис. Однако последний отнюдь не ведет, как следовало бы ожидать согласно Родбертусу, к „приостановке национального производства“. Так, мюнхенская „Всеобщая газета“ от 4 июля сего года сообщает: „Хотя в текущем году

Ввиду таких условий уменьшение доли рабочих в „национальном продукте“ не имеет решающего значения в хозяйственных кризисах, а потому фиксация этой доли тоже оказала бы небольшое влияние на мировой рынок и никоим образом не могла бы предотвратить такие кризисы. Отсутствие *планомерности* в современном способе производства и то обстоятельство, что рабочему классу не достается *полный продукт его труда,* делают хозяйственные кризисы *возможными.* Вызываются же они конкуренцией и потребностью капитала в прибавочной стоимости, в соединении его с трудом. Эти обстоятельства *принуждают* к постоянному расширению производства даже за пределы возможности сбыта. И только устранением этих причин — непланомерности производства, присвоения прибавочной стоимости классом капиталистов, свободной конкуренции — можно устранить и хозяйственные кризисы, но никоим образом это не может быть достигнуто декретированием *таксы заработной платы.*

Но если предложение Родбертуса не в состоянии помешать перепроизводству товаров, то тем больше перепроизводству *людей.* При современном способе производства не только производство должно временами, в промежутки между кризисами, возрастать быстрее возможности сбыта, но и *производительность* труда возрастает быстрее *производства.* И возрастанию производительности нет пределов; оно не прерывается на время и не ограничивается, как возрастание производства. Слишком хорошо известно, как возрастает производительность труда, как машина с каждым днем завоевывает все новые области, до сих пор предоставленные ручному труду, чтобы необходимо было подробнее на этом останавливаться. Правда, производство тоже увеличивается, но не в таких размерах, и в результате этого получается скопление массы выброшенных из производственного процесса безработных, избыточного промышленного населения. Так вырастает вместе с промышленностью и капитализмом также и *пауперизм,* — одновременно с интенсивностью и длительностью кризисов. Образуется промыш-

---

много жаловались на затишье и английскую промышленность очень часто изображали в состоянии кризиса, число вновь учрежденных акционерных обществ для открытия бумагопрядилен весьма значительно. В настоящее время в одном только округе Ольдгэме, как центре хлопчатобумажной промышленности, в постройке находится не менее 13 новых прядильных фабрик приблизительно с одним миллионом веретен. Если прибавить к этим заведениям, учрежденным лишь новыми акционерными обществами, еще и те, которые устраиваются частными лицами и старыми обществами, то получится *увеличение английского бумагопрядения на 1½ миллиона веретен втечение одного лишь года,* который, как это столь часто утверждали, является кризисным“.

ленная резервная армия, постоянно находящаяся к услугам капитала, уменьшающаяся во время процветания промышленности, сильно возрастающая во время застоя, но постоянно более или менее понижающая заработную плату.

Что же изменилось бы, если бы заработная плата рабочего составляла не более или менее неизменное количество *продуктов*, а постоянно неизменную долю *стоимости* созданного им продукта? Одновременно с производительностью труда возрастает, впрочем, также и количество продуктов, выпадающих на долю рабочего, *но в гораздо меньшей мере*, чем возрастает производительность труда.

Предположим, что число наемных рабочих в какой-нибудь стране достигает 1 миллиона, продукт их — 10 миллионов единиц. Тогда, согласно норме Родбертуса, на долю рабочих приходится 3 миллиона единиц; и капиталистам приходится позаботиться о размещении 7 миллионов в другом месте. За десять лет удваивается производительность труда. Миллион рабочих за это время увеличился на 100 000 человек — весьма умеренный процент. Они теперь в состоянии произвести 22 миллиона единиц. Но из этих 22 миллионов, по предложению Родбертуса, им достается только 6 600 000 единиц. Капиталистам надо теперь разместить в другом месте 15 400 000 единиц, между тем как десять лет тому назад им нужно было разместить лишь 7 миллионов. Но внешний рынок увеличивает свою емкость не так быстро, как возрастает производительность труда. Капиталисты могут, пожалуй, сбыть только 10 миллионов. Таким образом, остается излишек более чем в пять миллионов, что соответствует труду более 250 000 рабочих. Их устранение из процесса производства вынуждается самим способом производства, или посредством кризиса, или частью без такового. Более пятой части рабочих попадает в резервную армию, *хотя* доля рабочих в продукте труда осталась неизменной.

Как видим, предложение Родбертуса отнюдь не делает невозможным увеличение промышленного избыточного населения — пауперизма; оно, в лучшем случае, несколько замедляет его; еще менее приводит оно к его устранению. Наш пример, впрочем, служит лишь для пояснения, а не для доказательства, но наши цифры отнюдь не очень отклоняются от действительности, — они более благоприятны, чем на самом деле. Рост числа рабочих, например, в среднем гораздо значительнее, чем предположено выше, не только вследствие их естественного размножения, но и в результате большего распространения женского и детского труда и прогрессирующей пролетаризации мелкой

буржуазии и крестьянства. Эти стороны социального вопроса совсем не затрагиваются предложением Родбертуса.

Установление заработной платы, как определенной доли в стоимости продукта, не останавливает дальнейшего разложения средних классов; оно не препятствует периодическому наступлению экономических кризисов. Таким образом, предложение Родбертуса не произвело бы почти никакого действия, даже если бы оно было осуществимо. Но его *безрезультатность*, с другой стороны, с самого начала связана с его неосуществимостью, не говоря уже о всех технических и дальнейших экономических несообразностях, которые оно вызвало бы.

Труд остается, согласно предложению Родбертуса, товаром: от других товаров он должен отличаться только тем, что цена его устанавливается государством. Будет ли выплачиваться эта цена, когда сотни тысяч до крайности истощенных рабочих будут валяться на мостовой и предлагать свой труд за более дешевую цену, лишь бы только не умереть с голоду или не попасть в рабочий дом? В этом случае стали бы прибегать к обходу таксы заработной платы, если вообще сочли бы нужным не нарушать ее открыто.

Пока труд является товаром, он подлежит действию закона спроса и предложения. Пока труд остается товаром, единственным средством улучшить его положение является уменьшение предложения и усиление спроса. Поскольку это вообще возможно, это достигается *сплоченной профессиональной организацией* и коротким *нормальным рабочим днем.* Эти цели рабочим приходится ставить себе прежде всего. Характерно, что Родбертус высказывается против обеих этих целей. Он не придает никакого значения профессиональным союзам (см. „Первое письмо“, стр. 43 и сл.) и ничего не хочет слышать о нормальном рабочем дне: „Такой рабочий день, который является нормальным только в смысле *времени,* не был бы еще в состоянии содействовать разрешению социального вопроса, которое, как я убежден, состоит единственно в том, чтобы обеспечить рабочим заработную плату, повышающуюся вместе с увеличением национальной производительности. Напротив того, „железный закон“, который при *самому себе предоставленном обращении* будет постоянно понижать реальную заработную плату до уровня „необходимых средств существования“, сможет достичь этого при более коротком рабочем *времени еще легче, чем при более продолжительном.* Кроме того, один лишь нормальный в смысле *времени* рабочий день чужд всякой социальной справедливости, которая по существу своему отличается распределительным характером, ибо этот нормальный рабочий день

одинаково относится как к хорошему, так и к плохому рабочему, а также оставляет неогражденными законные требования общества, которые ведь в наше время — плохо или правильно — представлены *работодателями*". („Der Normalarbeitstag", S. 343.)

Такими „доводами" борется Родбертус против нормального рабочего дня, чтобы склонить рабочих к своему сомнительному *обещанию на будущее!* Что общество ныне представлено *„работодателями"* и что нормальный рабочий день следует отбросить, потому что он нарушает их „справедливые требования", мы столь же мало намерены опровергать, как и то возражение, будто нормальному рабочему дню чужда всякая социальная „справедливость". „Справедливые требования" и „справедливость" в каждой голове рисуются посвоему, и мы охотно верим, что в голове Родбертуса они имеют иной вид, чем в головах рабочих, которые требуют нормального рабочего дня. Мы намерены коснуться лишь единственной попытки действительного возражения: сокращение рабочего дня имеет будто бы своей тенденцией понижение заработной платы. Это утверждение, с удовольствием повторяемое хором всеми фабрикантами, лишено малейшего фактического основания. Весьма хороший пример того, как действует сокращение рабочего дня, мы как раз недавно нашли. В недавно появившейся „Статистике промышленности и промыслов эрцгерцогства Австрии в 1880 году", изданной нижне-австрийской торговой и промышленной палатой, мы находим таблицы заработных плат в двух ремонтных железнодорожных мастерских. В одной из них, в Вене, существует *десятичасовой* рабочий день, в другой, находящейся в окрестностях Вены, *одиннадцатичасовой*. Цены на жизненные припасы тут и там одинаковы.

Недельная заработная плата достигала в железнодорожных ремонтных мастерских:

	Вена (10-ч. раб. день.)	Окрестности Вены (11-ч. раб. день).
Слесари	12 фл. 30 кр.	8 фл. 70 кр.
Токари	12 „ 50 „	7 „ 60 „
Кузнецы	13 „ 50 „	10 „ 24 „
Столяры	11 „ 80 „	8 „ 70 „
Лакировщики	12 „ 60 „	7 „ 80 „
Поденные рабочие . . .	8 „ 58 „	6 „ 60 „

В среднем, таким образом, заработная плата при одиннадцатичасовом рабочем дне на *одну треть* ниже, чем при десятичасовом. Что сравнительно высокая заработная плата и короткий рабочий день сопровождают друг друга, при-

знавали уже иные „манчестерцы“; факт этот остался неизвестным „Рикардо научного социализма“. Профессиональная организация и нормальный рабочий день, конечно, не могут *устранить* отрицательные явления, вытекающие из товарного характера труда; они могут лишь *смягчить* их. Но гораздо меньше влияния, чем эти средства, может иметь *такса заработной платы*, и тем не менее Родбертус отбрасывает первые, тогда как в последней усматривает уже *разрешение* социального вопроса! Он хочет сохранить современный способ производства, господство в последнем капитала, но избавить рабочих от действия законов этого способа производства: само себе противоречащее стремление, не могущее иметь ни малейшего успеха.

И для того, чтобы провести в жизнь это бесцельное и противоречивое предложение, Родбертусу требуется аппарат, сложнее и утопичнее которого не придумал до него ни один утопист.

Родбертус требует ни более ни менее, как следующего:

1. Должен быть установлен нормальный *трудовой* рабочий день.

2. Стоимость товаров должна устанавливаться в соответствии с нормальным трудом.

3. Вместо нынешних металлических денег должны быть выпущены трудовые деньги.

Если все это будет выполнено, государство сможет гарантировать рабочим *получаемую ими в настоящее время* долю продукта труда, в чем, по мнению Родбертуса, состоит *„единственное решение социального вопроса“*.

Мы оставляем за собой право подробнее выяснить в самостоятельной статье утопический характер этих трех условий. В этой критике мы скажем не много нового, но в основном будем опираться на критику, которой Маркс подверг Прудона в своей „Нищете философии“. Утопические фантазии Родбертуса отличаются как раз фатальным сходством с фантазиями Прудона, как эти последние — с утопиями английских социалистов тридцатых годов. Мы обращаем внимание на это сочинение Маркса, немецкий перевод которого в настоящее время подготовляется к печати, как на значительный вклад также и в критику Родбертуса.

Резюмируем еще раз его „социалистическую“ систему: Родбертус показывает нам, в какой мере несправедливо и вредно действует капиталистическая и земельная собственность, он утверждает, что только их уничтожение может принести справедливость и свободу. Но мы еще не созрели для этого, мы еще не в состоянии перенести функции „наследственных чиновников“, капиталистов и земельных

собственников, на избранных должностных лиц. Через полтысячи лет это, может быть, и произойдет, — так далеко я не заглядываю, говорит он. Его весьма привлекательные исследования о том, как будет выглядеть социалистическое государство, не что иное, как простая игра: „они набросаны скорее с теоретической, чем практической целью". Ныне дело идет не об устранении капитала и земельной собственности, но о *спасении* их от собственных их злоупотреблений, которые ведут их к гибели. А потому, долой нашу безнравственную политическую экономию, долой индивидуализм и манчестерство, да здравствует коммунизм! *Государство должно в дальнейшем заведывать распределением национального продукта,* оно должно предоставлять предпринимателям $^{7}/_{10}$ последнего, а рабочим $^{3}/_{10}$, оно должно *обещать* рабочим, что их доля в продукте их труда в будущем не будет меньше, чем в настоящее время. Для того чтобы сделать это возможным, мы должны установить нормальный труд, должны установить, какова должна быть стоимость каждого отдельного продукта, должны устранить металлические деньги и ввести вместо них *квитанции* на товары: и все это Родбертус считает осуществимым без устранения свободной конкуренции, без устранения капиталистического способа производства, без устранения земельной и капиталистической собственности, мало того, даже для спасения последней.

Можно ли после всего этого называть еще Родбертуса *социалистом? Не к изменению, а к сохранению* существующего общества стремился он. Он сам называл себя *консерватором,* и с полным правом.

Если его нельзя назвать социалистом, то можно ли назвать научными его реформаторские предложения? Тоже нет. Они не в состоянии устранить ни *торговые кризисы,* ни *пауперизм.* Если бы даже они были осуществимы — каковыми они не являются, — то они остались бы безрезультатными. Ибо они построены на основе идеологической системы, на допущении наличности национального капитала и национального продукта, на допущении, что капиталисты и земельные собственники выполняют государственно-хозяйственные функции, — на таких допущениях, которые резко противоречат фактам. Его предложения поэтому не только не имеют значения, — они висят в воздухе, являются чисто утопическими.

В соответствии с этим Родбертус отнюдь не является основателем *научного социализма.* Он — *консервативный утопист.*

ОТВЕТ.

Когда я принимался за свою критику „Капитала“ Родбертуса, я ожидал, само собою разумеется, самых ожесточенных нападок со стороны сторонников последнего. Одно из таких возражений уже поступило, оно напечатано на предыдущих страницах. Правда, я напрасно искал в нем попытки опровержения моих взглядов по поводу Родбертуса. „Мне не приходит в голову,—говорит г. К. А. Ш.,—защищать Родбертуса против нападок К. Каутского. Г-н К. А. Ш. имеет в виду лишь одно: посрамить меня. Он преследует не *деловую*, а *личную* цель. Его метод борьбы сводится к тому, что из противопоставления систем Маркса и Родбертуса он делает личную дуэль между К. А. Ш. и мною. Но я слишком ценю страницы нашего журнала, чтобы пуститься в личную полемику; я постараюсь в своем ответе держаться насколько возможно *деловой* стороны вопроса, чтобы полемика не осталась совершенно бесплодной...

„Поверхностный“, „легкомысленный“ „писака“, „который старается ввести своего читателя в заблуждение“, но „основательно оскандалился“,—таковы изысканные выражения, какими награждает меня г. К. А. Ш., щадя меня, как он великодушно заверяет, так как он и не думает „критически уничтожить“ меня.

А тем не менее грехи мои ужасны и требуют строжайшего возмездия. Подумать только! Я высмеиваю капитал „в себе“ и не стыжусь говорить о Родбертусе „в себе“. Но всякому, кто находит изъян в капитале „в себе“, на вечные времена вообще воспрещается употребление слов „в себе“.

Второе прегрешение: я осмеливаюсь придать одному месту из „Первого письма“ Родбертуса такой смысл, который не согласуется с толкованием К. А. Ш. Я думаю, что „угрожающие явления“, о которых говорит Родбертус на странице 6, — социализм. К. А. Ш., напротив, утверждает: „Угрожающие явления, о которых Родбертус говорил очень подробно и которые имеет в виду это место, это — торговые кризисы и пауперизм. Если тут перед нами не поверхностное и бессмысленное смешение торговых кризисов и пауперизма с социализмом, то я, право, не знаю, как следует

назвать подобную грубую ошибку". Совершенно правильно, *если* это место действительно имеет в виду не социализм. Г-н К. А. Ш. поступает так, как будто Родбертус где-нибудь сказал, как следует толковать это место. Но на самом деле он лишь говорит об угрожающих явлениях последнего времени, носящих хозяйственный характер „или же коренящихся в хозяйственных условиях настоящего времени", не обозначая, однако, их более точно. Дальше он выясняет, каким образом пауперизм и торговые кризисы с необходимостью возникают из „уравнения в правах", имевшего место втечение последних столетий, и что именно эти кризисы и пауперизм возбуждают рабочие массы: „Рабочий класс, который до сих пор так охотно впрягался в ярмо недостаточно оплачиваемого труда, ныне возмущается не только невыносимостью своих страданий и жалкими результатами не достигающих цели попыток улучшения, но в сознании своего права готов сбросить с себя всю тяжесть. *Существует очень грозная опасность*, что он предпочтет разрушить культуру общества" и т. д. (стр. 79 „Первого письма"). Таковы, полагал я, угрожающие явления, которые *коренятся* в хозяйственных условиях, а именно в пауперизме и торговых кризисах. В своей бессмысленности и поверхностности я имел в виду все „Письмо", а не только ближайшую страницу. И я достаточно упрям, чтобы настаивать на правильности своего толкования и не признавать противоположное *утверждение* г. К. А. Ш. *доказательством*.

Третье прегрешение: Я плохо помню „Робинзона". А именно: я утверждал, что политическая экономия особенно любит пользоваться робинзонадами, в особенности для того, чтобы развить понятие капитала, доказать правомерность процента на капитал и пр. Это выводит К. А. Ш. из себя. Все милые выражения, примененные им ко мне, кажутся ему еще слишком мягкими для того, чтобы заклеймить меня. „Я требую от К. К., — восклицает он, — доказать свое утверждение и назвать писателей, которые выводили награду за воздержание, процент на капитал из робинзонады, т. е. *на примере изолированного человека*... Писатель, выдвигающий чудовищное утверждение, что экономисты охотно демонстрировали процент на примере изолированного человека, не может уже требовать, чтобы с доверием относились к другим недоказанным его утверждениям, он также *не имеет уже права высказываться по вопросам хозяйства*, так как он обнаружил, что ему совершенно чужды простейшие основные понятия. Такой человек считает себя в праве и способным критиковать Родбертуса!"

Сколько слов, сколько пафоса, сколько морального воз-

мущения! Какое ужасное отлучение! И все это потому только, что г. К. А. Ш. не известно то, что известно любому восьмилетнему ребенку: что у *Робинзона был свой Пятница.*

Несчастный Пятница! Ты разрушаешь великолепнейшие пустые словопрения, дававшие основание к анафеме, ты разрушаешь фундамент, на котором г. К. А. Ш. сооружает все свое критическое здание. „У Пятницы не было лодки", пишет один из известнейших политико-экономов, которого, может быть, г. К. А. Ш. знает хотя бы по имени, — Кэри. Но Робинзон Крузо обладал лодкой, и Пятница вынужден был за пользование ею отдавать Робинзону три четверти рыб, наловленных им. Таково, согласно Кэри, возникновение процента на капитал („Система социальной науки", глава XLI, § 1). Не все экономисты, подобно Кэри и Бастиа („Экономические гармонии", глава 7), называли своего Робинзона именно Робинзоном. У самого Бастиа он однажды называется Яковом, а Пятница Вильгельмом, как хорошо известно из прекрасной критики в „Третьем социальном письме" Родбертуса. Но я и не говорил о Робинзоне, а о *робинзонадах*, т. е. о выдуманных изображениях одного или нескольких изолированных людей. А таковых мы встречаем начиная с Адама Смита („Богатство народов", том I, глава 2) и Рикардо („Основные начала политической экономии", глава I, отдел II) вплоть до новейших политико-экономов. Особенно восхитительна робинзонада, приводимая Рошером для оправдания процента на капитал („Основные начала политической экономии", ч. I, § 189). Перечислять всех политико-экономов, применяющих робинзонады, было бы слишком скучно. Я лучше предложу г. К. А. Ш. назвать мне таких, которые их не употребляют. Он найдет их не много. Если же г. К. А. Ш. признает мое толкование слова „робинзонада" произвольным, я укажу ему на Маркса, последователем которого он себя называет. Маркс говорит в своем „Капитале" (3-е изд., стр. 44): „Так как политическая экономия любит робинзонады" и т. д. и замечает по этому поводу в примечании: „Рикардо тоже не обходится без своей робинзонады. Первобытного рыбака и первобытного охотника он заставляет тотчас же обменивать рыбу и дичь в качестве товаровладельцев" и т. д. Как видите, мое рассуждение аналогично рассуждению Маркса; следуя за К. А. Ш., и Маркс, собственно, „не имеет права высказываться по вопросам хозяйства".

Я не останавливался бы так долго на робинзонаде, если бы она не являлась главным козырем, которым г. К. А. Ш. победоносно пользуется всякий раз, когда ему нечего другого сказать. Робинзонада, например, служит для него при-

бежищем, когда речь заходит о пресловутом „изолированном хозяине". „Что касается выдвинутого с такой уверенностью г. К. К. утверждения, согласно которому первобытный человек не был изолированным человеком, то я позволю себе лишь замечание, *что этого я не знаю*, но что после образчика достоверности, какой нам дал К. К. своим доказательством процента на капитал на примере изолированного человека, у меня все же остаются вполне уместные сомнения". Здесь с г. К. А. Ш. опять приключилось несчастье. Так как я первый познакомил его с результатами современного изучения первобытной истории, он думает, что я эти результаты *выдумал*! Если я стану утверждать, что земля кругла, он мне тоже не поверит ввиду моего выпада по поводу робинзонад. Ну, любезный г. К. А. Ш., если вам приходится принимать на веру, если *вы не знаете*, как обстоит дело с изолированным человеком, тогда вообще невозможен какой бы то ни было спор с вами на эту тему. Лишь об одном позволю себе просить вас, а именно, не приписывать того же невежества Марксу и не заставлять его утверждать, будто первобытный человек был изолированным хозяином. Г-н К. А. Ш. ссылается при этом на одно место из „Капитала" (3-ье изд., стр. 40): „Наконец, поскольку люди начинают каким бы то ни было образом работать друг для друга, их труд принимает общественную форму". Этим будто бы имелось в виду сказать, что первоначально люди не работали друг на друга, а следовательно были изолированными. Интерпретаторские способности г. К. А. Ш. обнаруживаются здесь еще замечательнее, чем в случае с вышеприведенным местом из Родбертуса. Весь абзац, заключительной фразой которого является приведенная цитата, не содержит и следа указания на изолированного человека. Он говорит о товаре и гласит: „Мистический характер товара возникает не из содержания определений стоимости. Ибо, во-первых (!), всякий полезный труд, при каком угодно способе производства, представляет собою затрату мозга, мускулов и т. п., во-вторых, рабочее время, затрачиваемое на производство средств существования, всегда интересовало людей. Наконец (!), поскольку люди начинают каким бы то ни было образом работать друг для друга, их труд принимает общественную форму". Таково содержание абзаца. Поскольку он нас интересует, он утверждает, что труд людей, когда они работают друг на друга, необходимо носит общественный характер. Во всем абзаце нет ни слова о том, имел ли когда-нибудь человеческий труд другую форму, существовал ли когда-нибудь изолированный человек как типичный представитель определенной

эпохи. Как раз недавно появилась книга Энгельса — это наследие Маркса, — трактующая о первобытных условиях существования человеческого рода. *Об изолированном человеке в ней нет ни слова.* Допущение такого изолированного человека слишком абсурдно, чтобы оно представлялось Марксу и Энгельсу заслуживающим упоминания. Может быть, г. К. А. Ш., когда прочтет эту книгу, поймет, что для того, чтобы рассуждать по поводу какого-нибудь вопроса первобытной истории, недостаточно знать Робинзона, не имеющего Пятницы, и одну не относящуюся к делу цитату.

Однако г. К. А. Ш. его собственное невежество представляется, повидимому, особенно сильным доказательством в пользу „бессмысленности" и „поверхностности" других. Он не удовлетворяется тем, что не знает, какую роль играют в политической экономии робинзонады, не знает, что существует изучение первобытной истории, он, торжествуя, надеется уничтожить меня тем, что обнаруживает свое невежество в третий раз и притом грубейшее невежество, заявляя, что он „еще никогда не слышал об исторической марксистской школе", на которую я „ссылаюсь" [1]).

Г-н К. А. Ш. хвастается таким образом тем, что не знает, что Маркс в союзе с Энгельсом основал собственное историческое направление. Он не знает, что „Капитал" Маркса представляет собою величайший исторический труд, какой мы знаем, что Марксом начинается новая эпоха для исторической науки. И поскольку Маркс является историком, постольку историками должны быть и все сторонники марксистского направления. Кто не историк, кому история осталась чуждой, тому остается чуждой в своей совокупности и марксистская точка зрения.

Может быть, г. К. А. Ш. известно то место, в котором Лассаль цитирует слова Гете:

Кто неспособен дать себе отчет
В наследьи трех былых тысячелетий,
Тот бессознательно на этом свете,
В день изо дня и ощупью живет.

и прибавляет к этому: „Вы видите из этого, как ошибочно, не выполнив этого условия, претендовать на роль „образованного человека".

---

[1]) Не лишне заметить, что в соответствующем месте я говорил не об „историках марксистской школы", а об „экономистах и историках", которые „*не* принадлежат к марксистской школе" (см. выше статью о „Капитале" Родбертуса).

Кто говорит „марксистская школа", говорит вместе с тем и „историческая марксистская школа". И если можно говорить об экономистах марксистской школы, то можно говорить и об ее историках. Г-н К. А. Ш. ничего об этом не знает, и этим объясняются его наивные выпады насчет материалистического понимания истории, которые нам нет, пожалуй, нужды повторять. Но так как г. К. А. Ш. делает вид, будто он не знает всю историческую часть марксистской литературы, будто я *выдумал* материалистическое понимание истории и историков марксистского направления, и так как он связывает с моими словами: „Духовные проявления определенной эпохи, ее искусство и наука, ее религия и философия, нравственность и право обусловливаются ее способом производства", свои столь излюбленные выпады насчет моей поверхностности и нелогичности, — то я приведу следующее место из Маркса, из книги, которую г. К. А. Ш. читал, причем это место сразу покончит со всей болтовней г. К. А. Ш. В предисловии к своему труду „К критике политической экономии" (Берлин, 1859) Маркс пишет (стр. V):

„Общие выводы, к которым я пришел и которые после этого служили руководящею нитью моих дальнейших исследований, можно кратко формулировать следующим образом: В общественном производстве своих средств существования люди вступают в известные необходимые, не зависящие от их воли отношения, производственные отношения, которые соответствуют определенной ступени развития их материальных производительных сил. Совокупность этих производственных отношений образует экономическую структуру общества, реальное основание, на котором возвышается правовая и политическая надстройка и которому соответствуют определенные формы общественного сознания. *Способ производства материальной жизни обусловливает собой процесс социальной, политической и духовной жизни вообще.* Не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание. На известной ступени своего развития материальные производительные силы общества вступают в противоречие с существующими производственными отношениями или, — что *составляет только юридическое выражение этого, — с имущественными отношениями*, внутри которых они до сих пор действовали. Из форм развития производительных сил эти отношения превращаются в их оковы. Тогда наступает эпоха социальной революции. С изменением экономического основания более или менее быстро или медленно преобразуется и вся огромная надстройка. При рассмотрении таких переворотов следует всегда иметь в виду разницу между материальным переворотом *в эконо-*

мических условиях производства, который можно констатировать с естественно-научной точностью, *и юридическими, политическими, религиозными, художественными или философскими,* — одним словом, *идеологическими формами,* в которых люди воспринимают в своем сознании этот конфликт и во имя которых они борются. Как об отдельном человеке нельзя судить по тому, что он сам о себе думает, точно так же нельзя судить о такой революционной эпохе по ее сознанию, а, наоборот, следует объяснять это сознание из противоречий материальной жизни, из существующего конфликта между общественными производительными силами и производственными отношениями. Ни одна общественная формация никогда не погибает раньше, чем разовьются все производительные силы, для которых она представляет достаточно простора, и новые, высшие производственные отношения никогда не появляются на свет раньше, чем в недрах самого старого общества созреют материальные условия их существования. Поэтому человечество всегда ставит себе только такие задачи, которые оно в состоянии решить, ибо при ближайшем рассмотрении всегда оказывается, что сама задача выдвигается лишь тогда, когда материальные условия ее решения уже существуют или, по крайней мере, находятся уже в процессе образования. В общих чертах азиатский, античный, феодальный и современный буржуазный способы производства могут быть указаны как прогрессивные эпохи экономической формации общества. Буржуазные производственные отношения составляют последнюю антагонистическую форму общественного процесса производства, антагонистическую не в смысле индивидуального антагонизма, а антагонизма, вытекающего из общественных условий жизни индивидов; но развивающиеся в недрах буржуазного общества производительные силы создают в то же время материальные условия для решения этого антагонизма. Этой общественной формацией завершается поэтому пред-история (Vorgeschichte) человеческого общества".

В этих словах Маркс изложил в 1859 году понимание истории, общее ему с Энгельсом. Этот последний пришел к тому же результату одновременно с Марксом, независимо от него и другим путем, чем он. Мы привели цитату целиком, так как книга, из которой она взята, мало известна и редка. Цитата окончательно опровергает то, что г. К. А. Ш. говорит о влиянии духовных и *материальных* условий, которые он противопоставляет производственным отношениям! Если К. А. Ш. не знает, откуда появились лично свободные, но отделенные от средств производства рабочие, в которых нуждается для своего развития капиталистический способ

производства, и если он поэтому принимает, что они были освобождены и предоставлены в распоряжение капитала в силу *юридических* оснований, то я отошлю его к 24 главе „Капитала“ о „первоначальном накоплении“, в которой выясняются те изменения в *условиях производства*, которые с XV столетия делали „свободными“ рабочих, а именно крестьян, и отделяли их от средств производства; эти условия вызывали превращение пашни в луга, роспуск феодальных дружин и челяди, соединение мелких арендных участков в крупные и пр. В этой главе К. А. III. может почерпнуть более подробные сведения о курице и яйце. Может быть, ему тогда станет яснее и историческое содержание марксизма, а вместе с тем и его противоположность мировоззрению Родбертуса.

Констатировать эту противоположность, конечно, было бы очень тяжело г. К. А. III., ибо главное его стремление направлено к примирению Маркса и Родбертуса.

Он восторгается обоими. Бессмысленно, полагает он, спорить, кто более велик, Маркс или Родбертус. Как будто речь шла об этом! Как будто мое исследование не ставило себе целью выяснить, чья точка зрения *правильнее*. Можно восторгаться двумя поэтами, совершенно отличными друг от друга; но нельзя в научном вопросе, в котором противостоят друг другу два различных направления, утверждать, что представители обоих направлений — молодцы, что долг „внепартийности“ обязывает воздать каждому должное; что „нетерпимостью“ и „фанатическим догматизмом“ является утверждение, что только один из двух может быть прав, и исследование того, кто именно прав. Оказывается, таким образом, что будет нетерпимостью встать на сторону Дарвина против Кювье!

„Порадуемся лучше, что мы обладаем такими двумя молодцами!“ Такое восклицание бросает мне г. К. А. III. и апеллирует таким образом к чувству, хотя именно он упрекает меня в том, что мой марксизм является делом чувства, а не разума, и не потому, что я когда-либо действительно апеллировал к чувству, а потому, что я употребил *слово* „чувство“.

Но, очевидно, г. К. А. III. не очень полагается на свою апелляцию к чувству. Он делает поэтому один шаг и пытается доказать, что *Маркс и Родбертус стояли на одной и той же точке зрения*.

Конечно, в известных пунктах Маркс и Родбертус сходятся. Но мне никогда не приходило в голову оспаривать это. В своей статье я говорю (стр. 338): „Но особенно важно ознакомиться с теми характерными особенностями системы Родбертуса, которыми она *отличается* от системы Маркса“.

Общие обоим стороны я прекрасно знаю, да они и общеизвестны. Но не всем известны разногласия между ними, чему разительный пример представляет г. К. А. Ш. Указать эти разногласия было тем более необходимо, что неясность и расплывчатость в вопросах социализма грозят стать политическим фактором.

Разумеется, К. А. Ш. иначе истолковывает мотивы моей критики. Не внутренние, непримиримые противоречия между системами Маркса и Родбертуса побуждают меня к критике последней, — говорит г. К. А. Ш.,—а то обстоятельство, что Родбертус „не везде согласен с *догмой марксистской школы*". В последнее время сделалось излюбленным маневром называть *догмой* всякое положение, которое кому-либо не нравится. Г-н К. А. Ш. — согласно его утверждению тоже марксист, но не „догматический" — старается доказать, что там, где я нахожу противоречие между Марксом и Родбертусом, последнее совсем не существует; что своими нападками на Родбертуса я таким образом попадаю в Маркса. „Ужасно путаные головы — иронически восклицает он,— эти Маркс и Родбертус в сравнении с нашим К. К."... „Но как дошел Родбертус,—спрашивает К. К., и он, разумеется, *мог бы с таким же основанием назвать Маркса*, — до изолированного человека?" „Как видно, все упреки, какие К. К. направляет против применяемого Родбертусом метода, пункт за пунктом применимы и к Марксу. При некотором внимании и размышлении К. К. сам должен был бы заметить это. И разве я был уже так неправ, называя его критику необдуманной и поверхностной, если он даже не замечает, что направленные им против Родбертуса презрительные замечания совершенно так же применимы и к Марксу, которого он, тем не менее, хочет представить столь отличным от Родбертуса! Разве я выражаюсь слишком резко, когда я говорю, что он основательно оскандалился в моих глазах, затронув тему об экономической абстракции, чтобы принизить Родбертуса, изобразить его в качестве путаного идеалиста в противовес материалисту Марксу?"

Так говорит г. К. А. Ш. Итак, по его мнению, различие между обоими мыслителями незначительно; только мои „необдуманность" и „поверхностность" могли обнаружить противоречие между Родбертусом и Марксом. Послушаем на этот счет человека, который в этом вопросе по меньшей мере столь же компетентен, как и сам К. А. Ш., а именно самого Родбертуса. Последний писал в письме к д-ру Р. Мейеру: „Я в последние десять лет зарылся в античную политическую экономию только для того, чтобы постичь содер-

жание капитала во всех отношениях, также и в древности [1]). Изучать можно вообще только путем сравнения. Эти основные мысли я провожу в своем „Капитале“. Точно так же *только таким путем можно опровергнуть Маркса. Он заблуждается в двух направлениях.* Во-первых, он полагает, что трудовая стоимость всех благ сама собою реализуется уже в настоящих условиях, тогда как это может происходить только в силу закона. Я уже в 1842 году доказал, что при отсутствии такого закона „трудовая стоимость“ невозможна [2]). Во-вторых, социальный факт, что рабочий не получает всю стоимость продукта своего труда, он считает аномалией [3]), тогда как это представляет собою нормальное состояние всякого общества“.

Что сказал г. К. А. Ш.? „Мы могли бы, *разумеется*, вместо Родбертуса назвать Маркса“. В другом месте г. К. А. Ш. заявляет: „Маркс *рассматривает* современный капитал как историческую категорию, Родбертус *доказал*, что он не представляет собою ничего другого“. Но сам Родбертус говорит в своем письме к д-ру Р. Мейеру: „Вообще книга Маркса дает не столько исследование капитала, сколько полемику против *современной формы капитала, которую он смешивает с самым понятием капитала, чем и вызываются его ошибки*“.

Так как мы никоим образом не можем признать г. К. А. Ш. „необдуманным“ и „поверхностным“, нам приходится думать, что Родбертус „основательно оскандалился“, поскольку он достаточно „односторонен“ для того, чтобы констатировать фундаментальное противоречие между собою и Марксом вместо того, чтобы предлагать немцам радоваться тому, что они имеют двух столь замечательных молодцов. Надеюсь однако, что эти слова Родбертуса побудят моего строгого судью снисходительнее отнестись к моей „догматической“ односторонности, благодаря которой я не мог возвыситься до его всеобъемлющей точки зрения и быть

---

[1]) Маркс говорит о капитале в древности: „В реальных энциклопедиях классической древности можно прочесть бессмыслицу, будто в античном мире капитал достиг полного развития“ („Капитал“, 3-е изд., стр. 144, примечание).

[2]) В 1847 году Маркс написал книгу против Прудона („Нищета философии“), который тоже полагал, что „трудовая стоимость“ продуктов, как выражается Родбертус, в настоящее время еще не реализуется, и что ее установление, конституирование, означает разрешение социального вопроса. Маркс говорит там следующее о конституированной стоимости: „Потомство усмотрит большую наивность в том, что г. Прудон выдает за „революционную теорию будущего“ ту самую теорию, которую Рикардо научным образом разработал как теорию *современного буржуазного* общества“... „Так измеряемая рабочим временем стоимость становится необходимо формулой современного рабства рабочих вместо того, чтобы, по утверждению г. Прудона, быть „революционной теорией освобождения пролетариата“.

[3]) Маркс никогда и не думал утверждать это.

одновременно восторженным марксистом и восторженным родбертусианцем.

Но компетентен ли я вообще высказывать свое суждение в научных вопросах? Г-н К. А. Ш. заявляет, что не следует сердиться на К. К. за его „необдуманные насмешки, ибо он ведь неоднократно заявляет, что ему нехватает понимания подобных абстракций. Я, с своей стороны, полагаю, что о предметах, о которых не имеешь понятия, не следует рассуждать, а тем более писать статьи в научном журнале". После того как К. А. Ш. таким образом торжественно отказывает мне в научной компетенции, он подробно излагает нам, в какой мере необходима абстракция для науки, рассказывает, что Ньютон, Галилей, равно как и Маркс, достигли своих результатов только благодаря силе абстракции и что, следовательно, я осмеиваю и их. Вся теория стоимости добыта, по словам К. А. Ш., путем абстракции.

Г-н К. А. Ш. совершенно прав. Но что дает ему повод на нескольких страницах читать мне лекцию о необходимости абстракции? Получает он этот повод путем абстракции — в данном случае это называется в повседневной жизни *утаиванием* — словечка „таких". Я сказал: для *таких* абстракций у меня нехватает понимания. К. А. Ш. моментально превращает это в признание, будто у меня нехватает понимания для абстракций *вообще*. Но для *каких* абстракций у меня нехватает понимания? Родбертус требует в одном месте, чтобы представили себе общество с *частной* собственностью на землю и капитал, но „прежде всего представили бы себе нацию *единственной обладательницей* национального капитала"! Тут я и восклицаю: „Мы должны представить себе ночь, но принять, что это день! Для этого у нас нехватает силы абстракции!"

За эти слова ухватывается г. К. А. Ш., чтобы прочесть мне на нескольких страницах лекцию о необходимости абстракции и объявить меня недостойным писать для научного журнала.

Мне, разумеется, никогда не приходило в голову отрицать необходимость абстракции для науки. Я порицал Родбертуса не за то, *что* он абстрагирует, но за то, *как* он абстрагирует. И важно именно это „как". Не всякая абстракция полезна. Если, например, представляют себе Робинзона, но при этом совершенно абстрагируются от Пятницы и на основании такой „абстракции" просто подвергают сомнению научную добросовестность своего противника („вводят в заблуждение своего читателя") и его способности, то это свидетельствует о такой способности к абстракции, которая никоим образом не представляется мне завидною.

О необходимости абстракции в моей статье вообще не говорилось, в ней говорилось лишь *о различной манере* абстрагирования у Маркса и Родбертуса. Отсылаю г. К. А. III. к сказанному на этот счет на стр. 341 „Neue Zeit“. Родбертус отыскивает „вечные“, „естественные“ понятия, Маркс исследует *исторические* категории. Родбертус видит в исторических, меняющихся свойствах социальных явлений лишь *случайные признаки* (см. „Neue Zeit“, стр. 343). Маркс видит в них их *существенные* свойства. Об этом г. К. А. III. не имеет ни малейшего представления, да и не мог его иметь, так как ему, как уже показано, осталось совершенно чуждо *историческое* содержание марксизма. Только поэтому осмелился он высказать невероятное утверждение, что Маркс применял тот же метод, что и Родбертус.

Чтобы обосновать невероятное утверждение, надо прибегнуть к невероятному способу доказательства, и г. К. А. III. увидел себя вынужденным к этому. Он цитирует ряд мест из „Капитала“, истолковывает их посвоему и приходит к выводу: „Как видим, материал для доказательства своего утверждения, что стоимость заключается во всеобщем человеческом труде, измеряемом временем, Маркс нашел *не в современном обществе; он поэтому придумал соответствующую робинзонаду и привел ее в качестве доказательства*“.

Жаль, что Маркса нет уже в живых. Это место, несомненно, его очень рассмешило бы, — еще больше, чем в свое время его забавляли те или иные изложения его теории стоимости.

К. А. Ш. опирается на два места. Одно взято из предисловия (стр. VI „Капитала“, 3-е изд.), второе — по крайней мере во 2 и 3 изд. — в свою очередь состоит из двух мест (стр. 40 и 45). Для экономии места я их не воспроизвожу, читатель может прочесть их у К. А. Ш.

В первой цитате Маркс говорит о необходимости абстракции при анализе данных экономических форм. К. А. Ш. без колебаний истолковывает это как *„абстракцию от всех действительно существующих отношений“*. Мы еще вернемся к этому великолепному положению. Слово абстракция как будто так опьянило К. А. Ш., что он не заметил две следующие строки: „Но для *буржуазного общества* товарная форма продукта труда или *форма стоимости товаров* представляет собою в экономическом отношении клеточку“. Это К. А. Ш. называет „абстракцией от всех действительно существующих отношений“!

Мы рекомендуем К. А. Ш. почитать уже названную „Нищету философии“ Маркса. Он упрекает меня в том, о чем я рассказал в частном разговоре с полгода тому назад,

а именно, что я не читал „Нужду в кредите сельского хозяйства“ Родбертуса, — содержание этого сочинения я знал из вторых рук. К сожалению, он не говорит, для какой цели требуется после изучения „Капитала“ Родбертуса изучать еще вопрос о задолженности прусских земельных юнкеров и средствах к избавлению от нее. Во всяком случае, названное произведение Маркса имеет большее отношение к нашей теме, и г. К. А. Ш. избег бы многих промахов, если б ознакомился с ним. В этом сочинении Маркс критикует метод Прудона, „абстрагирующий от всех действительно существующих отношений“, и говорит между прочим: „Не удивительно, что все сущее, все, что существует на суше и в воде, путем абстракции может быть сведено к одной логической категории, и что *весь действительный мир можно утопить в пучине абстракций*, в мире логических категорий“.

Сожалеем, что недостаток места не позволяет нам привести здесь весь этот классический параграф [1]).

Но в самом деле, не конструирует ли все же Маркс изолированного человека, Робинзона? Да, правда, он делает это на стр. 45 „Капитала“. Но к этому Робинзону у него с самого начала ироническое отношение: „Наш Робинзон, спасший при кораблекрушении часы, главную бухгалтерскую книгу, чернила и перо, тотчас же, как подобает порядочному англичанину, начинает вести бухгалтерскую книгу своему существованию“ и т. д.; изолированный человек, таким образом, представлял собою, как черным по белому написано в „Капитале“, изолированного *англичанина*; это был первоначальный Робинзон Крузо Даниэля Дефо, а именно потерпевший кораблекрушение *купец*, который, если не ошибаемся, вел *торговлю рабами*, прежде чем сделался „изолированным первобытным человеком“. Маркс, однако, повидимому, предчувствовал своего К. А. Ш. и для устранения всякой возможности непонимания своей иронии он во втором издании еще резче подчеркнул ее: „Так как политическая экономия любит робинзонады“ и т. д., а в примечании высмеял робинзонады Рикардо. Но все предосторожности оказались тщетны. Г-н К. А. Ш. со всей серьезностью утверждает, что Маркс доказательства для своей теории стоимости „не нашел в современном обществе и потому придумал соответствующую робинзонаду“. Должны

---

1) В своем трактате „К критике политической экономии“, стр. 14, Маркс говорит: „Понятно, какую „услугу“ оказывает категория „услуг“ такому сорту экономистов, как Ж.-Б. Сэй и Ф. Бастиа, резонирующая мудрость которых, как правильно заметил уже Мальтус, повсюду абстрагирует от *определенных специфических форм* экономических отношений“.

ли мы полагать, что г. К. А. III. написал эту фразу в полном сознании того, что он говорит? Если даже, как кажется, ему остались чужды исторические части „Капитала", он должен все же знать главу о теории стоимости, он должен знать, что стоимость *до* робинзонады анализируется на целых 45 страницах, что Марксу доказательством служит не произвольно придуманная робинзонада, а характер *товара*. „Богатство обществ, в которых господствует капиталистический способ производства, является огромным скоплением товаров, а отдельный товар — его элементарной формой. Наше исследование поэтому начинается с анализа товара". Но товар — *историческая* категория [1]); товары производятся лишь при определенных общественных условиях; товарное производство предполагает существование развитого товарообмена. Таким образом Маркс выводит свою теорию стоимости не из произвольно придуманных, а из определенных исторически данных фактов, выводит *теорию, которая поэтому приложима лишь к обществам с товарным производством* [2]). Его теория стоимости неприложима, как полагали иные мудрые фиванцы, к коммунистическому обществу в современном смысле, равно как и к первобытному коммунизму. При существовании обеих этих общественных форм люди производят не для *продажи*, как в настоящее время, а для *потребления*, производят не меновые, а потребительные стоимости. Правда, рабочее время всегда имеет значение в производстве, но не всегда в одинаковой степени. „При всех условиях, — говорит Маркс, — рабочее время, затрачиваемое на производство средств существования, должно было интересовать людей, но не в одинаковой мере *на различных ступенях развития*". Таким образом, рабочее время является единственным мерилом стоимости только для товарного производства. Мало того, только с возникновением последнего появляется *меновая стоимость* и вместе с нею *стоимость* политической экономии вообще. Первобытный коммунизм совсем не знает стоимости в экономическом смысле, пока не начинается обмен. Но с этого момента и начинается его разложение. Смотри об этом у Маркса, „К критике и т. д.", стр. 10—13.

---

1) Г-н К. А. Ш. как будто тоже не знает этого. Он говорит: „Товар — вещь". Товар и вещь для него одно и то же. Но так как вещи существовали всегда, то выходит, что и товары всегда были, и можно конструировать из вещи в себе и „стоимость в себе".

2) „Форма стоимости продукта труда есть самая абстрактная, но в то же время самая общая форма *буржуазного* способа производства, который характеризуется ею как особенный вид общественного производства, а тем самым характеризуется как явление *историческое*" (*Маркс*, Капитал, стр. 50).

Выводя свою теорию стоимости из характера товарного производства, Маркс стал опасаться, что будет неправильно понят. И *поэтому*, для облегчения понимания своих рассуждений, а не *в виде доказательства*, он приводит нам, между прочим, и придуманную им робинзонаду. Он сопровождает последнюю следующими словами: „Из подобного рода форм и состоят категории буржуазной экономии. Это — получившие общественное признание и, следовательно, объективные мыслительные формы для производственных отношений данного, исторически определенного способа производства, — товарного производства. Поэтому весь мистицизм товарного мира, все то волшебство и колдовство, которое окружает продукты труда, производимые на основе товарного производства, исчезает тотчас, как только мы обращаемся к другим формам производства". И затем Маркс, как сказано, приводит для облегчения понимания, но не в виде доказательства, на-ряду с другими формами производства, также и мысленно простейшую, хотя исторически и не существовавшую форму, — пример с Робинзоном.

От всего „абстрагирует" г. К. А. Ш.; он абстрагирует от всех 45 страниц „Капитала", предшествующих робинзонаде, и, так как он не находит доказательств для своего утверждения в существующем „Капитале" Маркса, он придумывает себе „Капитал" по своему желанию и приводит его в качестве доказательства. Как видите, сила абстракции делает чудеса.

Нужно ли нам подвергать рассмотрению дальнейшие чудеса, производимые силою абстракции г. К. А. Ш.? Мы боимся утомить наших читателей и думаем, что сказанного достаточно.

Что касается самого Родбертуса, то мы рассчитываем, как уже нами упоминалось, заняться в следующем году в самостоятельной статье его теорией стоимости и денег и его взглядами на земельную ренту. Нам представится тогда случай вернуться еще к некоторым высказываемым К. А. Ш. утверждениям, как, например, по вопросу о нормальном рабочем дне и его отношении к коммунизму.

Здесь же достаточно сказать следующее: стоят ли наши читатели на стороне Маркса или Родбертуса, *в одном*, во всяком случае, они должны были убедиться: между точками зрения того и другого существует такое внутреннее противоречие, что его ничем примирить нельзя. Пусть это чисто-отрицательный результат, но он весьма ценен, тем ценнее в настоящее время, когда социалистическая фраза владеет *умами* всех, и слишком невелико число тех, кто хладнокровно и без предвзятых мыслей старается выяснить

противоречия между различными направлениями и содействовать распространению ясности на этот счет. Чтобы двигать вперед науку, нужно не затушевывать противоречия, а безбоязненно их *обнаруживать. Тот, кто хочет защищать Родбертуса, должен направить свои нападки против марксизма.* Это, надеюсь, вытекает как бесспорный вывод из нашей полемики. Напрасно г. К. А. Ш., наподобие современного Марка Курция, с истым презрением к смерти бросился в пропасть, разделяющую обе точки зрения: времена чудес миновали, пропасть не смыкается, несмотря на все беспятничные робинзонады и все абстракции от „всех действительно существующих условий". И все же подобное абстрагирование представляет собою величайший философский подвиг, какой знает наш век. Ибо абстрагировать от *всех* действительно существующих условий, — это значит лишь представить себе *ничто.* Из *ничего* Маркс создал свою теорию стоимости, из *ничего* Галилей, Ньютон и вообще все великие мыслители черпали свою мудрость. Не внимательное изучение фактов является, по мнению К. А. Ш., предпосылкой научных достижений, а абстракция от всего, что люди знают и могут знать — *чистое абсолютное неведение в себе.*

Предоставляю нашим читателям решать, кто же является „необдуманным", „поверхностным" и пр. „писакой", который и т. д.

ПОСЛЕДНЕЕ СЛОВО.

С неохотой берусь я за перо для свой защиты, — в последний раз по данному вопросу. С неохотой, потому что г. К. А. Ш. все более переводит наш спор с деловой почвы на личную.

Г-н К. А. Ш. определенно заявляет, что не хочет углубляться в предмет спора, а именно в вопрос об отношении системы Родбертуса к системе Маркса. Он хочет лишь доказать, что я не заслуживаю доверия, а „лжецу не верят и тогда, когда он даже говорит правду". Более удобный способ спора нельзя и придумать. Г-ну К. А. Ш. достаточно лишь доказать один промах своего противника, чтобы в гордой уверенности заявить, что противник не заслуживает доверия, а потому и вся его аргументация не имеет значения.

Так он поступает и по отношению ко мне. На первый план выдвигаются самые незначительные пункты, поскольку представляется какая-либо возможность доказать в данном случае мою оплошность. О чем говорит помещенный выше „Ответ" г. К. А. Ш.? О выражении „Родбертус в себе", о толковании одного положения Родбертуса, — толковании, имеющем у меня совершенно невинный характер, — о вопросе, что такое робинзонада! И если бы даже г. К. А. Ш. был прав во всех своих относящихся сюда рассуждениях, разве это хотя на волос содействовало бы уразумению спорного вопроса?

Г-н К. А. Ш. все еще цепляется за мое *выражение* „Родбертус в себе". По этому поводу я могу лишь заметить, что я не критиковал отдельные *выражения* Родбертуса. Пустопорожние споры я предоставляю другим. „Капитал в себе" у Родбертуса не просто случайно им употребленное *выражение*, а *основное понятие*. Я критиковал *понятие*, а не *выражение*. Моя статья ни в чем решительно не изменилась бы, если бы я не употребил выражение „Родбертус в себе"; напротив, „капитал в себе" составляет одну из важнейших основ системы Родбертуса. Для г. К. А. Ш. оба выражения представляются одинаковыми, и он полагает, что если приведет к абсурду мое выражение „Родбертус

в себе", то этим будет также приведен к абсурду и „капитал в себе",—нет, этим будет дано доказательство правильности последнего! Странная логика!

Теперь о „*явлениях*". Г-н К. А. III. сам доказывает нам, что Родбертус даже не говорит в приведенном месте, в чем заключаются „угрожающие" явления. Родбертус говорит позднее в „Первом письме" один раз о пауперизме и торговых кризисах, другой раз о социалистических движениях, порождаемых этими двумя причинами в качестве „угрожающих явлений". Я сам сказал в своем ответе, что тот, кто имеет в виду следующую страницу, должен притти к выводу, что Родбертус под угрожающими явлениями понимает пауперизм и торговые кризисы, но что из смысла всего „Письма" явствует, что они представляются ему угрожающими, поскольку порождают социализм, что таким образом в конечном счете под угрожающими явлениями следует понимать социализм. Приводимое г. К. А. III. место отнюдь не противоречит такому толкованию, а потому я попрежнему настаиваю на нем.

Переходим теперь к Робинзону, которому в произведениях г. К. А. III. грозит опасность превратиться в вечного жида. Для меня лично спор в данном пункте кончается в высшей степени благополучно. В своей первой статье г. К. А. III., как известно, заявил, преисполненный нравственного возмущения, что я, ввиду моего незнакомства с Робинзоном, „не имею права *высказываться по экономическим вопросам*". Теперь г. К. А. III. неожиданно понял, что *мое* определение Робинзона „общеупотребительно в литературе", и он великодушно отказывается от утверждения, что *его* определение общеупотребительно в литературе, и что во всех робинзонадах отсутствует Пятница: „спорный вопрос, что такое Робинзон, вообще не может быть разрешен", он принадлежит к числу неразрешенных проблем XIX века.

Таким образом г. К. А. III. весьма милостиво обходится со мною. Он обращается прямо против Маркса: именно последний в своей поверхностности и необдуманности не знает, что́ представляет из себя Робинзон, и ввиду такого незнания „простейших основных понятий" именно он не имеет уже права „высказываться по экономическим вопросам". Г-н К. А. III. в своей первой статье охотно говорил о „догмах марксистской школы", не объясняя, что он под этим подразумевает. Теперь мы это знаем: *Робинзон — вот наша искомая марксистская догма*, то ложное учение, которым клянется марксистская школа и критика которого признается марксистами „святотатством", как опасается г. К. А. III.

Присмотримся поближе к этой догме. Наши читатели

помнят еще цитату из Рикардо, приводимую г. К. А. III. Маркс говорит по поводу нее: „Рикардо тоже не обходится без робинзонады. Первобытного рыболова и первобытного охотника он заставляет, в качестве товаровладельцев, обменивать рыбу и дичь согласно овеществленному в этих меновых стоимостях рабочему времени. Приэтом он позволяет себе анахронизм, по которому первобытные рыболов и охотник для расчета своих рабочих инструментов употребляют принятые в 1817 году на лондонской бирже таблицы для вычисления погашения". („Капитал", 2-е изд., стр. 53.)

Таким образом, Маркс несколько иначе понимает это место из Рикардо, чем г. К. А. III. *Непоследовательность* Рикардо, заключающаяся в том, что Робинзоны—первобытный рыболов и первобытный охотник—в представлении Рикардо непроизвольно превращаются в современных капиталистов, вызывает у Маркса только улыбку. Напротив, г. К. А. III. совсем не смущает то обстоятельство, что первобытный рыболов и первобытный охотник являются капиталистами. Это представляется ему совершенно в порядке вещей, и он с величайшей серьезностью заявляет нам, что так как Робинзон никак не мог быть капиталистом, то первобытный рыболов Рикардо совсем не Робинзон.

Но именно эта *непоследовательность* в робинзонаде представляет собою то смешное у наших экономистов, что Маркс критикует, указывая, что они представляют себе капиталиста со всеми его капиталистическими функциями в качестве Робинзона.

Г-н К. А. III. заявляет, что рикардовское изображение первобытного рыболова и пр. противоречит моему определению робинзонады, которое является общеупотребительным в литературе. Что сказал я в своем „Ответе"? [1]). „Робинзонады представляют собою *придуманные* изображения одного или нескольких изолированных людей". Г-н К. А. III. подчеркивает момент изолированности.

Но последняя одна не служит еще характеристикой робинзонады. Последняя представляет собою *вымышленное* изображение изолированных людей. На *вымышленных* изображениях изолированных людей, т.-е. на робинзонадах, экономисты объясняют нам законы капиталистического способа производства, вместо того чтобы выводить их из него самого. Они исследуют не действительно существующие или существовавшие общественные отношения, но произвольно конструируют в своей голове некоторый общественный строй. И при свойственных нашим экономистам тен-

---

1) См. выше статью „Ответ". — *Прим. ред.*

денциях вполне естественно, что эти вымышленные фигуры не остаются строго изолированными, а всегда непроизвольно оглядываются на современное общество. Экономические робинзонады становятся благодаря этому *смешными*, но ни в малейшей степени не утрачивают своего характера робинзонад.

После Маркса достается и Энгельсу. Если Энгельс полагает, что в своем последнем сочинении о „Происхождении семьи" он сказал немецкой публике что-то новое, то это только доказательство его „поверхностности" и „нелогичности". Уже 20 лет тому назад Родбертус знал и отстаивал все то, что мною „восхваляется как самоновейший продукт историков марксистской школы"; „остроумная книжка" Энгельса в сущности представляет собою, таким образом, не что иное, как плагиат или повторение старых вещей.

Воздав должное Энгельсу, К. А. Ш. обрушивается на меня. Все милые прилагательные, какие г. К. А. Ш. пришлось в вопросе о робинзонадах молча взять обратно, я получаю теперь опять вдвойне и втройне. „Вы, г. Каутский, так мало читали Родбертуса, что совсем не знаете этого обстоятельства", упрекает меня г. К. А. Ш., чтобы затем на протяжении целой страницы варьировать это положение свойственным ему тоном отечески-назидательного менторства.

Должен сознаться, что эти рассуждения в первую минуту меня совершенно обезоружили. Я не был в состоянии подыскать парламентское выражение для... смелости, с которой этот человек бросает в Маркса и Энгельса подобные обвинения, в области, о проблемах которой он вообще узнал лишь из сочинения последних. Согласно К. А. Ш., Маркс и Энгельс или использовали открытия Родбертуса, не называя его, или в лучшем случае не знали, что то, что представлялось им новым открытием *Моргана*, уже давно выполнено Родбертусом. Они или невежды или плагиаторы.

Откуда черпает г. К. А. Ш. оправдание такому утверждению? Из одного абзаца одного сочинения Родбертуса,— абзаца, который так мало говорит, что из него можно вывести все, что угодно, но который однако имеет такое же отношение к Моргану и Энгельсу, как к корове седло. Ибо из книги Моргана вытекает, что до развития семьи и государства люди образовывали отнюдь не просто „аггрегаты", а—если можно к общественным условиям применять слово „организм" — прочные организмы, которые развивались в силу определенных законов; что таким образом нельзя подразделять историю развития человечества на органический и неорганический периоды.

Г-н К. А. Ш. попросту не знает, о чем идет речь, и потому со столь легким сердцем пытается вывести из ничего не значащего места у Родбертуса, будто этот последний является, по меньшей мере, основоположником, на-ряду с Марксом и Энгельсом, материалистического понимания истории,—мимоходом сказать, того самого понимания истории, на которое г. К. А. Ш. так ретиво обрушивается в своей первой статье. Что он не знает, о чем идет речь, мы видим из того, что „новейший взгляд историков марксистской школы" он формулирует таким образом: „Возникновение семьи и государства можно объяснить только из родового союза".

Если последняя фраза имеет какой-нибудь смысл, она должна означать, что первой социальной единицей был род, что семья развилась лишь внутри рода и что государство развилось не *из* первобытного родового строя, а в *противовес ему*.

Теперь, я очень хотел бы узнать, где именно я представил ввиде упомянутого „новейшего продукта" положение, что семья развилась лишь внутри рода? Всякий, кто хоть раз заглянул в литературу по первобытной истории, знает, что относительно немногих пунктов среди исследователей существует такое единомыслие, как по вопросу о том, что род, а не отдельная семья, был первой социальной единицей и что внутри рода господствовала свобода полового общения, в которой различные исследователи в большей или меньшей степени усматривают общность жен. Я сам напечатал в журнале „Kosmos" уже весною 1883 года статью на эту тему, а потому никоим образом не мог думать, что Энгельс—Морган сказали этим что-нибудь новое. Да и сам Энгельс говорит в своем произведении: „Поскольку Морган воссоздает прошлую историю семьи, он приходит, *в согласии с большинством своих коллег,* к такому состоянию, когда существовала неограниченная свобода полового общения, так что каждая женщина принадлежала одинаково каждому мужчине и каждый мужчина каждой женщине. Открытие такого первобытного состояния составляет первую великую заслугу Бахофена" (стр. 17). Мы видим, что ни Энгельсу, ни кому-либо другому не приходило в голову в изображении этого первобытного состояния в произведении Энгельса усматривать что-нибудь новое. Новое и значительное в этом сочинении заключается в *изображении развития, последовавшего за этим первобытным состоянием*, в изображении развития и гибели *родового строя*. Именно *это* является отличительной чертой книги Моргана, равно как и произведения Энгельса, но об этом

г. К. А. Ш., разумеется, не имеет ни малейшего представления.

Таким образом, если бы даже Родбертус воспринял открытия Бахофена, он не сказал бы ничего нового. Но тем, что он, между прочим, *упоминает* Бахофена, еще не доказано, что взгляды последнего имели значительное влияние на развитие исторических теорий Родбертуса. Исторические сочинения Родбертуса говорят против этого.

Насколько последние расходятся с книгой Энгельса, может показать беглый взгляд на них. Энгельс и Родбертус занимаются греческим и римским родовым и государственным строем. Для Родбертуса первичною социальной клеткой, из которой строится всякий социальный организм, являлась *семья*. Поэтому, по его мнению, первичным элементом родов и государств у греков был *ойкос*, у римлян—*фамилиа*, т.-е. патриархальная, управляемая главою семьи отдельная семья, состоящая из жены, детей и рабов. Роды (gentes) представляли собою соединение семей.

Таков взгляд Родбертуса, как он излагается в различных его исторических сочинениях и повторяется Козаком и М. Виртом.

В статье об Аврелианской стене Родбертус говорит: „*Как известно*, возникновение всех государств древности, которые позднее, восприняв в себя чужеземные — древне-египетские и сирийские — элементы, приняли характер *полиса* и под конец в лице Рима завершили развитие язычески-античного государственного строя, внешне происходило таким образом, что родственные или соседние охотничьи, пастушеские, рыбачьи или крестьянские *семьи*, а соответственно и *роды*, *соединялись* и для охранения своих святынь, семейств и остального имущества воздвигали стену, — город (urbs), который, естественно, оставался потом столицей данного государства, пока последнее существовало“ [1]).

И в своих исследованиях о римском трибутном налоге Родбертус говорит: „С той оговоркой, что действительность никогда полностью не соответствует идеалу, *ойкос был действительно прочным основанием,* живым, пульсирующим элементарным организмом того знаменитого античного государственного образования, которое сами древние обозначали, как „полис“. Следствия, вытекающие из этого основания, проникают весь государственный строй и в особенности господствуют в его хозяйственной жизни. Их можно самым

---

[1]) „Bedenken gegen den von den Topographen Roms angenommenen Trakt der Aurelianischen Mauer“ („Jahrbücher für Nationaloekonomie und Statistik“, Band XXIII, S. 29).

наглядным образом установить как в частном, так и в государственном хозяйстве, как в народном хозяйстве, так и в области финансов. Ойкос, каким он должен был быть согласно Аристотелю, был действительно *необходимым* основанием полиса, если последний вообще должен был соответствовать своей идее, должен был оставаться тем государственным образованием, каким он является по своей сущности“ [1]).

Послушаем же теперь, что говорит Энгельс: „Не только Грот, но также Нибур, Моммзен и все другие историки классической древности споткнулись о *род*. Хотя они и правильно отметили многие его отличительные особенности, они все же постоянно видели в нем *группу семей* и этим делали для себя невозможным понять природу и происхождение рода. Семья при родовом строе *никогда не была и не могла быть организационной единицей,* потому что муж и жена по необходимости принадлежали к двум различным родам. Род совершенно поглощался фратрией, фратрия — племенем; семья входила отчасти в род мужа, отчасти в род жены. *Государство в публичном праве тоже совсем не признает семьи*; до настоящего времени она существует лишь для гражданского права. И тем не менее до сих пор вся наша историческая наука исходила из абсурдной предпосылки, ставшей неприкосновенной в XVIII веке, будто моногамная одиночная брачная пара, которая вряд ли древнее цивилизации, послужила кристаллическим ядром, вокруг которого постепенно образовались общество и государство“. („Происхождение семьи, частной собственности и государства“, стр. 64.)

Здесь не место подробнее останавливаться на родовом строе. Надеюсь иметь возможность сделать это в другой связи. Но уже из цитированного места ясно вытекает, что защищаемое Энгельсом, Марксом и Морганом *новое воззрение* по вопросу о римском и греческом роде *совершенно противоположно* взгляду Родбертуса, который представляет собою *старую* точку зрения XVIII века, защищавшуюся также Гротом и Нибуром.

Таким образом все утверждения г. К. А. Ш. о совпадении соответствующих взглядов Маркса и Энгельса с взглядами Родбертуса самым жалким образом терпят крушение, а вместе с ними и следствия, выводимые г. К. А. Ш. из моего незнания этого совпадения и превращаемые им с быстротой, делающей честь любому фокуснику, в бесконечный перечень моего невежества,— тот классический пе-

---

1) „Zur Geschichte der römischen Tributsteuer seit Augustus“ („Jahrbücher für Nationaloekonomie und Statistik“, Band III, S. 343).

речень, который К. А. Ш. начинает словами: „Господин Каутский, как мало вы читали“, и заканчивает словами: „Господин Каутский, настоятельно рекомендую вам итти за мною, если вы не хотите безнадежно погибнуть“, чтобы в промежутке между этими двумя патетическими восклицаниями дать указатель всевозможных результатов исторических исследований Родбертуса, которые хотя и не имеют ни малейшего отношения к вопросу о возникновении семьи и государства, но зато могут дать изумленному читателю представление о поразительной учености г. К. А. Ш.

Кто читал брошюру Энгельса „Происхождение семьи“, а также хотя бы *один* из исторических экскурсов Родбертуса, в котором лишь мимоходом упоминается ойкос или фамилиа, для того никоим образом не могла остаться незамеченной противоположность взглядов Энгельса, Маркса и Родбертуса. Если мы примем это во внимание и вспомним о всей ничтожности и незначительности сделанных до сих пор г. К. А. Ш. возражений, если мы убедимся, что он не стесняется делать самые смешные утверждения (вроде того, что Маркс не знал, что такое Робинзон) и с трудом придумывает самые странные толкования, лишь бы придать видимое обоснование этим очевидно смешным утверждениям,— если мы увидим все это со стороны человека, который дал доказательство своих способностей, то мы можем только сказать, что этот человек сам не верит тому, что́ он говорит. Не честную борьбу в защиту своих убеждений ведет он,—он ведет словесный бой оскорбленного тщеславия и заносчивости. Когда спор принимает подобный характер, он перестает быть полезным для кого бы то ни было.

При таких условиях продолжение дискуссии с г. К. А. Ш. невозможно. Я от нее отказываюсь.

То, что мне еще остается сказать, касается не его, а Родбертуса. Для того чтобы, по крайней мере, по поводу последнего привести дискуссию к какому-нибудь концу, следует для характеристики этого человека упомянуть его *программу*, изложенную им в предисловии к его „Kreditnot“. С разных сторон мне делали упрек в том, что я не принял во внимание это сочинение. На это я должен возразить, что я в свое время дал лишь критику „Четвертого социального письма“ Родбертуса, а не критику всей публицистической и политической деятельности последнего. Однако я тоже сожалею, что эта книга не оказалась раньше в моих руках, *так как она служит лучшим подтверждением правильности моей точки зрения в этом вопросе.*

В „Kreditnot“ Родбертус гораздо более непринужденно

высказал свои цели, чем в „социальных письмах“. В последних он обращался к широкой публике, в первой он говорил с своими *собратьями по классу*. И тут он показывает себя тем, чем был, а именно крупным землевладельцем, который сознавал свои классовые интересы более отчетливо, чем его собратья по классу. Но послушаем его самого.

„Капитал и прибыль добились своего законодательства,— говорит он,—труд и заработная плата еще домогаются своего; но землевладение и рента в этом отношении находятся в еще худшем положении, чем *труд и заработная плата*, подобно тому как скверная конституция хуже, чем отсутствие конституции, ибо землевладению и ренте приходится в настоящее время терпеть гнет законодательства, прямо противоречащего их природе...“

„Итак, как неравномерно трактуются государством наши социальные основы! *Капитал* получил уже законодательство, ведущее его к все возрастающему обогащению; *труд* еще лишен законодательства, охраняющего его от постоянной нищеты; *землевладение* обладает еще законодательством, которое толкает его к все усиливающемуся обеднению.

„А землевладельцы?

„Благодаря старому недоверию и новейшей зависти мы разъединены и не единодушны. Нам недостает инстинкта материального интереса, инстинкта, которым капитал обладает в такой сильной степени. Нам недостает также классового интереса, благодаря которому рабочие поднимаются как *один* человек. В тисках нашего ложного законодательства мы уже лежим повергнутые в прах. И, что самое худшее, мы сами еще веруем в ложных божков этого законодательства.

„Хотим ли мы и дальше прозябать в таком разрозненном состоянии? Хотим ли удалиться с социальной арены, как самостоятельный класс, и дать капиталу взять нас всецело на буксир? Должна ли борьба, завязывающаяся между капиталом и трудом, застать нас праздными зрителями или, что еще хуже, прислужниками капитала? Что мешает нам возвыситься хотя бы до уровня рабочих, которые ничего уже не ожидают от капитала, не дают капиталу водить себя на помочах? Неужели же мы, землевладельцы, не сможем снова пробудить в себе такое же чувство единения, такое же честолюбие? Капитал не упускал из вида свою *естественную прибыль*, добился законодательства, которое обеспечивает ее ему, и сделался ныне всемогущим, потому что не существует противовеса ему. Труд начинает группироваться вокруг своей *естественной заработной платы*, и энер-

гия, с которою он начал борьбу, обеспечивает и ему успех. *Последуем же этим примерам! Сплотимся же во имя нашего естественного дохода! Сплотимся во имя нашей ренты!* Почему нам не удастся то, что удалось уже капиталу и что удастся труду? В отношении *социальном* мы стремимся не к большему, чем достигли уже капитал и труд, *а в национальном отношении мы больше, чем тот и другой, имеем право получить* то, к чему мы стремимся. Государство очутилось бы целиком во власти капитала, если бы оно не хотело понять, что *одно лишь землевладение является* или, вернее, *вновь явится той социальной силой, которая преимущественно представляет в обществе национальный элемент,* и что государство *в своем благоразумии,* покоится именно на национальных, а не социальных элементах...

„Но если мы хотим объединиться во имя нашей ренты, мы прежде всего должны отказаться от советов наших экономических ораторов дня, которые все вместе и каждый в отдельности служат капитализму. И уже эта задача нелегка, ибо капитализм сделался целой социальной системой.

„От этой системы мы должны отказаться; *во имя нашей ренты мы должны объединиться;* мы должны создать нужную для этого организацию. Основания последней изложены в этой части. Если мы обладаем еще независимостью, энергией, средствами, чтобы создать ее, то мы не только спасем себя в финансовом отношении, не только увеличим средства обращения страны новым платежным средством, которое сослужит свою службу в землевладельческом обороте, как вексель в товарном обороте,— мы снова достигнем соответствующего нашему званию самостоятельного социального положения на почве самого современного общества, так что нам не смогут больше делать упреки в несвоевременных тенденциях. Ибо само наше время, „*освободив*“ капитал, труд и землевладение, *разоблачило* также свойственную им природу,— капитал в его нестесняемой подвижности, с его естественной (!) прибылью, труд в его творческой производительности, с его естественной (!) заработной платой, землевладение в неизменности его рентной природы,— и мы, землевладельцы, если мы теперь объединимся для того, чтобы добиться законодательства, соответствующего природе нашего имущества, делаем то же самое, что сделал уже капитал и что собирается сделать труд.

„Мало того, мы тогда не только спасем самих себя, мы сделаем больше,— *мы, вместе с тем, будем содействовать восстановлению равновесия в обществе.* Ни капитал, *ни труд* не смогут тогда каждый в отдельности добиться *вредного пре-*

обладания, государство не сможет уже очутиться в руках того или другого. На основе этого равновесия наше общественного здания, которое, будучи поддерживаемо одинаковыми колоннами, устремляет в небеса свою увенчанную главу для одинаковой защиты своих обитателей" [1]).

Вот чего хотел Родбертус. Он ненавидел капитал,— но *как землевладелец*. Успех крупного землевладения был его целью; *на службу этой цели должен был быть поставлен также и рабочий класс*. Рабочий класс следует не освободить, но лишь настолько поднять при помощи „пропорциональной заработной платы", чтобы он мог явиться *противовесом* капиталу. Стрелкой в весах, уравновешивающей капитал и труд, должно быть землевладение, — именно *его господство устанавливает гармонию между капиталом и трудом*.

Это — гимн *юнкерского социализма*, а никак не *коммунизма*. Как можно прочесть эту книгу и после того объявлять еще Родбертуса *коммунистом*,—это тоже одна из тех вещей, для понимания которых слишком слаба моя способность абстракции.

Родбертус представлял классовые интересы крупных землевладельцев, а не трудящегося пролетариата. Он открыто высказал это и с этой точки зрения построил целую социалистическую систему. Его точка зрения не наша, но тем не менее мы уважаем его больше, чем толпу его последователей, заигрывающих с марксизмом. Родбертус, по крайней мере, имел *систему*, которую отстаивал, он оставался верен себе в общем и целом, если не считать отдельных противоречий.

Напротив, в современной, так называемой экономической науке Германии, как и других стран, утвердился самый поверхностный эклектизм, система бессистемности, которая берет из всех систем то, что пишущему в данный момент кажется наиболее подходящим.

Нашим эклектикам осталось совершенно чуждым понимание того, что всякая система представляет собою целое, из которого нельзя по произволу брать ту или иную часть, что всякую систему надо признавать или отвергать целиком. Ведь так удобно и желательно находить повсюду „здоровое зерно". Эта беспринципность так укоренилась, что ею уже гордятся, что уже больше не понимают, что каждый, оставаясь последовательным, может примыкать только к одной определенной системе; систематическое исследование

---

[1]) *Rodbertus-Jagetzow*, Zur Erklärung und Abhilfe der heutigen Kreditnot des Grundbesitzes. Iena, 1876. 2. Ausg. II, S. XI—XIX.

признается чертвой нетерпимостью, о которой „беспартийный“ мудрец говорит с сожалением и снисходительностью, бормоча в бороду о „догмах“, „инквизиторстве“, „святотатстве“ и т. п.

Господство эклектизма всегда было признаком упадка, и совершенно не случайно как раз именно та наука, которая находится под наибольшим влиянием буржуазии, — политическая экономия, — в настоящее время больше всего заражена им. Вся наша академическая политическая экономия эклектична, и эклектиками являются все те, кто жаждет ее одобрения.

Впрочем, нам не зачем огорчаться этим. Правильно указывает Маркс в своем послесловии ко второму изданию „Капитала“, что „великий теоретический смысл, который считался немецким наследственным достоянием, совершенно утрачен так называемыми образованными классами Германии, но зато заново оживает в ее рабочем классе“.

Маркс написал это в 1873 году. В настоящее время это верно больше, чем когда бы то ни было.

ИЗ НАСЛЕДСТВА РОДБЕРТУСА.

С немалым нетерпением ожидали академически-социалистические круги Германии появления литературного наследства Родбертуса, в котором надеялись найти новые и в высшей степени интересные указания насчет его конечных целей и средств к их достижению, — ожидали тем более, что сам Родбертус некоторыми своими замечаниями дал право на это рассчитывать. Со странной робостью он постоянно отказывался ясно высказаться о том, чего же, собственно, он хочет, и утешал как Лассаля, так и Рудольфа Мейера тем, что загадка социального вопроса им уже разрешена, но еще не может быть раскрыта.

„Я вообще не желаю социальной драки, — писал он как-то Р. Мейеру, — я хочу и в этом отношении *королевского мира*. Поэтому я вообще отвергаю свободный договор найма, поскольку речь идет *о высоте заработной платы*. Все прочее может оставаться свободным; относительно высоты заработной платы я требую *фиксации*, но фиксации, повышающейся вместе с ростом национального богатства. Благодаря этому я уже схожу вообще с почвы манчестерства; ваш „вопрос силы“ для меня уже не существует. *Как я осуществляю эту фиксацию, — это как раз моя тайна, мой собственный фокус*, который уже Лассаль хотел у меня выведать; он находится в № 4, „по моему делу“.

Под этим „№ 4“ значилось: „Вы уговариваете меня теперь совсем почти как Лассаль: „снимите же мистическое покрывало с своей теории заработной платы, и я ваш“. И я ответил ему, как и вам: „*Еще не время... И если меня унесет внезапная смерть, то приняты меры, чтобы план организации не пропал*“.

Родбертус умер, не приподняв своего „мистического покрывала“; его теория заработной платы осталась тайной для его самых близких приверженцев. Понятно, поэтому, с каким нетерпением ожидали появления литературного наследства Родбертуса все те, кто интересовался им.

Оно лежит теперь перед публикой, и вызвало всеобщее разочарование. И это не только наше субъективное мнение. В своем введении к последнему тому литературного на-

следства Родбертуса редактор его, профессор Ад. Вагнер, говорит:

„В последние годы в печати делались некоторые заявления, в которых, с одной стороны, жаловались на промедление в дальнейшем опубликовании наследства Родбертуса, — так как с 1878 года, когда появились письма Лассаля, наступил довольно продолжительный перерыв, — с другой стороны, неодобрительно отзывались вообще о редакторской деятельности моей и д-ра Козака. Последнее наблюдалось в особенности после появления второго тома („Капитал"), *когда у некоторых восторженных почитателей Родбертуса проявилось разочарование по поводу этого сочинения* и по поводу отсутствия дальнейшего продолжения „Социальных писем", — разочарование, вполне мне понятное, ибо я еще раньше испытал подобное разочарование и предвидел, что другие его теперь тоже должны будут испытать" (стр. XXXIV).

Новейший, третий, том из наследства Родбертуса, который теперь лежит перед нами[1]), еще усилит это разочарование, так как он едва ли содержит хотя бы одну новую мысль и в сущности не дает ничего, кроме повторения уже ранее развитых идей. Но если книга эта и представляет мало значения для политической экономи, она все же интересна указаниями, которые она дает нам о ходе развития самого Родбертуса. Поэтому, считаясь с тем влиянием, какое Родбертус оказывает в настоящее время на определенные круги Германии, необходимо дать разбор этой книги. Мы можем быть приэтом краткими, так как в нашем журнале за Родбертуса и о Родбертусе говорилось уже во многих случаях.

Сочинения Родбертуса не отличаются ни изобилием фактического материала, ни богатством разнообразных идей. Мы все снова и снова встречаем тот же самый ход мыслей и те же темы. По этому поводу тоже высказывается Адольф Вагнер (стр. 193): „Родбертус здесь только повторяет все *те же самые*, великие и сильные, поистине захватывающие, критические мысли, высказываемые часто неподражаемо-прекрасным языком, но притом все же опять-таки недостаточные, служащие только для ориентировки положительные мысли и предложения прежней статьи, — нормальный рабочий день и нормальная заработная плата, рабочие деньги".

Что придает юношеским произведениям Родбертуса интерес и привлекательность, это его горячая ненависть

---

[1]) *Rodbertus,* Zur Beleuchtung der sozialen Frage. Puttkammer und Mühlbrecht. 1885. LXIV + 284 S.

к капиталу и манчестерству, остроумное разоблачение слабых мест противника, острота и сила его ударов.

Пока Родбертус был молод и воинственно настроен, пока он вел наступление на капитал, эти его особенности проявлялись беспрепятственно; и им обязаны его сочинения с 1837 года вплоть до сороковых и пятидесятых годов своим значением и своим социалистическим характером.

Но Родбертус состарился и почувствовал себя утомленным. В шестидесятых и семидесятых годах он все более ограничивался обороной. Его точка зрения — борьба против капитала, упрочение земельной собственности путем уступок рабочему классу — развивалась уже в его первых сочинениях; но наступление на капитал преобладало в них и скрывало за собою точку зрения землевладельца, тем более, что Родбертус для усиления действия своих нападок иногда действительно становился на точку зрения рабочего класса. Но когда получило преобладание оборонительное настроение, защита интересов землевладения, тогда должна была также яснее проявиться основная тенденция его социализма.

Таким образом, мы можем различать в деятельности Родбертуса два периода, отличающиеся совершенно различным характером, хотя в самом Родбертусе за это время не произошло существенных перемен.

Для понимания этих двух периодов третий том наследства Родбертуса дает нам очень хороший материал. Мы находим в нем статью „Требования рабочего класса“, написанную в 1837 году, но рядом с нею и первый выпуск второй части трактата „К освещению социального вопроса“, занимавшего Родбертуса незадолго до его смерти и незаконченного, а также некоторый материал для третьего выпуска, который должен был указать средства и пути организации государственного хозяйства.

В качестве промежуточного звена находим мы послание Родбертуса к рабочему конгрессу во время лондонской промышленной выставки 1862 года и перепечатку „Первого социального письма“ с изменениями, сделанными самим Родбертусом для нового издания.

Уже эти изменения весьма характерны. Укажем лишь на одно из них. Там, где в первом издании стояли слова „*народная воля*“, выражение это в „улучшенном“ издании заменено Родбертусом „*государственной волей*“. Причина изменения ясна. В молодости Родбертус хотел *повернуть* капитал, — не для того, чтобы уничтожить его, а чтобы обуздать его, — и для этого ему нужен был *народ*. В старости он хотел *защитить* землевладение от *нападок* со стороны ка-

питала и труда, — и для этого ему было нужно *государство*. Вмешательство народа могло только повредить.

Таким же характером, как и эти изменения, отличается трактат „К освещению и т. д.“. Социальная реформа должна прежде всего быть полезной для землевладения: „Если это лекарство должно будет состоять в приостановке указанного постоянного падения относительной заработной платы и в принятии мер для обеспечения постоянного возрастания последней вместе с ростом национального дохода, то государству предварительно надо будет решить еще следующий вопрос. Оно должно будет сперва выяснить, можно ли, при осуществлении мероприятий, ведущих к такому повышению заработной платы, сохранить в прежнем виде отводный канал, превращающий прирост земельной ренты в капитал, или же экономическое законодательство, составляющее цель всего предлагаемого проекта, должно сперва закрыть этот канал посредством „рентного принципа“, посредством введения неподлежащего востребованию рентного долга вместо могущего быть востребованным капитального земельного долга“.

„Для сторонника указанных идей не может подлежать сомнению, что реформаторское законодательство, намечаемое приведенным проектом, *следует начать с введения „рентного принципа“* (стр. 34; подчеркнутые места подчеркнуты и в оригинале). Это значит, другими словами, что не только землевладельцы должны получить помощь, но что помощь эту они должны получить *раньше* рабочих. Должно быть обеспечено повышение земельной ренты, прежде чем приступить к тому, чтобы обеспечить рабочим их заработную плату в пропорции, существующей в настоящее время.

Но этот род социальной реформы никоим образом не должен являться *переходной стадией* к коммунизму. В годы наибольшего своего энтузиазма Родбертус видел в коммунизме лишь мечту возможного будущего. В более зрелом возрасте он объявлял специальной задачей своей реформы сделать коммунизм невозможным.

В рассматриваемой книге помещена в качестве материала к положительным планам Родбертуса статья, принадлежащая не самому Родбертусу, но им одобренная и снабженная примечаниями. В ней говорится: „Они (социальные реформы) не должны, далее, сводиться к мероприятиям, которые прямо или косвенно ограничивают производственно-хозяйственное *единовластие* отдельного предпринимателя в распоряжении своим капиталом или земельной собственностью или же *могут со временем повести к такому ограничению*. Они, напротив, должны *сохранить*

и усовершенствовать (!) *чистую систему наемного труда*, так что задачи, которыми должны ограничиться стремления к смягчению или решению социального вопроса, можно точнее наметить так: как обеспечить рабочим возрастающую вместе с возрастанием национального дохода *заработную плату*? (стр. 261).

А раньше говорится (стр. 257): „Стремления к смягчению или решению социального вопроса должны ограничиться задачей: как при сохранении современных социальных основ — свободного труда и земельной и капиталистической собственности — обеспечить труду доход, возрастающий вместе с возрастанием национального дохода?“ Родбертус замечает по этому поводу: „Посредством этого *ограничения*, содержащегося в формулированной таким образом задаче, будет, с одной стороны, *положен конец всем социалистическим или коммунистическим заблуждениям*; с другой стороны, благодаря *положительному требованию*, заключающемуся в ней, будет *выполнена* заповедь справедливости по отношению к рабочему классу, заповедь „каждому свое“.

Таково последнее слово Родбертуса в социальном вопросе: уничтожение „социалистических и коммунистических заблуждений“ посредством регулирования заработной платы, которое само по себе уже достаточно для рабочего класса.

Таким образом, Родбертус не был коммунистом; его враждебность к коммунизму была лишь более благоразумна, чем у манчестерцев.

Эта точка зрения Родбертуса, столь ярко выступающая в его литературном наследстве, отнюдь не удивила нас; мы могли уже наблюдать ее раньше, хотя он не всегда высказывался так откровенно, как в „Kreditnot“. Одно, впрочем, удивило нас с первого взгляда в оставленном им сочинении „К освещению и т. д.“. II часть, а именно проникающее его мистическое, религиозное настроение, раньше совершенно чуждое трезвому Родбертусу. Уже начало обнаруживает его: „Всякая жизнь, как небесная, так и земная, триедина“. И затем всевозможные явления в природе, в государстве и обществе подводятся под эту точку зрения триединства.

На стр. 62 он повторяет свое излюбленное построение истории, согласно которому существуют три вида государственного строя: языческо-античный, католически-германский (раньше называвшийся им христианско-германским) и будущий, христианско-социальный. В предыдущих произведениях Родбертус делал указания на „организованное человеческое общество“, которое должно явиться конечным

этапом исторического развития: здесь мы остаемся в неизвестности относительно того, явится ли этим конечным этапом христианско-социальный государственный порядок, или нет. Каждый из этих государственных строев Родбертус подразделяет на четыре ступени развития: каждая, по его словам, начинается с религиозного государства, теократии в древности, церковного государства в средние века [1]). Затем он продолжает: „Как видим, существует аналогия в последовательности ступеней развития государства в обоих видах государственного строя. Если *неизбежно* вслед за католическо-германским государственным строем должен последовать *христианско-социальный* строй, признаки которого уже проявляются во всей триединой жизненной сфере нашего современного государства, то и он обнаружит такое же чередование ступеней развития (!), как и оба предшествующие государственные строя. А именно, в предстоящем государственном строе *первая* ступень развития государства будет *носить преимущественно религиозную оболочку,* с тем лишь отличием, что христианская вера примет уже научный характер; ибо новые правовые экономические теории сами по себе не обладают творческой силой, чтобы вдохнуть жизнь в новый государственный строй, если даже они, служа *видоизменному христианскому пониманию, утверждающему свое первенство,* должны будут итти вместе с ним, в соответствующем новом обосновании в своей собственной области".

Это мистическое построение истории, основанное на простой игре цифрами и именами, в своих конечных выводах долженствующее оказаться столь же ошибочным, как оно оказалось уже таковым в своем исходном пункте, — это построение истории показалось нам с первого взгляда абсурдным, и тем не менее оно находится в логической связи со всем мировоззрением Родбертуса.

---

1) Представление Родбертуса об античной истории совершенно произвольно и давно уже опровергнуто результатами современного исторического исследования. Родбертус еще в первые десятилетия нашего века держался того ходячего взгляда, что условия жизни Египта, рисуемые нам греческими писателями, особенно Геродотом, представляли собою начало исторического развития. Ныне, когда в значительной мере изучены памятники Египта, мы знаем, что период, втечение которого Египет был своего рода теократией, находится не в *начале*, а в *конце* развития этой страны в качестве самостоятельного государства. Фараоны пользовались в Египте божескими почестями при условиях, которые, если уже сравнивать их, больше всего соответствуют условиям римской императорской эпохи, когда императоры тоже пользовались божеским почитанием. Полис, т.-е. самостоятельная, самоуправляющаяся община, которую Родбертус признает заключительным звеном государственного развития древности, на самом деле существовал в его начале. Таким образом Родбертус в угоду своей схеме перевернул фактические отношения.

Он прав: новые *теории* не могут создать новое общество. И так как Родбертус не хотел ничего слышать о классовой борьбе, как движущем элементе истории, так как, чем старше он становился, тем более пугливо он отворачивался от рабочего движения, между тем как, с другой стороны, не находил понимания у своих собратьев по классу и у государства, то ему не оставалось ничего другого, как ожидать от религии того толчка, который сделает новое общество действительностью. И так как фактические отношения совсем не указывали ему на пришествие господства религии, ему не оставалось ничего иного, как при помощи мистических измышлений предсказывать это пришествие.

Но это вышеприведенное место ясно показывает, что Родбертус чувствовал — хотя и не признавался себе в этом,— что потерпел неудачу в своих стремлениях. Он потерпел неудачу не по своей вине, не потому, что силы отказались ему служить, а потому, что он затеял невозможное. Он хотел остановить колесницу мировой истории или, по крайней мере, замедлить ее бег. Он хотел спасти землевладение, но не при помощи применения насильственных средств, а путем компромисса с рабочим классом.

Если мы утверждаем то, что постоянно утверждал и сам Родбертус, а именно, что он был консерватором, то нам отнюдь не приходит в голову умалить его достоинства. К какому партийному направлению принадлежит тот или иной человек, определяется в существенном окружающими его условиями, классом, к которому он принадлежит по рождению, его отношением к этому классу, его средой, его интересами и бесчисленными другими влияниями. Говоря о человеке, что он консерватор или революционер, мы этим не высказываем своего суждения о его умственных способностях, о его научных заслугах. Духовная одаренность того или иного человека сказывается не столько в выборе партии, сколько в способе, каким он служит своей партии, беря здесь партию в самом широком смысле слова.

Если мы таким образом утверждаем, что Родбертус был консерватором, то тут нет никакого преуменьшения его духовных дарований. Мы считаем вопрос о том, как велика была умственная сила того или иного человека, незначительным в сравнении с вопросом, правильна или нет его точка зрения и то, что он привел в ее защиту. Но если мы хотим заняться вообще вопросом о величии Родбертуса, то он может лишь выиграть,— мы утверждаем это,— если его будут изображать таким, каким он был, т. е. консерватором, и не станут приписывать ему коммунистических взглядов и целей, которых он никогда не разделял.

Если признавать его коммунистом, то его положительные предложения, за которые он так упорно держался, и прежде всего его нормальный рабочий день, робки и мелки. В качестве коммуниста Родбертус представляется нам близоруким, а его предложения совершенно недостаточными даже только для ближайшего будущего. Но если мы признаем его консерватором, то мы должны будем удивляться его широкому взгляду, который позволял ему понимать опасности борьбы и преимущества союза с рабочим классом в то время, когда последний — по крайней мере в Германии — еще не пробудился для классового сознания. Если Родбертус был консерватором, то недостаточность его предложений является следствием не его робости, мелочности и близорукости, а сверхчеловеческой трудности той задачи, на которую он отважился: установление равновесия между капиталом и трудом с землевладением в качестве высшего третейского судьи. В качестве консерватора, среди консерваторов, Родбертус блестящая фигура; в качестве коммуниста, среди коммунистов, он является звездой третьей величины.

Поэтому тот, кому действительно желательно видеть признанным значение Родбертуса, воздаст должное истине, поставит Родбертуса в один ряд с лордом Эшли, Карлейлем, Дизраэли, Сисмонди, Виллльнев-Баржемоном, Ламеннэ и откажется от бесплодных попыток протащить контрабандой Родбертуса в среду таких людей, как Оуэн, Фурье, Вейтлинг, Маркс, с которыми он никогда не хотел иметь ничего общего.

О БРЕНТАНО.

КАК БРЕНТАНО УНИЧТОЖАЕТ МАРКСА.

Не проходит года, чтобы „Капитал“ Маркса не подвергался несколько раз литературной казни; не проходит десятилетия, чтобы он не оживал опять в новом издании: первое появилось в 1867 году; уже в 1872 году потребовалось второе, в 1883 году появилось третье; наконец, совсем недавно, несколько месяцев тому назад, вышло четвертое. Хотя последние два издания появились после смерти автора, каждое из них выпускалось в исправленном виде. Для третьего издания можно было еще использовать кое-что из литературного наследия самого Маркса: некоторые отмеченные Марксом места из французского издания „Капитала“, вышедшего в 1873 году, и различные изменения, сделанные Марксом в принадлежавшем ему немецком экземпляре 1872 года, были введены в издание 1883 года.

В четвертое издание [1]) Энгельс, редактор посмертных трудов Маркса, внес еще несколько дальнейших прибавлений из французского издания, затем, как уже и в третьем издании, „он сделал несколько пояснительных добавочных примечаний, именно там, где этого, казалось, требовали изменившиеся исторические условия“.

Большинство вставок относится к последнему роду: таково, например, примечание на странице 468, обсуждающее Factory and Workshop Act 1878 года. Некоторые же примечания имеют характер, хотя и очень сжато изложенных, теоретических пояснений. Так, например, на странице 7, где идет речь об определении товара, Маркс пишет: „Тот, кто продуктом своего труда удовлетворяет свою собственную потребность, создает лишь потребительную стоимость, но не товар. Чтобы произвести товар, он должен произвести не просто потребительную стоимость, но потребительную стоимость *для других*, общественную потребительную стоимость“ [2]); Энгельс прибавляет: „и не только для других

---

1) „Das Kapital: Kritik der Politischen Oekonomie“, von *Karl Marx*. Hamburg, O. Meissner, 1890. XXXII — 739 S.

2) Цитируется по русскому изданию 1920 г., в переводе под ред. В. Базарова и И. Степанова.

вообще. Часть хлеба, произведенного средневековым крестьянином, отдавалась ввиде оброка сеньеру, часть — ввиде десятины — попам. Но ни хлеб, отчуждавшийся ввиде оброка, ни хлеб, отчуждавшийся ввиде десятины, не становился товаром вследствие того только, что он произведен для других. Для того чтобы стать товаром, продукт должен быть передан посредством *обмена* в руки того, кому он служит в качестве потребительной стоимости". И в примечании Энгельс добавляет: „Я делаю эту вставку, ибо из-за ее отсутствия очень часто возникало недоразумение, будто по Марксу всякий продукт, потребляемый лицом, не произведшим его, является товаром".

Эта вставка тем важнее, что грубейшие недоразумения в области марксовой теории стоимости происходят от непонимания природы товара. Очень немногие из лиц, изучающих „Капитал", могут вполне освободиться от школьной учености, которая знает только стоимость „благ", т. е. потребительную стоимость, но не стоимость товаров.

Дальнейшее преимущество четвертого издания по сравнению с прежними заключается в том, что многочисленные цитаты в нем тщательно проверены. Необходимость этой проверки была вызвана переводом „Капитала" на английский язык; работа проверки была проделана Элеонорою Маркс-Эвелинг с величайшей добросовестностью, так что были устранены все неточности, которые совершенно неизбежно должны были вкрасться в столь обширное сочинение, над огромными материалами которого автор трудился свыше двух десятков лет. „Сравнив четвертое издание с предыдущим, — говорит Энгельс в своем предисловии, — читатель убедится, что весь этот кропотливый процесс исправления, тем не менее, не изменил в книге ничего такого, о чем стоило бы особо упоминать. Только одной цитаты совсем не удалось найти... Маркс, по всей вероятности, неверно указал название книги. Все остальные цитаты сохранили вполне свою силу или даже усилились, когда они приводятся точно, как в настоящем издании" (стр. XXIII немецк. изд., стр. XXIV—XXV указан. русск. изд.).

По поводу этой цитаты Энгельс счел необходимым „вернуться к одной старой истории", побудившей его впоследствии выпустить свою последнюю, только что появившуюся брошюру [1]), в которой трактуется о том, „как цитирует Карл Маркс", или, вернее, о том, как его заставляет цитировать господин профессор Луйо Брентано.

---

[1]) *Fr. Engels,* In Sachen Brentano contra Marx wegen angeblicher Zitatsfälschung. Geschichtserzählung u. Dokumente. Hamburg, O. Meissner, 1891. 75 S.

Повидимому, Брентано питает к Марксу особую ненависть. Нам сдается, что на-ряду с враждебностью, которую всякий немецкий профессор политической экономии должен, так сказать, по обязанностям службы демонстрировать в отношении Маркса, Брентано питает еще затаенную злобу несчастного конкурента, — конкурента *по ввозу английских товаров*.

Это произошло следующим образом. Когда в шестидесятых годах везде в Европе стало вновь пробуждаться рабочее движение, назрела потребность в возникновении такой организации, которая создавала бы более тесный контакт и большую согласованность между отдельными движениями отдельных стран и сообщала бы движениям в отсталых экономически и политически странах опыт более передовых.

Организацией, поставившей себе эти задачи, был „Интернационал", продолжение старого Союза коммунистов. Как Маркс был душою этого союза, так, в еще большей степени, он стал душою „Интернационала", в президиуме которого, Генеральном совете, он был самым выдающимся участником не только по познаниям и опыту, но и по усердию и интенсивности работы. О Марксе получают совершенно неверное представление, когда считают его только человеком серой теории, не имевшим никакого понятия о требованиях жизни. И именно деятельность его в „Интернационале" доказала самым блистательным образом, что он был выдающимся агитатором и организатором. „Интернационал" состоял из самых разношерстных элементов: английские тред-юнионисты, французские прудонисты и бланкисты, германские лассальянцы рядом со старыми вейтлингианцами и поборниками рабочих образовательных союзов. Связывать эти элементы и исподволь вести их к единому сознанию и при этом не сказать и не написать никогда ни одного слова, идущего вразрез с усвоенным теоретическим пониманием, ни одного неточного или неясного слова, — это требовало в такой же мере мудрости и терпимости в данных условиях, как и точного знания фактических условий в отдельных странах и теоретического разумения, улавливающего каждую отдельную из этих фаз рабочего движения, а также возвышающегося над каждой из них.

Одною из главных задач, которые „Интернационал" ставил себе под влиянием Маркса, была пропаганда введения законодательства об охране труда и распространение профессионального движения на континенте; при этом на первых порах „Интернационал" встречал препятствия не только со стороны господствующих классов, но зачастую и со стороны социалистов, опасавшихся, что профессиональные

союзы ослабят революционное движение, которое должно было вызвать общественный переворот при помощи производительных товариществ и взаимного кредита.

Уже в „Учредительном адресе“ „Интернационала“ (1864 г.) Маркс указал на благоприятные последствия десятичасового рабочего дня в Англии. „После тридцатилетней борьбы, которая велась с поразительной выдержкой, английскому рабочему классу удалось использовать временные раздоры между земельными и денежными лордами и провести *билль о десятичасовом рабочем дне. Огромные физические, моральные и интеллектуальные выгоды, которые этот билль доставил фабричным рабочим*, отмечаются каждые полгода в отчетах фабричных инспекторов и *в настоящее время получили всеобщее признание*“.

На Женевском конгрессе (1866 года) Генеральный совет „Интернационала“ (т. е., очевидно, Маркс) требовал в докладной записке восьмичасового нормального рабочего дня и высказался, между прочим, следующим образом о *профессиональных союзах:*

„Непосредственная цель профессиональных союзов ограничивается поэтому необходимой повседневной борьбой рабочих с капиталом, обороной от беспрестанных злоупотреблений со стороны капитала, словом — вопросами заработной платы и рабочего времени. Эта деятельность профессиональных союзов не только законна, но и *необходима*. Она неустранима, пока продолжает существовать современное общество. Более того, ей должен быть придан *всеобщий характер* путем соединения профессиональных союзов всех стран“.

„С другой стороны, профессиональные союзы стали, не сознавая этого, организационными центрами для рабочего класса, какими были средневековые муниципалитеты и коммуны для буржуазии. Если по первому из указанных своих свойств профессиональные союзы представляются безусловно необходимыми для повседневных боев труда с капиталом, настоящих партизанских схваток, то по второму своему свойству они еще гораздо важнее, как организованные орудия уничтожения системы наемного труда и самого господства капитала“.

Но подъем рабочего движения, призвавший к жизни „Интернационал“, заставил и врагов социализма заняться этим движением. В известном смысле, германская буржуазия в шестидесятых годах была еще революционною; для своего расцвета она нуждалась в „ниспровержении существующего строя“, которое и осуществилось фактически в 1866 — 1870 годах. Она нуждалась в поддержке рабочего

класса; она должна была скорее стремиться использовать в своих интересах его движение, чем подавить его.

То состояние, какого жаждал для себя с таким вожделением немецкий либерал в шестидесятых годах, в Англии тогда как раз осуществилось, стало реальностью. Руководящие слои рабочего класса, добившиеся уже в 1847 году первого из двух главных требований чартизма, — билля о десятичасовом дне, добились в 1867 году, ввиде избирательной реформы, давшей им избирательное право, осуществления второго требования чартистов, хотя и в искаженной форме. Благодаря этому замерли последние отголоски чартистского движения. На время руководящие слои английского рабочего класса были умиротворены как в политическом, так и в экономическом отношении. Английская буржуазия, в конце концов, вошла в сделку с профессиональным движением, после того как все ее попытки подавить его оказались тщетными: приходилось мириться с обстоятельствами. С 1868 года наступила для английских рабочих полная свобода коалиций; бесправие их профессиональных союзов прекратилось.

Рядом с этим шел беспримерный промышленный расцвет, хотя и прерываемый кризисами, как результат особенно благоприятного, исключительного положения Англии на мировом рынке. Львиную долю барышей пожала, конечно, буржуазия; но скромная толика, при создавшихся благоприятных условиях, досталась и рабочей аристократии.

Стечение всех этих обстоятельств привело к тому, что высшие рабочие круги Англии, которые одни только и попадали в кругозор поверхностных наблюдателей, с конца шестидесятых годов все более мирились с существующим порядком, что они, эти бывшие передовые бойцы рабочего класса в Европе, отреклись от классовой борьбы. Это отнюдь не означает, что они без сопротивления давали сдирать с себя шкуру. Они умели решительно охранять свои интересы, стачка сделалась постоянным явлением в стране гармонии между капиталом и трудом. Но борцам недоставало сознания классовой противоположности. Борьба рабочих с капиталистами приняла такой, примерно, характер, как взаимные тяжбы капиталистов между собою.

Английские буржуа вообразили, что добились, наконец, примирения рабочих с существующим строем. Они проглядели, что этим они обязаны временным, исключительным условиям; они проглядели, что и эти условия действительны лишь для небольшой части рабочего класса. Охрана труда и, в особенности, свобода союзов — без которых, правда, и это преходящее и условное примирение не было бы воз-

можно — показались им всемогущими средствами „разрешения социального вопроса", везде и при всяких обстоятельствах.

Итак, то, что пришлось отвоевать у английской буржуазии в ожесточенных боях, длившихся целые десятилетия, часто с применением величайших актов насилия; что казалось ей равнозначащим разрушению промышленности и гибели культуры, — то самое прославлялось теперь тою же буржуазией как достижение культуры, как преимущество ее страны, которым она имеет полное основание гордиться.

Буржуазия упрекает социал-демократию за то, что она, будто бы, не умеет вести положительную работу, что она только критикует и брюзжит. На самом же деле, ни один осуществимый и действительно полезный проект реформы в области рабочего вопроса не исходит от буржуазии. Ибо под „положительными предложениями" она понимает лишь такие, которые не только не требуют никаких издержек, но приносят еще немедленный барыш. Все опыты реформ, исходившие от буржуазии, оказывались или неосуществимыми, или шарлатанскими. Всякая действительная социальная реформа исходила от рабочих, и, прежде всего, от их передовых борцов, она встречала самое упорное сопротивление со стороны буржуазии и каждый раз могла быть ей навязана только силой. „Положительная" деятельность буржуазии в области социальной реформы состоит лишь в том, что она старается фальсифицировать положительное устремление и творчество пролетариата и его передовых борцов и, по возможности, исказить их до полной противоположности [1]). Когда ей в этой ее „диалектической" деятельности мешает критика социалистов, она подымает крик по поводу того, что социалисты сами ничего не создают и находят дьявольскую радость в нарушении положительной, честной работы других.

Отношение между капиталом и тред-юнионами, которое английские буржуа находили вполне удовлетворительным,

---

[1]) Так произошло не только с законодательством об охране труда и профессиональным движением, но уже и раньше с производительными товариществами. „Когда Роберт Оуэн в самом начале второго десятилетия этого века не только теоретически выступил за необходимость ограничения рабочего дня, но и действительно ввел десятичасовой день на своей фабрике в Нью-Ланарке, этот опыт подняли на смех как коммунистическую утопию, — совершенно так же, как и его соединение производительного труда с воспитанием детей или вызванные им к жизни кооперативные начинания рабочих. В настоящее время первая из утопий сделалась фабричным законом, вторая фигурирует ввиде официальной фразы в каждом „Factory Act" (фабричном законе), а третья даже играет роль личины, прикрывающей реакционное шарлатанство" (*Маркс*, Капитал, т. I, стр. 263 нем. изд., стр. 284 указ. русск. изд.).

показалось прямо-таки идиллическим либеральным доктринерам, приезжавшим к концу шестидесятых годов из Германии в Англию и замечавшим лишь преходящую видимость вещей.

Приблизительно одновременно (1868 год), гг. *Макс Гирш* и *Луйо Брентано* предприняли свои „исследовательские“ поездки в Англию. Полученные там впечатления настолько их вдохновили, что по приезде домой они сейчас же, без дальнейших околичностей, претворили их в дело: господин Макс Гирш приступил в 1869 году к основанию профессиональных союзов, у которых должно было быть вытравлено жало каких бы то ни было антикапиталистических тенденций, а господин Брентано написал книгу „Die Arbeitergilden der Gegenwart“ (первый том появился в 1871 году, второй — в 1872 году), в которой возвестил германскому народу, что обрел в английских тред-юнионах с их примирительными камерами панацею, великое средство примирения рабочих с современным обществом.

Правда, этим господам заранее не следовало рассчитывать на слишком большой успех. Недоставало и недостает тех материальных предпосылок, которые в Англии временно сделали возможным перемирие между капиталом и трудом.

Но временно все-таки эти господа могли бы иметь успех. Быть может, им удалось бы на время завлечь пробуждающееся германское рабочее движение, в наиболее значительной его части, в либеральное русло и затормозить развитие социал-демократии, если бы она, следуя примеру более ранних социалистов, отнеслась отрицательно к профессиональному движению. Так случилось в Англии, где в свое время такую позицию заняли последователи Оуэна, чем немало способствовали тому, что в английское профессиональное движение могли проникнуть тенденции, враждебные социализму.

И в Германии грозила опасность, что социал-демократия выступит против стремлений к развитию профессионального движения. Ни те социалисты, которые еще находились под влиянием старого социализма эпохи до 1848 года, ни те, которые стояли на ортодоксальной лассалевской точке зрения, ничего не хотели слышать о профессиональных союзах. Но их сопротивление с каждым днем ослабевало. Как мы видели, Генеральный совет „Интернационала“ и по его инициативе Женевский конгресс объявили профессиональное движение необходимостью; с тех пор не только в „Интернационале“, но и в лассалевском Всеобщем германском союзе рабочих все более усиливалось течение, стремившееся к созданию профессионального движения,—

в последнем в особенности под влиянием Фрицше и Швейцера, который был если не человеком характера, то, во всяком случае, большого таланта; он был одним из первых, понявших „Капитал“ Маркса и сделавших его доступным пониманию масс. Он понял сейчас же и необходимость профессионального движения.

Уже в 1867 году Фрицше приступил к основанию всеобщего союза рабочих сигарного производства, который был связан с Центральным комитетом „Интернационала“. В 1869 году приняло большие размеры основание профессиональных союзов социалистами, главным образом — членами „Интернационала“ (в особенности следует назвать Т. Иорка).

Как везде на европейском континенте, так и в Германии профессиональное движение и агитация за законодательную охрану труда начали усиливаться под влиянием „Интернационала“ и учения Маркса. Этому, прежде всего, следует приписать, что профессиональные союзы в Германии с самого начала выступили как организации борьбы, а не как органы гармонии между капиталом и трудом.

Когда гг. Гирш и Брентано выступили на сцену, было уже слишком поздно. Ни агитация первого, ни ученые книги второго не могли уже повлиять на германское профессиональное движение. „Интернационал“ так рано ввез и так широко распространил настоящий товар, что плохие подделки гг. Гирша и Брентано не находили уже сбыта.

Для нас вполне понятно, что от такой неудачи можно притти в ярость, и этому обстоятельству мы приписываем то, что г. Брентано питает ненависть к Марксу еще в более значительной степени, чем это свойственно среднему немецкому профессору, ненависть, которая его совершенно ослепляет, когда заходит речь об его противнике.

Эта слепота сыграла с г. Брентано не одну злую шутку, но как ни заманчиво заняться этой темой, мы ограничимся здесь лишь одною из этих шуток, послужившею сейчас поводом к последней брошюре Энгельса.

Зимою 1871 — 1872 года, будучи занят разработкой второго тома своей книги „Arbeitergilden“, Брентано нашел повод — мы следуем здесь его собственному изложению — сравнить цитату из одной бюджетной речи Гладстона, приведенную Марксом в его „Учредительном адресе“, с официозным парламентским отчетом („Hansard“) [1]). Тут он сде-

---

[1]) Отчет называется так по фамилии парламентского типографа. Официального стенографического парламентского отчета англичане не имеют. Существуют, с одной стороны, газетные отчеты, основанные на стенографиче-

лал открытие, что очень важное место цитаты в протоколе отсутствует. Гладстон говорил о „головокружительном росте богатства и могущества", наступившем в Англии в период 1853—1861 годов, и, по цитате Маркса, прибавил, что этот рост *„ограничился исключительно и только имущими классами!"*

Этой фразы в „Хансарде" нет.

Г-н Брентано решил тотчас же поведать о своем открытии миру. Это было само по себе, конечно, похвальное предприятие. Своеобразна была лишь манера его осуществления. Странно было уже то, что столь дружески расположенный к рабочим г. Брентано выбрал для напечатания своей заметки из выходивших в то время журналов — наиболее враждебный рабочим, „Конкордию", орган германского союза фабрикантов. Но нельзя сказать, что он сделал плохой выбор. Он вполне соответствовал содержанию публикации г. Брентано. Не имея никакого понятия о том, каким путем Маркс пришел к своему утверждению, он возгласил, ничтоже сумняшеся: *„Маркс формально и материально присочинил эту фразу"*.

Но еще гораздо более странным представляется нам то обстоятельство, что г. Брентано сделал такой оскорбительный выпад, не называя своего имени. Статья появилась без подписи.

Впрочем, у г. Брентано были для этого свои очень основательные мотивы. Он сам их нам сообщает: „Статья не была мною подписана; это произошло, с одной стороны, по желанию редакции, *в интересах репутации ее органа;* с другой стороны, я тем менее мог против этого возражать, что, судя по прежней литературной полемике Маркса, следовало ожидать, что он и на этот раз обрушится на своего противника с личными нападками, и поэтому могло быть только *забавно* оставить его в неведении относительно личности его противника".

Мы не сомневаемся, что редакция „Конкордии" опасалась скомпрометировать себя связью с г. Брентано. Не удивляет нас и то, что Брентано находил совместимым со своим достоинством писать для органа, который боялся уронить свою репутацию открытым его сотрудничеством. Но мы никогда не поверили бы, что господин профессор

ских записях парламентских репортеров, и с другой — публикуемые в „Hansard", ввиде книги, экстракты речей, собственноручно исправленные до напечатания и более или менее переработанные самими парламентскими ораторами. — *Прим. ред.*

такой шутник, что для увеселения публики готов дать себя заподозрить в трусости. Это совершенно не вяжется с патетическим стилем его писаний. Но юмористическая жилка у него, повидимому, тем сильнее, чем более она скрыта. Ибо во все продолжение последовавшей полемики г. Брентано упорно хранил свою анонимность. Он до конца не открыл себя противнику. Такая выдержка увенчалась заслуженным успехом. Маркс, который мог судить только на основании существа нападок и характера органа, в котором они появились, был этим, действительно, настолько введен в заблуждение, что принял ученого господина профессора за невежественного, ограниченного фабриканта, который, „как бы ни был сведущ в фальсификации товаров, так же способен к оценке литературного товара, как осел — к игре на лютне“. Какая забавная мистификация!

Однако Брентано не мог воспрепятствовать тому, чтобы ответ Маркса имел и свои серьезные стороны. Маркс указал, что фраза, которую он будто бы „присочинил“, находится в *различных* отчетах о речи Гладстона, произнесенной 16 апреля 1863 года, отчетах, появившихся *до* „Учредительного адреса“, как, например, в „Times“ от 17 апреля того же года. И если в „Хансарде“ этой фразы нет, то объясняется это, конечно, тем, что Гладстон, как и другие парламентские ораторы, при редактировании внес в свою речь исправления.

Таким образом, не могло уже быть речи о том, что *Маркс присочинил фразу*. Если честный человек по заблуждению оскорбил честь другого человека, он открыто признает это в публично принесенном извинении, как только выяснилось, что он заблуждался. Г-н Брентано, повидимому, мало понятлив, так как он не только не признал, что был неправ, приписывая Марксу подлог, а, напротив, вновь и вновь поддерживал свое утверждение.

Чтобы оставить в силе свое утверждение, г-н Брентано состряпал себе своеобразную дефиницию лжи. Он отказывается от своего утверждения, что Маркс сам присочинил фразу, о которой идет речь; но эта фраза в той форме, в какой Маркс нашел цитату в своем источнике, не имеет смысла, т.-е. в том толковании, которое г. Брентано дает этому месту и которое, конечно, является единственно возможным; Маркс должен был понять, что фраза лишена смысла, что, следовательно, она не могла быть произнесена в той форме, в которой он ее привел; если он, тем не менее, повторил это место без изменения, как его на-

шел, то, значит, он „нагло солгал“ и „подло“ „подтасовал“ [1]).

Пред лицом такой глубокомысленной дефиниции лжи и фальсификации наши читатели избавят нас от необходимости вести их через лабиринт брентановской интерпретации речи Гладстона, как всегда, запутанной, — интерпретации, имеющей доказать, что марксово понимание спорного места невозможно, а брентановское — единственно правильное. При вышеописанном положении вещей вопрос о том, какое понимание является правильным, не имеет абсолютно ничего общего с вопросом, „присочинил ли“ Маркс спорное место „формально и материально“; дискуссия по этому поводу может повести лишь к тому, чтобы отвлечь внимание от существа дела.

Маркс счел излишним ответить Брентано больше двух раз. За Брентано осталось последнее слово — не дошедшее, впрочем, до Маркса, — и он из молчания своего противника сделал, конечно, вывод, что тот больше не осмеливается отвечать. Он повторил поэтому в 1877 году в своей не анонимно выпущенной книге о „Трудовом отношении по современному праву“ („Das Arbeitsverhältnis gemäss dem heutigen Rechte“, S. 358, Note 40) свое обвинение Маркса в „подделке“ цитаты из гладстоновской речи. Маркс умер, однако, так и не узнав имени поразившего его на смерть анонимного рыцаря чести, впрочем, не удосужившись, вероятно, и поинтересоваться им.

Едва только умер Маркс, забытое обвинение было вновь извлечено на свет некиим г. Седли Тэйлором, поведавшим миру в письме в „Times“ от 29 ноября 1883 года, что умерший незадолго перед тем Маркс был, собственно говоря, убит уже в 1872 году г. Брентано. Элеонора Маркс-Эвелинг послала в „Times“ опровержение, но эта газета с благородством, подобающим буржуазному мировому органу, утаила

---

1) „Лжет ли кто-нибудь только тогда, — вопрошает г. Брентано в своем возражении, — когда сам сочиняет небылицу, или, напротив, не лжет ли он в той же мере, когда повторяет ее с чужих слов, вопреки тому, что лучше знает или должен (!) знать („gegen besseres Wissen oder Wissenmüssen“)? Мы полагаем, что ответ стоит вне всякого сомнения. А, во-вторых, разве Маркс, повторяя заключающуюся в „Theory of Exchange“ (где находится эта фраза) неправду, но сделал это вопреки тому, что лучше знал или, по крайней мере, должен был знать? И здесь ответ ясен. Первое правило всякой интерпретации г. Марксу, несомненно, хорошо известное, заключается в том, чтобы места, которые на первый взгляд содержат противоречия и поэтому бессмысленны, интерпретировать так, чтобы противоречие отпало, а если данный текст такой возможности не допускает, скорее приступить к критике текста, чем признать наличность противоречия“ и т. д.

опровержение, и его пришлось напечатать в социалистическом ежемесячнике „To Day“.

Проверка Элеонорою Маркс цитат в „Капитале“, которая показала, что во всем первом томе не нашлось ни одной существенной ошибки, а лишь местами опечатки и тому подобные мелкие упущения, дала Энгельсу повод, как уже было упомянуто, коснуться в его предисловии к 4-му изданию также и предъявленного г. Брентано обвинения.

На это г. Брентано, как всегда нравственно возмущенный и как всегда самодовольный, ответил в „Deutsches Wochenblatt“ статьей, которая была выпущена с приложениями в виде отдельной брошюры под заглавием „Моя полемика с Карлом Марксом“ („Meine Polemik mit Karl Marx“). Различные положения этой брошюры были уже освещены Э. Бернштейном в его серии статей о железном законе заработной платы („Neue Zeit“, 1890—1891 г., т. I, стр. 294 сл.).

В этой статье г. Брентано ликует по поводу того, что германская социал-демократия будто бы покинула в последнее время революционную почву, ибо — слушайте и изумляйтесь! — Бебель недавно „указал, как на практическую цель, к которой следует стремиться, на действительную охрану труда“, и „конгресс в Галле признал большую важность энергичной организации профессиональных союзов“. Это пишет тот самый г. Брентано, величайшее горе которого заключалось в том, что германская социал-демократия раньше его поняла значение рабочего законодательства и профессиональных союзов!

К истории цитаты брошюра не дает ничего нового. Г-н. Л. Брентано, повидимому, почувствовал, что его „мотивы“ для оставления в силе упрека в подлоге довольно легковесны, и обратился к Гладстону за поддержкой. Но, повидимому, то, что написал Гладстон, не вполне соответствовало намерениям г. Брентано. Ибо вместо двух писем он предоставил редакции „Deutsches Wochenblatt“ для опубликования лишь две ничего не говорящих маленьких фразы из них. Энгельс в „Neue Zeit“ (1890—1891 г., т. I, стр. 425) предложил Брентано опубликовать письма целиком, но г. Брентано упорно сохранил их для себя.

Упомянутая нами уже в самом начале брошюра Энгельса образует пока заключительное звено всей полемики, которая тянется уже без малого двадцать лет и размеры которой были бы прямо смешны, если бы все сводилось только к правильной или неправильной передаче одной небольшой фразы, если бы г. Брентано и его последователям не заблагорассудилось, опираясь на нее, бросить

Марксу упрек в нечестности и лживости, а тем самым обвинить его последователей в неспособности отличать правду от лжи [1]).

В начале второго своего возражения, которое заканчивается словами: „брань есть оружие того, у кого исчерпались прочие средства защиты", г. Брентано разразился возмущением по поводу *„упорной лживости*, с которою Маркс держится... за фальсифицированную цитату", и находит ее удивительною „даже в том, у кого *все средства хороши* для его разрушительных планов". Брентано возмущен тем упорством, с которым общественный деятель, на честь которого он напал с таким неслыханным легкомыслием, отражает эти нападки; его собственное „упорство" в непрестанном повторении этих нападок представляется ему, конечно, очень возвышенным.

Брошюра Энгельса, на-ряду с обстоятельным изложением всей этой довольно сложной истории, приводит не только весь относящийся сюда материал, весьма разросшийся,— она бросает также некоторый ретроспективный свет на то утверждение, что в конце пятидесятых и начале шестидесятых годов положение английского рабочего класса, по Гладстону-Брентано, „беспримерно" улучшилось. Мы видим из брошюры, какие жалкие условия жизни рабочих могут казаться блестящими буржуазному уму.

К сожалению, эти экскурсии занимают лишь несколько страниц. Преобладающая часть брошюры посвящена исключительно г. Брентано. И об этом приходится очень жалеть. „Анти-Дюринг" Энгельса в настоящее время, после того как Дюринг давно забыт, является, вслед за „Капиталом", важнейшим трудом в нашей литературе. Настоящая брошюра устареет, как только г. Брентано потеряет для кого бы то ни было всякий интерес.

Впрочем, мы можем надеяться, что она, тем не менее, долго еще не устареет. Г-н Брентано — не Дюринг, его убеждения никогда не заградят ему путь к академической и житейской карьере. Друг рабочих, который поместил свою полемику в органе „Союза фабрикантов", давшем ему приют только как анониму, может еще далеко пойти. Можно поэтому ожидать, что полемическая брошюра Энгельса против Брентано не устареет так скоро, а, напротив, приобретет еще больший интерес.

---

1) „Самохвальством", по мнению Брентано, поддерживалась вера читателей „Volksstaat'a" в их оракула.

БРЕНТАНОВСКИЙ РЕБУС ДЛЯ МАРКСИСТОВ.

Брентано жаждет, чтобы его поучали: „Сегодня я хотел бы вообще не критиковать, а просить поучения у других“; „я был бы благодарен, если бы мне объяснили“; „я был бы весьма благодарен за разъяснение“, — в таком духе написана вся его статья „Ist der Handel an sich Parasit?“ („Nation“, 1905, 28 Januar)[1]). Прежде всего он требует поучения от нас, марксистов; его статья носит подзаголовок: „Вопрос марксистам и другим“. Он настоятельно требует от нас ответа, — он, очевидно, полагает, что мы не в состоянии дать его, что мы не можем разрешить загадку.

Своим тонким чутьем Брентано опять сумел найти непримиримые противоречия между марксовым учением о стоимости и другими взглядами Маркса. С торжествующею самоуверенностью он требует от нас объяснения этих противоречий.

К счастью, Брентано питает к нам сочувствие, по крайней мере, настолько, что, едва поставив нам задачу, он тут же значительно ограничивает ее объем. Если он вначале говорит о „взглядах Маркса“, „несостоятельных“ с точки зрения его собственного учения о стоимости, то тут он сводит эти „взгляды“ к одному единственному, а именно: ко „взгляду Маркса на *торговлю*“. Но и этот взгляд в свою очередь сводится к единственной фразе из „Капитала“ Маркса, гласящей:

„Но так как из обращения самого по себе нет возможности объяснить превращение денег в капитал, образование прибавочной стоимости, то раз обмениваются эквиваленты, торговый капитал представляется невозможным; поэтому его существование может быть выведено лишь как результат двоякой эксплоатации покупающих и продающих товаропроизводителей паразитически внедряющимся между ними купцом“ („Капитал“, т. I, русск. перев. В. Базарова и И. Степанова, М. 1909 г., стр. 128).

Именно эта фраза глубоко печалит нашего профессора и вызывает у него горячую жажду поучения. То, что сле-

---

[1]) „Носит ли торговля паразитический характер?“

дует за этою фразою, его уже не интересует. А между тем уже дальнейшие слова „Капитала“ показывают, что „взгляд Маркса на торговлю“ отнюдь не был таким простым. Маркс продолжает:

„Чтобы объяснить возрастание торгового капитала иначе, чем простым надувательством товаропроизводителей, необходим длинный ряд промежуточных звеньев, еще совершенно не существующих для нас, так как единственной нашей предпосылкой является пока товарное обращение и его простые моменты“ (там же).

В третьем томе „Капитала“ Маркс подробно изложил эти посредствующие звенья, в свете которых прибыль торгового капитала не является простым только обманом. Но нашему профессору до этого нет дела. Он заявляет, что даже на самых первобытных ступенях товарного производства, когда оно еще не носит капиталистического характера, равные стоимости могут обмениваться между собою на основе марксова закона стоимости и притом доставлять купцу прибыль. Маркс же, напротив, утверждает, что на этой ступени простого товарного обращения прибыль купца может быть объяснена лишь нарушением закона стоимости, покупкою товаров ниже их стоимости или же продажею их выше нее.

Трудно придумать что-либо более остроумное, чем доказательство, которым Брентано уничтожает положение Маркса. Правда, оно отличается некоторою сложностью, но стоит хорошенько разобрать его. Поэтому пусть читатель не пожалеет труда. Мы воспроизводим это доказательство буквально. Правда, это не доказательство в духе классической политической экономии, но это — классическое доказательство теоретического смысла современной университетской политической экономии.

„Даже с точки зрения учения о стоимости Маркса, — говорит Брентано, — его отношение к торговой прибыли несостоятельно. Оно было бы правильно только в том случае, если бы издержки производства товаров, обмену которых купец содействует, были равны для обоих товаропроизводителей; но тогда торговля вообще не происходила бы. Пример покажет это.

„Возьмем известный пример Рикардо. Предположим, что производство 1 000 кип сукна стоит в Англии годичного труда 100 рабочих, а производство 100 бочек вина — годичного труда 120 рабочих; в Португалии же производство 1 000 кип сукна стоит годичного труда 90 рабочих, а 100 бочек вина — годичного труда 80 рабочих. Следовательно, годичный труд 100 рабочих Англии дает 1 000 кип сукна или

83,34 бочки вина, в Португалии же — 1 111,12 кип сукна или 125 бочек вина.

„В таком случае:

1 000 кип сукна { в Англии = 83,34 бочки вина; в Португалии = 112,4 „ „

100 бочек вина { в Англии = 1 199,9 кип сукна; в Португалии = 888,8 „ „

„Купец, покупающий 100 бочек вина в Португалии и продающий их в Англии, получает здесь за них 1 199,9 кип сукна, т.-е. на 311,1 кип больше, чем сколько он получил бы в Португалии при затрате одинакового труда рабочих. Эти 311,1 кип сукна стоили бы ему в Португалии годичного труда 27,9 рабочих; следовательно, доставляя португальское вино в Англию и обменивая его здесь на сукно, он получает на 100 бочек вывезенного вина прибыль, равную годичному труду 27,9 рабочих. Другой купец, покупающий 1 000 кип сукна в Англии и продающий их в Португалии, получает здесь за них 112,4 бочек вина, т. е на 29 бочек больше, чем сколько он получил бы в Англии при затрате одинакового количества труда. 29 бочек вина стоили бы ему в Англии годичного труда 35 рабочих; следовательно, доставляя сукно из Англии в Португалию и обменивая его здесь на вино, он получает на 1 000 кип вывезенного сукна прибыль, равную годичному труду 35 рабочих. Эту прибыль он получает не за счет английского ткача и не за счет португальского винодела, продукты которых он обменивает... Купец получает прибыль как вознаграждение за то, что он доставляет *каждый из обоих товаров* из той местности, где его производство стоит *наименьшего количества труда*“.

Надеюсь, что наши читатели внимательно следили за расчетом с достодолжным почтением к глубокой профессорской мудрости. Не много найдется читателей, которые будут проверять этот расчет. Да это и не необходимо, ибо вся сложность примера совсем излишня; можно представить его гораздо проще, если обратить внимание на фактор, удивительным образом совершенно забытый Брентано и играющий в торговле главную роль, а именно на деньги. Его купец не покупает и не продает, а обменивает сукно на вино, как если бы он жил во времена глубокого варварства.

Перенесем его в век цивилизации и заставим его оперировать с деньгами; ведь эти операции должны быть знакомы даже королевско-баварским профессорам. Предполо-

жим, что годичный труд одного рабочего доставляет стоимость в 1 000 марок.

1 000 кип сукна стоят в Англии	100 000	марок
100 бочек вина „ „ „	120 000	„
1 000 кип сукна в Португалии	90 000	„
100 бочек вина „ „	80 000	„

Купец затрачивает 80 000 марок для закупки 100 бочек вина в Португалии и перевозки их в Англию. Издержки перевозки мы считаем, подобно Брентано, равными нулю: включение их усложнило бы расчет, не меняя его теоретического результата. Эти 100 бочек купец продает в Англии за 120 000 марок, получая прибыль в 40 000 марок. Но этим он не удовлетворяется. Он покупает 1 000 кип сукна за 100 000 марок и продает их в Португалии, однако не в обмен на вино, как заставляет его делать Брентано, а за деньги. Но немедленно же ему приходится горько раскаиваться в этом уклонении от метода исторической школы, ибо в Португалии 1 000 кип сукна стоят только 90 000 марок. Чудак-купец *теряет* на этой сделке 10 000 марок. Разумеется, этот купец не *паразит*, но, конечно, *дурак*. Если бы он оставался верным учеником Брентано и видел бы в торговле обмен продуктов в натуральной форме, он обладал бы по крайней мере искусством затушевать эту глупость запутанными расчетами. Пожалуй, и в этом можно усмотреть своего рода „прибыль“, но „торговую прибыль“ в этом не увидели бы даже представители исторической школы.

Неверно далее, что „купец получает прибыль как вознаграждение за то, что он доставляет каждый из обоих товаров из той местности, где его производство стоит наименьшего количества труда“. Ибо, по предположению самого Брентано, не только вино, но и сукно стоит в Португалии меньшего количества труда, чем в Англии, следовательно, *оба* продукта должны вывозиться из Португалии в Англию.

Но пусть только читатель не подумает, что здесь какая-нибудь ошибка. Нет, цифры вполне верно списаны из „известного примера“ Рикардо. Но, разумеется, только цифры. В остальном же „известный“ пример Рикардо остался „тайною“ для нашего господина тайного советника. И в этом комичная сторона данного случая. Он показывает, как изучают наши научные светила классиков, на которых они смотрят свысока, с великим презрением.

Брентано не указывает, из какого места книги Рикардо берет он „известный пример“. Но речь, без сомнения, идет о тех рассуждениях в главе о „внешней торговле“ (7 глава „Principles“ Рикардо), где Рикардо доказывает, что без та-

кой торговли было бы невозможно разделение труда между различными нациями.

Это место у Рикардо гласит: „В Англии условия могут быть таковы, что производство сукна требует труда 100 рабочих в течение года, а на производство вина — если бы она вздумала выделывать его — потребовался бы труд 120 человек втечение того же времени. Поэтому Англия найдет более выгодным ввозить вино и покупать его посредством вывоза сукон".

„Производство вина в Португалии может требовать только труда 80 человек втечение года, а производство сукна потребовало бы труда 90 человек втечение того же времени. Поэтому для нее будет выгодно вывозить вино в обмен на сукно. Этот обмен может иметь место даже в том случае, если бы ввозимый Португалией товар мог быть произведен там с меньшим количеством труда, чем в Англии. Хотя бы она могла изготовить сукно трудом 90 человек, она будет ввозить его из страны, где на производство его требуется труд 100 человек. Для нее будет выгодно употреблять свой капитал предпочтительно на производство вина, за которое она получит больше сукна в Англии, чем она произвела бы сама, если бы она переместила часть своего капитала из виноделия в производство сукон" (цитир. по русск. изданию: Д. Рикардо. Собрание сочинений. Т. I, перев. Д. Рязанова, 1908, стр. 82).

Таков „известный пример" Рикардо. Как видим, Брентано верно списал из него цифры годичного труда, требуемого для производства сукна и вина. Но этим совпадение обоих примеров ограничивается.

Прежде всего у Рикардо совершенно отсутствует центральная фигура Брентано, а именно чудак-*купец*, который, следуя заветам истинно-немецкой университетской премудрости, наживается на том, что покупает товары за 100 000 марок и продает их за 90 000. У Рикардо речь идет не о прибылях *купцов*, а о прибылях *производителей* и вытекающем отсюда развитии *производства*. Экспорт английского сукна, по 100 марок за кипу в Португалию, где оно могло бы быть произведено по 90 марок, имеет теперь свой смысл. Этот экспорт является следствием того, что португальским капиталистам выгоднее сосредоточиться исключительно на производстве вина и совсем отказаться от изготовления сукон, ибо производительность труда португальцев, по сравнению с Англией, значительно выше в производстве вина, чем в производстве сукна; в последнем превосходство Португалии над Англией составляет только 10%, в первом же — 33%.

При сравнении Англии с Португалией оказывается, что в Англии изготовление сукон производительнее, чем производство вина, в Португалии же имеет место обратное. Поэтому, при существовании между этими двумя странами торгового обращения, Англия целиком посвятит себя изготовлению сукон, а Португалия — производству вина. Но, конечно, тут речи нет о том, что купец якобы наживается оттого, что покупает сукно в Англии по дорогой цене и продает его в Португалии по дешевой цене.

Последнее предположение представляет настоящий фабрикат немецкой университетской политической экономии,— тот род фабрикатов, который наиболее ярко свидетельствует о ее высокой производительности и поэтому составляет для нее предмет выгодной торговли.

Но этим Брентано не удовлетворяется в своем стремлении исправлять классическую политическую экономию и заменять разум Рикардо нелепостями его потомков.

Он продолжает:

„*Точно* так же, как при обмене продуктов производителей, живущих в *различных странах*, дело обстоит при обмене продуктов двух производителей *одной и той же страны*".

Это положение кажется ему столь несомненным после предшествующего изложения, что оно даже не нуждается в доказательстве.

Рикардо же, напротив, в своем „известном примере" продолжает:

„Таким образом Англия отдавала бы продукт труда 100 человек за продукт труда 80. *Такой обмен не мог бы иметь места между гражданами одной и той же страны.* Труд 100 англичан не может быть отдан за труд 80 англичан, но продукт труда 100 англичан может быть отдан за продукт труда 80 португальцев, 60 русских или 120 индусов".

Как видим, и в данном случае в „известном примере" Рикардо дело обстоит совсем не „точно так же", как в примере Брентано, а как раз наоборот. И Рикардо тут же показывает, почему в международном обмене закон стоимости не действует с такою же силою, как внутри страны: переход капитала за границу труднее, чем переход его внутри страны из одной отрасли производства в другую. Но свободный переход и конкуренция капиталов составляют предпосылку закона стоимости; последний осуществляется благодаря тому, что отрасли производства, где цена выше стоимости (или цены производства, которая здесь нас не интересует), получают прибыль выше среднего уровня и тем привлекают к себе капитал; это увеличивает производство, повышает предложение и таким образом понижает

цены. Обратное происходит в отраслях производства, где цены стоят ниже стоимости.

В политической экономии, как в любой науке, научное исследование более глубоких связей возможно только таким образом, что явления рассматриваются, по возможности, в наиболее простой и чистой форме, без всяких возмущающих побочных явлений. Поэтому и классическая политическая экономия Маркса при исследовании простейших законов политической экономии обыкновенно исходит из общества, как из самодовлеющего хозяйственного организма, отвлекаясь от возмущающих побочных обстоятельств, какова, например, внешняя торговля. Лишь тот, кто всегда имеет это в виду — человек научно-мыслящий всегда имеет это в виду, — сможет понять „Капитал". Это верно и по отношению к цитированному выше положению о роли торговли при простом товарном обращении. Маркс прямо заявляет, что это положение полностью применимо только там, где обмениваются равные стоимости. Следовательно, при внешней торговле, поскольку она видоизменяет закон стоимости, положение Маркса о роли купца также претерпевает видоизменение.

Кто хочет опровергнуть Маркса, тот должен поэтому исходить из товарного обращения внутри страны и прежде всего здесь исследовать роль купца. Но Брентано принадлежит, к счастью, к исторической школе, которая благополучно отказалась от всякого ограничения своих свободных исследований оковами точного метода. Поэтому Брентано изучает прежде всего законы обмена товаров во внешней торговле и, как мы видели, успешно установив их при помощи ссылки на Рикардо, без всяких околичностей заявляет, — уже в полном противоречии к Рикардо, — что точно так же дело обстоит при обмене продуктов внутри страны. Положение Маркса, что при обмене равных стоимостей в простом товарном производстве прибыль купца может быть получена только путем обмана, он хочет опровергнуть примером, который прямо предполагает, что обмен равных стоимостей не имеет места.

Для внутренней торговли он не приводит никаких доказательств, но зато он теперь знакомит нас с своею теорией стоимости. И это, конечно, для нас немалая „прибыль". Ибо до сих пор мы напрасно искали во всех трудах Брентано хотя бы намека на ту теорию стоимости, на которой он строит свои экономические воззрения. До сих пор он удовольствовался тем, что постоянно заверял нас, что теория стоимости Маркса умерла, умерла окончательно, что она — допотопная окаменелость, в которую еще верят лишь

некоторые застывшие догматики. Теперь, наконец, мы узнаем живое откровение, которое мы должны поставить на место мертвого фетиша.

Брентано заявляет:

„Каждому из них (т. е. из двух производителей, участвующих в обмене) купец дает в виде продукта другого такое количество труда, которое было бы затрачено на изготовление этого продукта первым производителем. Для приобретения продукта от купца каждый из производителей должен пожертвовать меньшим количеством труда, чем если бы он сам изготовлял получаемый от купца продукт; поэтому купец получает *разницу в виде прибыли*, не нанося ущерба ни одному из производителей".

Такова новая истина, окончательно сокрушающая нас, марксистов. Одно только утешение брезжит нам в нашей гибели: теория Брентано есть также теория *трудовой стоимости*, и у него тоже стоимость определяется необходимым для производства продукта рабочим временем. Но как усовершенствовал Брентано свою теорию по сравнению с грубою теорией Маркса, которая говорит об *общественно-необходимом рабочем времени!* Брентано далек от подобных социалистических шаблонов; он — либерал, индивидуалист и его теория стоимости очень просто приспособляется к особенностям каждого индивидуума.

Маркс, склонный к шаблонам, знает только *одну* стоимость, Брентано же заранее имеет в своем распоряжении *две* стоимости. При продаже товара купцу его стоимость измеряется рабочим временем, фактически затраченным на его изготовление *производителем*. Такова его стоимость, и ею продавец должен удовлетвориться. Получая ее, он не может считать себя обманутым.

Если же товар продается купцом *потребителю*, то его стоимость измеряется рабочим временем, которого он *стоил бы* потребителю, если бы он *захотел* изготовить его. Покупая товар по такой цене, потребитель получает его по его стоимости, без всякого обмана.

Разницу же купец кладет в свой карман как благодетель человечества, создавший своим посредничеством разделение труда, повышение производительности труда и эту разницу между покупною и продажною ценою. Благодеяния же не делаются даром даже в этической экономии.

Действительно, современному экономисту дело ясно, как день. Но так как я, к сожалению, все еще принадлежу к застывшим фанатикам догмы, то мне оно все еще не совсем ясно. Поэтому на вопрос, обращенный к „марксистам", я хочу ответить несколькими контр-вопросами.

1) Брентано утверждает, что взгляд Маркса на торговлю несостоятелен даже с точки зрения марксовой теории стоимости. Полагает ли он, что изложенная выше теория стоимости есть не собственная теория его, Брентано, а изложение теории Маркса? Если бы она была теорией стоимости Маркса, то, разумеется, „несостоятельным“ оказался бы „взгляд“ Маркса на торговлю, да, кроме того, и все построение марксизма.

2) Каким масштабом измеряется рабочее время, которое было бы затрачено на изготовление продукта потребителями? Как, например, измеряет господин профессор Брентано рабочее время, которое было бы им затрачено на изготовление пары сапог? И одинаково ли для всех покупателей-потребителей это рабочее время, которое требуется затратить на изготовление продукта, или же продавец, например сапожник, назначает различным покупателям различные цены, в зависимости от их способности производить собственными силами данный продукт? В последнем случае продавец назначал бы неслыханно высокую цену профессору, беспомощному во всяком производстве, и очень низкую цену сапожнику-починочнику, который покупает у него сапоги и в случае нужды мог бы сам изготовить их.

Брентано лишь воспользовался примером внешней торговли у Рикардо для того, чтобы доказать свой закон обмена. Но там речь идет о рабочем времени не различных *индивидуумов*, а различных стран, т. е. о рабочем времени, общественно необходимом для производства продукта; при данных технических условиях это—вполне определенная величина. „Трудовые же затраты“ Брентано, т. е. не то количество труда, которое потребители действительно затратили, а то количество, которое они затратили бы или могли бы затратить, есть нечто совсем другое, это—чисто мнимая величина.

Но, как мне кажется, рабочее время, которое потребовалось бы отдельному потребителю для производства предметов его собственного потребления, есть не только величина, колеблющаяся в зависимости от индивидуума, несоизмеримая и часто не поддающаяся никакому измерению: обыкновенно это вместе с тем и величина *невозможная*, ибо при более или менее развитом разделении труда отдельному индивидууму совершенно *невозможно* изготовлять самому отдельные предметы своего потребления; для этого у него отсутствуют все предварительные условия. Но можно ли измерять невозможный труд?

3) Какое мерило стоимости применяется в том случае, когда двум производителям вздумается непосредственно обменяться продуктами без посредничества купца? Ясно,

что *два* мерила стоимости не могут применяться *одновременно*. Если товары обмениваются в зависимости от труда, то *либо* в зависимости от того труда, который производители *действительно затратили*, либо же в зависимости от того труда, который потребители *должны были бы затратить*.

Первый случай не представит ничего нового. Но возьмем второй случай. Мы должны, конечно, предположить, что можно будет определить рабочее время, которое потребовалось бы потребителям. Возьмем двух потребителей, которые непосредственно обмениваются между собою; один из них — крестьянин — нуждается в холсте; он должен был бы затратить двухдневный труд для изготовления 2 аршин холста; другой же — ткач — нуждается в 2 шефелях зерна, производство которых потребовало бы от него также двухдневного труда. Таким образом один получит 2 шефеля зерна, а другой — 2 аршина холста. Но тут-то появляется купец и говорит ткачу: „Ты затратил только 1 рабочий день на производство 2 аршин холста. Рабочий день стоит 2 марки. Согласно Брентано, ты обязан отдать мне свой продукт за эту цену". Что касается 2 шефелей зерна, то в них содержится лишь полудневный труд крестьянина, поэтому купец уплачивает последнему за них 1 марку. Сам же он, в согласии с законом Брентано, продает потребителям 2 аршина холста за 4 марки и 2 шефеля зерна за ту же цену. Ткач, получивший при непосредственном обмене 2 шефеля зерна, может купить теперь только 1 шефель зерна, а крестьянин может получить даже только $^1/_2$ аршина холста. Правда, пройдя школу Брентано, они получили утешительное сознание, что все произошло по его удивительному закону стоимости, без всякого обмана, но все же остается фактом, что, несмотря на новое мерило стоимости Брентано, каждый из производителей получал гораздо больше при непосредственном обмене, без посредничества купца и что таким образом купец обогащается именно за счет продукта их труда.

Итак, будем ли мы измерять стоимость товаров при непосредственном обмене тем трудом, который был затрачен производителем, или же тем трудом, который потребовался бы на изготовление продукта потребителем, мы постоянно приходим к тому результату, что посредничество купца при простом товарном обращении происходит за счет лиц, участвующих в обмене.

Какой же смысл имеет изобретенная Брентано стоимость, измеряемая тем трудом, который потребовался бы *потребителю?* Это — достойное дополнение к его купцу, который обогащается, покупая товары за 100 000 марок, а продавая их за 90 000 марок. Но эта детская игра имеет свой глубо-

кий смысл. Теория Брента, но—не что иное, как идеализация капиталистической практики. Последняя состоит в том, что, благодаря частной собственности на средства производства, всякий прогресс в производительности труда, проистекающий из общественного развития, присваивается и монополизируется капиталом. Брентано утверждает, что разделение труда, эта основа всякого прогресса производительности труда, возможно лишь благодаря капиталу и прежде всего благодаря торговому капиталу. Из того обстоятельства, что при господстве частной собственности на средства производства далеко идущее разделение труда невозможно без посредничества купца, Брентано делает вывод, что купец *создает* разделение труда и вызывает проистекающее из него *повышение производительности*. Он не замечает, что сама торговля есть лишь продукт разделения труда и повышения производительности,—повышения, которое создается не торговлею, но всем процессом общественного развития.

Объяснив прогресс производительности труда посредничеством купца между производителем и потребителем, Брентано отсюда выводит право купца и капиталиста на плоды этого прогресса. Здесь именно и зарыта собака.

Некогда господин Брентано очень возмущался „*наглостью*“, с которой Маркс цитировал в „Учредительном адресе“ Интернационала фразу из речи Гладстона о том, что „опьяняющее увеличение богатства и могущества“ за период от 1842 года по 1861 год „ограничивается исключительно имущими классами“. В „Concordia“, органе „Союза германских фабрикантов“, он анонимно заявил в 1872 г.: „Маркс *и формально, и по существу выдумал* эту фразу“. Впоследствии он также анонимно упрекал Маркса, говоря, что „упорная лживость“, с которой он держится за эту цитату, „удивительна даже для человека, которому все *средства* кажутся *хорошими* для его *разрушительных* планов“. Несмотря на все разъяснения, Брентано всегда избегал отказаться от этих милых излияний своего научного отрочества. Он повторил их в 1890 году и, кажется, еще поныне гордится ими.

В настоящее время Брентано „и формально, и по существу“ прибегает к невероятнейшим фокусам с целью доказать теорию, которая, будь она правильною, представила бы „опьяняющее увеличение богатств и могущества, вызванное разделением труда, продуктом „исключительно“ класса капиталистов,—продуктом, который при обмене равных стоимостей должен достаться ему одному. Отсутствие метода и „упорное“ ожесточение, с которым Брентано защищает здесь интересы капитала, „удивительны даже для человека“, которому „все средства кажутся хорошими“ для сокрушения идеи классовой борьбы и ее автора.

ХАРАКТЕРИСТИКА КАПИТАЛИСТИЧЕСКОГО ХОЗЯЙСТВА

РАСХИЩЕНИЕ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫХ СИЛ ПРИ КАПИТАЛИСТИЧЕСКОМ СПОСОБЕ ПРОИЗВОДСТВА.

Буржуазные экономисты всегда восхваляют, как одно из благотворнейших последствий связанной с капиталистическим способом производства свободной конкуренции, то обстоятельство, что она побуждает добиваться во всяком предприятии максимальных результатов при помощи минимальных затрат. Она вынуждает к тому, чтобы во всяком предприятии производительность труда была доведена до возможно большей высоты и в то же время были сведены к минимуму необходимые для создания определенного товара рабочая сила и средства производства. Она добивается экономии по отношению к каждому фактору производства вплоть до смазочного масла и, казалось бы, ничего не стоящих отбросов.

Это действие конкуренции неоспоримо, и возможно, что оно недостижимо в такой же мере при другом способе производства. Во всяком случае, в этом отношении капиталистический способ производства оставил далеко позади себя ту систему товарного производства, которая господствовала до французской революции и продолжала господствовать в некоторых странах и после нее, задавленная и скованная обветшалыми обломками средневековых форм производства. Окостеневшее цеховое ремесло, крупное сельскохозяйственное производство, основанное на трудовой и гужевой повинности крепостных крестьян, мелкое крестьянское производство, скованное принудительным севооборотом, чересполосицею и другими остатками общинной системы, — все это вместе приводило в XVIII столетии к таким формам производства, при которых самые ничтожные результаты достигались при помощи максимальных затрат, при которых бесполезная трата рабочей силы и средств производства в каждом отдельном предприятии была чрезвычайно велика и нисколько не соответствовала уже достигнутому уровню техники.

В противоположность такому положению вещей, производительность и экономия, к которым отдельное предприя-

тие вынуждается при капиталистическом способе производства, представляют огромный прогресс. В настоящее время, впрочем, уже не приходится чрезмерно восхвалять эти действия конкуренции, так как они начинают превращаться из преимуществ в зло.

Полукапиталистическое производство, прикрытое феодальным плащом, который был сорван французской революцией с тем, чтобы ввести эру чисто-капиталистического производства, погибло из-за своей *недостаточности*; производство, в особенности предметов питания, все более и более отставало от спроса. Современный способ производства задыхается от *избытка*. Спрос все менее и менее поспевает за производством. Но чем больше перепроизводство, тем больше и конкуренция, тем сильнее действуют все те стимулы, которые побуждают к достижению максимальной производительности и экономии в пределах данного предприятия.

Это странное противоречие капиталистического способа производства уже давно сделало бы его невозможным, уже давно приостановило бы его дальнейшее движение, если бы тенденция к высшей производительности и экономии в пределах каждого предприятия не уничтожалась или не ослаблялась, по крайней мере, до известной степени, другою, противоположно действующею тенденциею: *чем больше развивается капиталистический способ производства, чем сильнее стремление к производительности и экономии в каждом отдельном промышленном предприятии, тем больше также вызываемое общественными факторами расхищение сил в пределах домашнего хозяйства каждого отдельного лица и, если можно так выразиться, в домашнем хозяйстве общества.*

Краткая журнальная статья не может ставить себе задачей систематически обосновать вышеприведенное положение. Некоторые стороны этой темы давно уже достаточно освещены и всесторонне рассмотрены, так что не приходится льстить себя надеждой открыть новые точки зрения на этот вопрос. Другие же моменты остались настолько незамеченными, что их рассмотрение требует обстоятельных предварительных работ. Мы предполагаем вернуться к некоторым из них более подробно в отдельных статьях. В настоящий же момент мы ограничимся лишь несколькими иллюстрациями вышеприведенного положения.

Маркс в своем „Капитале“ давно уже указал на то, что капиталистический способ производства, который приводит к экономии в каждом отдельном капиталистическом предприятии, вызывает расхищение сил в домашнем быту рабочего. Одной из важнейших причин, вызывающих это

расхищение сил, является разложение рабочей семьи. Защитники господствующего способа производства охотно винят в бесхозяйственности жен рабочих: рабочие могли бы значительно лучше жить на свой заработок, если бы работницы умели лучше хозяйничать. Но они не умеют готовить. При несоразмерно больших издержках они изготовляют неудобоваримую и невкусную пищу [1]), они не умеют шить, не умеют держать в должном порядке белье членов семьи и т. д. Жалобы эти отчасти обоснованы, но в высшей степени странно и неправильно возводить обвинение против рабочего класса и доказывать, что рабочие сами повинны в том, что им не живется лучше, что они могли бы при желании и некотором личном усилии значительно улучшить свое положение. Отчего же происходит бесхозяйственность жен рабочих? Она берет свое начало в системе, наиболее близкой сердцу капиталистов, в системе *женского и детского труда*. Требовать, чтобы жена рабочего одновременно была домохозяйкой в старом мелко-буржуазном смысле этого слова и промышленной наемной работницей, продающей капиталу всю свою рабочую силу; требовать, чтобы дети рабочих весь день работали на фабрике и в то же время изучали все элементы домашнего хозяйства, — это или бессмысленный вздор или сознательная низость.

Женский и детский труд в промышленности и расточительность в домохозяйстве рабочего, — вот те два элемента, которые неразрывно связаны и одновременно усиливаются.

Другая причина расточительности в домохозяйстве рабочего лежит в скудости и неуверенности его заработка. Вследствие этого он вынужден закупать для удовлетворения своих потребностей не *хорошие* и *прочные* товары, а наиболее *дешевые*, если даже они изнашиваются чрезмерно быстро сравнительно с своей ценою или оказываются непригодными, так что в конце концов обходятся дороже самых дорогих товаров. Рабочий вынужден покупать фальсифицированные продукты даже тогда, когда ему известно, что они недостаточно питательны и подрывают его здоровье и, следовательно, не вполне восстанавливают его рабочую силу; он вынужден покупать самое дешевое платье, самую дешевую мебель даже тогда, когда отлично знает, что за двойную цену можно получить товар в десять раз более прочный. Чем более народные массы приобщаются к кадрам наемного пролетариата, тем чаще девиз: „Дешево, хотя бы и скверно“, становится девизом потребителей, а

---

1) На-ряду с переутомлением от чрезмерной работы неудобоваримость пищи рабочего также значительно способствует распространению „пьянства“.

вместе с тем и промышленности, которая в настоящее время производит не для потребления, а для продажи, и потому охотно понижает качество товара, если благодаря этому повышается спрос на него, а последний в наше время зависит прежде всего от дешевизны. Все бо́льшая часть рабочих сил нации тратится или, вернее, расточается на неэкономную обработку негодного сырья.

На-ряду с расхищением сил в домашнем хозяйстве рабочих мы наблюдаем его также в домашнем хозяйстве господствующих классов. Последнее тем более возрастает, чем более повышается норма и масса прибавочной стоимости и чем более суживается круг лиц, ее получающих. Это вряд ли нуждается в пояснении. Упомянем лишь об одной разновидности расточительности, которая почти совершенно не зависит от индивидуальной воли отдельных имущих лиц, а навязывается им как социальная необходимость: мы имеем в виду расточительность, вызываемую сменой *моды*.

В наше время часто прибегают к излюбленному приему объяснять общественные явления при помощи популярных словечек, заимствованных из лексикона естественных наук. Так, например, пытались найти корни исторически столь юной „свободной конкуренции“ в „вечном естественном законе“ „борьбы за существование“, а нелепости быстро меняющейся моды в одежде были объявлены естественной необходимостью, вытекающею из полового подбора. При этом, однако, проглядели одну мелочь, а именно, что сущностью моды является изменчивость, в то время как характерные признаки, берущие свое начало в половом естественном подборе, остаются неизменными втечение целых исторических периодов. Даже по отношению к человеку мы наблюдаем, что не тронутые культурой народы цепко держатся за свои одеяния и свою архитектуру и передают их в неизменном виде из поколения в поколение.

Лишь при определенном состоянии общества мы встречаемся с быстро меняющейся модой, а именно: в эпохи революций, когда характер общества подвергается быстрым переменам, а также во времена пышного расцвета роскоши, когда господствующие классы получают такую огромную прибавочную стоимость или прибавочный продукт, что они должны, по крайней мере, часть его промотать, и когда проституция становится общественною силою.

Половой естественный подбор в мире животных вызывает бросающиеся в глаза характерные особенности у *самцов:* гривы, пестрое оперение, рога, певчие голоса и т. д. „Половой естественный подбор“, в котором упражняются дамы

полусвета и уличные проститутки, вызывает появление самых удивительных, бросающихся в глаза *женских* одеяний. В данном случае не самцы добиваются самок, а наоборот. Каждый мужчина может удовлетворить свои желания, если только у него есть деньги; нельзя сказать того же о женщинах. Для мужчин нашего времени достаточно поэтому незаметной одежды, сохраняющейся почти неизменною втечение десятилетий. Женщины, наоборот, стараются привлечь к себе взоры всех мужчин привлекательным, из ряда вон выходящим, бросающимся в глаза внешним видом. Но наиболее разительным всегда является новое, невиданное. Отсюда и постоянная смена моды. То, что делают кокотки, должны копировать и „приличные“ дамы, чтобы иметь успех в своей погоне за мужьями.

Но не одно это вызывает смену моды. Быть всегда одетой по последней моде является признаком благосостояния, и тем более, чем быстрее мода меняется. Хочется не только чаще надевать новое платье, хочется также показывать его другим; новое должно быть не только новым; оно не должно походить на старое. Все то, что носили в последний сезон, не должно употребляться в следующий. Это также способствует быстрой и кричащей смене моды. Сегодня считается модным носить темное платье, завтра, наоборот, темное сменяется светлым; сегодня господствуют однотонные цвета, завтра они сменяются пестрыми; сегодня платья так узки, что из них пластически выступают наружу самые интимные округлости тела; завтра платье бесформенно расширяется и вздувается сзади в виде кринолина, так что „скромная хозяйка дома“ появляется в таком виде, который более напоминает готтентотскую Венеру steatopygos. чем античную Венеру kallipygos.

Но не только одни великосветские дамы быстро меняют в наше время свое одеяние. Выше мы упомянули, какую дешевку и какой плохой товар закупают рабочие. Одежда девушек и женщин бедных слоев населения изнашивается так быстро, что спустя немного времени она должна быть заменена новой. Если новое платье, то отчего не модное? Это соответствует вполне духу нашего времени, когда все более и более сглаживаются различия состояний, когда все быстро течет, когда все рвется к новому, неизвестному. Прежде погоня за модой составляла преимущественное право десятка тысяч, стоящих на вершине общественной лестницы. И вот сегодня „дамы из общества“, исполненные морального негодования, начинают замечать, что даже среди прислуги и фабричных работниц все более и более растет „страстное“ желание быть одетой по последней моде.

Смены мод уже не замыкаются в узком кругу, влияние их распространяется на все общество и дает себя сильно чувствовать в производстве. Одним ударом они обесценивают бесчисленное множество наполовину лишь использованных или совсем еще неиспользованных фабрикатов, участь которых — заплесневеть на складах или быть выброшенными, если только материалы, из которых они сделаны, не поддаются вторичной переработке. Такие быстрые смены мод означают в наше время колоссальное расхищение всякого рода продуктов. Но именно благодаря этому смены мод немного ослабляют остроту перепроизводства и вызывают спрос на новые продукты. Поэтому торговцы и фабриканты соответствующих товаров играют не последнюю роль в поощрении этих быстрых смен моды, а временами прямо вызывают их.

В низших народных слоях смена моды распространяется лишь на одежду; у имущих же классов быстрая смена моды касается также и украшений дома. Благодаря знаменательному для нашего времени отсутствию стиля и характера они имеют приятную возможность менять по собственному усмотрению стиль своих жилищ: сегодня в моде германский ренессанс, завтра — вычурный рококо, послезавтра — бесвкусный стиль первой французской империи, пока, наконец, не придут к какой-нибудь чепухе в восточном стиле. Ясно до очевидности, что эта вечная смена мебели, обоев и т. п. вызывает огромное расхищение труда и материалов.

Однако все эти и другие методы расточительности в домашнем хозяйстве отдельных лиц, порождаемые капиталистическим способом производства, оказывают незначительное влияние по сравнению с расхищением сил в хозяйстве *общества*.

Самой колоссальной расточительностью является та, которая вызывается *милитаризмом*. Последний рассматривается обычно как результат политической системы, искусственно навязанной современному обществу, а не как неизбежное последствие капиталистического способа производства. Есть, конечно, государства, которым до сих пор удавалось отказаться в известной мере от бремени содержания больших постоянных армий. Так обстоит дело в Англии, Швейцарии и Соединенных штатах Америки. Этим они однако обязаны не „свободе“, не своим политическим учреждениям, не силе народнаго представительства, а исключительно некоторым благоприятным обстоятельствам. Соединенные штаты не имеют ни одного мало-мальски равного им по мощи соседа. Англия, благодаря своему островному

положению, должна прежде всего заботиться о развитии флота, а маленькая Швейцария находит лучшую свою защиту не в рядах своей армии, а в соперничестве своих соседей. Впрочем, и в этих странах быстро растут расходы на военные нужды, несмотря на то, что, по крайней мере в Англии и в Швейцарии, политический строй все более и более демократизируется.

Капиталистический способ производства столкнул друг с другом современные большие нации и вызвал противоречия между ними, которые заставляют каждую из них быть всегда готовой к тому, чтобы ощетиниться против своего противника, — противоречия, частью исключительно экономического, частью историко-политического характера, но которые в последнем счете тоже могут быть сведены к противоречиям материального характера. Капиталистический способ производства создал также те технические основы, которые одни только делают возможным, а при наличии господствующих взаимоотношений и необходимым, современный милитаризм. Развитие средств сообщения дает возможность на долгое время сосредоточивать в одном месте и кормить большие военные силы, следствием чего является быстрый рост армий. Современные средства сообщения дают также возможность перебрасывать огромные человеческие массы в определенный пункт: отсюда необходимость постоянной боеготовности, чтобы быть гарантированным от всякого внезапного нападения, — иначе говоря, необходимость держать под ружьем большие армии, необходимость располагать многочисленной кавалерией.

Капиталистический способ производства, создавший и развивший изумительную технику крупной промышленности, толкает наконец на беспрерывное совершенствование наступательных и оборонительных средств и орудий на море и на суше, вызывает необходимость почти беспрерывного и все более и более быстрого изменения системы огнестрельного оружия, фортификации, военных судов и т. п.

Не приходится говорить о том, какую огромную массу рабочей силы и богатств поглощает милитаризм. Эта расточительность признается всеми и вызывает общее осуждение; спор идет лишь о том, необходима она или нет. Сторонники милитаризма утверждают, что он является вечной естественной необходимостью, ибо войны всегда бывали и впредь не переведутся и т. д.; буржуазно-демократические противники милитаризма смотрят на него лишь как на результат прихоти, каприза правящих сфер, который легко может быть устранен парламентским постановлением, со-

зданием международного третейского суда или другим подобным способом.

Бесспорно, что между различными человеческими обществами уже в самые отдаленные исторические эпохи существовали противоречия, которые вели ко взаимной борьбе; но как противоречия эти, так и формы их разрешения не оставались одними и теми же. Целый ряд противоречий, существовавших когда-то между отдельными общественными группами, а также целый ряд способов борьбы между ними стали невозможными в наши дни. То же самое должно было бы случиться с противоречиями между крупными державами и современными способами ведения войны. С преодолением капиталистического способа производства экономические противоречия между государствами исчезли бы сами собой. Традиционные же противоречия — „наследственная вражда", в последнем счете основанная на экономических противоречиях — отмирали бы постепенно. Милитаризм, таким образом, стал бы излишним.

Но устранить милитаризм и сохранить капитализм, как к этому стремится буржуазная демократия, это — утопия. Расточительность, вызываемая милитаризмом, является неизбежным последствием капиталистического способа производства.

Различные формы расточительности, вызываемые присущим капиталистическому способу производства *отсутствием планомерности*, достаточно известны. Сегодня срубается большой лес на горе, чтобы завтра же при помощи огромных затрат на лесные материалы кое-как его восстанавливать, а делается это после того, как лавины и быстро несущаяся вода хлынули с обнаженных склонов в долину и причинили огромные убытки. На периферии больших городов беспощадно застраивается каждый свободный клочок земли, в то время как в центре города тратятся громадные силы на слом домов, чтобы заменить их жалкими древесными насаждениями и т. д.

Каждый хозяйственный кризис уничтожает бесчисленное множество товаров, которые он обесценивает, лишает возможности быть проданными и тем делает бесполезными. Но и по отношению к товарам, которые в конце концов находят покупателя, каждая заминка в сбыте означает расточительность. Ибо товары при таких обстоятельствах большей частью редко попадают к тем, кто в них нуждается. Им приходится или долго лежать, пока они находят покупателей, или же странствовать с места на место, даже порой из одной части света в другую, в поисках за ними.

Вытекающие отсюда расходы по содержанию складочных помещений и расходы по транспорту — все это, очевидно, не что иное, как расточительность.

Укажем еще на одну форму расточительности, присущую капиталистическому способу производства и вызываемую *ростом больших городов.*

Большие города являются продуктом товарной торговли. Мы встречаем их уже в древнем мире. Но лишь при капиталистическом хозяйстве товарное производство становится общей формой производства. Лишь при нем все общество становится зависимым от торговли; лишь при нем возникает всеобщее стремление и тяготение к торговым центрам, в то время как деревня пустеет и во всех отношениях замирает.

Из скопления больших человеческих масс на незначительном пространстве проистекают все большие и большие неудобства, все более и более осложняется проблема здравоохранения. Вопросы, разрешение которых не представляет никаких особенных затруднений для сельских жителей, — как, например, создание источников питьевой воды или вывоз и использование отбросов, — вызывают в больших городах необходимость сооружения колоссальных построек, многомиллионных водопроводных линий и каналов. С гордостью и восхищением указывают панегиристы нашего общественного строя на эти современные чудеса техники, которые далеко превосходят подобные сооружения прежних эпох. Однако все эти прославляемые триумфы человеческого духа являются одними лишь паллиативами, призванными смягчить те ужасные неудобства, которые совершенно незнакомы людям, ближе стоящим к природе. Достаточно нескольких десятков, а порой всего лишь нескольких лет, чтобы действие этих технических сооружений в связи с ростом городского населения стало иллюзорным и чтобы оказалось необходимым сооружать еще более грандиозные, еще более дорого стоящие постройки, чтобы дать городу возможность сохранить свое население. В Париже уже проектируется сооружение водопровода из Швейцарии и канала для отвода нечистот в море. Подобные колоссальные постройки были бы совершенно излишними в обществе, в котором было бы устранено противоречие между городом и деревней. Сооружение их означает расхищение сил, которое, однако, неотвратимо при современном способе производства. Общеизвестно, какая огромная потеря землеудобрительных веществ связана с этим.

Все возрастающая необходимость в подобных сооружениях, естественно, вполне благоприятствует развитию стро-

ительной промышленности. Рост больших городов способствует этому еще другим путем. Все более и более пустеет деревня; жители ее перебираются в город. Уже теперь встречаются села, где остались одни лишь старики, калеки и дети; все почти трудоспособные жители переехали в город. Крестьянские избы стоят пустыми; их прежние обитатели ищут новые квартиры в городе. Требуется большая строительная деятельность, не в силу роста населения, а лишь вследствие переселения его с места на место, вызываемого не соблазнами более здоровой, более приятной или более плодородной местности, не желанием сделать свой труд более продуктивным, а исключительно потребностью быть ближе к огромному рынку, на котором всякий товар, в том числе и товар-рабочая сила, имеет больше шансов найти покупателя, чем в безлюдных пунктах, отдаленных от мировых путей.

Рост больших городов одновременно вызывает также некоторую строительную деятельность в сельских местностях. Несмотря на все гигиенические меры предосторожности, города делаются все более и более нездоровыми, и население их все более вырождается. Городские жители чувствуют все большую необходимость проводить хотя бы часть года вне города, на свежем воздухе, в гористой местности или у моря, чтобы этим если не совсем устранить, то хоть по крайней мере ослабить, влияние нездоровой атмосферы города. То, что раньше являлось исключительной привилегией придворных кругов, а именно возможность иметь квартиру в столице и в то же время располагать квартирой за городом, все более и более становится теперь потребностью всякой, даже самой скромной буржуазной семьи. Рядом с пустующими крестьянскими избами вырастают виллы и гостиницы, которые переполнены лишь несколько недель в году, а в остальное время года также пустуют.

Рост больших городов ведет, следовательно, к возрастанию количества домов, которые полностью не используются и сооружение которых является расточительностью.

В той же мере, как растут большие города, и внутри них происходят постоянные изменения. Вся торговая жизнь концентрируется в центре, в сравнительно небольшой части города. Туда устремляется изо дня в день население, причастное к торговой жизни, туда направляются огромные массы товаров, которые производятся в данном городе или для которых он является складочным пунктом; оттуда люди и товары вновь устремляются к периферии или к каналам мировой торговли. Постоянный прилив и отлив людей и

товаров растут с каждым годом, требуют постоянного расширения путей сообщения в пределах города, устройства время от времени новых путей, предоставления новой площади под вокзалы и т. п. И в то время, как таким образом все суживается площадь под жилые помещения, все более и более растет спрос на конторские помещения, склады и магазины внутри города. Чтобы удовлетворить этот спрос, приходится заменять старые низкие дома все более и более высокими. Следствием всего этого является постоянное революционизирование внутренней части города — постоянное разрушение и воссоздание строений, вызываемое не увеличением народонаселения, не техническими соображениями, не ветхостью построек, а лишь определенными особенностями современного способа производства.

Здесь, как и в других областях господства капиталистического способа производства, он проявляется как революционный способ производства comme il faut, которому чуждо всякое постоянство, всякая длительность; сегодня он разрушает то, что вчера создал, он стремится сделать негодным то, что еще не стало таковым, и с легким сердцем объявляет сегодня бесполезной, ничего не стоящей всю работу вчерашнего дня, чтобы завтра взяться за такую же бесполезную работу.

Благодаря росту больших городов не в меньшей степени, чем *строительство,* искусственно поощряется сооружение *путей и средств сообщения.*

Капиталистический способ производства толкает в первую очередь на самое широкое и быстрое развитие средств и путей сообщения. Каждая маленькая средневековая община сама производила почти все необходимые ей предметы. Мы читаем сегодня с удивлением, что в Саксонии и Бранденбурге, а также в Англии, в средние века имелось сильно развитое виноградарство. Почему оно исчезло впоследствии? Над этим уже не один ломал себе голову. Неужели климат стал более суровым? В пользу этого предположения не говорит ничего. Социальные, а не климатические перемены разрушили виноградарство в Бранденбурге и в Англии. Как только торговые сношения дали возможность англичанам получать французские вина, для них стало совершенно излишним производить у себя с трудом кислое вино, раз можно было легко покупать прекрасное французское вино.

Развитие путей сообщения дает возможность каждой местности производить не все ей необходимое, а лишь то, к чему она наиболее приспособлена, и получать взамен последнего от других то, что те могут легче создать, чем

она сама. Таким образом происходит определенное географическое разделение труда, и повсюду достигается максимальный результат при минимальных затратах. На этом покоится, как нас уверяют буржуазные экономисты, производительность торговли.

Они забывают, что повышение производительности труда, возможное при развитии путей и средств сообщения, может полностью проявиться лишь при таком способе производства, при котором цивилизованные народы *планомерно регулируют* все свои экономические отношения как внутри, так и вовне. Ныне же, при системе свободной конкуренции, действие современных условий транспорта иное.

Буржуазные экономисты хотят уверить нас, что торговля все более и более ведет к тому, чтобы каждый народ специализировался на изготовлении определенных товаров, для производства которых он располагает более благоприятными естественными условиями и которые он, следовательно, может дешевле производить, а взамен их он получит от других народов те предметы, которые последние могут производить дешевле, чем он. Таким образом выигрывают обе стороны, и в результате получается самая отрадная гармония.

К несчастью, не может быть речи об *обмене* между отдельными нациями. Капиталисты отдельных промышленных народов производят товары для того, чтобы *продавать* их на внутреннем и на международном рынке. Они занимаются преимущественно производством таких товаров, которые являются наиболее ходкими на мировом рынке; вместо того чтобы каждый народ посвящал себя выработке определенных, специальных товаров, мы находим, что все народы с крупною промышленностью развивают у себя в первую очередь *одни и те же отрасли промышленности*, что каждый из них посылает почти *одни и те же товары* на мировой рынок, и вместо того, чтобы заниматься мирным взаимным обменом, они друг с другом жестоко конкурируют.

До тех пор, пока пути и средства сообщения не были достаточно развиты, способность каждой нации конкурировать на мировом рынке определялась в первую очередь теми естественными условиями, в которых находилось ее производство. С известной точки зрения всякое дальнейшее развитие путей и средств сообщения способствует преодолению естественных преград производства, способствует сглаживанию естественных различий между разными промышленными государствами. Железоделательная промышленность, например, теперь более не связана с наличием богатых железных руд и угольных копей. Швей-

цария развила цветущую железоделательную промышленность, несмотря на то, что она должна ввозить железо и уголь.

Колоссальное развитие транспорта за последние полвека привело не к тому, чтобы концентрировать производство товаров в наиболее этому соответствующих промышленных государствах, а наоборот, к тому, чтобы сделать производство все менее и менее зависящим от данных естественных условий. Оно, например, привело не к тому, чтобы продукты все больше и больше изготовлялись там, где имеется в наличии или производится соответствующее сырье, а к тому, чтобы сырье из все более и более отдаленных местностей стекалось туда, где прежде всего имеются налицо *социальные* условия для его обработки, где имеются соответствующие рабочие массы, необходимые капиталы, научно-подготовленный штаб служащих и т. д. Со всего земного шара текут сырье и вспомогательные материалы в крупные промышленные центры, чтобы оттуда вновь пуститься в странствование по всему свету. И пусть бы хоть это странствование было всегда прямым, непосредственным! В большинстве случаев дело происходит иначе. Сырье должно итти сперва на какой-нибудь большой мировой рынок, в какой-нибудь большой город. Там оно лежит, пока не находит покупателя, которому оно нужно в каком-нибудь другом месте. Попав на место своего назначения, оно перерабатывается, после чего изготовленный продукт опять должен быть доставлен на рынок и выжидать там покупателя, который, наконец, переправит его на место потребления. И часто товару приходится странствовать с одного рынка на другой, чтобы спустя много времени найти или вовсе не найти покупателя. Такая судьба ждет их тем чаще, чем больше перепроизводство, чем более рынки перегружены товарами. Чем более развиты пути сообщения, чем незначительнее расходы по транспорту, тем большее количество труда в области транспорта расточается при капиталистическом способе производства.

Мы уже указывали, что концентрация торговли в небольшом количестве пунктов, в больших городах, приводит к расточительной трате труда в области транспорта. Рост больших городов обусловливает собой еще больше увеличение работы в области транспорта, которое не имело бы места при устранении противоречия между городом и деревней. Большой город представляет собой полную противоположность старинной общинной организации. Последняя сама производила все необходимое ей сырье; большой город не производит никакого сырья. Средневековый крестьянин

имел под рукой все, в чем он нуждался для производительного или личного потребления; городской житель должен получать извне все то, что он хочет переработать или потребить в необработанном виде. Социалистическое общество с планомерно организованным производством, конечно, не вернулось бы к средневековому укладу. Оно, наоборот, стремилось бы еще к большему развитию географического разделения труда, чем это имеет место при капиталистическом способе производства. Но оно поступало бы так только в тех случаях, когда применение необходимого для этого труда в области транспорта означало бы экономию сил, а не их расхищение. Оно не тратило бы сил на транспортирование из отдельных пунктов таких продуктов, которые легко могут быть производимы на месте. Но так именно обстоит дело в больших городах. По мере своего роста они вынуждены доставлять не только воду, на что мы уже указывали выше, но и все предметы питания из все более и более отдаленных пунктов — такие предметы питания, которые так легко производит любое сельское хозяйство и которые, следовательно, при устранении противоречия между городом и деревней, можно было бы получать повсюду, без расходов на транспорт. Таковы, например, молоко, яйца, некоторые сорта овощей и фруктов и т. п. Ныне же Лондону приходится для удовлетворения своей потребности в молоке прибегать к помощи не только почти всей Англии, но и Голландии; чтобы получить достаточное количество яиц, он должен обращаться к Италии и Венгрии. Даже Нью-Йорк получает яйца из Венгрии. Какое громадное расхищение труда по упаковке и транспортированию!

Дальнейшее расхищение труда в области транспорта обусловливается пространственной отдаленностью места жительства от места работы, в среднем все более и более возрастающею в больших центрах. Связанная с этим работа на железных дорогах, омнибусах, конных железных дорогах и т. п. по большей части тратится понапрасну, и она была бы излишней при других условиях производства.

При таких обстоятельствах не удивительно, что, несмотря на непрерывные успехи техники, которые все более повышают производительность труда и, следовательно, все более сокращают число необходимых для производства рабочих, *транспорт* и *строительное* дело показывают постоянный рост и увеличение числа рабочих.

Приведем некоторые цифры для иллюстрации вышесказанного. В Англии число лиц, занятых в сельском хозяйстве, уменьшилось с 1851 до 1881 г. на 419 000 человек,

или на 26%. Число промышленных рабочих возросло с 2 754 800 до 3 599 000, т. е. на 844 200 челов., или на 30,6%. Но за отчетный период все рабочее население в целом возросло на 39%. Следовательно, число рабочих, занятых в промышленности, втечение 1851 — 1881 гг. относительно *уменьшилось*.

Сравним с этим данные, касающиеся транспортного и строительного дела в Англии. Число лиц, занятых в транспортном деле:

	1851 г.	1881 г.	Увелич. [1]
Судоходство и доки	246 100	347 200	41,2%
Железн. дороги	25 200	139 500	453,6%
Прочие дороги	74 000	167 200	125,9%
Итого	345 300	653 900	89,5%

В сравнении с увеличением населения на 39% мы находим, таким образом, в области транспорта увеличение почти на 90%, т. е. почти *удвоение!*

В *строительном* деле заняты были в 1851 г. 460 700 рабочих, в 1881 г.— 796 500, что означает увеличение на 73%. Еще более разительна разница между данными, касающимися транспортного и строительного дела, и данными, относящимися к промышленности, за десятилетие 1871—1881 г.

Число занятых лиц:

	1871 г.	1881 г.	Увелич.
в промышленности	3 358 500	3 599 000	7,1%
в строит. деле	664 100	796 500	19,8%
в транспорте	523 500	653 900	24,8%

Втечение одного десятилетия, на которое приходится самый страшный торговый кризис, какой когда-либо испытывал капиталистический мир, число промышленных рабочих возросло лишь на $^1/_{14}$, число же строительных рабочих—на $^1/_5$, а число рабочих, занятых в транспорте,—на $^1/_4$ [2]).

---

1) Матросы, находившиеся в плавании, сюда не вошли, а включены лишь те, которые во время подсчета находились в Англии.

2) Согласно расчету, опубликованному г. Бутсом в докладе (прочитанном 15 мая 1889 г. в Royal Statistical Society), *на каждые 100 работающих приходится:*

	в Лондоне	во всей Англии
в строит. деле	8,3%	7,1%
в транспортном . . .	9,3%	5,8%

Притом не следует упускать из вида, что население в Англии в большей своей части живет в городах, лишь $^1/_3$ живет в деревнях. Иначе разница между данными, касающимися строительства и транспорта в Лондоне и всей Англии, была бы еще больше.

Действительно, строить и иметь дома и железные дороги в наше время весьма прибыльно. Если иметь в виду исключительно деятельность в этих областях, можно иногда в самом деле поверить, что нам предстоит еще повторение „хозяйственного подъема".

На-ряду с названными имеется еще целый ряд других видов расточительности, которые неразрывно связаны с капиталистическим способом производства и растут вместе с ним. Многие из этих „бесполезных издержек" (faux frais) капитализма оказывают более глубокое действие, чем вышеупомянутые; вспомним, например, хотя бы лишь колоссальную расточительность рабочей силы, вытекающую из внезапных смен безработицы и перегруженности работой, характерных для нашего способа производства; вспомним о росте непроизводительных профессий за счет производительных, увеличении числа бродяг, прислуги, проституток, посредников и т. п. Эти виды расточительности рабочей силы очень часто служили темой для разных статей, так что на них особенно останавливаться здесь не приходится.

Приведенных данных вполне достаточно, чтобы доказать, насколько расточительность является характерным признаком капиталистического способа производства и все более и более становится таковым. Уже Томас Мор это видел, но в его время еще слишком слабо развиты были как само товарное производство, так и таившиеся в нем противоречия. Нужен был гений, чтобы их предугадать. Но в настоящее время только слепой или тот, кто не *хочет* видеть, может отрицать это. Экономия — это альфа и омега руководителей капиталистического способа производства; во имя этой экономии они осуждают докапиталистические формы производства, равно как и социалистическую систему производства, вырастающую из современного рабочего движения. Во имя экономии они усматривают расточительность в том, что „загулявший" рабочий пролил масло при смазывании машины, и объявляют такого рабочего преступником против общества. А то, что бесчисленное множество благ изо дня в день, благодаря не зависящим от воли отдельных лиц общественным факторам капиталистического способа производства, делается негодным и выбрасывается вон; то, что миллионы рабочих сил не находят применения или заняты бесполезным трудом,— это им кажется естественным, даже более того, благотворным, ибо они видят в этом средство сохранить общественную гармонию. Чем кормились бы бедные люди, если бы не существовала роскошь, если бы не было расточительности!

Из экономии, которую капиталистический способ произ-

водства делает необходимой в каждом отдельном предприятии, буржуазные экономисты выводят оправдание и даже необходимость его сохранения. И все же он вот уже десятки лет в состоянии существовать только благодаря самой колоссальной расточительности, которую когда-либо видело человечество и которая является продуктом капитализма, незразрывно связанным с ним.

Однако, как бы быстро ни росла расточительность капитализма, давление конкуренции вынуждает еще более быстрое увеличение производительной силы труда. Расточительность капиталистического способа производства может способствовать отсрочке конечного результата, к которому ведет хроническое перепроизводство, но она не может предотвратить его. И чем больше она увеличивается, тем более ярко выступает наружу наивность той „социальной гармонии“, которая достигается тем, что приходится бросать богатство на ветер, чтобы потом иметь возможность жестоко эксплоатировать и наводить величайшую экономию.

СОДЕРЖАНИЕ.

Стр.

I. Экономическая система К. Маркса.

Экономическое учение К. Маркса 3
(Karl Marx', oekonomische Lehren, 19. Auflage Diez, 1910.)
„Нищета философии“ и „Капитал“ 205
(„Die Neue Zeit“, IV. Jg., 1886, pp. 7, 49, 117, 157.)

II. О Родбертусе.

„Капитал“ Родбертуса 369
(„Die Neue Zeit“, II. Jg., 1884, pp. 337, 385.)
Ответ 313
(„Die Neue Zeit“, II. Jg., 1884, p. 494.)
Последнее слово 329
(„Die Neue Zeit“, III. Jg., 1885, p. 224.)
Из наследства Родбертуса 341
(„Die Neue Zeit“, IV. Jg., 1886, p. 258.)

III. О Брентано.

Как Брентано уничтожает Маркса 351
(„Die Neue Zeit“, IX. Jg., 1891, B. II, p. 161.)
Брентановский ребус для марксистов 364
(„Die Neue Zeit“, XXIII. Jg., 1905, B. I, p. 714.)

IV. Характеристика капиталистического хозяйства.

Расхищение производительных сил при капиталистическом способе производства 377
(„Die Neue Zeit“, VII. Jg., 1889, p. 25)

ЛЬВІВСЬКА ДЕРЖ. БІБЛІОТЕКА
ім. В. І.
Королен

ИНСТИТУТ К. МАРКСА и Ф. ЭНГЕЛЬСА

К. КАУТСКИЙ

СОЧИНЕНИЯ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ Д. РЯЗАНОВА

ГОТОВЯТСЯ К ПЕЧАТИ:

ТОМ VII

Философия и этика. Шопенгауэр. Классовая борьба и этика. Классовый интерес, общий интерес. Этика и материалистическое понимание истории. Жизнь, наука, этика. Происхождение нравственности. Каннибальская этика.

ТОМ VIII

Материалистическое понимание истории. Материалистический историк. Искусство и культура. Дарвинизм и социализм. Дарвинизм и марксизм. Материалистическое понимание истории и психологический стимул. Что хочет и может дать материалистическое понимание истории. Утопический и материалистический марксизм. Анти-Бернштейн.

ТОМ IX

Исторические работы. Классовые противоречия в 1789 г. Горнорабочие и крестьянская война в Тюрингии. Республика и социал-демократия во Франции. Ирландия. Эльзас-Лотарингия. Сербия и Бельгия. Начало и конец Габсбургов.

ТОМ XI

Национальный вопрос. Современная национальность. Еврейский вопрос. Борьба национальностей в Австрии. Автономия и социал-демократия. Предисловие к „Революции и контр-революция в Германии" Маркса. Национальность и международность. Раса и иудейство. Освобождение наций. Сепаратизм в Австрии. Сепаратизм, национализм и социализм.

ТОМ XIII — XIV

Аграрный вопрос. Агитация среди крестьян. Национализация земли и социализм. Эрфуртская программа и агитация среди крестьян. Наша новейшая аграрная программа. Бреславльский съезд и аграрный вопрос. Бреславльская резолюция и ее критика. Толстой и Брентано. **Социализм и сельское хозяйство.** Аграрный вопрос. Два критика моего „Аграрного вопроса". Социализация сельского хозяйства.